НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мировое развитие. Выпуск 20

*90-летию со дня рождения
Евгения Максимовича Примакова
посвящается*

**Ближний Восток:
взгляд молодых исследователей**

Москва
ИМЭМО РАН
2019

УДК 327(53)(6-17)
ББК 66.4(5)(61)
Бли 69

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Редакционный совет продолжающегося издания «Мировое развитие»:
Ф.Г. Войтоловский, Н.И. Иванова, Ю.Д. Квашнин, И.С. Королев, Н.А. Косолапов,
А.В. Ломанов, Э.Г. Соловьев, Н.В. Тоганова, Е.С. Хесин.

Редакционная коллегия выпуска 20:
И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев

Рецензенты:
доктор экономических наук А.В. Федорченко
кандидат политических наук В.А. Аватков

Бли 69

Ближний Восток: взгляд молодых исследователей (Мировое развитие. Выпуск 20) /
Ред. колл.: И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН,
2019. – 215 с.

ISBN 978-5-9535-0560-4

DOI:10.20542/978-5-9535-0560-4

Текущий выпуск периодического издания «Мировое развитие» представляет собой собрание статей молодых исследователей Ближнего Востока. Это – бакалавры и магистры, аспиранты, молодые специалисты, работающие в ИМЭМО РАН, в других академических институтах и вузах. Выпуск состоит из нескольких разделов, отражающих основные проблемы региона и направления исследований: история, внешняя политика, безопасность, внутренняя политика, этноконфессиональные меньшинства, нефть и развитие. Опубликованные статьи дают возможность ознакомиться с тем, как молодые исследователи видят исторические сюжеты и современные процессы на Ближнем Востоке. Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

**The Middle East through the Eyes of Young Researchers (Global Development, iss. 20) /
Zvyagel'skaya I.D., Rovinskaya T.L., Timofeev P.P., eds. – Moscow, IMEMO, 2019. – 215 p.**

ISBN 978-5-9535-0560-4

DOI:10.20542/978-5-9535-0560-4

The current issue of IMEMO periodical series «Global Development», published in memory of Evgeny Primakov, presents a collection of articles by young researchers of the Middle East. They are bachelors and masters, postgraduate students, young professionals from IMEMO and other academic and research institutes. The issue comprises several sections dedicated to history, foreign policy, security, domestic policy, ethnic and religious minorities, oil and development. The published articles provide an opportunity for a reader to get acquainted with approaches of the young researchers to historical subjects and current developments in the Middle East, and to appraise the quality of their analysis. The authors' point of view does not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0560-4

© ИМЭМО РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Оглавление

Предисловие	4
История далёкая и близкая	6
<i>Л.М. Самарская</i> Определение границ после Первой мировой войны: Лига Наций и Ближний Восток.....	6
<i>А.С. Лапкин</i> Проблемы имплементации идей левого сионизма в подмандатной Палестине.....	13
<i>А.А. Асылгузина</i> Процесс создания Лиги арабских государств.....	25
<i>М.Н. Стецкова</i> Бахрейн под британским протекторатом в первой половине XX века	34
Внешняя политика и безопасность	44
<i>Д.А. Тарасенко</i> Система безопасности на Ближнем Востоке: возможные форматы и направления развития	44
<i>П.П. Тимофеев</i> Борьба за сохранение иранской «ядерной сделки» и позиция Франции.....	57
<i>М.И. Махмудова</i> Российско-палестинские отношения в рамках ближневосточного урегулирования (1991–2018 гг.)	72
<i>А.Н. Вурал</i> Турция и Россия: стратегическое партнёрство?.....	84
<i>М.А. Колесникова</i> Детерминанты турецкой стратегии в Африке	93
<i>В. Friedman</i> The China-Saudi Nexus: Pakistan.....	101
Внутриполитические аспекты	119
<i>Р.В. Сулейманов</i> Религия как фактор трансформации турецкого общественно-политического дискурса в XXI веке.....	119
<i>Л.Л. Басангов</i> Судан в условиях политических изменений и экономического кризиса: есть ли выход?	126
Этноконфессиональные меньшинства	133
<i>М.Ю. Нижник</i> Маронитская община Ливана при президенте Бишаре аль-Хури (1943–1952 гг.).....	133
<i>И.Э. Ибрагимов</i> Курды против властей в Ираке: особенности национального движения в 1960-е годы	144
<i>А.С. Богачёва</i> Проблема белуджей в Исламской Республике Иран: от истории к современности	152
<i>Н.С. Кожемяк</i> Политика Хафеза Асада по отношению к алавитской общине Сирии	169
<i>А.Г. Петросян</i> Деятельность армянских общинных организаций и структур в Сирии	178
Нефть и развитие	190
<i>Н.А. Кузьмин</i> Политэкономическая модель нефтяной отрасли Иракского Курдистана	190
<i>С.С. Мамедов</i> Перспективы перехода ОАЭ к постнефтяной фазе развития	205

Предисловие

Молодые исследователи, занимающиеся вопросами мировой экономики и международных отношений, хорошо знают периодическое издание «Мировое развитие», выходящее с 2005 г. в ИМЭМО РАН. В этом издании традиционно публикуются результаты исследований, которые молодые ученые и аспиранты представляют на конференциях и круглых столах, проводимых под эгидой Совета молодых ученых ИМЭМО. Так было на протяжении предыдущих 19-ти выпусков «Мирового развития», так будет и впредь. Но нынешний, 20-й, выпуск этого продолжающегося издания – особенный. Это не результат научного форума, а тематический выпуск, куда были отобраны работы подающих надежду молодых авторов из ИМЭМО, других научных центров, а также университетов, посвященные Ближнему Востоку.

Ситуация на Ближнем Востоке, оказывающая серьезное влияние на мировую политику, обладает собственной спецификой. Этот регион, богатый энергоресурсами, объединяющий (или разъединяющий) страны, которые находятся на различных уровнях модернизации и отличаются внутренней фрагментированностью, дал примеры многочисленных конфликтов. Их особенность заключается в том, что большинство из них являются конфликтами «ценностей», результатом столкновения различных исторических нарративов и представлений, борьбы за национальные права и этнорелигиозных противоречий.

Интеллектуальное и духовное богатство Ближнего Востока, причудливо сочетается с конфессиональной ограниченностью и национальным эгоизмом, а стремление отдельных государств и негосударственных акторов реализовать свои интересы с полным нежеланием считаться с законными интересами и требованиями других. Традиционная зависимость Ближнего Востока от политики внешних сил, в том числе России, стран Западной Европы, США, серьезно влияет на общую структуру и динамику региональных международных отношений и на перспективу выстраивания системы безопасности. Проблемы социально-экономического развития при наличии или отсутствии природных ресурсов выходят по своей значимости за рамки ближневосточного региона.

Все эти темы широко освещались учеными в России и за рубежом. Входящие в данный выпуск статьи написаны теми, кто только начинает свой путь аналитика и эксперта, ищет собственные подходы к рассмотрению сложной и увлекательной ближневосточной мозаики. Это – бакалавры и магистры, аспиранты, молодые специалисты, работающие в российских академических и исследовательских институтах. Свою статью предложил также молодой сотрудник Тель-Авивского университета.

Идея данной публикации появилась в Центре ближневосточных исследований и Совете молодых ученых ИМЭМО РАН не случайно. Институт всегда искал молодые таланты, привлекал их к сотрудничеству, помогал в научном становлении, и в данном случае составители и издатели сборника лишь продолжают традицию.

Хорошо известно, как трудно молодым авторам ознакомить научную аудиторию со своими исследованиями. Мешает не только высокая конкуренция, но и конъюнктура, когда некоторые темы выглядят слишком узкими или неактуальными. По этой причине бывает крайне сложно заметить и найти тех, кто в начале своего творческого пути проявляет интерес и склонность к научной работе. Так, выпускные квалификационные работы сразу после защиты практически никого больше не интересуют, какой бы высокий уровень анализа и оригинальность подходов ни демонстрировали их авторы.

Выпуск состоит из нескольких разделов, отражающих основные проблемы региона и направления исследований: история, внешняя политика, безопасность, внутренняя политика, этноконфессиональные меньшинства, нефть и развитие. Разумеется, далеко не все вопросы, которые могли бы относиться к данным разделам, нашли в нём своё отражение, и не все статьи выглядят одинаково зрелыми. Неудивительно, поскольку для многих авторов — это первый опыт научной публикации. Тем не менее опубликованные статьи дают возможность сформировать представление о том, что сегодня интересует молодых исследователей на Ближнем Востоке, как они видят современные процессы и исторические сюжеты, насколько серьёзным и продуманным является представленный ими анализ.

Для того, чтобы этот сборник увидел свет, с молодыми авторами работали и помогали им их преподаватели – к.и.н., доцент Л.Р. Хлебникова (МГУ), д. полит. наук, профессор Е.С. Мелкумян (РГГУ), сотрудники ЦБВИ к.и.н. И.А. Свистунова и к. полит. наук Н.А. Сурков, также являющийся преподавателем МГИМО (У). Большую работу проделал председатель Совета молодых ученых ИМЭМО РАН к. полит. наук П.П. Тимофеев. Отдельное спасибо научному редактору к. полит. наук Т.Л. Ровинской.

Публикация выходит в свет к 90-летию выдающегося учёного и политика, известного специалиста по Ближнему Востоку Евгения Максимовича Примакова. Е.М. Примаков сделал очень много для создания отечественной школы ближневосточных исследований. На его научных трудах учатся молодые востоковеды и международники. Авторы и редакторы хотели бы посвятить его светлой памяти этот специальный ближневосточный выпуск издания «Мировое развитие».

Руководитель ЦБВИ ИМЭМО РАН
Ирина Звягельская

История далёкая и близкая

Л.М. Самарская

Определение границ после Первой мировой войны: Лига Наций и Ближний Восток

Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Статья посвящена исследованию генезиса представлений о политических границах, а также создания международной системы регулирования их формирования и установления. Автор анализирует ситуацию, сложившуюся на международной арене после Первой мировой войны и связанную с разделом ближневосточных территорий после краха Османской империи. В статье рассматривается создание Лиги Наций, основы и причины её возникновения, а также роль в послевоенном переустройстве мира и, в частности, на Ближнем Востоке. Затрагивается вопрос формирования представлений о политической географии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Лига Наций, мандатная система, Ближний Восток, Парижская мирная конференция.

В современном мире вопросы разграничения территорий, сфер влияния, а также принципов регулирования международных отношений являются не менее актуальными, чем столетие назад. Именно поэтому необходимо рассматривать понятия и явления, возникшие в связи с очередным переделом мира после Первой мировой войны. Базовые принципы, применяемые в регулировании международных отношений в наши дни, были сформированы в значительной степени по итогам Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., хотя и были несколько трансформированы после Второй мировой войны. При этом понять смысл современных границ государств и территорий можно лишь в рамках теорий политической географии и международных отношений. Они определяют основные принципы и причины проведения, поддержания и изменения границ. Последние крайне важны для государств преимущественно потому, что они обозначают пределы их влияния, причём как на территориальном, так и на политическом уровне. Обладание определёнными территориями и по сей день подразумевает контроль над ресурсами, может создавать удобные условия для защиты от потенциальных атак соседних государств (или, напротив, для нападения), а также имеет большое идеологическое значение [6, с. 21], особенно в контексте острых территориальных диспутов, существующих не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах мира.

Одной из самых острых проблем в наше время является палестино-израильский конфликт, начало которому было положено в значительной степени после Первой мировой войны, во многом в связи с разделом территорий на Ближнем Востоке между Великобританией и Францией, которые должны были стать странами-мандатариями. Определение границ подмандатной Палестины отражало борьбу за влияние, было результатом соперничества держав и, соответственно, воздействия исключительно внешних факторов. Несмотря на то что Палестина

межвоенного периода контролировалась Великобританией, державой-мандатарием, в тексте мандата Лиги Наций она была названа «страной» («country») [11].

Истоки представлений о границах

Представления об определении государственных границ не были неизменными и не всегда существовали в нынешнем виде. Основы настоящей системы начали формироваться ещё в древности, а именно – в античный период (некоторые элементы появились в классической Греции, более чётко эта система определилась в Римской империи). В европейскую традицию римские принципы «территориальности» перешли через католическую церковь, политических теоретиков Ренессанса и применялись уже в раннее Новое время в интересах местных правителей. При этом многие границы империи и её провинций, проведённые римлянами, сохранились в практически неизменном виде в качестве границ государств, возникших после развала Римской империи. Идея суверенности пришла именно из этой традиции [3, сс. 12-14].

Европейские принципы формирования границ появились в результате сочетания универсалистских идеологий и партикуляристского мышления. Суверенность стала базой для всех устойчивых государств. Впервые все принципы, согласно которым границы формируются в наши дни, сочетались во Франции после Великой французской революции конца XVIII в. (хотя некоторые из них применялись и ранее – например, карты с обозначением границ или точное их определение): именно там возникла «демаркированная граница, которая была рубежом для юридической, налоговой, административной, политической и религиозной систем» [3, сс. 18-24]. Несмотря на то что территориально-географические и социальные условия в прочих европейских государствах отличались от французских, принцип соединения государства, нации и территории активно использовался европейскими (а впоследствии и перенявшими его у государств-метрополий азиатскими, африканскими и американскими) националистическими движениями XIX и XX вв. У национальных государств фактически появилось чёткое представление о территориальной идентичности и целостности [3, сс. 24-25].

Создание Лиги Наций

Следующим важным этапом стало формирование относительно стабильной системы регулирования международных отношений (в том числе новых принципов формирования границ) – Лиги Наций – после Первой мировой войны. Подобные попытки были и до этого (неким вариантом такой системы были правила, установленные после Вестфальского мира 1648 г.), однако никогда прежде они не были столь всеобъемлющими. Лига Наций стала первой организацией, призванной поддерживать стабильность во всём мире, а не в отдельно взятом регионе. Основной целью её создания была необходимость предотвращения возможных войн глобального масштаба в будущем [4, сс. 60-64].

Британский юрист начала XX в. Фредерик Поллок в работе «Лига Наций» в том числе характеризует несколько периодов развития европейской политической системы до Первой мировой войны. «Соперничество и конфликты», лишь частично регулировавшиеся принципом баланса сил, были присущи XVIII веку. XIX в. в этом плане был более насыщенным: после Наполеоновских войн в Европе установилась так называемая Венская система международных отношений, основной задачей которой было сохранение существовавших политических режимов, но которая, однако, не смогла предотвратить подъём националистических настроений и в итоге сошла на нет, уступив место различным конференциям наиболее влиятельных европейских государств. Создание альянсов и попытка основания «настоящей

международной юридической системы» на двух мирных конференциях в Гааге стали следующим этапом, результатом которого оказалась Первая мировая война [9, сс. 1-16].

Причин создания Лиги Наций было несколько. В основном, это был вынужденный ход лидеров европейских государств в изменившихся политических условиях: факторами данной трансформации стали Февральская, а затем Октябрьская революция 1917 г. в России и принципы «новой дипломатии», заложенные американским президентом Вудро Вильсоном в «Четырнадцать пунктов». В этих обстоятельствах было необходимо учреждение относительно открытой организации, которая служила бы инструментом урегулирования отношений между странами. Одной из задач Лиги Наций стало определение послевоенных границ государств и регионов – как в Европе, так и в Азии и Африке. В особенности это касалось территории Османской империи, которую Союзники планировали разделить ещё во время Первой мировой войны. Лига Наций позволяла легитимизировать такой раздел и сделать предполагаемые границы этих зон на Ближнем Востоке и в Северной Африке международно признанными.

Лига Наций институционализировала идею о поддержании мира в международных отношениях, о необходимости решения конфликтов дипломатическим путём [12, с. 1], а также о принципе национального самоопределения на международно-политической основе [10, с. 11]. Это была инициатива американского президента В. Вильсона, поддержанная Великобританией и Францией (добровольно или вынужденно – среди исследователей нет единства во мнениях [10, сс. 1-2]). Принцип самоопределения народов, однако, применялся на Ближнем Востоке не так «детально и тщательно, как в Европе». И тем не менее он сыграл немалую роль в том, что территория бывшей Османской империи не была разделена на колонии и зоны прямого контроля ведущих мировых держав того времени [10, с. 16]. В то же время изначально функция Лиги Наций была лишь формальной. Относительное фактическое, а не декларативное влияние она приобрела лишь к середине 1920-х годов. Но система мандатов была введена именно под эгидой Лиги.

Теории политической географии

Парижская мирная конференция закрепила принцип надгосударственного авторитета для международных организаций, а также для международного законодательства. Значительную роль в её работе, а также в функционировании Лиги Наций играла политическая география: многие решения по итогам войны принимались на основании её принципов. Эта наука появилась в конце XIX в. в Германии (её «отцом» считается географ и социолог Фридрих Ратцель), и не случайно: для нового государства, желавшего стать «великой державой», вопросы соотношения территории и государственной власти (в условиях географической затруднительности территориальной экспансии) были крайне актуальны – распространение влияния на новые земли было необходимо обосновывать [6, сс. 4-5].

Одним из основателей политической географии, или геополитики (термин был введён шведским социологом и политологом Рудольфом Челленом), также считается британский географ Хэлфорд Маккиндер, идеи которого в значительной степени повлияли на участников Парижской конференции [6, сс. 5-6]. Выдвинутые им ещё до Первой мировой войны теории подтвердились по её итогам. В ходе Парижской конференции он написал работу «Демократические идеалы и реальность», в которой развил идеи о необходимости контроля над определёнными территориями для управления всем миром и поддержания стабильности в

международных отношениях (впервые представленные им в 1904 г. в статье «Географическая ось истории»), а также соотнёс идеалистические постулаты В. Вильсона с реальностью и подчеркнул, что их воплощение в жизнь невозможно без некоторых практических шагов (например, создания «буферных» государств в Восточной Европе [6, с. 6]), соответствующих его (Маккиндера) теории [7, сс. 3-7].

Ещё одним участником Парижской конференции был американский географ Исайя Боумен. Он также находился у истоков геополитики, однако его взгляды несколько отличались от идей Маккиндера: гораздо бóльшую значимость он придавал социальным и экономическим, а не стратегическим вопросам (он, помимо прочего, считал распределение территорий, статус мандатов и колоний, а также спорные границы одним из важных факторов потенциальной дестабилизации нового миропорядка). Его работа «Новый мир» положила начало функциональному подходу в политической географии [6, с. 7].

Политическая география – это изучение того, «как создаются и разрушаются барьеры между людьми и их политическими сообществами» [2, с. 2]. Особенную актуальность имеет такой аспект политической географии, как определение границ государств и территорий, его основные принципы и закономерности. Представления о принципах определения границ были неодинаковыми в разных культурных традициях: восточные (например, китайские или исламские) были не всегда совместимы с европейскими. Однако уже к началу XX в. западные принципы оказались доминирующими в международном пространстве [3, сс. 8-9]. Государственным границам всегда придавалось особое значение в международных отношениях, поскольку именно они определяют позиции стран по отношению друг к другу, баланс сил между ними, хотя и не всегда обеспечивая их реальную суверенность. До определённого момента предполагалось, что границы могут и должны создаваться естественным путём. Но в начале XX в. представление об этом изменилось: право народов на самоопределение и политическое формирование границ было поставлено выше традиционных представлений о государственной власти [10, с. 11].

Представление о суверенности

Представление о суверенности со временем менялось. По сути, самостоятельность страны в принятии решений существует лишь при условии её признания народом и другими странами. Уже в начале XX в. вопрос о суверенности отдельного государства оказался выведен на международный уровень: с момента создания Лиги Наций политика государства, сам факт и форма его существования не всегда зависели только от него [5, с. 300]. В тот же период встал вопрос не только о суверенитете определённой страны, но и о самостоятельности отдельного народа. Таким образом, возникла проблема соотношения нации с государством.

После Первой мировой войны представление о суверенности национального государства было двояким: с одной стороны, «неприкосновенное право на территорию», с другой, «право каждого народа на самоопределение, если он того пожелает» [10, с. 7].

Проблема с проведением границ в азиатской части бывшей Османской империи заключалась в том, что интересы местных народов и стремление некоторых из них создать собственное государство на определённой территории не совпадали с планами Великих держав, в частности, Великобритании и Франции, «поделивших» Ближний Восток между собой ещё во время войны при помощи соглашения Сайкса–Пико и не планировавших отказываться от своих притязаний. В их руках были возможности сохранить за собой эти территории: в Лиге Наций они играли ключевую роль. Однако позиция Соединённых Штатов делала это

проблематичным. Решением стало установление системы мандатов, определявшей статус территорий, на которые она распространялась, как промежуточный между колонией и независимым государством: с одной стороны, они управлялись внешней силой (Великобританией или Францией, других стран-мандатариев не было), но, с другой, целью этого внешнего управления была подготовка к получению ими независимости. Контроль за реализацией этих задач возлагался на Лигу Наций [11].

Мандатная система на Ближнем Востоке

Основной особенностью формирования границ подмандатных территорий на Ближнем Востоке под эгидой Лиги Наций было формальное соблюдение требований о самоопределении народов этих территорий, а также следование их интересам. Именно таким образом Великобритании удалось «выторговать» относительно жизнеспособные границы образования, которое получило название «Палестина» [1, сс. 447-448]. Обсуждение границ велось британцами и французами лишь с условным учётом мнения как коренного (арабского), так и «нового местного» населения (сионистов), поскольку они были преимущественно заинтересованы в создании значительных по площади и по качеству зон своего влияния.

К примеру, при включении Мосула в зону британского контроля и создании отдельного квазигосударства на территории Ирака учитывались исключительно экономические и геополитические, но не социальные и этнические факторы. Великобритания была заинтересована в иракской нефти и стратегическом положении Месопотамии, однако совершенно не учитывала разнородность местного населения – что позднее привело к серьёзным внутренним противоречиям этого искусственно созданного государства [8, сс. 397-398].

Для Великобритании удобной возможностью обосновать свои права на Палестину в новых условиях стала декларация Бальфура. В этом смысле она сыграла на руку как сионистам, так и британским политикам, став благовидным предлогом для включения Святой Земли в зону английского мандата. В условиях «новой дипломатии» декларация оказалась единственным относительно официальным документом, который подтверждал планы Великобритании по распространению своего влияния на Ближнем Востоке с благородной целью реализации права еврейского народа на самоопределение. Степень влиятельности декларации Бальфура подтверждает её включение в текст мандата на Палестину [11].

В целом же ни проведённые границы британского и французского мандата под эгидой Лиги Наций, ни сам факт раздела ближневосточных территорий на несколько полугосударственных образований не отражали реальных интересов местного населения. Формально некоторые его запросы были выполнены: подмандатные территории через неопределённое время должны были стать независимыми, к чему и стремились арабские националисты, однако не было создано единое арабское государство, как того хотели шериф Мекки Хусейн с сыновьями. Фейсал получил королевский трон в Ираке, а Абдалла – в поспешно созданной Трансиордании. Сионисты же получили свой «национальный очаг» в Палестине, а затем после вооружённой борьбы против английского присутствия провозгласили собственное государство, но далеко не в тех границах, на которые рассчитывали [1, сс. 439-440]. Тем не менее важным шагом вперёд было введение необходимости легитимизации разграничения территорий и изменение формы колониального управления: вместо традиционного присоединения земель и активного использования их ресурсов видимость уважения к интересам местного населения и планы по предоставлению им независимости. Этап создания и начала деятельности Лиги Наций оказался крайне значим для дальнейшего развития международной системы в XX в.

Итак, принципы определения границ, близкие к современным, относительно сформировались к началу XX в. Именно тогда наиболее существенным основанием для их создания стали принятые несколькими государствами (ведущими державами того периода) принципы международного права. Если в течение длительного времени для формирования государственных границ было достаточно соглашения между двумя государствами, между которыми произошёл конфликт, требовавший территориальных изменений, то после Первой мировой войны этого было уже недостаточно. Ведущими государствами той эпохи была создана международная организация, Лига Наций, в которую вошли многие страны мира. В этот период начала формироваться политическая география, целью которой было научное обоснование существовавшего миропорядка, и которая оказала определённое влияние на итоги Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В целом, решения, которые принимались относительно будущего новообразованных или предполагаемых государств, вышли на новый уровень: они больше не могли приниматься ни внутри них, ни на закрытых переговорах ведущих держав, в частности, Великобритании и Франции (по крайней мере, официально). Вопрос о границах, таким образом, формально оказывался предметом рассмотрения международного сообщества в лице Лиги Наций. Принцип многосторонности остаётся очень важным в современных международных отношениях, хотя и подвергается вызовам. Однако деятельность Лиги Наций, легитимизировавшей право победителей на раздел территорий и колониальное управление ими, обернулась для Ближнего Востока рядом затяжных конфликтов, этнополитическими и пограничными проблемами, не решёнными до сих пор.

Список литературы:

1. Глава 9. Делимитация границ: постосманское наследие. // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г.Барановский, В.В.Наумкин. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2018. Сс. 398-449.
2. A Companion to Political Geography. Edited by J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. Malden: Blackwell Publishing Ltd. 2003. 512 p.
3. Anderson M. Frontiers: territory and state formation in the modern world. Cambridge: Polity Press. 1996. 272 p.
4. Howard-Ellis C. The origin, structure and working of the League of Nations. Clark (New Jersey): The Lawbook Exchange Ltd. 2004 (reprint of Boston: Houghton Mifflin Company, 1929). 528 p.
5. Hurd I. Chapter 17: Constructivism. // The Oxford Handbook of International Relations. Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2008. Pp. 298-316.
6. Jones M., Jones R., Woods M. An introduction to Political Geography: space, place and politics. London: Routledge. 2004. 208 p.
7. Mackinder H.J. Democratic ideals and reality: a study in the politics of Reconstruction. New York: Henry Holt and Company. 1919. 266 p.
8. Pollock F. The League of Nations. Clark (New Jersey): The Lawbook Exchange Ltd. 2003 (reprint of London: Stevens and Sons, 1920). 251 p.
9. Rogan E.L. Frontiers of the state in the Late Ottoman Empire: Transjordan, 1850–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 292 p.
10. State frontiers: borders and boundaries in the Middle East. Ed. by I. Brandell. London: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2006. 288 p.
11. The Palestine Mandate of the League of Nations (July 24, 1922). [Электронный ресурс] URL: <http://www.mideastweb.org/mandate.htm> (accessed: 27.03.2019)

12. Yearwood P.J. P.J. Guarantee of peace: The League of Nations in British policy, 1914–1925. Oxford: Oxford University Press. 2009. 410 p.

Об авторе:

Людмила Максимовна Самарская – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; аспирантка ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.
E-mail: saluma@bk.ru

The Definition of Boundaries after The First World War: The League of Nations and The Middle East

L.M. Samarskaia

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS

Abstract: *The article is dedicated to the concept of political boundaries and its practical implementation. The author examines the international situation after the World War I which resulted inter alia in partition of the Middle East territories after the fall of the Ottoman Empire. The article also deals with the formation of the League of Nations, the reasons behind its coming into being, its role in the post-war world order. It also touches upon the political geography with its basic concepts of boundaries, their international definition and regulation.*

Key words: *World War I, League of Nations, mandate system, Middle East, Paris Peace Conference.*

About the author:

Liudmila M. Samarskaia – Junior Researcher at IMEMO RAS. Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya ulitsa, 23; Postgraduate Student at the IAAS, Lomonosov MSU. Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya street, 11, build. 1.
E-mail: saluma@bk.ru

Проблемы имплементации идей левого сионизма в подмандатной Палестине

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

В статье анализируется история имплементации левыми сионистами своих доктрин в реалиях подмандатной Палестины. Автор стремился выявить основные концептуальные подходы сионистов к вопросу о необходимости строгого следования идеологии. Уже на уровне теории совмещение интернационалистской левой идеи и националистического сионизма несло в себе множество компромиссных решений. Подмандатная Палестина стала своеобразным «полигоном» для апробации разных форм скрещивания и симбиоза левых и националистических практик, позволив экспериментировать равно с их идеологическими и методологическими установками. Речь идёт не только о степени идейного пуризма, который пропагандировали идеологи отдельных движений, но и о принципиально отличных концептуальных подходах к социалистической и националистской теориям. Именно выбор стратегии сыграл в итоге решающую роль в определении лидеров всего Ишува. Часть партий пошла по пути строгого, почти доктринёрского следования идеологии как буквальному руководству к действию. Но их жёсткий подход лишь усугубил внутренние противоречия системы. Результатом стало полное реформирование идеологии движения, вплоть до антисионизма, и как следствие – разрыв с Ишувом и блокирование с его противниками. Другие партии использовали теоретические принципы в сугубо инструментальном ключе, относясь к идеологии как к одному из важнейших методов политической борьбы. Единственной абсолютной ценностью для них осталось строительство еврейского государства в Палестине. Этим были обусловлены централистский курс подобных движений, а также их принципиально более широкая электоральная база. В статье предпринята попытка доказать, что идеологическая борьба оказала фундаментальное влияние на распределение ролей на политической сцене палестинского Ишува и будущего государства Израиль.

Ключевые слова: сионизм, социализм, идеология, Поалей Цион, Ха-поэль ха-Цаир, МАПАЙ, левые сионисты, подмандатная Палестина.

Цель данной работы – рассмотрение сионистских политических течений левого толка в подмандатной Палестине, оказавшихся наиболее востребованными в Ишув (еврейской общине), а также анализ их подходов к использованию идеологии в ходе решения тактических и стратегических задач. Главным является вопрос о том, какие именно трактовки социализма его идейными приверженцами стали наиболее успешными и жизнеспособными. Иными словами, завоевавший успех за счёт утопических революционных идей социализм оказался наиболее успешно использован теми политическими группами, которые сумели в нужные моменты пренебречь строгостью доктрины в пользу решения стратегической задачи создания еврейского государства.

Можно выделить несколько распространенных оценок сущности политической борьбы. Многие авторы [1; 9; 13; 20] рассматривают политическую борьбу как проекцию борьбы идеологической. Проблемой такого подхода является представление об участниках политической борьбы как о людях априорно идейных,

ставящих ценность доктрины в превосходную степень. Бесспорно, многие левые сионисты были такими, но, как показывает данное исследование, реальными двигателями процесса государственного строительства в Палестине оказались совсем иные политики.

Другие исследователи [4; 17] фокусируются на рассмотрении конкретных политических движений, что неизбежно ведёт к излишней описательности. Выводом работ дескриптивного типа становится заключение о том, что описанная модель оказалась выгодной или, напротив, нежизнеспособной. Но фундаментальный вопрос «почему данное движение выбрало такую модель воплощения собственных идеалов в жизнь?» остаётся открытым.

Общие положения социалистического сионизма

Чтобы понять, как левый сионизм достиг существенной поддержки в Ишуве, необходимо дать краткое описание его основных постулатов. Идеологический фундамент движение обрело в конце XIX в. преимущественно в среде западноевропейских еврейских интеллектуалов. На этом же этапе сформировались и основные направления левого сионизма. Споры между представителями различных течений велись на тот момент исключительно на идейном уровне, что не нарушало общую гомогенность движения. Фактически уже в этот период наметились общие черты левого движения, определившие особенности его дальнейшего развития, популярности, а также характер борьбы с противниками.

Политический сионизм развивался в контексте европейского национализма и не мог не отразить характерные для него поиски идентичности и идеологические искания. Антисемитизм в этом контексте был важным, но не единственным драйвером поисков собственного «я» в меняющемся мире. Эмансипация XIX в. существенно трансформировала еврейское сознание, переключив его с общинного на индивидуальное. Активная часть еврейства была настроена на создание с нуля нового государства и нового общества. Революционность постулируемой сионистами идеи государственности закономерно подтолкнула их приверженцев в сторону левого политического спектра.

Само понятие «революционность» стало ключевым для левого сионизма, поскольку в нём национальные интересы сходились с политическими. Уникальность ситуации, в которой оказались сионисты, собираясь создать новое государство, а не реформировать уже существующее, подобно европейским левым, подталкивала их к идее о возможности создания принципиально нового общества. В дальнейшем, с развитием сионистского движения, революция получила новые символические смыслы. Сионизм стал определяться как революция против угнетения, а социализм оказывался фундаментом для её осуществления. Давид Бен-Гурион подчеркивал органическое единство сионизма и социализма, говоря о том, что определяющей является не сфера их применения, но цель, которой они служат: *«Термины “сионизм” и “социализм” – это не что иное, как различные выражения и проявления одного дела и единого предвидения...»* [цит. по 1, с. 441]. В целом следует отметить важную роль, которую сыграли концепции «революции» и «переустройства мира» для широкого распространения левых идей среди сионистов.

Появление в Палестине нового государства и новой общественной формации предполагало и создание новой еврейской нации. Формируя новую еврейскую идентичность, сионистские идеологи шли по пути противопоставления. Ему подвергались собирательные образы галутного¹ еврея, привязанного к общине и

¹ Галут (от ивр. «גלות» – изгнание, ссылка) – пребывание большей части еврейского народа вне Эрец-Исраэль в период от разрушения Второго храма до создания Государства Израиль, традиционно

местечку, и «еврея нового типа», готового к алии с её суровыми условиями. Аарон Давид Гордон, идеолог движения «Ха-Поэль ха-Цаир», пропагандировал идею о том, что процесс, которому суждено произойти в Палестине – это именно строительство с нуля новой еврейской нации, а не создание колонии галутного центра [1, с. 342].

Одним из наиболее влиятельных учений об улучшении нации и общества была на рубеже веков евгеника. Она не оказала существенного влияния на подходы сионистских идеологов к национальной проблеме. Пожалуй, единственным серьёзным исключением был ведущий теоретик раннего сионизма Макс Нордау, который, описывая и сравнивая современное ему общество традиционной восточноевропейской общины и будущее общество «новых евреев», обращался к евгеническому подходу применительно к реновации нации [18, с. 571]. В большинстве же своём сионисты отвергли расовые концепции, используя вместо этого подходы, подчеркивавшие влияние внешних факторов, истории, окружающей среды и культуры [13, с. 595].

Главный упор политическими сионистами делался на новое поколение. Порой эти идеи были представлены в графической пропаганде. Типичным примером может служить опубликованный в 1912 г. в журнале «Ulka» рисунок «Отец и сын» Эфраима Моше Лилиена, изображающий идущих в разные стороны еврейских «отцов» – поколение религиозных людей, несущих свитки Торы, – и «сыновей», одетых в британскую военную форму.

На рубеже веков образ «простого рабочего человека» начал превалировать над образом «идеально развитого физически бойца» как в визуальной, так и в вербальной пропаганде. Благодаря этому к 1920–1930-м годам в палестинском Ишуве сложилась ситуация, при которой именно социализм виделся лучшим воплощением идеи создания «нового человека» [4, сс. 145–146].

Помимо духовного и физического возрождения еврейского народа тяжелая работа на земле олицетворяла в рамках сионистской идеологии попытку насаждения новых форм социальных отношений, в первую очередь, коллективизма (киббуцы). Появилось представление, о том, что работа на земле и вообще тяжёлый физический труд могут запустить не только процесс «перерождения» нации, но и стать основой для становления пролетариата. В определённом смысле именно здесь можно зафиксировать апроприацию левыми базовых националистических идей. С самого начала социалистический сионизм характеризовало глубокое и непримиримое противоречие между его интернациональной сущностью и этнонациональным наполнением – противоречие, оказавшееся непреодолимым.

Реальность Палестины начала XX в. плохо соотносилась с теоретическими представлениями левых сионистов. Прибыв в Эрец-Исраэль, они столкнулись с целым рядом факторов, затруднявших незамедлительную реализацию их проектов, что поставило представителей всех политических движений перед необходимостью приспособлять теорию к обстоятельствам реального существования.

Левый сионизм в палестинской реальности

Наиболее влиятельные левые партии придерживались идеи превалирования стратегической цели построения еврейского государства над догматической приверженностью социалистической теории [1, с. 452]. Тем не менее, ряд партий всё же выбрали путь полного неприятия национализма в любой форме, пойдя на блокирование с Коммунистическим интернационалом, что привело их в итоге к антиссионистской позиции.

ассоциируемое с вынужденным состоянием отверженности, обездоленности [см. подробнее: 5, сс. 28–32].

В Палестине существовали две основные партии левых сионистов: «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»), призывавшая к классовой борьбе и имевшая два крыла – социал-демократическое и марксистское, и «Ха-поэль Ха-цаир» («Молодой рабочий»), отвергавшая классовую борьбу как вредную для национального дела. В 1919 г. правое крыло «Поалей Цион» под руководством Давида Бен-Гуриона инициировало начало процесса объединения всех левых сионистских сил. Результатом такого объединения стала партия «Ахдут ха-Авода». Она сумела быстро завоевать доверие избирателей, получить внушительное количество голосов на выборах 1920 г. в Собрание депутатов и далее продолжила курс на присвоение всё большего количества функций политической власти в Ишуве. Началось размежевание функций двух политических сил: ВСО стала концентрироваться на вопросах организации деятельности сионистов диаспоры, тогда как «Ахдут ха-Авода», а затем «Гистадрут»² и «МАПАЙ»³ стали представлять интересы Ишува [4, с. 147].

Другим последствием создания новой партии был выход из состава «Поалей Цион» ряда её членов, несогласных с предлагаемым им правоцентристским курсом. Основатели Палестинской коммунистической партии действовали в духе марксистского пуризма, рассчитывая на плотный контакт с просоветскими структурами, в первую очередь, с Коминтерном. Лидером новой партии стал Яков Меирзон, не занимавший ранее высоких постов, партийный функционер с крайне посредственными лидерскими качествами. Меирзон делал ставку на аналогию с революцией в России, уподобляя принципиальность и нонконформизм Палестинской коммунистической партии (ПКП) действиям большевиков в 1917 г. Неизбежным следствием этого стала постоянная борьба за идейную чистоту [4, с. 151].

В свою очередь «Ха-поэль Ха-цаир» была идеологическим противовесом «Поалей Цион», поскольку её идеологи делали особый акцент на занятии физическим трудом на земле. В инструкциях по статистическому обследованию рабочих движения присутствовали формулировки, значительно сужающие его потенциальную численность: *«Мы должны быть заинтересованы только в новых рабочих, которые поддерживают себя только своим трудом и не получают никаких внешних субсидий, то есть тех молодых рабочих, которые прибыли в Эрец-Исраэль за последние три года»* [1, с. 335]. Несмотря на формальное разрешение заниматься любой формой полезного сионистскому делу труда, реальная деятельность организации концентрировалась в сельской сфере [16, с. 4]. Лидеры, руководившие городскими отделениями, вскоре были оттеснены на периферию.

Идеологом «Ха-поэль Ха-цаир» был А.Д. Гордон, не являвшийся убежденным социалистом в традиционном представлении. Для него существенен был сам факт возвращения к физическому труду на палестинской земле как реальной альтернативе жизни в диаспоре. Социализм же был им выбран по признаку близости вышеназванным целям. Отношение к нему строилось, соответственно, как к некой удобной форме привлечения новых членов [1, с. 336].

² Основанный в 1920 г., «Гистадрут» (от ивр. «השדרת העבודה הכללית החדשה» – Новая всеобщая федерация трудящихся) был ведущей профсоюзной организацией трудового сионистского движения и одним из наиболее влиятельных учреждений в Эрец-Исраэль [см. подробнее: 1, сс. 430-459; 16; 19].

³ «МАПАЙ» (аббревиатура от ивр. «מפלגת העבודה» – Рабочая партия Эрец-Исраэль) – политическая партия, основанная в 1930 г. еврейскими социал-демократами в Палестине. Руководимая Д. Бен-Гурионом и Б. Кацнельсоном, партия быстро завоевала статус ведущей политической силы Ишува и оставалась таковой вплоть до первых десятилетий израильской государственности [см. подробнее: 4; 19].

Кадровым резервом партии служили молодежные сионистские организации. Наиболее крупная из них, «Ха-шомер Ха-цаир» («Молодой страж»), в первые годы своего существования не только не имела яркой политической окраски, но даже не ассоциировала себя исключительно с сионизмом [17, с. 36]. Убеждения её лидеров представляли сложную смесь утопического социализма, гуманизма и пацифизма, направленных на отвержение обывательской материальной культуры, которая ассоциировалась одновременно с европейскими антисемитами и еврейской диаспорой. Таким образом, путь организации к левым идеям лежал, скорее, через самоопределение «от противного» [17, с. 38]. Движение было открыто любым политическим влияниям и было всецело предано лишь цели создания нового еврейского общества в Палестине.

Проблема отсутствия в Палестине сильного рабочего класса встала перед левыми сионистами крайне остро уже в середине 1910-х годов [19, с. 71]. Теория «перевернутой пирамиды» Бера Борохова⁴ оказалась верна и для еврейского Ишува: традиционно рабочие и крестьяне составляют фундамент общества, тогда как мелкие буржуа и капиталисты располагаются на вершине «социальной пирамиды». В еврейском же обществе эта классовая пирамида как бы перевернута. Теория Борохова послужила базой для большинства сионистских идеологов при формировании их позиции касательно пролетариата в Палестине [16, с. 4].

Наиболее продуктивной оказалась стратегия, предложенная Давидом Бен-Гурионом. Чисто инструментальный подход к идеологии позволял ему полностью сосредоточиться на создании государства и институтов, не тратя время на излишний догматизм [1, с. 431]. Рассуждая в 1950-е годы о деятельности сионистских организаций в подмандатной Палестине, Бен-Гурион метафорически сравнил сионизм со строительными лесами, подлежащими демонтажу после сооружения здания. В социализме же он видел, в первую очередь, наиболее органичную для любого еврея идеологию [1, с. 433].

Проблему пролетариата Бен-Гурион решал, исходя из всё той же невозможности откладывать далее строительство государства. По его мнению, поскольку физический труд представляет собой форму возрождения всего еврейского народа, классовая и социальная революция в Палестине сливаются [1, с. 438]. Следовательно, любая форма деятельности, направленная на благо сионистского движения, является идейно верной.

Курс, взятый «Поалей Цион» и впоследствии «Ахдут ха-Авода» на консолидацию всех левых сил, привел к быстрому росту влияния партии на весь Ишув. В конце 1920 г. по инициативе «Поалей Цион» был созван Первый съезд еврейских профсоюзов Палестины. По его итогам был создан «Гистадрут». Помимо защиты прав трудящихся, последний начал активно действовать и в политическом поле, быстро превратившись в ведущий квазигосударственный институт. Его появление нанесло серьёзный удар по позициям ревизионистов⁵. Это было особенно важно, поскольку рост погромных настроений в среде арабо-палестинского

⁴ Дов Бер Борохов (1881–1917) был одним из ведущих идеологов социалистического сионизма во времена его зарождения. Идеологические искания Борохова легли в основу движения «Поалей Цион», а также оказали видимое влияние на развитие всего левого сионизма [см. подробнее: 1, сс. 314–331; 9, сс. 425–465].

⁵ Ревизионизм представлял собой течение политического сионизма, члены которого планировали осуществить пересмотр (ревизию) базовых установок ВСО и переход к активному освоению Палестины как с бытовой, так и с политической точки зрения. Идеологом движения выступал Владимир (Зеев) Жаботинский. С усилением левого движения в Палестине на рубеже 1920–1930-х годов ревизионисты сделали противостояние рабочему крылу сионизма своей главной задачей. Зародившись в виде классического либерального движения, ревизионизм к 1930-м годам перешел на позиции радикального национализма [см. подробнее: 7, сс. 1023–1032].

национального движения привёл к тому, что уже на рубеже 1920-х годов в рядах зарождающегося еврейского пролетариата отчётливо стали проявляться правые настроения, выливавшиеся в активное сотрудничество с националистической буржуазией [4, с. 152]. Создание «Гистадрута» стало сильным ударом по этой тенденции.

Одним из лидеров организации был Берл Кацнельсон, автор революционного конструктивизма – сугубо прикладной идеологии, противостоящей идее классовой борьбы. Наполняя её традиционными мистическими и мессианскими мотивами, Кацнельсон стремился заменить универалистскую ориентацию еврейских социалистов на строго палестинскую [9, с. 559]. Прикладной характер разработанной им идеологии имел своей целью немедленное применение теории на практике, в контролируемых им и его сторонниками «Гистадруте», а позднее и партии «МАПАЙ».

Другая идеологическая трудность заключалась в том, что все левые сионистские движения так или иначе получали финансовую помощь из-за рубежа. Их спонсорами выступали либо ВСО, либо частные предприниматели Европы и США, исходившие из соображений поддержки Ишува в целом. По понятным причинам они воспринимались социалистами как представители капиталистических кругов. Вопрос о том, можно ли брать деньги у классовых и идейных врагов, решался Кацнельсоном и Бен-Гурионом в духе прагматизма: левые сионисты были готовы принимать субсидии при условии, что это не накладывало на них конкретных обязательств. Рост политического влияния спонсора был единственным поводом для опасений, в остальном же принималась любая помощь, полезная для осуществления сионистского проекта. Так, британские лейбористы стали партнерами партии «Ахдут ха-Авода», стенограммы заседаний которой, переведённые на английский язык, отсылались в Лондон. Подобные документы имели очевидный адресный посыл: они были призваны повысить легитимность партии и «Гистадрута» в качестве центральных органов управления жизнью всего Ишува [8].

Ожесточённой критике подвергали эти действия коммунисты из ПКП. В основном подобная риторика предназначалась «на экспорт» и использовалась как объект торга при переговорах с большевиками, помогая явно отделить партию от прочих левых сионистов [4, с. 148]. Помимо критики союза сионистов с палестинской и западной буржуазией, обструкции подвергался антиарабский характер сионистского движения [4, с. 170]. Сами представители партии выступали за сближение с арабскими рабочими [12, с. 165].

Отношения левых сионистов с арабами

Отношения с арабским населением Палестины на уровне идеологии были своего рода индикатором приверженности идеям интернационализма. Практически же левые сионисты были вынуждены жёстко позиционировать себя по отношению к арабам, контролировавшим на рубеже веков всю площадь обрабатываемых земель. Арабская рабочая сила значительно выигрывала у еврейской и в качестве, и в цене. Вместе с тем в своём политическом развитии арабские рабочие и феллахи напоминали сионистам худшие образцы консервативной галутной общины [16, с. 3]. Даже интернационалисты из Палестинской коммунистической партии, осуждавшие колонизаторский характер сионизма, не очень охотно принимали арабов в свои ряды.

В протоколе заседания «Ахдут ха-Авода» от 1924 г. говорилось об открытости партии к сотрудничеству с арабскими коллегами. Условием, позволяющим это сотрудничество осуществить, оказалась реформа аграрного законодательства,

повышение требований и стандартов ухода за участком [8, с. 6]. Принятие этих мер было бы по феллахам, чьи материальные возможности значительно уступали сионистским.

Проблему политической аморфности арабского пролетариата предлагалось решить за счёт увеличения еврейской иммиграции. Аргументировалось это тем, что «несомненное влияние и помощь, которые еврейские рабочие будут оказывать арабским, направит их от деградации в сторону подготовки к классовой борьбе». При этом, говоря о национальной автономии, социалисты прибегали к идее создания «чисто еврейских поселений, колоний, общин» [8, с. 7].

Ещё с начала 1920-х годов «Гистадрут» активно сотрудничал с крупной арабской буржуазией и представителями клановых элит, выкупая у них земли для обработки. Зачастую условием подобных сделок являлось то, что сионисты брали на себя ответственность за выселение живущих на приобретаемой территории феллахов. В 1930-е годы «Гистадрут» вёл активную кампанию по насильственному выселению арабских рабочих с еврейских строительных объектов и предприятий в городах. Обоснованием этому служило следующее: сионисты якобы обеспечили арабов всеми необходимыми знаниями и навыками для того, чтобы те могли перейти к полному самообеспечению, а это привело бы ко всё «более и более прекрасным результатам деятельности арабских рабочих» [15, сс. 342-343]. Следствием такого подхода были не только стычки с арабами, но и вполне последовательная критика, которой сионистов подвергали деятели ПКП [4, с. 204].

Арабский вопрос играл ключевую роль в политике палестинских коммунистов. Именно поддержка интернационального курса и осуждение сионизма стали теми условиями, которые позволили партии начать переговоры о вступлении в Коминтерн. Большевики видели в арабском национальном движении главных союзников, поскольку успешная революция арабов Палестины могла быть экспортирована на весь ближневосточный регион. При этом полное отсутствие у арабских феллахов классового сознания, не говоря о приверженности социалистической доктрине (аграрный элемент был крайне консервативен), не смущало руководство Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) [4, с. 160]. Роль палестинских коммунистов в этой связи была чисто вспомогательной.

Лидеры Палестинской коммунистической партии создали в рамках партии две национальные секции и всем составом вошли в еврейскую секцию в 1921 г. При этом, первый араб появился в партии лишь в 1925 г. [4, с. 173]. Одновременно с этим коммунисты пытались сохранить контакты с центральным бюро «Поалей Цион» с целью решения «национально-пролетарских задач» [4, с. 174]. Рост идеологического двоемыслия привел к тому, что партия была вынуждена вести разную, противоречащую одна другой, агитацию для представителей двух народов [4, с. 175]. Необходимость аккумуляирования новых кадров не позволяла коммунистам полностью отречься от национализма.

Пионеры не только второй и третьей, но и первой алии покидали страны Европы по причинам, так или иначе связанным с национальным вопросом. Евреи же, приверженные исключительно левой идее, чаще выбирали путь встраивания в международное левое движение и частичный отказ от национальной идентичности. ПКП приходилось вести агитацию среди людей, приехавших в Палестину именно по причинам националистического характера. Тем временем Коминтерн продолжал критиковать палестинских коммунистов за слабую связь с арабскими массами.

Пытаясь оседлать волну арабского революционного национализма, Палестинская коммунистическая партия была вынуждена прибегать ко всё более антисионистской риторике. Это требовало от лидеров партии серьёзного этического

компромисса – серия арабских выступлений 1929 г. носила не антиссионистский или антиимпериалистический, а антиеврейский характер [14]. В ПКП продолжали оправдывать действия арабов, утверждая, что восстание угнетённых народов против империализма всегда сопровождается атаками на национальные меньшинства, сотрудничающие с колониальным режимом [16, с. 8]. Вместе с этим росло недовольство внутри самой еврейской секции. Хайфская ячейка ПКП, несмотря на генеральную линию партии, начала под воздействием погромов высказывать националистические антиарабские лозунги [4, с. 220].

Ситуация рубежа 1920–1930-х годов привела к структурному кризису коммунистического движения Палестины. Партия окончательно стала креатурой ИККИ, требуя изгнания англичан и создания независимой арабской Палестины, в которой евреи пользовались бы правами национального меньшинства [11, с. 91].

Всё это не позволило коммунистам стать реальной силой в Палестине. В то время как сионисты-социалисты использовали взаимоотношения с арабами в качестве тактического инструмента, ПКП сделала ставку на идейный интернационализм, позабыв об исходных мотивах еврейской иммиграции.

Отношения левых сионистов с социалистическими организациями Европы и с Советским Союзом

В период 1910–1940-х годов все левые силы пытались заключить союз с международными социалистическими организациями или стать их членами. Главными целями подобных соглашений были получение финансовой помощи и легитимация как представителей левого движения. Ещё в 1907–1911 гг. «Поалей Цион», бывшая тогда единственной левой сионистской партией, предприняла попытку вступления во Второй интернационал. Основным препятствием на этом пути был всё тот же этнонациональный принцип формирования партии. К концу Первой мировой войны социалистическое движение, возникшее из раскола с коммунистами, признало право этнических групп на национальную идентичность и на самоопределение [15, с. 333]. Первыми в поддержку сионистов выступили британские лейбористы, а в октябре 1917 г. голландско-скандинавский комитет, созданный по инициативе социалистических партий нейтральных стран, высказался за «содействие еврейской колонизации в Палестине на юридическом и политическом уровнях» [15, с. 332]. Значимую роль сыграла поддержка «Поалей Цион» Социалистическим рабочим интернационалом, сформированным в 1923 г.

Главным противником сотрудничества с сионистами был видный деятель немецкого социализма Карл Каутский, критиковавший «Поалей Цион» за идеологические уступки, на которые те шли, сотрудничая с капиталистическими властями Великобритании. Предательство доктрины ради некой абстрактной цели строительства государства было для Каутского неприемлемо [15, с. 335]. Кризис левого движения в послевоенной Германии снизил влияние Каутского в общеевропейском контексте. В комплексе это способствовало укреплению образа левых сионистов как легитимных представителей всего Ишува [15, с. 345].

Отношения левых сионистов с молодой советской властью были крайне сложными. Прозападно настроенные поалей-ционисты были привержены антисоветскому курсу, не признавая большевистский марксизм [16, с. 5]. «Ха-поэль Ха-цаир» в значительной степени дистанцировалась от данной проблемы. Открытую поддержку советскому правительству оказывали лишь представители Палестинской коммунистической партии.

В 1920 г. на заседании ИККИ в Москве лидер ПКП Я. Меирзон заявил, что главной миссией партии является подготовка почвы для всеобщей победы пролетариата в Палестине, создание единого профсоюза трудящихся и борьба с

мировым империализмом. Меирзон старался стилистически приблизиться к риторике большевиков. Он осознанно переводил дискуссию в идейное поле, поскольку на поле политическом ПКП предъявить было нечего.

Особое внимание, уделяемое верности членов партии марксистской идеологии, привело к тому, что в 1922 г. очередной партийный съезд завершился выходом из её состава части, настроенной ещё более доктринёрски, желающей немедленного вступления в Коминтерн и начала реальной работы с арабами. Вскоре из состава ПКП вышла ещё одна фракция, а оставшееся ядро трансформировалось в «Поалей Цион ха-Смол» («Левые рабочие Сиона») во главе с Меирзоном. Идеологически три новые партии были практически идентичны: каждая из них заявляла о наибольшей приверженности идеалам марксизма и решительно осуждала империалистический сговор сионистов с англичанами [4, сс. 178-180].

В ПКП признавали, что разрыв с сионистами ведёт лишь к усугублению изоляции партии. Осторожно выбирая сферы сотрудничества с сионистами, коммунисты продолжили находить ему идеологические обоснования. Так, создав в 1922 г. Рабочую фракцию в «Гистадруте», партия заявила, что её работа будет направлена на «развитие классового сознания в рядах палестинского рабочего класса» [4, с. 190]. Даже в этот момент, когда практика палестинских коммунистов полностью перестала увязываться с теорией, верность идеологии и догматизм остались главными ценностями ПКП [10, с. 16].

Растущее недовольство рядовых членов партии привело к тому, что уже с начала 1930-х годов они стали массово выходить из неё. В 1943 г. ПКП окончательно раскололась: её арабские члены ушли в «Лигу национального освобождения» [16, с. 9].

Взаимодействие с европейскими партиями и большевиками является примером того, как идейный фактор влиял на судьбу левого движения в Палестине. Излишнее доктринёрство неизбежно вело к росту противоречий между идеалистическим отношением к левой доктрине и её реализацией. Вместе с тем артикуляция общности частных и коллективных интересов позволяли наращивать влияние в Ишуве тем социалистам, кто прежде всего ставил цель строительства государственности и политических институтов.

Отношения левых сионистов друг с другом и борьба за главенство в сионистском движении

Ключевой задачей социалистов-сионистов была консолидация всех сил левого спектра для совместной борьбы за первичную цель сионизма – строительство еврейской государственности. Базовым методом считалась идея Берла Кацнельсона о трансформации социальных и экономических ресурсов в политическую силу. Функции партий «Ха-Поэль Ха-цаир» и «Поалей Цион» в этом смысле были максимально близкими, но лежали на разных уровнях: первые работали с индивидуальным возрождением национального самосознания, тогда как вторые обеспечивали координацию действий на уровне всего Ишува [19, с. 78].

Схожесть задач двух партий толкала их к сотрудничеству и далее – к слиянию. И если организованный в 1920-м г. «Гистадрут» представлял собой форму кооперации левых сил, то создание в 1930-м г. партии «МАПАЙ» окончательно свело их вместе. «Гистадрут» стал важным инструментом «МАПАЙ», позволявшим ей не только осуществлять успешную мобилизацию, но и влиять на производство, пропаганду, а также на другие институты сионистского движения.

«МАПАЙ» стала первой партией, претендующей на роль представителя всего левого сионизма [16, с. 6]. Давид Бен-Гурион писал по этому поводу: «С объединением партий мы вступаем в новую фазу социалистического-

сионистского движения – эпоху двойной организации: всеобщей федерации труда и единой рабочей партии» [19, с. 81]. Влияние партии росло, и к середине 1930-х годов социалистический сионизм стал самой влиятельной силой в Ишуве.

Это открыло его лидерам дорогу в общесионистские структуры. В 1931 г. один из лидеров «МАПАЙ» Хаим Арлозоров был назначен на пост руководителя Политического отдела Еврейского агентства (прообраз поста министра иностранных дел). В 1935 г. Давид Бен-Гурион стал председателем Еврейского агентства, заняв вторую по значимости должность после президента ВСО [19, с. 82].

Возникновение оппозиции было неизбежно, и она появилась именно в той сфере, во внутренние дела которой «МАПАЙ» вмешивалась больше всего, – в киббуцах. Киббуцианское движение было отмечено идеей лояльности местной киббуцианской организации, которая ставилась выше лояльности партии и «Гистадруту». Возглавил оппозицию «МАПАЙ» один из её создателей, видный сионистский деятель Ицхак Табенкин. Выступая в 1934 г. с осуждением тоталитаристских замашек партии, он подчеркнул, что роль киббуцианского движения была и остаётся инструментальной по отношению к задачам сионизма, однако если киббуц и является инструментом, то, бесспорно, важнейшим [19, с. 84].

В руководстве «МАПАЙ» серьёзно опасались появления оппозиционной левой силы, поскольку это могло замедлить процессы государственного строительства. Кацнельсон подчеркивал, что он боится отнюдь не идеологической оппозиции, но раскола левых сил, сводящего на нет усилия «МАПАЙ» по централизации власти [19, с. 85].

Однако это не удержало «Ха-киббуц ха-меухад» («Объединенный киббуц») ⁶ от начала политической борьбы в 1935 г. Многие ранее принадлежавшие «Гистадруту» и «МАПАЙ» функции были переданы местным властям киббуца. Функции «Гистадрута» были делегированы каждому отдельному территориальному блоку киббуцев, а взамен блок становился политической единицей «Ха-киббуц ха-меухад» с правом влияния на принятие организацией решений. Это была принципиально новая институциональная система, противостоящая вертикали, выстраиваемой «МАПАЙ» [19, с. 87]. Наконец, в 1944 г. противостояние организаций вылилось в создание фракции «Бет», сформировавшей партию со знакомым уже названием «Ахдут ха-Авода». Её лидером стал Табенкин. В 1948 г. партия объединилась с «Ха-шомер Ха-цаир» в Объединенную рабочую партию «МАПАМ». На протяжении 1944–1948 гг. и позднее в государстве Израиль «МАПАМ» и её предшественники играли, по словам историка Заккари Локмана, «роль “хорошего полицейского” в сионистском движении, признавая права арабского населения и демонстрируя “прогрессивное” лицо сионизма международному социалистическому сообществу» [16, с. 6].

В 1940-е годы левый сионизм достиг политической зрелости. Этот период отмечен резким ростом рабочего движения и самосознания еврейского пролетариата. Массовый характер обрели различные способы борьбы трудящихся за собственные права, главным из которых стали переговоры об условиях труда, где обсуждались вопросы повышения заработной платы, улучшения условий и безопасности и многое другое [2]. Оформилось и окрепло низовое рабочее движение: директора предприятий направляли властям официальные запросы о помощи с организацией безопасности стачек и рабочих выступлений [3]. Массовая

⁶ «Ха-киббуц ха-меухад» был одним из наиболее влиятельных объединений киббуцев федеративного типа. Основанная в 1927 г. И. Табенкиным организация стремилась к максимальной автономности, выступала с экономическими и политическими инициативами, а также внесла серьёзный вклад в дело обороны Ишува. В 1948 г. костяк «Ха-киббуц ха-меухад» лёг в основу оппозиционной левой партии «МАПАМ» [см. подробнее: 6, сс. 233-241].

приверженность социалистическим идеям на многие годы останется важной идейной характеристикой политической жизни в Израиле.

* * *

К факторам, способствовавшим успеху социалистических сионистских партий и организаций в Палестине, можно отнести следующие:

- нацеленность левых сионистов на строительство политических институтов и профессиональных союзов;
- стремление к консолидации всего сионистского движения и централизации политической власти с опорой на социалистическое ядро;
- отказ от классовой борьбы, выбор в пользу этнонационалистических установок;
- взаимодействие со всеми социальными группами еврейского Ишува в Палестине.

Список литературы:

1. Авинери Ш. Происхождение сионизма: основные направления в еврейской политической мысли. М.: Мосты культуры/Гешарим, «Библиотека-Алия». 2004. 480 с.
2. Документация споров об условиях труда между рабочими и руководством завода «Ормо», Рамат-Ган. // Национальный архив Израиля. 1942-1944 6361/11-Мем. 125 с.
3. Документация споров об условиях труда между рабочими и руководством завода «Шамнон», Бат-Ям. // Национальный архив Израиля. 1943 6434/14-Мем. 6 с.
4. Косач Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-30-е годы. М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. 2001. 420 с.
5. Краткая Еврейская Энциклопедия. Том 2. Иерусалим. 1982. [Электронный ресурс] URL: <https://eleven.co.il/references/prefaces-to-volumes/53/> (accessed 21.04.2019)
6. Краткая Еврейская Энциклопедия. Том 4. Иерусалим. 1988. [Электронный ресурс] URL: <https://eleven.co.il/references/prefaces-to-volumes/55/> (accessed 21.04.2019)
7. Краткая Еврейская Энциклопедия. Том 7. Иерусалим. 1994. [Электронный ресурс] URL: <https://eleven.co.il/references/prefaces-to-volumes/59/> (accessed 21.04.2019)
8. Протокол заседания партии «Ахдут ха-Авода» за июнь 1924 года. // Национальный архив Израиля. 1924 4/10-Мем. 10 с.
9. Френкель Й. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство, 1862-1917. М.: Мосты культуры/Гешарим. 2008. 848 с.
10. Franzen J. Communism versus Zionism: the Comintern, Yishuvism, and the Palestine Communist Party. // Journal of Palestine Studies. 2007. Vol. 36. No. 2. Pp. 6-24.
11. Greenstein R. Class, nation, and political organization: the anti-Zionist Left in Israel/Palestine. // International Labor and Working-Class History. 2009. Vol. 75. Rethinking the Left in victory and defeat. Pp. 85-108.
12. Halliday F. Early Communism in Palestine. // Journal of Palestine Studies. 1978. Vol. 7. No. 2. Pp. 162-169.
13. Hirsch D. Zionist eugenics, mixed marriage, and the creation of a new Jewish type. // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. Vol. 15. Pp. 592-609.
14. Hollander R. Anti-Jewish violence in pre-state Palestine/1929 massacres. // Committee for Accuracy in Middle East Reporting in America. 23.08.2009. [Электронный ресурс] URL: <https://www.camera.org/article/anti-jewish-violence-in-pre-state-palestine-1929-massacres> (accessed 21.04.2019)

15. Kelemen P. In the name of Socialism: Zionism and European social democracy in the inter-war years. // International Review of Social History. 1996. Vol. 41. No. 3. Pp. 331-350.
16. Lockman Z. The Left in Israel: Zionism vs. Socialism. // MERIP Reports. 1976. No. 49. Pp. 3-18.
17. Margalit E. Social and intellectual origins of the Hashomer Hatzair Youth Movement, 1913-20. // Journal of Contemporary History. 1969. Vol. 4. No. 2. Pp. 25-46.
18. Mosse G.L. Max Nordau, Liberalism and the New Jew. // Journal of Contemporary History. 1992. Vol. 27. Pp. 565-581.
19. Perlmutter A. Berl Katznelson and the theory and practice of Revolutionary Constructivism. // Middle Eastern Studies. 1977. Vol. 13. No. 1. Pp. 71-89.
20. Weissbrod L. From Labour Zionism to New Zionism: ideological change in Israel. // Theory and Society. 1981. Vol. 10. No. 6. Pp. 777-803.

Об авторе:

Александр Сергеевич Лапкин – бакалавр ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1.
E-mail: alexlapkin19@gmail.com

Problems of Implementation of the Ideas of Left Zionism in Mandatory Palestine

A.S. Lapkin

Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University

Abstract: *The article analyzes a history of the left Zionists' implementation of their own doctrines in the realities of Mandatory Palestine. The author identifies the main conceptual approaches of the Zionists to the issue of strict adherence to ideology. The efforts to mix up an internationalist left-wing idea and nationalist Zionism required many compromises from the socialists. Mandatory Palestine became a kind of «testing ground» for various combinations of left-wing and nationalist practices. They indicated the degree of ideological purism, which was advocated by some ideologists and could be applied to fundamentally different conceptual approaches to socialist and nationalist theories. It was a choice of strategy that ultimately played a decisive role in the process of elite formation in the Yishuv. A number of leftist parties took the path of faithful, almost doctrinaire ideology; their rigid rigoristic approach had resulted in a complete break with the Yishuv. Other parties used ideological principles in a purely instrumental way, regarding ideology as one of the most important methods of political struggle. Their only ultimate value was a Jewish state in Palestine. This determined the centrist orientation of these movements which won them popularity and broad electoral support.*

Key words: Zionism, socialism, ideology, Poalei Zion, Hapoel Hatzair, MAPAI, left Zionists, mandatory Palestine.

About the author:

Aleksandr S. Lapkin – Bachelor at the IAAS, Lomonosov MSU. Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya street, 11, str. 1.
E-mail: alexlapkin19@gmail.com

Процесс создания Лиги арабских государств

Российский государственный гуманитарный университет

В статье рассматривается эволюция идей арабизма с начала XX в. и последующее формирование трёх основных проектов по созданию общеарабской организации. Автор анализирует политическую обстановку на момент формирования Лиги арабских государств, влияние исторических факторов на межарабские отношения, а также на позиции главных политических игроков по вопросу создания организации. В статье рассматривается работа Подготовительного комитета, выработавшего основные механизмы деятельности организации. Особое внимание в работе уделяется палестинской проблеме, которая способствовала консолидации арабских государств.

Ключевые слова: Лига арабских государств (ЛАГ), Подготовительный комитет, палестинская проблема, Устав ЛАГ, Мустафа Ан-Наххас, Александрийский протокол, Мустафа Нури Ас-Саид, Абдалла бен Хусейн Аль-Хашими, арабизм, региональная организация.

Проблема объединения арабов в некое политическое образование возникла задолго до появления идеи о создании Лиги арабских государств. Предпосылкой для развития национальных идей в Сирии был период арабского возрождения «нахда», то есть период резкого скачка в развитии арабской культуры главным образом на территории исторической Сирии [4, с. 261]. Но тогда речь не шла о включении в это арабское целое других территорий нынешнего Арабского мира, так как, по мнению одного из сиро-ливанских политиков начала XX в. Н. Азури, эти территории не были арабскими [4, с. 267].

Когда начался упадок Османской империи, младотурецкая партия «Единение и прогресс», будучи руководящей партией, инициировала движение пан-тюркизма, целью которого было объединение всех тюркоязычных народов в границах одного государства. Младотурки преследовали национальные меньшинства страны [5, с. 132], в числе которых были и арабы. Реакцией на это движение стало обособление арабов и начало их пути к независимости. Первым шагом к этому стал манифест «Лига арабского отечества», опубликованный в 1905 г. Н. Азури. В нём говорилось: «арабы осознали свою национальную, историческую и этнографическую однородность и хотят отделиться от гнилого османского древа с целью образовать независимое государство» [5, с. 132]. Реальным воплощением этого манифеста стала так называемая Великая арабская революция – восстание, которое при поддержке Великобритании поднял шериф Мекки Хусейн бен Али Аль-Хашими против власти Османской Империи. В случае удачного завершения этого восстания Великобритания обещала создать независимое арабское государство [1, сс. 274-275].

После распада Османской империи на её территории начали возникать иные формы политических образований. На основе соглашения Сайкс-Пико, тайно заключённого между Францией, Великобританией и Российской империей в 1916 г., были разграничены сферы влияния этих стран на пост-османском Ближнем Востоке. Россия реально не принимала в этом участия, так как после революции вышла из войны, а затем большевики опубликовали тайные соглашения. На арабских территориях Османской империи после Первой мировой войны уставом Лиги Наций

была создана мандатная система управления. Согласно ст. 22 устава Лиги Наций, мандат осуществлялся над теми народами, которые “ещё не способны самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира” [7]. При этом некоторые области могли высказать пожелание при выборе страны, которая будет осуществлять над ними управление. Страны-мандатарии (Великобритания и Франция) должны были содействовать созданию в подмандатных им областях самостоятельных государств и отчитываться перед Лигой Наций о развитии этих политических образований. Франция стала страной-мандатарием для Ливана и Сирии, а Великобритания получила мандат на управление Палестиной и Ираком. Впоследствии в 1922 г. в состав подмандатных территорий Великобритании также был включён Трансиорданский эмират, созданный эмиром Абдаллой аль-Хашими на территории Великой Сирии.

Египет был протекторатом Британской империи и обрёл независимость в 1922 г. На тот момент египтяне не рассматривали себя как часть арабской нации. По мнению отечественного исследователя Г.Г. Косача, “идентификация Египта в качестве *арабского* государства не рассматривалась египетскими политиками даже как потенциальная возможность. Напротив, процесс независимой эволюции усиливал видение «египетского отечества» и «египетской нации» как самостоятельных явлений” [4, с. 276]. Египтяне считали себя преемниками, скорее, цивилизационного наследия Древнего Египта, нежели халифата Омейядов или Аббасидов. Постепенно египтяне начали рассматривать себя как мусульманскую нацию, несмотря на присутствие в стране значительной части христиан-коптов, а уже в начале 1930-х годов – и как часть арабской нации.

Королевство Саудовская Аравия, созданное в 1932 г., стало арабским в силу того, что территории, на которых оно располагалось, были исторически связаны с историей арабов. Именно с территории Аравийского полуострова начал распространяться ислам, начались завоевания времён пророка Мухаммада и праведных халифов. Во время Первой мировой войны сиро-ливанские политики начали говорить о включении области Хиджаз, находящейся на территории Аравийского полуострова, в состав будущего арабского государства [4, с. 281]. Именно там находятся святыне ислама – Мекка и Медина. С 1916 г. до 1924 г. эта область была королевством Хиджаз, управляемым династией Хашимитов, которые подняли восстание против Османской империи в 1916 г. Абдалла бен Али – представитель рода Хашимитов – стал эмиром Трансиордании, а Фейсал бен Али сначала стал королём Сирии, но после того, как был вытеснен оттуда французами, занял иракский престол. В 1924 г. Хиджаз был отвоёван основателем Саудовской Аравии Абд Аль-Азизом Аль Саудом, который стал носить титул «хранителя двух святынь».

В 1930-х – начале 1940-х годов арабские политики стали более активно заниматься проблемой объединения арабов. За это время было разработано три проекта, каждый из которых имел свои отличительные черты. Первым проектом стало предложение эмира Трансиордании Абдаллы объединить исторически единый регион Великой Сирии в унитарное государство. Но проект Абдаллы предполагал объединение в монархическое государство, более того, с династией Хашимитов во главе, поэтому не мог иметь много сторонников. Против него выступили национальные деятели Сирии и Ливана, «не желавшие отказываться от независимости своих стран и менять республиканские идеалы на монархические» [9, с. 156]. Саудовскую Аравию не устраивал такой проект из-за соперничества с династией Хашимитов, восходящего ещё к тем временам, когда шерифами Мекки были Хашимиты.

Ирак, хотя и управлялся также королём из этой династии, имел собственный проект объединения Сирии и других арабских государств в иное политическое образование: премьер-министром Нури Ас-Саидом был предложен проект «Благодатного полумесяца». Согласно этому проекту, на первом этапе Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания должны были объединиться в одно государство. Затем предполагалось создать Арабскую Лигу, где были бы представлены объединённая Сирия и Ирак, к которым могли присоединиться другие арабские государства. Эта организация должна была иметь постоянный совет из представителей каждого государства, который отвечал бы за оборону, внешнюю политику, валюту, связь, таможню, защиту прав меньшинств [17, с. 420].

Касательно палестинской проблемы, Нури Ас-Саид считал, что компромисс между арабами и евреями найти сложно, но не невозможно. Он предлагал вариант, при котором еврейская община Палестины не войдёт в состав будущего государства [13, с. 409]. Он был убеждён, что «арабы не ненавидят евреев, но питают отвращение к сионистской политике, которая преследует цель аннексировать их (арабскую) страну» [17, с. 416]. Нури Ас-Саид не включал территорию Египта в состав предполагаемого государства, поскольку считал, что «все арабы разделены на две большие группы: те, кто живут в Африке, и те, кто живут в Сирии, Палестине, Ираке и на Аравийском полуострове» [17, с. 413]. Последние более близки друг к другу по языку, культуре, экономике, и все эти территории некогда были частью Османской Империи. По его мнению, необходимость объединить Сирию основывается на том, что в Османской империи она была единой [13, с. 413]. Тем более он был уверен, что король Саудовской Аравии Ибн Сауд не будет возражать против кандидатуры Абдаллы как короля будущей Сирии [13, сс. 408-409]. Нури Ас-Саид рассматривал Египет и Саудовскую Аравию в качестве государств, которые могут войти в состав будущего арабского альянса, но не как часть федерации. По его мнению, Ирак был исторически близок с Сирией, Ливаном, Палестиной и Трансиорданией, что облегчит их объединение, в то время как государства Аравийского полуострова отличаются от них экономически. Что же касается Египта, он не столь заинтересован в объединении, так как озабочен своими проблемами с Суданом [17, с. 420].

Нури Ас-Саид надеялся, что послевоенное урегулирование будет направлено на объединение маленьких государств в некие формы региональных лиг или альянсов, которые будут достаточно сильны, чтобы защитить всех членов организации от агрессии [17, с. 418]. Он отвергал идею создания независимых Палестины, Сирии и Ливана, предлагая новое решение [17, сс. 418-419] – создание Лиги, сердцем которой станет объединённая Сирия. Ас-Саид видел экономическую выгоду в объединении арабских стран: Ираку нужен был выход к Средиземному морю для экспорта нефти и других товаров; Палестина, которая быстро индустриализировалась, нуждалась в обширных рынках для своих товаров и в нефтяном топливе для своих заводов [17, с. 420].

И, наконец, последним проектом, лёгшим, в конечном счёте, в основу Лиги арабских государств, стал проект египетского премьер-министра Мустафы Наххас-Паши. Он считал, что достичь благоприятного результата в объединении можно только на основе предварительного его обсуждения арабскими правительствами [11, с. 633] и последующим проведением переговоров обязательно на межправительственном уровне, а не между неофициальными лицами [11, с. 634]. Он предложил встретиться представителям всех арабских государств, чтобы определить свои позиции. Египетский премьер брал на себя ответственность за достижение компромисса между этими позициями, чтобы создать основу соглашения, а затем провести всеобщую конференцию [15, с. 646]. В результате

переговоров он смог убедить премьер-министра Ирака Нури Ас-Саида в том, что вместо единого правительства выгоднее наладить сотрудничество между странами по таким вопросам, как оборона, внешняя политика, торговля, образование и т. д. Однако Мустафа Наххас был солидарен с Нури Ас-Саидом в вопросе создания единой Сирии. По его мнению, федерация между объединившимися Сирией, Ливаном, Палестиной и Трансиорданией будет представлена на будущем арабском конгрессе. Поэтому участие Палестины в этом конгрессе для него было очевидным: «Палестина – сирийская страна и войдёт в состав сирийской федерации» [12, с. 5]. Египетский премьер-министр, по-видимому, осознавал, что Саудовская Аравия никогда не согласится на реализацию проекта Абдаллы. Правительства Сирии и Ливана, а также йеменский имам Яхья не были готовы идти дальше экономического и культурного сотрудничества [2].

При этом король Саудовской Аравии Ибн Сауд, по всей видимости, понимал, что Ирак в лице Нури Паши стремится аннексировать Сирию и Палестину и усилить влияние династии Хашимитов (в противовес самому Ибн Сауду), а также заинтересован в том, чтобы поссорить Египет и Саудовскую Аравию [14, с. 161].

В такой обстановке в 1943 г. Наххас Паша выступил с идеей создания Подготовительного комитета, который выработал бы приемлемый для всех способ объединения арабов. Заседания Подготовительного комитета начались в Александрии 25 сентября 1944 г. и закончились 17 октября того же года под председательством Наххаса Паши. На первом заседании присутствовали премьер-министры Ирака, Трансиордании, Сирии и Ливана. Позднее к ним присоединились делегаты из Саудовской Аравии и Йемена. В ходе работы Подготовительного комитета рассматривались вопросы, по которым точки зрения стран-участниц расходились: о центральном правительстве, на которое была согласна только Сирия, о совместной внешней политике, которую делегация Йемена считала неприемлемой, и самый главный вопрос о форме взаимодействия между государствами [18, с. 511-512]. В ходе заседания была отброшена идея создания союза с единым правительством, поскольку ни одна из стран не хотела терять свой суверенитет. Была отвергнута также идея взвешенного представительства государств-членов в любом будущем органе, что давало бы преимущество Египту и Ираку [10, с. 219]. Встал вопрос и о том, должны ли решения этой организации быть обязательными для государств-членов. Внешнеполитическое ведомство Великобритании в лице министра иностранных дел Энтони Идэна отмечало прорыв в политике арабских государств: «арабы усвоили технику проведения современных конференций, и они уже не дети в политике, как можно было предполагать... в вопросах, где возникало противоречие между странами, назначался арбитр для разрешения вопроса» [8, с. 529].

Идеальным вариантом для всех стран – участниц Подготовительного комитета была такая организация, решения которой стали бы обязательными только для государств, принимающих их. Такая Лига была бы основана на равном представительстве государств-участников. Таким образом, в этом решении заключена одна из главных особенностей будущего Устава Лиги арабских государств: необязательность исполнения принятых решений. С одной стороны, это позволяет стране проводить самостоятельную политику, с другой, – усложняет процесс консолидации арабского мира.

Было принято решение о том, что ни в коем случае не допускается проведение внешней политики, наносящей ущерб интересам Лиги или отдельного государства-члена. Совет Лиги должен был вмешиваться во все споры, которые могут привести к войне между государством – членом Лиги и любым другим государством-участником или другой державой, с тем чтобы примирить их.

Представители арабских стран на заседаниях Подготовительного комитета первоначально не касались палестинского вопроса [8, с. 530]. Однако после того, как на этих заседаниях выступил представитель Палестины, вопрос был рассмотрен. Муса Аль-Алами, видный палестинский адвокат, был приглашен дать пояснение ситуации и изложить мнение палестинских арабов. Его присутствие противоречило протоколу, так как в работе Подготовительного комитета могли участвовать только независимые арабские страны. В итоге участие Аль-Алами в работе Комитета в качестве равного делегата было принято на основе прецедента Лондонской конференции 1939 г., где делегат от Палестины имел такие же права, как и делегаты других арабских стран [8, с. 530]. Тем не менее было решено, что он не сможет высказывать своё мнение ни по каким вопросам, кроме палестинского, и не будет подписывать протокол по итогам работы Комитета [8, с. 530].

В своём выступлении перед членами Комитета Муса Аль-Алами заявил, что британское правительство игнорирует положения Белой книги, которая предусматривала ограничение на покупку земли евреями и их миграцию в Палестину. Он указал на то, что, согласно Белой книге, в марте 1944 г. истек срок миграции для евреев, однако правила продажи земли не соблюдаются, и евреи теперь контролируют большую часть плодородных земель [16, с. 519]. Аль-Алами призвал арабские страны поддержать Палестину и довести до сведения британских властей, что, если последние не выполнят свои обязательства, будет невозможно поддерживать мир и порядок не только в Палестине, но и на всём Ближнем Востоке [16, с. 520]. Он добавил, что между британцами и евреями ведутся переговоры о разделении Палестины на основе численного равенства с возможностью еврейского большинства в будущем. Можно предположить, что здесь Муса Аль-Алами ссылаясь на рекомендацию британского правительственного комитета осуществить раздел Палестины на основе предложений комиссии Пияля 1937 г. [3, с. 69]. Он предложил арабским странам создать общий арабский национальный фонд для оказания помощи в сохранении земель, принадлежащих арабам. Муса Аль-Алами также выдвинул инициативу направить арабскую делегацию в Лондон, Вашингтон и Москву для разъяснения опасности новой британской политики и устранения всех заблуждений относительно слабости позиций арабских стран в отношении палестинской проблемы [16, с. 520]. Предложение о поддержке Палестины было принято арабскими странами, и Подготовительному комитету было поручено подготовить резолюцию по Палестине [16, с. 520], а в Лондоне и Вашингтоне создать специальные бюро пропаганды, чтобы противостоять пропаганде сионистов [20, с. 594].

Положения Александрийского протокола и Устава Лиги арабских государств

На своём последнем заседании делегаты составили Александрийский протокол. Основная цель будущей Лиги определялась как укрепление межарабских связей и деятельность арабских стран во благо своих народов для реализации их устремлений. Членство было ограничено независимыми арабскими государствами, желающими присоединиться к организации. Целями Лиги были: координировать политические планы арабских стран и защищать независимость и суверенитет государств-членов. Более того, было предусмотрено, что ни в коем случае нельзя допускать проведение внешней политики, которая может нанести ущерб политике Лиги или отдельному государству-члену [19]. Решения Совета Лиги должны были стать обязательными для тех, кто их принял, за исключением случаев, когда спор между двумя государствами-членами был передан спорящими в Совет, роль которого заключалась в арбитраже.

В Протоколе говорилось о желании государств, подписавших его, тесно сотрудничать во всех неполитических областях. Был также создан политический подкомитет для подготовки проекта устава Совета Лиги. Таким образом, акцент был сделан на сотрудничестве арабских стран, сохраняющем суверенитет каждого государства.

Протокол содержал резолюции по Ливану и Палестине. В резолюции по Ливану делегаты подтвердили свою поддержку независимости и суверенитета страны в её существующих границах, которые правительства арабских государств уже признали в результате принятия Ливаном решения о независимой политике, «проведение которой правительство этой страны объявило в своей программе от 7 октября 1943 г. и которая была единогласно одобрена Ливанской палатой депутатов» [19]. (О резолюции по Палестине см. подробнее ниже.)

Таким образом, Александрийский протокол закрепил основные положения будущей организации, наметил её цели и задачи, а также включил резолюции по Палестине и Ливану, которые должны были продемонстрировать чёткую и единую позицию арабских государств по данным проблемам.

Устав Лиги арабских государств был принят 22 марта 1945 г. на основе Александрийского протокола. В соответствии с Уставом была создана региональная политическая организация, целью которой было «укрепление отношений между государствами-членами и координация их политических действий, то есть осуществление тесного сотрудничества между ними, защита их независимости и суверенитета и надзор за деятельностью арабских стран» [6].

Тесное сотрудничество между государствами-членами предусматривалось, в частности, в области экономики и финансов, торговых отношений, в сферах таможни, валюты, сельского хозяйства и промышленности, коммуникаций, вопросов культуры, вопросов национальностей, социальных вопросов и здравоохранения.

Устав также содержал две специальные резолюции: одна из них касалась Палестины, а другая – арабских стран, ещё не вошедших в состав Лиги арабских государств.

Отношения между государствами-членами должны были регулироваться принципом, согласно которому каждый участник обязуется уважать государственный строй других членов Лиги и воздерживаться от любых действий, направленных на изменение этого строя [6]. Важным принципом, закреплённым в уставе организации, была необязательность исполнения решений, принятых Советом Лиги. Только государства, проголосовавшие за какое-либо решение, обязаны были его выполнять. В случае агрессии или угрозы агрессии против государства-члена Совет Лиги может быть созван по просьбе этого государства для принятия мер по защите.

Роль Палестины в консолидации арабских стран

Арабские страны имели различные формы правления, в каждом из них сложилась собственная внутривнутриполитическая ситуация, их разъединяли межгосударственные противоречия, поэтому единственным вопросом, который их объединял, стал вопрос о судьбе Палестины. Все арабские государства на заседаниях Подготовительного комитета единым фронтом выступили против еврейской миграции в Палестину. По мнению Э. Идена, хотя с самого начала конференции делегаты старались держаться подальше от палестинского вопроса, было件нятно, что общества арабских стран ожидают обсуждения палестинского вопроса и принятия решений [8, с. 530].

В Александрийском протоколе, содержалась специальная резолюция, касающаяся Палестины. Она была принята единогласно [8, с. 530]. Устав Лиги также содержал специальное приложение по этой территории.

В Александрийском протоколе акцент делался на том, что Палестина – важная часть Арабского мира [19], и права палестинских арабов не могут быть нарушены без ущерба миру и стабильности в Арабском мире. Говорилось также об обещаниях, данных Британией, прекратить еврейскую миграцию. Арабские страны призвали сохранить арабские земли и добиться достижения независимости Палестины. Во второй части документа говорится о создании «арабского национального фонда», который должен был обеспечить защиту земель палестинских арабов. Таким образом, Александрийский протокол закреплял единую позицию арабских государств по поводу палестинской проблемы. Но заметим, что все действия арабских государств на начальном этапе сводились к выработке единой политической позиции и созданию фонда, деятельность которого, однако, не приобрела большого размаха.

В уставе Лиги арабских государств уже не повторялись мысли о Палестине как важной части Арабского мира, а приводилась точка зрения арабских государств на её юридический статус. Последние считали, что, «согласно уставу Лиги Наций 1919 г., форма государственного устройства, разработанная для Палестины, будет базироваться на признании её независимости» [6] и что существование и независимость Палестины де-юре – это положение, не вызывающее никаких сомнений, как нет сомнений в независимости любого другого арабского государства. Этим утверждением арабские страны легитимировали участие Палестины в работе совета Лиги, причём до тех пор, пока Палестина не станет фактически независимой, Лига должна была сама выбирать представителя от этой страны. В связи с этим можно предположить, что будущая Палестина представлялась как единое арабское государство в границах мандата Лиги Наций от 1919 г.

Таким образом, арабские страны смогли создать региональную организацию, в которой не ущемлялись интересы каждой страны-участницы. Вплоть до настоящего времени Лига арабских государств является единственной организацией, объединяющей все арабские страны. Она вырабатывает единые подходы по актуальным проблемам арабского сообщества, прежде всего, – проблеме Палестины и ближневосточного урегулирования.

Список литературы:

1. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745г. – конец XX в.). М.: Классика плюс. 1999. 672 с.
2. Исаев. Л.М. Лига Арабских Государств – история создания. // Восток (Oriens). 2013. №3. Сс. 55-63. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/data/2013/07/13/1285252750/55-63-Isaev.pdf> (accessed 19.02.2018)
3. Кон-Шербок Д. Палестино-израильский конфликт: две точки зрения (Пер. с англ.). М.: Фаир пресс. 2002. 320 с.
4. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса. // Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука. 2007. Сс. 259-331.
5. Ланда Р.Г. Страны Аравии в период между двумя войнами. // История Востока: Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Институт Востоковедения РАН. 2006. 717 с.
6. Мисак джами'а дуваль аль-арабийя (На арабском). // League of Arab States. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (accessed: 29.11.2018)

7. Устав Лиги Наций. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.htm> (accessed 21.02.2019)
8. Eden A. Notes on the meeting of the Preparatory Committee of the Arab Unity Conference in Alexandria 25 September – 6 October 1944. 24th October 1944. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. 1995. Vol. 3. 606 p.
9. Faddah M.I. The Middle East in transition. A study of Jordan's foreign policy. Bombay: Asia Publishing House. 1974. 339 p.
10. Goma A.M. The Foundation of the League of Arab States: Wartime Diplomacy and Inter-Arab Politics, 1941 to 1945. Oxford: Longman, 1977. 323 p.
11. Lampson M. Political distribution from Egypt 31st March 1943. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 2. 656 p.
12. Lord Killearn. Political distribution from Egypt from Cairo to Foreign Office 3rd August 1943. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 3. 606 p.
13. Lt. Colonel. Note on conversation with Nuri Pasha on 23th December 1942. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 2. 656 p.
14. Wikeley T. War Cabinet distribution from Saudi Arabia from Jeddah to Foreign Office 29th July 1943. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 2. 656 p.
15. Wikeley T. War Cabinet distribution from Saudi Arabia from Jedda to Foreign Office 27th July 1943. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 3. 606 p.
16. Note on the 7th and 8th meetings of the Preparatory Committee of the General Arab Conference. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 3. 606 p.
17. Said N. The letter addressed to the Minister of State. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 2. 656 p.
18. Protocol of the Preparatory Committee for the Arab Congress. 10th October 1944. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 3. 606 p.
19. The Alexandria Protocol. October 7, 1944. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/alex.asp (accessed: 11.04.18)
20. Translation of a memorandum regarding the establishment of Arab propaganda bureaus in Washington and London. // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Ed. A. Burdett. Oxford: Archive Editions. 1995. Vol. 3. 606 p.

Об авторе:

Арина Альбертовна Асылгузина – студентка Кафедры современного Востока, Факультет истории, политологии и права, Историко-архивный институт, РГГУ. Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6.
E-mail: ayamyka@gmail.com

The Process of Formation of the League of Arab States

A.A. Asylguzhina
Russian State University for the Humanities

Abstract: *Since the League of Arab States includes all the 22 Arab countries, it is known as the most prominent and influential organization in the Middle East. The League of Arab States was created after the World War II, even though the idea and the first steps to uniting the Arabs date back to the early 20th century. Among the most notable politicians that contributed to developing of the Arab union projects were Abdullah I bin Al-Hussein (Emir of Transjordan), Nuri Pasha al-Said (prime-minister of Iraq) and Mustafa Al-Nahhas Pasha (prime-minister of Egypt), whose suggestions laid on the basis of this League. Even though the foreign policy, geography, religion, views and ethno-confessional composition differ from country to country, there was one mutual problem that united all the members, namely the Israeli-Palestinian conflict. All the members of the League supported the Palestinian cause, they all hoped to return the territory divided by the UN Resolution 181(II) and create an independent Arab state in Palestine.*

Key words: *League of Arab States (LAS), Preparatory Committee, Palestinian problem, Covenant of the LAS, Mustafa Al-Nahhas, Alexandria Protocol, Mustafa Nuri Al-Said, Abdullah bin Hussein Al-Hashimi, Arabism, regional organization.*

About the author:

Arina A. Asylguzhina – Student of Department of Modern East, Division for History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, RSUH. Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6.
E-mail: ayamyka@gmail.com

Бахрейн под британским протекторатом в первой половине XX века

Российский государственный гуманитарный университет

В статье рассматривается политика Великобритании в Бахрейне в первые десятилетия существования протектората. Автор анализирует процесс установления протектората Великобритании в Бахрейне, а также административные реформы, которые были инициированы британскими властями с целью модернизации страны. Особое внимание уделено условиям, в которых приходилось действовать британским политическим агентам в этой стране. В статье также рассматривается реакция суннитской и шиитской общин Бахрейна на изменения, происходившие в стране вследствие британской политики.

Ключевые слова: Бахрейн, Великобритания, Персидский залив, Аль Халифа, протекторат, административные реформы, протесты, шииты, сунниты.

Первая половина XX в. стала важным этапом в истории Бахрейна: в это время под руководством британских политических агентов в стране были проведены преобразования, которые позволили создать современную систему управления, возросла политическая активность общества, Великобритания способствовала защите Бахрейна от территориальных притязаний со стороны соседних стран. Однако проводимая британскими чиновниками политика вызывала противоречивую реакцию со стороны местного населения. Если шиитская община Бахрейна приветствовала происходившие в стране изменения, то сунниты были недовольны усилением британских позиций в стране и выступали против иностранного вмешательства во внутренние дела государства.

На рубеже XIX–XX вв. регион Персидского залива вызывал особый интерес у Великобритании, так как через него проходил путь в Индию, важнейшую британскую колонию. Для того чтобы распространить своё влияние в этом регионе, британские власти стремились установить союзные отношения с правителями малых государств Персидского залива. Результатом такой политики стало заключение соглашений об установлении протектората Великобритании в Договорном Омане, Бахрейне, Кувейте и Катаре. Бахрейну отводилась особая роль в политике Соединённого Королевства в Персидском заливе: британские чиновники планировали сделать его центром своего влияния в этом регионе, так как он занимал здесь выгодное стратегическое положение. Для достижения поставленной цели политические агенты Великобритании приступили к проведению административных реформ, которые должны были способствовать модернизации Бахрейна.

Установление протектората Великобритании в Бахрейне

При рассмотрении британско-бахрейнских отношений возникает проблема с определением даты установления британского протектората, так как исследователи придерживаются различных точек зрения. В работах советских и некоторых российских учёных утверждается, что Великобритания установила протекторат над Бахрейном в 1871 г. [3, с. 100; 4, с. 59], однако выбор этой даты не был подтвержден каким-либо соглашением между двумя странами. На сайте Департамента культуры

Бахрейна был представлен проект, где были отмечены ключевые этапы в истории государства. Согласно этому проекту, исходной точкой установления союзных отношений между двумя странами стал 1820 г., когда было заключено первое британско-бахрейнское соглашение, а сам протекторат был установлен в 1861 г. [7].

Другая группа учёных в своих исследованиях, посвящённых изучению истории британско-бахрейнских отношений, отмечает, что Великобритания установила протекторат только в 1892 г. [1, с. 31; 6, с. 15]. Это событие стало вполне закономерным шагом, так как в указанный период аналогичный процесс происходил в соседних эмиратах Персидского залива. Можно утверждать, что установление британского протектората происходило поэтапно: выделяются три основных соглашения, которые способствовали упрочнению позиций Великобритании в Бахрейне.

Первым документом, положившим начало британско-бахрейнскому сотрудничеству, стало соглашение «О вечном мире и дружбе» (Perpetual Treaty of Peace and Friendship), которое было заключено в 1861 г. [9, с. 58]. Подписав этот договор, правитель Бахрейна признал все ранее заключённые соглашения между двумя странами, то есть Генеральное соглашение о мире на море (1820 г.), соглашения о запрете рабства и работорговли (1847 г., 1856 г.). Соглашение «О вечном мире и дружбе» запрещало нарушать мир и спокойствие в районе Персидского залива, заниматься пиратством и работорговлей, а также предоставляло британским властям в Индии право расследовать случаи его нарушения; британский политический резидент выступал в качестве арбитра в междоусобных конфликтах. Важно отметить, что в этом соглашении подчеркивался независимый статус правителя Бахрейна.

22 декабря 1880 г. политический резидент Великобритании в Персидском заливе А. Тэлбот и правитель Бахрейна Иса бен Али Аль Халифа подписали первое Исключительное соглашение (Exclusive Agreement) [9, с. 61], согласно которому правитель Бахрейна обязался не вступать в переговоры и не заключать договоры с третьей державой без разрешения Великобритании; правителю Бахрейна запрещалось допускать на острова торговых представителей европейских стран, давать согласие на учреждение в стране дипломатических или торговых представительств. Это соглашение ограничило свободу действий Аль Халифы в международных отношениях, так как теперь для принятия внешнеполитического решения он должен был обращаться к британским властям.

13 марта 1892 г. британские власти подписали с Исой Аль Халифой второе Исключительное соглашение (Exclusive Agreement), которое окончательно утвердило протекторат Великобритании над Бахрейном. Согласно этому документу, правитель Бахрейна обязался «не уступать, отчуждать, продавать или сдавать в аренду часть территории Бахрейна какому-либо государству без получения предварительного соглашения со стороны Великобритании» [9, с. 62]. Заключив аналогичные соглашения с другими правителями шейхств Персидского залива, Соединённое Королевство брало на себя обязательства по поддержанию в этом регионе мира и порядка.

В начале XX в. Великобритания приняла решение пересмотреть свою политику в Персидском заливе. Если в середине XIX в. британские власти предпочитали не вмешиваться во внутренние дела стран этого региона, то в конце XIX в. участие страны во внутривнутриполитической жизни государств Залива стало возрастать. Это было связано с тем, что к региону было приковано внимание ведущих мировых держав: порты Персидского залива стали посещать французские, немецкие, российские военные и торговые корабли. Особое место в британской политике здесь уделялось Бахрейну, так как он вошёл в систему обороны британской колониальной империи

наряду с Гибралтаром, Мальтой, Кипром, Суэцем, Аденом, Сокотрой и Сингапуром [3, с. 103].

Одним из первых свидетельств произошедших изменений в британско-бахрейнских отношениях стало создание политического агентства Великобритании в Бахрейне. До 1900 г. контроль над последним осуществлялся методом инспекционных проверок представителями британской политической администрации, которая находилась в Бушире. С 1900 г. функции по контролю перешли в руки политического агента Великобритании, который находился в Манаме, где в 1902 г. была построена его резиденция. Создание политического агентства задавало курс на дальнейшее усиление роли Соединённого Королевства в социально-политической и экономической жизни Бахрейна.

Во второй половине XIX в. Бахрейн стал связующим звеном обширной сети торговых путей через Персидский залив, Иран и Индийский субконтинент. Этот фактор оказал влияние на изменение состава населения страны: в 1905 г. численность населения здесь достигла 100 тыс. человек, в Манаме – крупнейшем городе страны – проживало 25 тыс. человек, из которых 7500 были иностранцами (арабы из соседних стран, иранцы, индийцы) [12, с. 68].

В Бахрейне помимо иранских и индийских торговцев действовали представители европейских торговых компаний. Иностранцы здесь не находились под особой защитой: так, в 1904 г. племянник правителя Бахрейна Али Аль Халифа и его охрана избили работников немецкой фирмы [1, с. 264]. Германия выразила недовольство тем, что пострадали её граждане, и потребовала от британских властей в Бушире разбирательств. В том же году Али Аль Халифа участвовал в конфликте, в результате которого пострадали два иранца, что вызвало возмущение Ирана [15, сс. 939-940].

Перед британскими властями встала проблема распространения юрисдикции на субъекты, которые не имели британского подданства. Правитель Бахрейна под давлением политического агента Великобритании был вынужден пойти на ряд уступок, чтобы обезопасить положение иностранцев в стране. Иса Аль Халифа принял решение сослать своего племянника в Бомбей, запретить подвергать принудительному труду иностранных рабочих и позволить британским властям курировать все иностранные сообщества в стране [10, с. 86].

Накануне Первой мировой войны участие британских властей в политической жизни Бахрейна продолжало возрастать. В 1913 г. был издан указ, который вводил в стране модифицированные гражданский и уголовный кодексы Британской Индии [1, с. 283]. Издание указа привело к тому, что власть в стране, с одной стороны, была представлена правителем Бахрейна, а с другой, – политическим агентом Великобритании, который отвечал за внешнюю политику государства и проживавших здесь иностранцев. Королевский указ предоставил британскому политическому агенту право избирать половину членов Правового совета, занимавшегося разрешением споров между торговцами, и судей, рассматривавших дела, связанные с жемчужным промыслом. Что касается шариатских судов, то судьи назначались правителем Бахрейна после того, как их кандидатуры были одобрены политическим агентом [1, с. 286].

В условиях приближения Первой мировой войны для Великобритании особую актуальность обрела проблема скорейшего разрешения территориальных споров, так как в рассматриваемый период ряд стран (Османская империя, Иран, государство Саудидов) выдвигали свои претензии на Бахрейн. В 1913 г. была подписана англо-османская конвенция, разграничившая сферы влияния Великобритании и Османской империи в регионе. Согласно конвенции, османские власти официально отказались от притязаний на Бахрейн, Катар и Кувейт. В 1915 г.

между Великобританией и Ибн Саудом было заключено соглашение, в котором саудовский правитель отказался от своих экспансионистских устремлений в направлении Кувейта и Бахрейна [5, с. 315].

В рассматриваемый период наблюдался рост напряжённости в бахрейнском обществе, так как население было недовольно произволом родственников правителя и отсутствием централизованной власти [2, с. 17]. Особое возмущение у бахрейнцев вызывало состояние судебной системы: Высший суд и суды низшей инстанции контролировались представителями правящей семьи, судьями часто выносились несправедливые решения в отношении представителей шиитской общины страны [13, сс. 90-91].

Некоторые аспекты политики Соединённого Королевства в Бахрейне также вызывали недовольство местных жителей. Предметом разногласий между британскими чиновниками и бахрейнцами стал Королевский указ 1913 г. После введения кодексов Британской Индии полномочия британского политического агента значительно расширились, и он стал играть серьёзную роль в политической жизни страны.

Нерешённость бахрейнских внутриполитических проблем и рост напряжённости в обществе заставляли британских чиновников искать выход из сложившейся ситуации. Политический агент Великобритании в Бахрейне Х. Диксон отмечал, что на рубеже 1910–1920-х годов в стране обострились антибританские настроения как среди местного населения, так и среди некоторых представителей правящей семьи. По мнению политического агента, авторитет Соединённого Королевства здесь держался на страхе, а не на уважении [17]. В Лондоне осознавали, что для создания в Бахрейне прочной опоры было необходимо реформировать существующую систему управления.

Проведение реформ

Период между Первой и Второй мировыми войнами стал одним из наиболее важных этапов в истории Бахрейна, так как в это время произошёл переход от традиционной формы управления к современной. В исторических исследованиях отмечалось, что та система административного управления, которая была сформирована британскими властями в межвоенный период, претерпев некоторые изменения, продолжает действовать в современном Бахрейне [8, с. 56].

Проблема проведения реформ в этой стране была предметом споров между различными британскими политическими ведомствами с начала XX в. Политический агент в Бахрейне и политический резидент в Бушире настаивали на необходимости проведения реформ, в то время как британское руководство в Бомбее и Министерство иностранных дел выступали за проведение «осмотрительной политики» [1, с. 38]. После окончания Первой мировой войны Лондон, остерегаясь роста напряжённости в бахрейнском обществе, решил пересмотреть свою политику: британским чиновникам было приказано заручиться поддержкой правителя Бахрейна и начать проведение реформ. В этот период на пост политического агента Великобритании в Бахрейне стали утверждаться офицеры, которые служили на Ближнем Востоке, знали арабский язык и имели представление об арабской культуре и обществе [13, с. 88].

Первым политическим агентом после окончания Первой мировой войны стал капитан Н. Брэй, который до этого проходил службу в Багдаде. Желая укрепить связи с правящей семьёй Бахрейна, британский политический агент в 1919 г. предложил Абдалле Аль Халифе, сыну правителя Бахрейна, посетить Лондон, где он мог бы ознакомиться с современными формами управления.

Поездка в Лондон положительно повлияла на Абдаллу Аль Халифу: он

осознал, что для модернизации страны было необходимо проведение ряда реформ. По возвращении домой он решил создать современную систему образования. Абдалла Аль Халифа заручился поддержкой крупных торговцев и с их помощью в 1919 г. открыл первую государственную школу, которую возглавил египтянин Хафез Вахба, а в преподавательский состав вошли учителя из Египта и Сирии [14, с. 89]. До этого в Бахрейне уже действовали учебные заведения: так, в 1892 г. американской религиозной миссией была создана первая школа для девочек, а в 1905 г. – для мальчиков, однако это были небольшие частные заведения [6, с. 80].

Спустя шесть месяцев политическим агентом Великобритании в Бахрейне стал майор Г. Диксон, который, как и Н. Брэй, знал арабский язык и проходил службу в странах Ближнего Востока. Реформы, которые проводил новый британский политический агент, были направлены на устранение двойственности власти, которая возникла после того, как иностранные сообщества Бахрейна оказались под британской юрисдикцией, что вызывало противоречия между политическим агентом и правителем Бахрейна [13, с. 90].

При Г. Диксоне в Бахрейне в 1919 г. был создан Совместный суд (The Joint Court) под председательством Исы бен Али Аль Халифы и политического агента, где рассматривались споры между бахрейнцами и иностранцами. Свободное владение арабским языком помогло Диксону установить контакт с местным населением, он регулярно проводил собрания, на которых жители могли рассказать о своих проблемах. Диксон долго добивался у шейха Исы согласия на создание муниципальной организации. В 1919 г. был учреждён Муниципальный совет, который состоял из восьми членов: четверо из них назначались правителем и представляли интересы бахрейнцев, остальные четверо – политическим агентом и представляли интересы иностранцев. Иса Аль Халифа назначил председателем совета своего сына, шейха Абдаллу. Первоначальными задачами Муниципального совета стало развитие инфраструктуры, системы здравоохранения, контроль над водными ресурсами; также совет получил разрешение создать небольшие полицейские отряды [8, сс. 20-23].

В 1920 г. в Бахрейне была открыта школа подготовки управленческих кадров, через год было образовано управление полиции. В тот же период произошло открытие первой типографии, была проведена телеграфная линия связи, установлено энергогенерирующее оборудование в Манаме.

Перед своим отъездом из Бахрейна Г. Диксон отмечал, что обстановка в стране становилась более напряжённой. Консервативные слои населения, в основном сунниты, были недовольны британским вмешательством во внутренние дела государства, видели в британских реформах нарушение традиционного уклада. Сунниты поддерживали Абдаллу Аль Халифу, который отличался политической активностью, и его сторонников, требуя у британцев пересмотреть свою политику в Бахрейне. Диксон связывал рост антибританских настроений с событиями, которые происходили в это время в Арабском мире. В Бахрейне распространялись египетские газеты, где авторы в своих статьях крайне негативно отзывались о Великобритании. Бахрейнцы были прекрасно осведомлены о событиях, происходивших в Египте, а также о движении в поддержку халифата, которое разворачивалось в Британской Индии¹. Диксон отмечал, что правитель Бахрейна Иса Аль Халифа часто затрагивал во время разговоров с политическим агентом тему о праве малых народов на самоопределение и независимость [17].

В рассматриваемый период в шиитской среде росло негативное отношение к правителю Бахрейна и правящей семье. Бахрейнские шииты находились в сложном

¹ Национально-освободительное движение в Индии в 1919–1924 гг.

положении: им было запрещено владеть землей, они были обязаны безвозмездно предоставлять членам правящей семьи своё имущество, могли подвергаться принудительному труду. Шииты и иностранцы в целом положительно относились к Г. Диксону и британским властям: они считали, что политика Лондона была направлена на обеспечение в стране безопасности и порядка [1, с. 293].

Диксон был вынужден покинуть Бахрейн из-за нараставших противоречий с правителем и его окружением. Новым политическим агентом Великобритании стал майор К. Дэйли (1921–1926 гг.). До приезда в Бахрейн он занимался подготовкой проекта административных реформ в Ираке. В отличие от своего предшественника, Дэйли действовал решительно и бескомпромиссно.

Новый политический агент стремился восстановить авторитет британской администрации в стране. Решение поставленной задачи он видел в подавлении антибританских настроений, поэтому спустя некоторое время после прибытия в Бахрейн К. Дэйли начал высылать из страны тех, кто не был согласен с действиями британских политиков. В оппозиции новому политическому агенту оказался Абдалла Аль Халифа и его союзники из политических кружков, оформившихся к тому времени [14, с. 92]. В 1921 г. Дэйли высла из Бахрейна ряд сторонников шейха Абдаллы, среди которых оказались Джасим аш-Ширави, друг шейха, и Х. Вахба, директор школы, созданной по инициативе Абдаллы ибн Исы.

Британский политический агент был намерен и дальше ослаблять позиции Абдаллы, так как он видел, что сын правителя Бахрейна продолжал пользоваться поддержкой у консервативных слоёв населения, критиковавших политику Великобритании. В качестве альтернативной фигуры шейху Абдалле К. Дэйли рассматривал его старшего брата Хамада, который, по мнению британского агента, был лоялен британским властям и более подходил для управления государственными делами. Дэйли пытался убедить правителя Бахрейна передать больше полномочий своему старшему сыну. Иса Аль Халифа согласился пойти на уступки и заменил Абдаллу в Совместном суде и Муниципальном совете на Хамада [8, с. 30].

В 1920-е годы бахрейнское общество разделилось на два лагеря. К первому принадлежал К. Дэйли, шейх Хамад и его сторонники, а также представители шиитской общины, которые поддержали идею проведения реформ. Ко второй группе относился правитель Бахрейна Иса Аль Халифа, Абдалла ибн Иса, а также сунниты, которые выступали против британского вмешательства во внутренние дела государства. В рассматриваемый период возросла политическая активность шиитской части населения Бахрейна: в 1921 г. делегация шиитов попросила британского агента, а затем и британского политического резидента, который в это время находился в Бахрейне, взять под защиту шиитов Бахрейна. В то же время сунниты направили британскому агенту своё обращение, в котором они выступили против проведения реформ. Британская администрация в Индии рекомендовала политическому агенту в Бахрейне не предпринимать активных действий [1, с. 294].

Политический агент считал, что для преодоления кризиса было необходимо сменить правителя Бахрейна. Как отмечал К. Дэйли, фигура шейха Исы олицетворяла собой прежний режим, который опирался на консервативные слои населения. К этому времени Иса Аль Халифа был правителем Бахрейна уже более 50-и лет и, по мнению Дэйли, не осознавал те изменения, что произошли в мире и в его стране [2, с. 19]. В мае 1923 г. Дэйли убедил шейха Ису отречься от престола в пользу своего сына Хамада.

Благодаря приходу к власти Хамада Аль Халифы политический агент Великобритании смог приступить к проведению административных реформ. У К. Дэйли сложились хорошие отношения с новым правителем. Многочисленные

петиции бахрейнцев, в которых они указывали на необходимость проведения реформ, также придавали уверенности британскому политическому агенту. На начальном этапе Дейли выделил три задачи, которые должны были быть решены в ходе преобразований: обеспечение равенства налогообложения, развитие судебной системы, защита прав ловцов жемчуга [16].

Одним из первых преобразований при шейхе Хамаде стало утверждение «цивильного листа», который определил ежемесячную выплату правящей семье Бахрейна в размере 30 000 рупий (что составило 40-50% от доходов страны). Это позволило установить контроль над расходами и выделить часть средств для государственных нужд [2, с. 75].

В 1920-е годы в Бахрейне развивалось движение в защиту прав ловцов жемчуга, так как в то время добыча жемчуга была основной хозяйственной отраслью страны. В 1924 г. были проведены реформы в жемчужном промысле. По рекомендации политического агента Хамад Аль Халифа издал закон о «фиксированном авансе» и возможности его покрытия в рассрочку, о праве ловцов оставлять работу и переходить на другую, об официальной отмене долгового рабства и т. д. Был учреждён специальный суд для рассмотрения дел, связанных с жемчужным промыслом [11, с. 93]. Принятые меры улучшили организацию труда на промыслах и положение ловцов, что позволило увеличить добычу жемчуга.

Далее реформы коснулись таможенной службы. В 1923 г. британские власти назначили начальником таможни Г.Н. Бауэра, который до этого служил в таможенной службе в Калькутте. Бауэр обнаружил ряд серьёзных нарушений, среди которых были злоупотребление служебным положением прежних чиновников и хищения. Благодаря его усилиям в казну удалось вернуть 70 000 рупий. Доходы от таможенных поступлений перенаправлялись на специальный правительственный счёт в Британском банке. В 1924 г. Бауэр был заменён на К. Гренье, который ранее проходил службу в Багдаде и Бушире. При новом британском чиновнике доходы Бахрейна увеличились на 20% [2, с. 72].

Британский политический агент приступил к реформированию судебной системы, так как её состояние вызывало недовольство у британских властей. Однако преобразования происходили медленно и были сопряжены с рядом трудностей. К концу 1920-х годов в Бахрейне действовало восемь судов. Были суды, в которых рассматривались дела суннитов, шиитов, но, как отмечал Дэйли, они были малоэффективны, поскольку члены правящей семьи продолжали оказывать влияние на их деятельность. В 1923 г. был открыт Суд шейха Хамада (государственный суд Бахрейна), дела в котором мог рассматривать только правитель Бахрейна. При создании нового суда был заимствован британский порядок рассмотрения дел, чтобы не допустить ущемления прав бахрейнцев, как это было раньше. Политический агент отмечал, что в стране отсутствовал кодифицированный свод законов, и это затрудняло деятельность судов, которые возглавлял Хамад Аль Халифа [13, с. 104].

В 1924 г. в Бахрейне были созданы полицейские отряды, в которых служили белуджи из Маската. Однако компетентность новой полиции была поставлена под сомнение: в 1926 г. один из белуджей убил двух своих коллег и ранил К. Дэйли [8, с. 55]. Полицейские отряды из белуджей были расформированы и заменены на пенджабцев из индийской армии.

Следующим шагом британской администрации стало проведение в Бахрейне земельной реформы. Был создан Департамент регистрации земельных участков с целью внесения в реестр сделок по продаже и передаче собственности, а также рассмотрения дел о земельных спорах. В стране был создан кадастр земельных угодий. К 1937 г. была осуществлена полная съёмка всех поселений Бахрейна, а её

материалы составили банк кадастровых данных. Это было необходимо для упорядочения системы землевладения и землепользования [3, с. 140]. Прежняя система землевладения была упразднена. Земля была разделена на следующие категории: частная земля, государственная земля, земли шиитской общины, земли суннитской общины, земли правящей семьи. В 1926 г. был создан Департамент по управлению вакфами².

После того как в Бахрейне сменилось несколько политических агентов британская администрация стремилась найти человека, который смог бы придерживаться последовательного курса при проведении реформ и консультировать правителя Бахрейна с тем, чтобы обеспечить их поддержку. В 1926 г. с согласия шейха Хамада была учреждена должность советника правителя Бахрейна.

В 1926 г. на эту должность был назначен Чарльз Белгрейв. На протяжении более 30-и лет (1926–1957 гг.) он являлся одной из самых влиятельных фигур в Бахрейне: был советником при эмирах Хамаде бен Исе Аль Халифе (1923–1942 гг.) и Сальмане бен Хамаде Аль Халифе (1942–1961 гг.). О роли Ч. Белгрейва в Бахрейне говорит тот факт, что на Западе эту страну называли «Белгравией» [3, с. 125].

Несмотря на то что Белгрейв был советником правителя Бахрейна по экономическим вопросам, он оказывал влияние и в других сферах. Заняв свой пост, Белгрейв продолжил курс на проведение реформ. Он курировал программу модернизации, которая предполагала создание современной системы образования, медицинского обслуживания и полиции. В результате проведенных реформ в сфере медицины в Бахрейне было введено доступное медицинское обслуживание, которое включало в себя вакцинацию, амбулаторное и стационарное лечение [18, с. 121].

Великобритания была заинтересована в развитии системы образования в Бахрейне, так как она нуждалась в квалифицированных кадрах в сфере управления. Для осуществления контроля в области образования здесь в 1927 г. был создан Комитет образования. Проведение образовательных реформ курировал Ч. Белгрейв, которому помогала жена, отвечавшая за женское образование [1, с. 174]. С 1925 по 1950 г. количество школ в Бахрейне увеличилось до 23, число учеников составило около 5000 человек. В 1941 г. в Манаме была открыта первая средняя школа [6, с. 81]. Для получения высшего образования молодые люди ехали учиться за рубеж. Так, в 1927 г. группа бахрейнцев поступила в Американский университет в Бейруте [1, с. 139].

Ч. Белгрейв инициировал проведение реформ в финансовой системе Бахрейна: был установлен контроль над всеми доходами страны, а также введена новая система, в соответствии с которой одна треть доходов резервировалась, вторая – выделялась на нужды правящей семьи и государственного аппарата, третья – расходовалась на нужды страны [3, с. 103].

* * *

С установлением британского протектората в истории Бахрейна начался новый этап, во время которого британскими властями были проведены реформы, заложившие основы современного государства.

В первой половине XX в. Соединённое Королевство стремилось создать в Бахрейне централизованную систему управления, чтобы снизить уровень социального напряжения и усилить свои позиции в стране. Несмотря на то, что

² Вакф – неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

политическим агентам Великобритании не удалось решить шиитский вопрос и построить эффективную судебную систему, британскими властями были проведены успешные реформы, которые предусматривали регистрацию земельной собственности, установление контроля над государственными финансами, создание органов местного и таможенного управления, учреждение Департамента по вопросам просвещения. Созданные в это время ведомства стали прообразом будущих министерств, что облегчило становление Бахрейна в качестве самостоятельного государства после обретения независимости в 1971 г.

Список литературы:

1. Ар-Румейхи М. Кадая ат-тагийр ас-сиясий ва аль-иджтимаий фи Аль-Бахрейн (1920–1970) [Social and Political Change in Bahrain in 1920–1970 (In Arabic)]. Эль-Кувейт: Аль-Вахда. 1976. 429 с.
2. Аш-Шахаби С. Аль-Бахрейн фи 1920–1971, аль-кыраа фи аль-васаик аль-британийя [Bahrain in 1920–1971: Reading British Records (In Arabic).]. Бейрут: Аль-Куруз Аль-Адабийя. 1996. 375 с.
3. Бодянский В.Л. Современный Бахрейн. М.: Наука. 1976. 301 с.
4. Исаев В.А., Филоник А.О. Королевство Бахрейн: опыт развития в условиях изм. ресурсной ориентации. М.: Институт востоковедения РАН. 2006. 291 с.
5. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: Наука. 1966. 372 с.
6. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединённые Арабские Эмираты, Оман) в XX – начале XXI вв. М.: Институт востоковедения РАН. 2016. 430 с.
6. Хейату аль-Бахрейн ли ас-сакафа ва аль-асар. Тариху аль-Бахрейн [The Bahrain Authority for Culture and Antiquities.] [Электронный ресурс] URL: <http://www.culture.gov.bh/ar/eservices/s,3759//> (accessed: 17.02.2018)
7. Al-Tajir M.A. Bahrain, 1920–1945: Britain, the Shaikh, and the Administration. L.: Croom Helm. 1987. 281 p.
8. Arabian Treaties (1600–1960): in 4 vols. Vol. 2: Bahrain, Qatar, United Arab Emirates. Slough: Archive Editions. 1992. 958 p.
9. Farah T.T. Protection and politics in Bahrain (1869–1915). Beirut: American University of Beirut. 1985. 241 p.
10. Farouhy A. The Bahrein Islands (750–1951): a contribution to the study of power politics in the Persian Gulf, an historical, economic, and geographical survey. N.Y.: Verry, Fisher & Co. 1951. 128 p.
11. Fuccaro N. Histories of city and state in the Persian Gulf: Manama since 1800. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 278 p.
12. Khuri F. Tribe and state in Bahrain: the transformation of social and political authority in an Arab state. Chicago: Chicago University Press. 1980. 289 p.
13. Lawson F. H. Bahrain: the modernization of autocracy. Boulder: Westview Press. 1989. 159 p.
14. Lorimer J. Gazetteer of the Persian Gulf, Oman, and Central Arabia: in 6 vols. Cambridge: Cambridge Archive Editions. 1986. Vol. 1. 3624 p.
15. Memorandum № 222-S. From Lieutenant-Colonel S. G. Knox, Political Resident in the Persian Gulf. // British Library: India Office Records and Private Papers, in Qatar Digital Library. [Электронный ресурс] URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100023403812.0x000058 (accessed: 10.04.2018)
16. Memorandum № 6-C. From Major H. K. V. Dickson, Political Agent (Bahrein), to The Civil Commissioner (Baghdad) and The Deputy Political Resident (Bushire). // British Library: India Office Records and Private Papers, in Qatar Digital Library. [Электронный

ресурс] URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100033163054.0x000060
(accessed: 02.04.2018)

17. Metz H. Persian Gulf states: country studies. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress. 1994. 479 p.

Об авторе:

Мария Николаевна Стецкова – студентка Факультета истории, политологии и права, Историко-архивный институт, РГГУ. Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: mstetskova@gmail.com

Bahrain under the British Protectorate in the First Half of the XXth Century

M.N. Stetskova

Russian State University for the Humanities

Abstract: *The period of the British protectorate was one of the most important stages of the modern Bahrain formation, an era of deep changes in Bahrain's everyday life. The article analyzes British policy in Bahrain in the first decades of the 20th century. The author examines the process of establishing British protectorate in Bahrain and administrative reforms that were initiated by the British authorities in order to modernize the country. Special attention is given to the conditions under which British political agents in Bahrain had to act. The article also discusses the reaction of the Sunni and Shia communities of Bahrain to the changes that were taking place in the country in the first half of the 20th century.*

Key words: *Bahrain, Great Britain, Persian Gulf, Al Khalifa, protectorate, administrative reforms, protests, Shia, Sunni.*

About the author:

Maria N. Stetskova – Student at the Division for History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, RSUH. Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6.

E-mail: mstetskova@gmail.com

Д.А. Тарасенко

Система безопасности на Ближнем Востоке: возможные форматы и направления развития

Российский институт стратегических исследований

Данная статья посвящена анализу теоретического и содержательного аспектов проблемы формирования системы региональной безопасности. Автор рассматривает различные форматы межгосударственной кооперации, ориентированные на создание подобной системы на Ближнем Востоке; существующие и наиболее перспективные для реализации институты межгосударственного взаимодействия по целевой проблематике.

Ключевые слова: безопасность, регионализм, институционализм, Ближний Восток, система безопасности, международное сотрудничество, внешняя политика.

Проблема безопасности: категориальный аппарат и накопленная теоретическая база

Вопросы безопасности занимают «сакральное» место в науке о международных отношениях. Определение самого понятия «безопасность» традиционно для основополагающего концепта в социально-политических дисциплинах имеет весьма размытые границы. В академическом сегменте это обстоятельство препятствует созданию универсального понятийного аппарата, утяжеляет диалог между представителями различных школ, вынуждает выстраивать дискуссию с самых основ, тем самым затрудняя переход результатов научного познания в практическую плоскость принятия решений [31, р. 8-9]. На прикладном уровне индивидуальное понимание акторами концепта «безопасность» также затрудняет коммуникацию, повышает уровень энтропии в системе межгосударственного взаимодействия, что отрицательным образом сказывается на её устойчивости.

В основу работы положен ранний тезис Б. Бузана о том, что безопасность входит в перечень «сущностно оспариваемых понятий», попытки сформулировать сколько-нибудь точное и строгое определение которого заранее обречены на провал [15, pp. 29-32]. По этой причине преимущественно диалектические исследования, характерные для постмодернистской традиции и нацеленные на выявление природы и характера данного феномена [10], останутся за рамками данной работы.

Кроме того, поскольку в качестве изначальной и неделимой единицы анализа данного исследования выступает государство, подходы, позиционирующие «индивида» как подлинный референтный объект безопасности [13, р. 319], также исключены из вышеозначенного предметного поля. Практическая ориентированность исследования не позволяет рассматривать концепт «безопасности» в качестве «негативной ценности» (отсутствия угроз и/или страха перед ними) [42, р. 488] из-за принципиальной невозможности её достижения на Ближнем Востоке в обозримой перспективе.

Продолжая тему определения границ исследовательского поля, необходимо отметить, что, согласно С. Уолту, чрезмерное расширение спектра

рассматриваемых проблем чревато разрушением методологической цельности и единства исследовательской программы, то есть доведением идеи расширения концепта безопасности до абсурда [40, р. 213].

Выбор государством кооперативной или оборонительной стратегии по отношению к своему окружению влияет на стабильность региональных систем безопасности, поэтому представляется целесообразным проанализировать, какой из двух наиболее распространенных и полярных подходов – реалистический или либеральный – обладает достаточным категориальным аппаратом для описания ситуации на Ближнем Востоке.

В контексте реализма неизменным остаётся отношение к государственной мощи, которая по мере развития самой парадигмы продолжает оставаться главным средством достижения и защиты национальной безопасности [41, р. 91]. Сила, прежде всего в её военно-политическом измерении, – опорный инструмент в арсенале игроков на международной арене, в то время как главным структурным элементом архитектуры международной системы, гарантирующим международную безопасность, выступает *баланс сил* [41].

Квинтэссенцией идей либеральной школы является модель коллективной безопасности или взаимозависимости, где одним из центральных положений выступает ориентация на международное сотрудничество, основанное на универсальных ценностях и общечеловеческих интересах [32, р. 165].

Проблема наличия множества конфликтных узлов, сформированных историческими, религиозными, этническими противоречиями характерна не только для Ближнего Востока. С точки зрения автора, отличие исследуемого региона состоит в том, что противопоставление себя соседу здесь положено в основу идентичности практически всех ключевых центров силы. Именно по этой причине в арабских странах на официальном уровне последовательно отрицают любую кооперацию с Израилем, а заявления руководства Ирана и Турции стабильно затрагивают тему «врага вовне».

В подобных условиях оперировать понятийным аппаратом реалистской парадигмы представляется более логичным, однако в дальнейшем институциональное оформление формирующейся системы безопасности на пространстве Ближнего Востока будет подвергнуто анализу, что потребует обращения к либеральной теории. Кроме того, нельзя исключать взаимовлияние обеих школ мысли: например, инкорпорация отдельных элементов *теории взаимозависимости* Дж. Ная и Р. Кохейна [39] позволила С. Уолту представить мировой общественности теорию *баланса угроз*, более совершенный вариант упомянутого *баланса сил*. В обновлённой концепции под *силой (мощью)* принято понимать совокупность факторов, которая наравне с военно-техническими включает финансово-экономические возможности государства, а также природные ресурсы и население [21, р. 42].

Региональная безопасность – реальность конструируемая или данная?

У понятия регион существует несколько значений, и все они имеют умозрительный характер. В текущем исследовании регион определяется не единой базовой функцией, но по совокупности черт (от исторической до цивилизационной близости), которые способствуют образованию межгосударственных связей, чья плотность для государств региона внутри него выше, чем за его пределами [28, р. 37]. Под Ближним Востоком в этой работе подразумевается регион Западной Азии и Северной Африки, включающий арабские государства Магриба (плюс Судан), Машрика, Персидского залива, Иран, Турцию и Израиль.

По мере усложнения динамики международных отношений, включения новых акторов в международные процессы, эксперты склонны опускаться на всё более локальный уровень анализа, поэтому всё большее значение в обеспечении региональной безопасности придаётся её субрегиональному подуровню [23, р. 216]. Такой тренд носит объективный характер, поскольку, например, повестка борьбы с террористическими группировками, обладая безусловной актуальностью, будет по-разному нюансироваться в регионах Северной Африки и арабского Машрика [20].

Наиболее целостное теоретическое обоснование процессов, приводящих к формированию регионов в качестве составных компонентов и акторов мировой политики, содержит предложенная представителями Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузаном и О. Уивером теория региональных комплексов безопасности (РКБ). Под РКБ подразумевается «группа единиц, чьи основные процессы, формирующие восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы, настолько взаимосвязаны, что проблемы их национальной безопасности не могут рассматриваться в отдельности друг от друга» [16, р. 201]. Определение подразумевает, что отнюдь не любая группа государств-соседей образует РКБ. Для того чтобы можно было говорить о появлении такого комплекса, целевое пространство должно отвечать заданным критериям. Так, американский специалист по изучению теории комплексов региональной безопасности П. Морган выделял несколько условий их формирования, которые можно объединить в три группы:

- 1) самоидентификация членов РКБ в качестве представителей одного региона, а также соответствующее восприятие их внешними акторами;
- 2) наличие объективных условий для автономии РКБ (география, историческая, культурная близость);
- 3) наличие субъективных условий для автономии РКБ (регулярные и интенсивные взаимодействия между членами комплекса) [33, р. 26].

Чрезвычайно важным аспектом сущностного понимания регионального комплекса безопасности является идея о том, что отношения между государствами в его рамках не обязательно должны быть формализованы на институциональном уровне. Весьма устойчивый конструкт на начальных этапах может формироваться на основе прагматичных двусторонних контактов наиболее значимых элементов системы (внешних и внутренних), обладающих наибольшей акторностью в регионе [30]. До кризиса 2016 г. институт Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) казался образцовым примером продвинутого этапа образования РКБ, однако последующий конфликт вводит в фокус параметр *устойчивости* системы безопасности.

В этом контексте системы отличаются друг от друга центросиловой структурой. Сильные игроки образуют полюса системы, делая её либо однополярной, либо биполярной, либо полицентричной. Чем больше центров силы в системе, тем она менее стабильна, тем выше уровень неопределенности в отношениях между полюсами, а значит, внутрорегиональные процессы в большей степени подвержены энтропии, а система – изменчивости. По мнению Т.А. Шаклеиной, наиболее стабильные региональные системы безопасности обладают одним ярко выраженным гегемоном, чья сила превосходит совокупную силу всех прочих элементов подсистемы [9, с. 179].

На Ближнем Востоке построение такой системы невозможно без масштабного конфликта между четырьмя-пятью локальными прото-гегемонами, и последующей репрессивной политикой победителя по отношению к побежденным, что в условиях высокой концентрации современного оружия и наличия сложной системы обязательств с внерегиональными акторами является крайне маловероятным сценарием.

Отсутствие возможности выстраивания жёсткой иерархической структуры и потребность в стабильности обращает нас к теории взаимозависимости. Успешное выстраивание асимметричных межгосударственных отношений рассматривает классическая работа Р. Кохейна, которая позволила разделить модели поведения государств на *балансирование* и *примыкание* [25, pp. 291-310].

Первая стратегия предполагает противопоставление наращивающему силу оппоненту и попытки сдержать его развитие, вторая – сближение с ним (чаще всего – вынужденное). Соответственно, считалось, что балансирование свойственно, прежде всего, сильным государствам – великим державам, а примыкание – малым и средним странам, неспособным оказать эффективное сопротивление. В дальнейшем комбинирование данных стратегий, по аналогии с концепцией «умной силы», было выделено в отдельную поведенческую категорию и определено как *маневрирование* [14, сс. 679-680]. Именно оно легло в основу поведенческих стратегий ключевых участников региональных систем безопасности.

Таким образом, устойчивая система региональной безопасности будет формироваться путём соблюдения согласованных форматов взаимодействия как между опорными акторами, так и между государствами с меньшей субъектностью. Данный процесс подразумевает *осознанность* и *конструирование* в качестве неперенных элементов региональной безопасности в противовес стихийно формирующимся межгосударственным связям, отражающим личные взгляды того или иного государственного руководителя.

Многосторонние форматы межгосударственного взаимодействия в области безопасности на Ближнем Востоке

Вышеизложенная характеристика понятия региональной безопасности подтверждает тот факт, что региональное сотрудничество в области безопасности начинается с осознания полезности подобного сотрудничества. При поддержке со стороны экспертного сообщества и средств массовой информации понимание необходимости интеграции подразумевает транзит ряда вопросов национального интереса стран в проблемы наднационального характера [15, сс. 135-139]. Такая тенденция трансформирует классическое вестфальское восприятие суверенитета как конечной и абсолютной ценности в категорию ресурсного актива, распорядиться которым необходимо как можно эффективнее из расчёта «выплата/выручка». Так, во избежание опасного редукционизма и для разработки комплексного понимания безопасности Р. Ульман предлагал поставить в центр исследований вопрос: «Чем мы должны быть готовы пожертвовать ради большей безопасности?» [38, p. 130].

Вместе с тем предметное поле феномена «безопасность» склонно приобретать максимально широкие рамки: от борьбы против терроризма и обороны в случае агрессии третьей стороны до помощи жертвам природных катастроф и программ по обеспечению занятости наиболее уязвимых категорий населения. Подобное восприятие проблемного поля отсылает к концепции «безопасность-развитие», которая предполагает, что обеспечение безопасности как развитых, так и развивающихся стран невозможно без создания условий для устойчивого развития [1]. Здесь необходимо отметить, что подобная комплексность может выступать лишь результатом развития наиболее успешных проектов интеграции, когда, отталкиваясь от опыта уже реализованных инициатив, возникает потребность перейти к следующему этапу взаимозависимости в более чувствительных к наднациональному управлению областях.

Согласно теории комплексной взаимозависимости Р. Кохейна, институты способны оказывать воздействие на поведенческую линию государств и стать

площадкой для выстраивания сотрудничества в анархической природе международных отношений [26 pp. 39-51]. Регион Ближнего Востока является неклассической единицей анализа в подобном разрезе, поскольку к концу второго десятилетия XXI в. в научно-экспертном сообществе утвердилось мнение о крайне ограниченной эффективности региональных межгосударственных институтов в вопросах восстановления стабильности и превентивного кризисного менеджмента на этом пространстве [8, с. 283-343].

Для последующего более подробного анализа уместным представляется классифицировать организации, разбив их на три категории: имеющие *универсальный характер*, *узкоспециальный характер* и *экономический профиль*, – в основу градации вкладывая критерий профильного направления деятельности институции (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Универсальный характер		Экономический профиль	Узкоспециальный характер
<i>Национальный характер</i> (ЛАГ, ДСА, САМ, СВМДА)	<i>Религиозный характер</i> (ОИС, КИМ, D-8, ЛИМ)	<i>Финансовый профиль</i> (ИБР, AFREXIMBANK, ABEDA)	<i>Рабочие группы формата ad hoc</i> («Комитеты мадридского процесса»)
		<i>Формат ЗСТ</i> (Средиземноморский Союз, САЭЕ, ПАФТА)	<i>Проблемы окружающей среды</i> (AFED)
		<i>«Ресурсный картель»</i> (ФСЭГ)	<i>Проблема использования гидроресурсов</i> (Арабский водный совет)
			<i>Вооруженные межгосударственные объединения</i> («Исламская антитеррористическая коалиция»)

Безусловно, существует ещё множество вариантов группировки региональных организаций в зависимости от целевого критерия. Так, часть международных институтов сформированы и функционируют при активном участии внерегиональных акторов, что также может послужить маркером классификации.

Исследуя институциональную основу потенциального ядра субрегиональных систем безопасности, надо отметить, что организации экономического профиля в рамках данной работы рассматриваются частично и методологически лишь качественно с точки зрения возможностей ликвидации социальных катализаторов государственных кризисов (бедность, безработица, ограниченность социальных лифтов и т. д.). В таком контексте кросстрановые инфраструктурные проекты, например, сеть международных железных дорог в Машрике («Arab Mashreq International Railway Network»), Магрибинский торговый союз [37] или Арабский газопровод (AGP), [17] будут соответствовать ранее упомянутому концепту «безопасность через развитие», снижая социально-экономическую напряжённость

за счёт повышения логистической проницаемости, упрощающей процесс перераспределения трудовых и экономических ресурсов внутри системы.

В случае трансграничной кооперации между регионами двух и более стран система взаимодействия способна выстраиваться без помощи государства, а иногда и вопреки усилиям официальных институтов. Именно так это происходит в пограничных районах Алжира и Марокко в городах Зуя, Баб эль-Асса, Магния и Ахфир, Куджа, соответственно [12]. Подобная тенденция свидетельствует о максимальной концентрации экономически выгодных связей, выдерживающих нагрузку издержек государственных запретов, и должна мотивировать государственных деятелей искать пути легализации подобных контактов.

Перспективной опорой региональной интеграции, частью которой со временем становятся вопросы безопасности и обороны, может выступить проект создания панарабской энергетической сети, её зачатки в Персидском заливе (GCC Interconnection Authority), Магрибе (Comite 'Maghrebien del'Electricite') и Машрике (проект «Восемь стран»). Различные по пропускной способности и масштабам проекты взаимосвязи в сфере электроэнергетики уже существуют между Сирией и Ливаном [4, с. 28], Сирией и Иорданией [11, р. 532], Иорданией и Египтом [11, р. 528], Египтом и Суданом [18]. Согласно концепции «энергетической дипломатии» М. Стонакера, Египет зарезервировал себе место среди архитекторов энергетической системы региона за счёт открытия крупных газовых месторождений в Средиземноморском бассейне [36] и благодаря сети соглашений с региональными и внерегиональными государствами для её реализации.

Межгосударственное инфраструктурное развитие закладывает электоральную площадку (одобрение «арабской улицы») для формирования более интегрированного пространства [6, с. 56]. Повышение взаимосвязи снижает риск прямого столкновения, вынуждая государства рассматривать силовой вариант преодоления разногласий в качестве наименее предпочтительного. Трансформация такой системы взаимодействия в первую очередь будет происходить через переговоры и дипломатию.

Анализ универсальных организаций как несущего элемента потенциальных систем безопасности на Ближнем Востоке логично начать с наиболее успешного, с точки зрения развития интеграции, первого десятилетия деятельности Лиги арабских государств. Организация достигла пиковых значений эффективности на фоне деколонизации арабских государств, чему способствовали идеи арабского национализма и социализма. В этот период на полях организации отсутствовали исламистские нарративы, Лига отражала интересы доминирующих в регионе государств – Египта, Ирака, Сирии – и была важным инструментом укрепления сотрудничества между странами-участницами в области экономики, финансов, торговли и др. (с начала 1950-х годов в ЛАГ было создано 19 специализированных межарабских организаций, охватывающих практически все аспекты экономической деятельности арабских государств) [7].

Конец условному периоду расцвета положила совокупность факторов субъективных (усиливавшаяся политическая разобщённость Арабского мира, личные амбиции отдельных арабских лидеров, рост популярности идеи исламского единства) и объективных (однотипность хозяйственных структур, сильная зависимость от мировой конъюнктуры, поражения в арабо-израильских войнах). Сегодня межгосударственные организации универсального характера на Ближнем Востоке отражают состояние системы, но не являются инструментом её формирования. Ушедшая система, напоминающая венский «концерт держав», чью роль выполнял триумвират Египет–Сирия–Ирак, не сменилась «новой

нормальностью»¹, оставив после себя несколько разновеликих антагонистичных центров силы. Чрезвычайно подвижная расстановка сил в регионе в обозримой перспективе исключает концепцию «всеобъемлющей/всеобщей безопасности» (comprehensive/overall security) [22].

Попытки идеологизировать проекты в области безопасности неизбежно активизируют систему распознавания «свой-чужой», что в условиях этнической, культурной и религиозной насыщенности региона приводит к дополнительному оформлению антагонизации. На международном уровне примордиальные нарративы уже не имеют той объединительной силы, которую они демонстрировали на протяжении второй половины XX в. Процесс складывания национальных идентичностей дошёл до той точки, когда во внутригосударственных процессах этническая принадлежность играет существенную роль, а вот при обращении процессов вовне панарабизм на уровне «улицы» начинает проигрывать «паспортной» идентификации. Религия во внешней политике также постепенно уступает прагматизму экономического и технического взаимодействия. На этом фоне классический конфликт между территориями веры и неверия трудно отследить за пределами риторики. Региональные протогогемоны также не выстраивают политику в рамках исламских концептов *территорий мира, войны и перемирия*.

Потенциал узкоспециальных проектов в процессе формирования инклюзивных субрегиональных систем безопасности раскрывается в рамках теории «перелива» (*spillover*), согласно которой накопленный эффект позитивного взаимодействия в одних сферах будет способствовать урегулированию кризисных явлений в других, обеспечивая возможности для межгосударственного взаимодействия [35, р. 260]. Успешная реализация своего функционала подобными институтами не только может содействовать укреплению доверия между странами, но и постепенно будет нивелировать угрозы, способствующие дефрагментации отдельных государств и всего региона.

Одним из примеров монопрофильного межгосударственного проекта, который имеет шансы на встраивание в ядро системы коллективной безопасности в целевом регионе, является Арабский водный совет, учрежденный в 2004 г. В условиях устойчивого демографического роста в государствах Ближнего Востока тот факт, что более 65% воды Арабского мира поступает из-за рубежа [3], возвращает нас к словам генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали, который в конце 1980-х годов предрекал, что причиной следующей региональной войны будет борьба за воду, а не политические разногласия [43]. К сожалению, на современном этапе международный институт, к чьей компетенции относятся проблемы внедрения новых технологий получения и сбережения пресной воды, поиски новых водных ресурсов, а также борьба с опустыниванием, не является активной частью процесса по урегулированию «водных кризисов». В ключевых конфликтных узлах вокруг гидроресурсов (Сирия–Ирак–Турция; Египет–Судан–Эфиопия) Совет не присутствует даже на уровне технической экспертной комиссии.

Таким образом, наблюдается формирование замкнутой цикличной модели – отсутствие системы не даёт возможности развиваться институтам, которые могли бы эту систему помочь сформировать. Это особенно деструктивно в условиях, когда практически в каждой арабской стране региона (за исключением государств Персидского залива) на экзистенциальном уровне требуется системная оптимизация управления водными ресурсами, развитие сети трубопроводов, создание или совершенствование системы утилизации жидких промышленных и

¹ Экономический термин, обозначающий ситуацию, сложившуюся после финансового кризиса 2007–2008 гг. и затем глобальной рецессии 2008–2012 гг. С тех пор он используется в различных других контекстах, когда то, что прежде считалось ненормальным, превратилось в заурядное явление.

коммунальных отходов, проведение мероприятий технического характера по сохранению и пополнению подземных источников воды.

Вместе с тем есть перспектива выстраивания каркаса системы межгосударственного взаимодействия по вопросам безопасности в формате рабочих групп, существующих, пока их подход и методика решения проблемного кейса сохраняют актуальность. Такой гибкий механизм воздействия на проблему позволяет не заикливаться на «мёртвом грузе» неудачных проектов, который неизбежно возникает при функционировании универсальных институтов в конфликтогенном регионе. Смешанный принцип формирования групп будет способствовать мониторингу ситуации на местах, в условиях недопущения представителей отдельных стран в самостоятельном качестве на определенные участки кризисных зон.

Создание профильных рабочих групп стало частью зашедшего в тупик «мадридского процесса» 1991 г.² Однако в той ситуации формат был частью максимально идеологизированного конфликтного узла, что ещё до старта работы над решением технических задач отрицательно сказалось на их восприятии.

Проекты институции, выполняющей полицейские функции на уровне региона (Middle East Treaty Organization – МЕТО, арабский аналог НАТО) или на кроссрегиональном уровне («Исламская антитеррористическая коалиция»), на сегодняшний день представляют собой плохо укоренённые в реальности политические конструкторы, что обусловлено целым комплексом причин.

На фоне отсутствия доверия и наличия противостояния разной степени интенсивности между значимыми элементами системы передача суверенных полномочий военного характера на наднациональный уровень представляется маловероятной.

1) Институт армии и разведсообщество в странах Ближнего Востока, как правило, занимают привилегированные позиции в государственной системе власти. Для передачи даже части функций и полномочий на межгосударственный уровень необходимо будет преодолеть их сопротивление.

2) Подобные проекты зачастую являются привнесёнными извне [27], поскольку резидентам региона известен изнутри абсолютно непригодный для их реализации контекст. Без понимания их необходимости местными игроками такие проекты обречены на фасадность и статус «зомби-организации» [6, с. 15].

3) Множественность кризисов, в которых различные страны региона находятся по разные стороны баррикад, максимально усложняет целеполагание такого проекта.

На основе вышеприведённого анализа можно выделить основные характеристики перспективных форматов региональной интеграционной инициативы. Первой уникальной чертой выступает направленность на содействие эффективному политическому транзиту нестабильных стран макрорегиона посредством проектов, действующих по принципу «безопасность–развитие». Как правило, такие инициативы направлены на обеспечение занятости, дополнительных возможностей для автономного трансграничного взаимодействия, что положительно скажется на политической стабильности и экономической безопасности сразу нескольких государств, увеличит количество связей в регионе, формируя фундамент

² Термин для обозначения комплекса действий, предпринятых в попытке урегулировать палестино-израильский конфликт в формате Мадридской мирной конференции, открывшейся 30 октября 1991 г. под совместной эгидой США и СССР. В ней принимали участие представители Израиля, палестинцев в рамках совместной палестино-иорданской делегации и других арабских стран. Конференция не достигла желаемых результатов, но вскоре были начаты тайные двусторонние израильско-палестинские переговоры, приведшие к подписанию «соглашений Осло».

для кооперации в более чувствительных областях. Ещё одним плюсом такой кооперации является возможность эффективной работы в разных масштабах и бюджетах – от локального (например, городского) до трансрегионального.

Вторым перспективным форматом для реализации представляется создание профильных *ad hoc* групп с привлечением внерегиональных игроков. В этом отношении одним из подспорьев системы может оказаться новая стратегия ЕС в отношении Ближнего Востока, которую кабинет Ф. Могерини трактует как «переход от донорской помощи к собственной игре» (*a player not a payer*) [5]. Россия, равноудалённая и имеющая конструктивные связи со всеми региональными игроками, способна выступать в качестве связующего звена или гаранта первичной структуры таких форматов. Позиция Вашингтона, если учесть его ресурсный потенциал, может стать как спойлером, так и трамплином для деятельности подобных институтов, однако их создание укладывается в нынешнюю стратегию США по сохранению на Ближнем Востоке минимально допустимого личного присутствия, в то время как вопросы обеспечения стабильности перекадываются на региональных союзников [30].

Рабочие группы могут быть направлены на борьбу с отдельными аспектами процесса фрагментации государств региона, занимаясь включением в государственную систему этно-конфессиональных меньшинств. Перспективным (хотя пока малореальным) мог бы стать совместный формат взаимодействия стран региона по решению проблемы сирийских беженцев: широкий ареал затронутых стран, высокая актуальность, яркая гуманитарная составляющая, возможность практики по деполитизации проблемного поля, перспективы по перенесению позитивного эффекта на более масштабные задачи, также требующие коллективного решения.

Подобные группы могут носить прикладной или консультативный характер, предполагая обмен опытом стран региона по обозначенной проблематике, разработку мер по увеличению инклюзивности властных систем, развитию различных секторов производства в провинциях и т. д. На пути к реализации подобных инициатив государствам региона придётся преодолеть накопленный негативный опыт региональных организаций по проблеме выстраивания эффективного курса в ответ на международные политические кризисы. В этом контексте максимально полно раскрываются преимущества *ad hoc* формата, который позволяет оперативно распустить группу при отсутствии прогресса и сформировать новую, основываясь на полученных от негативного эксперимента результатах.

Нельзя не признать, что прогнозирование создания наднациональной системы безопасности представляется преждевременным в регионе, где личности, как правило, довлеют над институтами. В обозримой перспективе система безопасности на Ближнем Востоке продолжит складываться вокруг малоформализованного сотрудничества «по осям», как Доха–Анкара и Каир–Абу-Даби–Эр-Рияд. Высокая зависимость от политики конкретного руководителя продолжит обуславливать нестабильность всей системы в момент смены правящей верхушки в осевых государствах и стагнацию на период между транзитами власти. Развитие системы при прочих равных будет формироваться в спорадически возникающих «ответвлениях» от осей. Например, формат Египет–Иордания–Ирак символизирует не только возвращение Ирака в привычный статус субъекта международных процессов в регионе, но и обещает опосредованный канал для прояснения позиций между Ираном и Саудовской Аравией [24].

Несмотря на то что для описания ситуации в регионе сподручнее обращаться к реалистскому дискурсу, перспективную отправную точку для создания системы

региональной безопасности государствам Ближнего Востока снова предлагает именно либеральная теория. Трактовка Дж. Наем безопасности как отсутствия серьезных угроз минимально приемлемому уровню поддержания базовых ценностей – экономического благосостояния, социальной автономии, политического статуса – может стать «мантрой» на воротах нового регионального порядка [34, р. 573].

Таблица 2. Список использованных сокращений

Сокращение	Оригинальное название	Расшифровка
АРЕ	جمهورية مصر العربية	Арабская Республика Египет
АС	African Union	Африканский Союз
ДСА		Диалог по сотрудничеству стран Азии
ИБР	بنك التنمية الاسلامي	Исламский банк развития
КИМ	عصبة العالم الإسلامي	Конгресс исламского мира
ЛАГ	جامعة الدول العربية	Лига арабских государств
ЛИМ	جامعة العالم الإسلامي	Лига исламского мира
ОИС	تنظيم التعاون الاسلامي	Организация исламского сотрудничества
ПАФТА	منطقة التجارة الحرة العربية	Панарабская зона свободной торговли
САМ	اتحاد المغرب العربي	Союз арабского Магриба
САЭЕ	Council of Arab Economic Unity	Совет арабского экономического единства
СВМДА		Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
ФСЭГ	Gas Exporting Countries Forum	Форум стран – экспортеров газа
ABEDA	Arab Bank for Economic Development	Арабский банк экономического развития
AFED	Arab Forum for Environment and Development	Арабский форум по развитию и окружающей среде
D-8	“D-8” Organization for Economic Cooperation	Организация по экономическому сотрудничеству «D-8»

Список литературы:

1. Бартенев В.И. Связка «безопасность–развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации. // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. Сс. 78-97.
2. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. // Сравнительная политика. 2012. №2 (8). Сс. 30-58.
3. Денисенко К. Вода в пустыне: мираж или реальность? // Российский совет по международным делам. 26.09.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/kristiana-denisenko/voda-v-pustyne-mirazh-ili-realnost/> (accessed: 01.04.19)

4. Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М.: МГИМО-Университет. 2015. 392 с.
5. Могут ли Россия и ЕС сотрудничать на Ближнем Востоке. // Московский центр Карнеги. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/75693> (accessed: 01.04.19)
6. Региональные организации: типы и логика развития. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. 2016. 88 с.
7. Сапронова М. Новая роль ЛАГ в региональных и международных отношениях. // Новое восточное обозрение. 13.03.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/03/17/novaya-rol-lag-v-regional-ny-h-i-mezhdunarodny-h-otnosheniyah/> (accessed: 01.04.19)
8. Степанова Н.В. Интеграционные процессы в арабском мире. // Восток и Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО-Университет. 2005. Сс. 283-343.
9. Шаклеина Т.А. Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века. // Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс. 2013. Сс. 283-299.
10. Юдин Н. Расширение проблематики исследования безопасности. // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. Сс. 60-78.
11. Arcas R., Akondo N., Rios J. Energy trade in the MENA region: looking beyond the Pan-Arab electricity market. // *The Journal of World Energy Law & Business*. 2017. Vol. 10. Iss. 6. Pp. 520-549.
12. Barriers versus smugglers: Algeria and Morocco's battle for border security. // Carnegie Endowment for International Peace. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2019/03/19/barriers-versus-smugglers-algeria-and-morocco-s-battle-for-border-security-pub-78618> (accessed: 01.04.19)
13. Booth K. Security and emancipation. // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. Iss. 04. Pp. 313-326.
14. Browning C.S. Small, smart and salient? Rethinking identity in the small states literature. // *Cambridge Review of International Affairs*. 2006. Vol. 19. No. 4. Pp. 669-684.
15. Buzan B. People, states and fear: an agenda for international security studies in the post-Cold War era. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1991. 318 p.
16. Buzan B. Weaver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.
17. Egypt seeks Africa development via Cairo-Cape Town Road. // *Egypt Today*. 03.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.egypttoday.com/Article/1/64201/Egypt-seeks-Africa-development-via-Cairo-Cape-Town-Road> (accessed: 01.04.19)
18. Egypt to supply Sudan with electricity. // *Al-Monitor*. 13.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/03/egypt-stations-export-electricity-sudan.html> (accessed: 01.04.19)
19. Federated Defense in the Middle East. // Centre for Strategic & International Studies. 17.09.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/federated-defense-middle-east> (accessed: 01.04.19)
20. Filiu J.-P. Al-Qaeda in the Islamic Maghreb: Algerian challenge or global threat? // *Carnegie Papers, Middle East Program*. 2009. No. 104.
21. Gallarotti G.M. Cosmopolitan power in international relations: asynthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 326 p.

22. Hansen L. A case for seduction? Evaluating the poststructuralist conceptualization of security. // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. No. 4. Pp. 369-397.
23. Hentz J.J., Bøås M. New and critical security and regionalism: beyond the nation state. Aldershot: Ashgate. 2003. 216 p.
24. Iraq inches closer to Egyptian, Jordanian axis. // *Al-Monitor*. 02.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/04/egypt-jordan-iraq-meeting-economy-political.html> (accessed: 01.04.19)
25. Keohane R.O. Lilliputians' dilemmas: small states in international politics. // *International Organization*. 1969. Vol. 23. Iss. 02 (Spring). Pp. 291-310.
26. Keohane R.O. The promise of institutionalist theory. // *International Security*. 1995. No. 20 (1). Pp. 39-51.
27. Khalidi R. Why Donald Trump's 'Arab Nato' would be a terrible mistake. // *The Guardian*. 22.05.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/may/22/why-donald-trumps-arab-nato-would-be-a-terrible-mistake> (accessed: 01.04.19)
28. Lake D. Regional hierarchy: authority and local international order. // *Review of International Studies*. Vol. 35 «Globalising the Regional, Regionalising the Global». Iss. S1. 2009. February. Pp. 35-38.
29. Mearsheimer J. The false promise of international institutions. // *International Security*. 1994/1995. Vol. 19. No. 3. Pp. 5-49.
30. Mearsheimer J., Walt S. The case for offshore balancing as a superior U.S. Grand Strategy. // *Foreign Policy*. 2016. Vol. 95. No. 4. Pp. 70-83.
31. Mitchell A. Only human? A worldly approach to security. // *Security Dialogue*. 2014. Vol. 45. No. 1. Pp. 5-21.
32. Moravcsik A. Liberal International Relations Theory. A Scientific Assessment. // *The progress of international relations theory: appraising the field*. C. Elman and M.F. Elman, eds. Cambridge, MA: MIT Press. 2003. Pp. 159-205.
33. Morgan P.M. Regional security complexes and regional orders. // *Regional orders: building security in a new world*. D.A. Lake, P.M. Morgan, eds. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press. 1997. Pp. 20-45.
34. Nye J.S. Collective economic security. // *International Affairs*. 1974. Vol. 50. No. 4. Pp. 584-598.
35. Schmitter P.C., Ernst B. Haas and the legacy of Neo-Functionalism. // *Journal of European Public Policy*. 2005. No. 12/2. Pp. 255-272.
36. Stonaker M.E. Energy infrastructure as a diplomatic tool: the Arab gas pipeline. // *Journal of Energy Security*. 14.10.2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=270:energy-infrastructure-as-a-diplomatic-tool-the-arab-gas-pipeline-in-perspective&catid=112:energysecuritycontent&Itemid=367 (accessed: 01.04.19)
37. The Maghreb Union is one of the worst-performing trading blocks. Here are five ways to change that. // *World Economic Forum*. 01.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/06/five-ways-to-make-maghreb-work/> (accessed: 01.04.19)
38. Ullman R.H. Redefining security. // *International Security*. 1983. Vol. 8. No. 1. Pp. 129-153.
39. Walt S. The origins of alliances. Cornell University Press. 1990. 321 p.
40. Walt S. The renaissance of security studies. // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 2. Pp. 211-239.
41. Waltz K. Theory of international politics. Menlo Park, California: Addison-Wesley. 1979. 251 p.

42. Wolfers A. «National security» as an ambiguous symbol. // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67. No. 4. Pp. 481-502.
43. اليوم // حرب عالمية ثالثة بسبب المياه. 07.08.2002. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alyaum.com/article/1008191>(accessed: 01.04.19)

Об авторе:

Дмитрий Александрович Тарасенко – магистр международных отношений, младший научный сотрудник РИСИ. Россия, 125413, Москва, ул. Флотская, 15Б.
E-mail: dmitry.tarasenko@riss.ru

Security System in the Middle East: Eventual Formats and Lines of Development

D.A. Tarasenko
Russian Institute for Strategic Studies

Abstract: *This article concentrates on theoretical and substantive aspects of the problem of regional security systems. The author focuses on various formats of intergovernmental cooperation aimed at the creation of such a system in the Middle East. The existing and most promising institutions for intergovernmental cooperation for security have been researched and analyzed.*

Key words: *security, regionalism, institutionalism, Middle East, security system, international cooperation, foreign policy.*

About the author:

Dmitry A. Tarasenko – Master of International Relations, Junior Researcher at RISS. Russia, 125413, Moscow, Flotskaya street, 15B.
E-mail: dmitry.tarasenko@riss.ru

Борьба за сохранение иранской «ядерной сделки» и позиция Франции

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

В данной статье анализируется развитие кризиса вокруг так называемой иранской «ядерной сделки» – Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2017–2019 гг. с акцентом на позицию Франции как одного из подписантов и ключевых действующих лиц соглашения. Автор исследует основы, на которых зиждется подход Франции к судьбе документа, краткую историю переговоров, которые привели к подписанию Плана, ключевые разногласия в подходах Парижа, Вашингтона и Тегерана к судьбе СВПД. Подробно прослеживаются основные этапы кризиса вокруг последнего, инициативы США и Ирана, а также реакция на них Франции. Показано, что до выхода Вашингтона из соглашения Париж совершал манёвры, стремясь выступить посредником между Вашингтоном и Тегераном. После выхода Д. Трампа из «ядерной сделки» и анонса санкций в мае 2018 г. Франция продолжила борьбу за сохранение Плана. Тем не менее, создание Францией и Европейским союзом блокирующего регламента не спасло европейский бизнес от ухода с иранского рынка, поэтому после вступления в действие первого пакета американских санкций Париж вместе с Берлином, Лондоном и Брюсселем приступили к обсуждению принципов нового механизма для сохранения торговли с Ираном в обход санкций. Он был создан в январе 2019 г. – уже после ввода второго пакета американских санкций, в условиях, когда Иран также усилил давление на ЕС с целью получения экономической помощи. В статье рассматриваются плюсы и минусы заявленного механизма, заработавшего летом 2019 г., и делается вывод, что его создание демонстрирует готовность Евросоюза бороться за свои интересы на Ближнем Востоке, бросая прямой вызов США. В то же время не стоит переоценивать значение созданного механизма, которому ещё предстоит доказать свою способность решить задачу сохранения торговли ЕС и Ирана в обход американских санкций. Кроме того, борьба за «сделку» не завершена, и от Европейского союза потребуются новые усилия для подтверждения своей субъектности, если санкционная война США и Ирана перейдёт в реальные боевые действия.

Ключевые слова: Иран, СВПД, ядерная сделка, Франция, США, нераспространение, санкции.

Борьба за нераспространение ядерного оружия является одной из ключевых задач для международного сообщества, подписавшего в 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Последнее на сегодняшний день крупное достижение в этой сфере – заключение 14 июля 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (далее – СВПД) по иранской ядерной программе, известного также как иранская «ядерная сделка». Её участниками, помимо Ирана, стали шесть стран: «евротройка» (Франция, Великобритания и Германия), США, Россия и Китай. Заключение СВПД завершило долгие переговоры, которые с

Тегераном вели сначала «евротройка» (с 2003 г.), а затем «шестёрка»¹. Выход Соединённых Штатов из соглашения в 2018 г. поставил под вопрос как судьбу СВПД, так и будущее ядерной программы Ирана, и в целом – безопасности ближневосточного региона.

В данной статье будет рассмотрена позиция Франции (одного из ключевых акторов «шестёрки»), принимающей активное участие в переговорах с Ираном и продолжающей борьбу за сохранение Плана. Эта позиция серьёзно отличается как от взглядов США, резко критикующих Иран, так и от политики России и Китая, в целом с большим пониманием относящихся к этой стране, особенно в контексте сирийского кризиса. В условиях, когда Великобритания с 2016 г. погружена в решение проблем Брекзита, а Германия не имеет ядерного оружия и места в Совете Безопасности ООН, именно Франция, на наш взгляд, способна максимально рельефно выразить отношение Евросоюза к вопросам сохранения СВПД на международном уровне. Постараемся обозначить суть этой позиции и возможное направление её эволюции.

Причины французского интереса к сохранению СВПД

Иранская ядерная программа насчитывает более 60 лет: ещё при шахе Мухаммеде Реза Пехлеви в 1974 г. была создана Организация по атомной энергии Ирана и принят план развития ядерной энергетики. Франция как технологически передовая держава наряду с другими странами ЕЭС (Великобритания, Италия, Бельгия, ФРГ) и США стояла у её истоков, поставляя оборудование для атомных станций. При этом Иран подписал в 1968 г. и ратифицировал в 1970 г. ДНЯО. После революции 1979 г. ядерная программа Ирана была заморожена, но с началом ирано-иракской войны, по мнению некоторых исследователей, она была возобновлена. Куратором ядерной программы Исламской Республики Иран стал Корпус стражей исламской революции (КСИР). Как отмечает иранист В.И. Сажин, главным стимулом к созданию ядерного оружия является «вечная мечта всех иранских правителей» о превращении страны в региональную сверхдержаву. После раскрытия тайны израильского ядерного оружия иранские СМИ открыто заговорили о том, что Иран имеет такое же право на военный атом [8, сс. 76-77].

В 2002 г. МАГАТЭ заявило об обнаружении в Иране элементов секретной ядерной программы: двух заводов по обогащению урана в Натанзе и завода по производству тяжёлой воды в Араке. Это серьёзно обеспокоило страны ЕС. Париж, Лондон и Берлин совместно начали переговоры с Тегераном. 21 октября 2003 г. министры иностранных дел трёх стран в ходе визита в Иран подписали Тегеранскую декларацию: по её условиям, ИРИ обязывалась сотрудничать с МАГАТЭ в вопросах использования ядерной энергии в мирных целях и отказывалась от ядерных разработок в военной сфере. 18 декабря 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол к ДНЯО, по которому МАГАТЭ получило право на инспекцию любых иранских ядерных объектов (протокол не был ратифицирован иранским парламентом). 14 ноября 2004 г. «евротройка» подписала с ИРИ Парижское соглашение, по условиям которого Иран гарантировал, что его ядерная программа предназначена исключительно для мирных целей. Но после избрания президентом ИРИ М. Ахмадинежада в 2005 г. Тегеран возобновил ядерные разработки. Франция поддержала резолюции №№ 1696, 1737, 1747 и 1802, принятые Советом Безопасности ООН в 2006–2008 гг., которые не повлияли на Тегеран. Поэтому в июне 2010 г. ЕС вслед за ООН принял пакет санкций против Ирана, введя эмбарго

¹ В 2006 г. «тройка» переговорщиков превратилась в «шестёрку» за счёт подключения России, США и Китая.

на инвестиции в нефтегазовую отрасль страны, ограничив выдачу виз и заморозив активы иранских правящих кругов.

Переговоры «шестёрки» с ИРИ завершились 14 июля 2015 г. подписанием СВПД. Тегеран обязывался ограничить ядерную программу, отказаться от разработки ядерного оружия, поставить под контроль МАГАТЭ полученные запасы и ядерные материалы, а взамен «шестёрка» обещала ему гарантии доступа к мирной атомной энергии, снятие всех санкций СБ ООН и других санкций [9]. Это исключало в течение 10–15 лет создание в Иране атомной бомбы и засекреченную деятельность военного характера [8, сс. 82-83]. Оценивая достигнутый результат, тогдашний глава МИД Франции Л. Фабиус подчеркнул позицию Франции: «Да – мирному использованию атомной энергии для Ирана, нет – ядерному оружию». Он также отметил, что эмбарго на поставку вооружений продлится пять лет, но на баллистическое оружие оно будет действовать восемь лет [10]. 20 июля 2015 г. Франция в числе прочих членов СБ ООН приняла резолюцию № 2231, одобряющую СВПД. 18 ноября 2015 г. «шестёрка» и Иран подписали официальный акт о трансформации ядерного реактора в Араке в реактор, не распространяющий ядерное оружие. В 2016 г. Европейский союз и США сняли с Ирана экономические и финансовые санкции, экономика ИРИ получила возможности для интенсивного развития.

Позиция Франции, стремящейся сохранить СВПД, объясняется как минимум четырьмя причинами. Во-первых, Париж оберегает своё место в своего рода элитарном «клубе» ядерных держав и стремится не допустить его расширения. Наличие ядерного оружия резко выделяет Францию на фоне множества других развитых стран в Европе и в мире, позволяя использовать этот стратегический и военно-политический козырь в решении ряда вопросов: от лоббирования своих интересов в ЕС и НАТО до переговоров с Ираном. Франция с сожалением отреагировала на обретение ядерного статуса Индией и Пакистаном в 1998 г. и призвала обе страны подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.; осуждает ядерные испытания КНДР, начиная с 2006 г.; с беспокойством реагирует на ядерную программу Ирана.

Во-вторых, расширение «ядерного клуба» беспокоит Париж, потому что ядерные технологии способны попасть в руки незападных (или, что ещё хуже, – антизападных) правительств. Именно поэтому реакция Франции на ядерные испытания Индии и Пакистана была хотя и негативной, но в целом мягкой. Ни Индия (которая приняла доктрину отказа от первого ядерного удара, обязалась не передавать ядерные технологии другим странам, ввела мораторий на ядерные испытания [19]), ни Пакистан, отчасти зависимый от США, не рассматриваются в Париже как потенциальные оппоненты Запада. Этого нельзя сказать о КНДР и ИРИ, чьи антизападнические политические философии и модели развития стали основанием для их включения в американский список «государств-изгоев». Во французской Белой книге 2013 г. отмечалось, что любое увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием, в политически нестабильных регионах способно усложнить урегулирование кризисов, спровоцировать распад ДНЯО, увеличить риск нарушения ядерного табу. «Банализация ядерного оружия может привести к тому, что некоторые из его обладателей будут рассматривать его как средство применения на поле боя. Наконец, распад государства с ядерным потенциалом откроет путь к особенно опасным сценариям», – отмечается в книге [29, сс. 37-38]. Северная Корея и Иран указаны как два главных источника беспокойства в вопросах ядерного распространения в Стратегическом докладе по вопросам обороны и безопасности, принятом во Франции в 2017 г. [33, сс. 40].

В-третьих, ядерная программа Ирана прямо связана с ближневосточными проблемами: ирано-израильский конфликт, борьба за региональное лидерство между Ираном и Саудовской Аравией, стабильность нефтяной добычи в регионе и пр. Как указывал нынешний глава МИД Франции Ж.-И. Ле Дриан, в случае выхода Тегерана из СВПД соседи Ирана могут почувствовать прямую угрозу и либо превентивно вмешаются, либо сами приобретут ядерный арсенал, что серьёзно ударит по безопасности во всём регионе [25].

В-четвертых, подписание Ираном СВПД стало не только важной победой французской дипломатии, но также позволило вывести эту страну из-под режима международных санкций, открыв её рынок для французского бизнеса. Так, в июле 2017 г. французская компания Total подписала контракт на освоение месторождения Южный Парс в Иране. Сюда вернулись и другие французские компании.

Разногласия в подходах Франции и США к СВПД

Избранный президентом США Д. Трамп счёл СВПД угрозой для американских интересов своей страны и потребовал его пересмотра. По мнению Трампа: 1) у международных инспекторов нет возможности контролировать все объекты Ирана, включая военные; 2) СВПД не гарантирует того, что Иран никогда не сможет получить ядерное оружие; 3) срок действия документа слишком мал – всего 10–15 лет; 4) СВПД не запрещает Ирану создавать баллистические ракеты, способные нести ядерные заряды; 5) политика ИРИ на Ближнем Востоке является экспансионистской.

Как считает В.И. Сажин, внимательный анализ позволяет оспорить все эти аргументы: 1) МАГАТЭ, согласно СВПД, имеет право и обязанность на проведение регулярных проверок ядерных объектов в Иране; 2) грань, разделяющая мирную и военную атомную программу чрезвычайно расплывчата, но ДНЯО допускает мирный атом, а для контроля за военной сферой существует МАГАТЭ; 3) бессрочный СВПД противоречит ДНЯО; 4) СВПД касается только ядерной программы, не ограничивая баллистическую, не говоря о внешней политике Ирана. Разумеется, сама по себе ракетная программа ИРИ может внушать опасения, но она не должна подрывать уже достигнутое с таким трудом соглашение [8, сс. 85-86].

Э. Макрон, избранный президентом Франции в мае 2017 г., сразу же обозначил готовность защищать СВПД от посягательств США. В августе 2017 г. президент, выступая на встрече с посольским корпусом Франции, заявил, что для этого документа нет альтернативы. На многочисленных встречах с Д. Трампом он не раз поднимал вопрос о сохранении Плана, пытаясь убедить своего визави не выводить Соединённые Штаты из СВПД. Лучше всего разницу в подходах двух стран продемонстрировали выступления Макрона и Трампа на Генассамблее ООН в Нью-Йорке 19 сентября 2017 г. Если Трамп публично назвал заключение СВПД «большой ошибкой», то Макрон квалифицировал этот документ как «основательное, надёжное соглашение, позволяющее гарантировать то, что Иран не получит доступа к ядерному оружию. Разорвать его [договор – Прим. авт.] сегодня, ничего не предлагая взамен, было бы большой ошибкой, не соблюдать СВПД было бы безответственно, ибо эта договорённость полезна и значима» для мирного процесса. По мнению президента Франции, «остаться в рамках этого обязательства значило бы лучше всего контролировать процесс» (выполнения СВПД. – Прим. авт.) [16; 34]. В то же время Макрон допустил, что документ может быть дополнен договоренностями по иранским баллистическим ракетам (по мнению Франции, они не соответствуют резолюции 2231 и «дестабилизируют» регион), но только после 2025 г., когда истечёт срок действия СВПД. Иран, со своей стороны, предупредил страны ЕС о недопустимости новых санкций ради сохранения Плана и заявил, что

не будет обсуждать вопросы своего влияния в регионе или баллистической программы в качестве «условий» для переговоров.

12 января 2018 г. Д. Трамп заявил о сохранении участия Соединённых Штатов в СВПД, но потребовал от ЕС принять участие в исправлении соглашения. Осознав непреклонность американского президента, Париж перешёл к стадии торга с Вашингтоном и Тегераном по этому документу. 4-5 марта 2018 г. Ле Дриан нанёс визит в Тегеран, пытаясь добиться от иранцев уступок по баллистической программе и по политике в Сирии, чтобы убедить Трампа соблюдать СВПД. Иран отказался от этого. В условиях намечающегося разрыва США с ЕС по данному вопросу французский МИД заявил 22 марта 2018 г. о важности сохранения Плана и необходимости для Соединённых Штатов принять соответствующее решение. В то же время в ходе своего визита в США 23-25 апреля 2018 г. Макрон предложил, чтобы «шестёрка» заключила с Ираном дополнительное соглашение, которое могло бы сохранить США в СВПД. Оно могло бы включать четыре пункта: 1) иранская ядерная программа остаётся под контролем международного сообщества в рамках соглашения; 2) стороны подписывают новые договорённости, гарантирующие мирный характер иранской ядерной программы; 3) на развитие баллистических ракет ИРИ накладываются ограничения; 4) Ирану предлагается снизить внешнеполитическую активность на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии. Таким образом, в позиции Франции произошел дрейф в сторону американской точки зрения [22]. Эти предложения никак не могли устроить Иран, поскольку урезали его субъектность на международной арене, и поэтому миссия Макрона не принесла результатов.

Выход США из СВПД и судьба европейского бизнеса в Иране

8 мая 2018 г. Д. Трамп объявил о выходе из «ядерной сделки» и о возобновлении экстратерриториального санкционного режима против Ирана. Через день Париж связался с Тегераном. 10 мая 2018 г. Ле Дриан назвал шаг Трампа «плохим решением», раскритиковав его за выход из соглашения, выработанного с большим трудом и закреплённого решением Совета Безопасности ООН. Он отметил, что демарш США может способствовать распространению ядерного оружия и усилить военную напряжённость между ИРИ и Израилем. Французский министр подчеркнул, что СВПД остаётся в силе, его намерены соблюдать вся «евротройка», Китай, Россия и сам Иран. В то же время Ле Дриан снова предложил подписать рамочное соглашение, охватывающее вопросы иранских баллистических ракет и политики ИРИ на Ближнем Востоке. Он отметил, что санкции со стороны Вашингтона в отношении компаний, работающих на иранском рынке, неприемлемы, и пообещал, что Брюссель примет меры для защиты своих фирм [26].

США усилили давление на Иран, выдвинув 22 мая Тегерану 12 условий для работы по новой сделке. На следующий день уже Иран выдвинул семь условий «евротройке» для сохранения СВПД. Оба перечня были априори невыполнимыми и преследовали, скорее, пропагандистские цели. Из 12 американских условий позиции Франции частично совпадали лишь с тремя (гарантия того, что у Ирана не будет ядерного оружия; необходимость включить в новое соглашение баллистические ракеты и региональную политику Ирана). Позиция Тегерана по всем трём вопросам, естественно, была противоположной. Тем не менее, из семи условий ИРИ европейская позиция отчасти соответствовала тоже трём (необходимость сохранить деловые операции европейских банков с Ираном; противодействие попыткам США ввести антииранские санкции; публичное осуждение действий Вашингтона в форме резолюции). Разумеется, об осуждении как таковом речь не шла, но 6 июня 2018 г.

«евротройка» выпустила публичное воззвание к США, выразив сожаление по поводу решения Трампа и призвав Белый дом исключить из санкций европейские компании.

Тем временем Соединённые Штаты сделали новый шаг, предложив Евросоюзу сократить импорт иранской нефти. Это предложение «евротройка» проигнорировала. Со своей стороны, Франция снова предложила Ирану обсудить идею нового соглашения о ракетах и ближневосточной политике.

К лету 2018 г. обострился вопрос о продолжении работы в ИРИ европейских (и, в частности, французских) компаний. Уже в мае, после демарша США, работы в Иране остановила Total (в 90% её финансовых операций участвуют американские банки), вслед за ней другая энергокомпания – Engie – объявила, что свернёт в ноябре иранские проекты. В июне о прекращении работы в ИРИ заговорили в «Пежо-Ситроен» (Groupe PSA) и в банковской группе Wormser. В июле за ними последовали транспортные гиганты Airbus и CMA CGM, страховые компании AXA и Scor SE, Ingenico Group (электронные платежи) и Renault. В августе дело дошло и до авиационных компаний ATR и Air France–KLM Group. О сворачивании бизнеса в Иране также заявили многочисленные компании из других стран Евросоюза (австрийская OMV, британские British Airways и Lloyd's of London, датский Maersk Tankers AS, итальянская Eni, немецкие BASF, Daimler, Deutsche Bank, Deutsche Telekom, Lufthansa, Siemens, Volkswagen и Wintershall, нидерландская Royal Dutch Shell, финляндская Nokia, шведские Volvo и Scania), из России («Газпром», «Лукойл» и «Роснефть»), Индии, Индонезии, Катара, Китая, Турции, Южной Кореи и Японии, не говоря о США (Boeing, General Electric, Nike и др.) – всего не менее 110 фирм [38].

Серьёзный исход европейского бизнеса из ИРИ не мог устроить ни ЕС, ни Францию, поэтому Еврокомиссия ещё 18 мая подготовила первую меру – блокирующий регламент. Он запрещал европейским компаниям выполнять экстерриториальные санкции США, разрешал им возмещать в судебном порядке потери от действия третьих лиц, выполняющих санкции, и аннулировал действие на территории Евросоюза любых иностранных судебных решений по исполнению американских санкций [20]. Представители стран – членов СВПД (без участия США) встретились 5 июля 2018 г. с президентом Ирана Х. Рухани, а 6 июля пообещали Тегерану ряд мер для спасения ситуации – сохранить экономические отношения, экспорт нефти, экспортные кредиты, страховки для нефтяных танкеров и т. д.

Реакция Франции на ввод американских санкций

Во второй половине 2018 г. Вашингтон перешёл к практическим мерам против Тегерана. 7 августа вступил в действие первый пакет санкций, запрещающий правительству и ряду граждан ИРИ (связанных с энергетическим, транспортным, кораблестроительным и портовым секторами иранской экономики) въезд в США и покупку американских банкнот или драгоценных металлов, а также запретивший физическим и юридическим лицам совершать сделки с иранским нефтяным и автомобилестроительным сектором, поставлять в Иран ряд товаров [31].

Иранская политическая элита отреагировала на это консолидацией вокруг президента. Верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи заявил, что «Ирану не о чем беспокоиться», КСИР и консервативные силы также поддержали президента [1]. По сути, Вашингтон поставил международный бизнес перед выбором: либо уйти с иранского рынка, чтобы не попасть под санкции (сигнал, адресованный крупным частным компаниям, работающим на рынках США и ЕС), либо остаться в Иране, но попасть под удар санкционного пакета (возможный выбор для компаний, в меньшей степени зависящих от американского рынка) [8, с. 86; 13].

Как отмечает В.И. Сажин, объявленные Трампом антииранские санкции потеряли определение «международные». Если в 2011–2016 гг. против Тегерана

выступал почти весь мир, то сегодня антииранская инициатива Трампа не поддерживается никем [8, с. 86]. Россия осудила санкции США и заявила о готовности сотрудничать с Ираном вместе с «другими ответственными участниками СВПД» [6]. Китай также выступил против санкций и заявил, что будет защищать свои законные права. Главы МИД Франции, Германии, Великобритании и Высокий Представитель ЕС Ф. Могерини объявили, что сожалеют о решении США, напомнили, что СВПД продолжает действовать, а МАГАТЭ в 11-й раз зафиксировало исполнение ИРИ своих обязательств. Они сообщили о готовности защитить европейские компании, торгующие с Ираном, о намерении сохранить финансовые отношения с ним и обеспечить экспорт иранской нефти и газа. Дипломаты подчеркнули: работа будет продолжена, особенно с третьими странами, желающими поддержать СВПД и сохранить экономические связи с Ираном [18].

Несмотря на заявления европейских политиков, исход европейского бизнеса из ИРИ к осени 2018 г. показал, что «блокирующий регламент» малоубедителен. Аятолла Хаменеи даже заявил, что Иран должен оставить надежды на спасение европейцами «ядерной сделки» [8, сс. 87-88]. Поскольку Тегеран отказался заключать дополнение к СВПД, от ЕС требовались более практические шаги, чтобы сохранить участие ИРИ в «ядерной сделке». Поэтому в конце августа в Евросоюзе началось обсуждение нового решения – создания независимой от США платежной системы, призванной обезопасить европейский бизнес от американских санкций против Ирана.

Еврокомиссия выделила ИРИ 50 млн евро для решения экономических и социальных проблем, ЕС обязался поддерживать Тегеран, пока тот соблюдает СВПД [8, с. 87]. 17 сентября Франция объявила, что ищет пути обхода санкций на основании национального законодательства и с уважением европейских и международных обязательств. 24 сентября главы МИД Франции, Великобритании, Германии, России и Китая в кулуарах 73-й Генассамблеи ООН приняли коммюнике о сохранении соглашения. Европейские дипломаты подтвердили, что будет создано «юридическое лицо для проведения легальных финансовых транзакций с Ираном» в обход санкций. Тегеран, со своей стороны, дал понять, что выйдет из СВПД, если к 4 ноября ЕС не определит механизм работы с Ираном вопреки санкциям США [4]. По мнению А. Баклицкого, в случае развала «сделки» ИРИ могла бы перейти с официальной торговли нефтью на неофициальную, решая свою главную задачу – выживание [3].

Работа стран Евросоюза над «антисанкционным» механизмом не могла быть быстрой как минимум потому, что речь шла не только о механизме *ad hoc* для спасения СВПД, а о попытке решения более глобальной задачи – создании инструмента поддержания экономического суверенитета ЕС, как о том заявлял МИД Франции. Ничего подобного Брюссель ещё не предпринимал, поэтому ему требовалось время. 2 ноября «евротройка» и Могерини заявили, что работают над механизмом в формате взаимного фонда по покупке долговых требований, который позволит Ирану и европейским компаниям продолжать торговлю.

Тем временем США 5 ноября ввели в действие второй, более серьезный пакет санкций против ИРИ: под ограничения попали банковский, страховой, транспортный и судостроительный сектора иранской экономики. Под давлением Вашингтона ряд иранских банков был отключён от системы SWIFT «в интересах стабильности и целостности мировой финансовой системы» [36]. В то же время американцы пошли на некоторые уступки, чтобы не портить отношения с рядом партнёров: от SWIFT были отключены не все банки ИРИ, из-под санкций за покупку иранской нефти на полгода были выведены её основные покупатели (Китай, Индия, Италия, Греция,

Япония, Южная Корея, Тайвань и Турция), ограничения не коснулись АЭС в Бушере, атомных объектов в Араке и Фордо.

Х. Рухани заявил, что Иран заставит США пожалеть об этом шаге и пообещал «продолжать продавать нашу нефть, чтобы прорвать санкции» [11]. Демонстрируя уверенность в своих силах, Иран в конце 2018 г. – начале 2019 гг. даже провел испытания баллистической ракеты и пообещал вывести своими силами на орбиту два спутника.

Создание механизма ИНСТЕКС: спасёт ли он «ядерную сделку»?

В этих условиях долгожданным ответом Франции, Германии и Великобритании, а также Евросоюза на ужесточение позиций США и Ирана стало объявление 31 января 2019 г. о создании «антисанкционного» механизма – компании «ИНСТЕКС» (Instrument in Support of Trade Exchanges, INSTEX –Инструмент в поддержку торговых обменов). При его создании «евротройка» разделила «обязанности»: штаб-квартира ИНСТЕКС расположилась в Париже, в здании Минфина Франции, её руководителем был назначен немецкий банкир Пер Фишер, а Великобритании отводилось место председателя в наблюдательном совете стран – членов организации. Французы, немцы и англичане объявили, что к механизму в будущем смогут присоединиться и другие страны, причём не только члены ЕС. Первоначальный стартовый капитал компании был определен в 3 тыс. евро, но в будущем он должен был вырасти сначала до 100 тыс., а затем до 1 млн евро.

Компания ИНСТЕКС представляет собой расчётную палату, которая должна взаимодействовать со своим «двойником» в Иране – Специальным торгово-финансовым институтом (Special Trade and Finance Institute, STFI) по принципу бартерного обмена. Каждая транзакция должна состоять из двух частей: Иран поставляет в Европу одни товары, а вырученные за это деньги будут направляться не в иранские банки, а европейским фирмам, которые в свою очередь будут поставлять в Иран свои товары. Таким образом, предполагается, что деньги за эти транзакции не будут пересекать иранскую границу и тем самым подпадать под американские санкции [28].

Проект справедливо вызвал как позитивные, так и негативные оценки. К положительным сторонам механизма относят, во-первых, то, что Европейский союз продемонстрировал свою самостоятельную позицию, не склонившись перед требованиями США, и, во-вторых, то, что ЕС тем самым показал Ирану своё стремление сохранить торговые связи и, следовательно, всю «ядерную сделку». Ж.-И. Ле Дриан назвал создание ИНСТЕКС «важным политическим жестом». С энтузиазмом на рождение механизма отреагировал и его иранский коллега Дж. Зариф. «Иран приветствует ИНСТЕКС – долгожданный первый шаг, позволяющий “евротройке” выполнить обязательства мая 2018 г. по спасению СВПД путем предоставления дивидендов иранцам после незаконного восстановления американских санкций. Мы по-прежнему готовы к конструктивному взаимодействию с Европой на равных и при взаимном уважении», – написал он в Твиттере [28].

В то же время наблюдатели справедливо отметили и недостатки проекта. Прежде всего – его «товарную» ограниченность. В МИД Франции заявили, что в первое время Евросоюз будет работать через ИНСТЕКС только с фармацевтическими товарами, медикаментами и продовольствием. Но эти товары и так не подпадают под санкции, тогда как Иран ждёт от механизма прежде всего поставок нефти. Таким образом, рамки новой структуры, вероятно, будут касаться лишь небольших европейских предприятий. «Цель этого механизма – не торговая, а в первую очередь стратегическая», – подчёркивают в Париже [35]. Структура носит

прежде всего символический, а не практический характер, её реальный потенциал пока неясен.

Именно поэтому проект вскоре подвергся критике – причём как со стороны Вашингтона, так и со стороны Тегерана. Вице-президент США М. Пенс заявил, что новый механизм лишь усилит Иран, ослабит ЕС и отдалит США и Евросоюз друг от друга. Посол США в ЕС Г. Сондланд пообещал, что его страна будет применять санкции к предприятиям, использующим этот инструмент для торговли любыми другими товарами, кроме гуманитарных. Глава МИД Ирана Дж. Зариф, в свою очередь, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, заметил, что новый механизм не работает, так как не позволяет торговать нефтью: «ИНСТЕКС не позволяет выполнить обязательства “евротройки”, чтобы спасти ядерное соглашение. Европа должна вымокнуть, если она рассчитывает плыть против опасных течений американского унилатерализма» [27]. Его заместитель А. Арагчи выразил надежду, что после создания Ираном аналогичной структуры «другие типы товаров, особенно те, что составляют предмет санкций и нефть, будут добавлены в этот механизм» [17].

Тем временем эскалация американо-иранских отношений продолжилась. 22 марта 2019 г. США ввели в действие новые санкции против Ирана: эти меры затронули граждан и компании, связанные с иранской Организацией оборонных инноваций и исследований (перс. *Sazman-e Pazhouhesh-haye Novin-e Defa'ei*, SPND). В апреле Вашингтон занёс в список террористических организаций КСИР, 2 мая были отменены исключения для покупателей иранской нефти, подпадающих по санкции, 3 мая США дали 90 дней для исключения из санкций проектов в Араке, Фордо и АЭС в Бушере, а 6 мая Белый дом даже пообещал отправить авианосец к берегам Ближнего Востока [5; 37].

Оказавшись под грузом новых санкций, Тегеран дал понять Брюсселю, что тому следует поторопиться с практическим «запуском» ИНСТЕКСа, который пока что не принёс никакой реальной пользы. 14 апреля 2019 г. об этом заявил Дж. Зариф, а 25 апреля иранский депутат М. Садеги направил письменный запрос Зарифу с вопросом, в чём для Ирана смысл оставаться в СВПД, если США покинули соглашение, а европейцы до сих пор не обеспечили стране экономическую компенсацию потерь от санкций. 8 мая президент Х. Рухани объявил, что если через 60 дней партнёры Ирана по СВПД (прежде всего речь шла о ЕС) не гарантируют закупку нефти и не компенсируют потери от санкций, то ИРИ снимет ограничения на обогащение урана и откажется от помощи партнёров в реконструкции реактора в Араке. По словам Х. Азизи, старшего преподавателя Университета имени Шахида Бехешти (Тегеран), «Иран неоднократно заявлял, что останется в сделке, пока сохраняется его экономическая выгода от СВПД. Однако спустя год европейские политики так и не смогли ничего сделать для Тегерана, они не оказали сильного сопротивления политике Вашингтона в отношении Ирана. Поэтому Тегеран хочет сохранить выигрышную карту для переговоров в будущем и подтолкнуть европейцев к выполнению своих обязательств» [5].

Понимая, что Евросоюз, включая Францию, больше всего опасается выхода Ирана из «ядерной сделки», нуклеаризации этой страны и общего роста напряжённости на Ближнем Востоке, Тегеран разыграл именно эту карту. Как отмечает заместитель директора французского Института международных и стратегических отношений (*Institut de relations internationales et stratégiques*, IRIS) Д. Бильон, «между заявлениями ЕС, которые в конечном итоге ведут в правильном направлении, и его фактическими действиями, которые не соответствуют возложенным на него обязанностям, существует очень большая разница. Вот почему иранцы просят Евросоюз отреагировать в течение 60 дней. Их реакция

понятна, и контрреакция ряда европейских государств, включая Францию, которые предупреждают и почти угрожают Ирану не играть в эту игру, вызывает сожаление, поскольку в действительности, если есть держава, которая не соблюдает содержание соглашения, это только США» [15]. Играя «на встречных курсах», Тегеран стремится показать Вашингтону, что санкционное давление лишь укрепляет ядерный потенциал ИРИ, демонстрирует населению Ирана активную позицию в защиту республики и вынуждает остальных участников СВПД оказывать Ирану не только моральную, но и экономическую поддержку. В то же время иранцы наверняка понимают, что в случае выхода из «ядерной сделки» они потеряют последнюю опору в Европе, России и Китае и дадут американцам прекрасный предлог изолировать страну ещё сильнее [14]. Таким образом, по словам А. Баклицкого, «Тегеран вынужден преувеличивать значимость своих действий для внутренней аудитории и адресатов в Вашингтоне, что, в свою очередь, вызывает обострённую реакцию в европейских столицах» [2].

С весны 2019 г. Франция направляла Ирану сигналы о том, что работа по «наладке» ИНСТЕКС идёт, и нужно подождать. 22 мая министр финансов Б. Ле Мэр заявил: «Если бы задача состояла в том, чтобы просто установить канал финансирования между Европой и Ираном, это <...> могло бы пойти достаточно быстро, но ставки гораздо более глобальны: европейский торговый суверенитет, свобода торговать с кем угодно». После встречи с Д. Трампом он подтвердил, что американцы сильно давят на Францию, но европейцы полны решимости идти до конца [14]. 23 мая французы дали понять, что работа по активизации ИНСТЕКСа скоро завершится, между Парижем и Тегераном идут консультации по налаживанию «зеркальных» структур. Наконец, 28 июня генеральный секретарь Европейской службы по внешним делам Х. Шмидт от имени «евротройки» объявила: ИНСТЕКС заработал и передан в распоряжение всех стран – членов ЕС, Иран создал «двойника» ИНСТЕКС, первые транзакции обрабатываются [24]. Ряд стран Евросоюза (Австрия, Бельгия, Испания, Нидерланды, Словения, Финляндия, Швеция) сообщили о готовности работать с этим механизмом. По мнению Европейского совета по международным отношениям (European Council on Foreign Relations, ECFR), механизм может быть успешен в случае сотрудничества с важными импортёрами иранской нефти – Китаем, Индией и Японией [24]. 30 июня Ф. Могерини и А. Арагчи подтвердили наличие первых транзакций, которые начал обрабатывать механизм.

В то же время Иран не отказался от давления на Евросоюз. Ещё 28 июня Арагчи заявил, что, несмотря на запуск ИНСТЕКС, ЕС не гарантировал закупку иранской нефти и кредитов. В условиях, когда экспорт иранской нефти упал с 2,5 млн барр. в день в 2018 г. до 300 тыс. барр. в 2019 г., Арагчи был честен: «Чтобы ИНСТЕКС был полезен Ирану, нужно, чтобы европейцы покупали иранскую нефть». «Чего не хватает европейцам, это политической воли. Нельзя говорить, что желаешь спасти соглашение по атому и в то же время следовать за Трампом, говоря, что разделяешь его озабоченности. Европейцы должны иметь эту политическую волю, чтобы избежать эскалации. Это единственное решение. И, возможно, в этом – цель иранской стратегии», – полагает французский иранист Т. Ковиль из Института международных и стратегических отношений [21]. 1 и 8 июля 2019 г. МАГАТЭ сообщило о том, что Тегеран возобновил обогащение урана, согласно своему майскому ультиматуму. Это подтвердил и Зариф, подчеркнув, что действия ИРИ не нарушают СВПД.

Франция не разделяла эту позицию и предпочла действовать «кнутом и пряником». В ответ министры иностранных дел «евротройки» и Ф. Могерини почеркнули, что их обязательства по выполнению СВПД зависят от его полного

выполнения Ираном, который вновь поставил под вопрос важный инструмент борьбы против распространения ядерного оружия. В то же время Э. Макрон пообещал предпринять шаги, которые позволят ИРИ пользоваться экономическими преимуществами сохраняющейся «сделки». МИД Франции напомнил: ИРИ ничего не выиграет, выйдя из СВПД, в то время как первые транзакции ИНСТЕКС уже начались. Ле Дриан посетовал на то, что «Иран принял плохие решения в ответ на неправильное решение США», призвав Тегеран вернуться к исполнению условий соглашения. Его поддержала Ф. Могерини, по словам которой, вопрос о том, будет ли ИНСТЕКС проводить транзакции с нефтью, – это предмет для обсуждения создателями механизма [30; 32]. 19 июля она подтвердила, что первая транзакция состоялась.

Заработавший механизм, похоже, обеспокоил американцев. Ещё 30 мая министр финансов США С. Мнучин направил письмо П. Фишеру, заметив, что продолжение торговли с Тегераном может повлечь за собой «тяжёлые последствия» вплоть до потери доступа к американской финансовой системе [12]. Он же отметил в июле, что, «если кто-то хочет участвовать в долларовой финансовой системе, то необходимо выполнять американские санкции» [7]. Беспокойство Вашингтона имеет основания: по сути, ЕС во главе с Францией, Германией и Великобританией перешёл в прямую оппозицию к Соединённым Штатам не только по торговому (антииранские санкции), но и по стратегическому вопросу, а созданный механизм нацелен не только и не столько на борьбу с американскими санкциями против Ирана, сколько на борьбу с американской финансовой системой, отлучением от которой Вашингтон пугает нарушителей санкций [23].

* * *

В условиях выхода США из СВПД и постепенного ввода нескольких волн санкций в адрес Ирана Франции вместе с ее партнёрами по ЕС пришлось определить свою позицию по судьбе «ядерной сделки» и найти меры для сохранения последней. Сложился своего рода любопытный треугольник: США–Иран–ЕС, в рамках которого Евросоюз оказался под давлением с обеих сторон: с американской, настаивающей, чтобы европейцы вслед за ней требовали пересмотра соглашения, и иранской, угрожающей Евросоюзу выходом из СВПД и, следовательно, новым ядерным кризисом в регионе.

В 2018–2019 гг. Франция и ее партнёры по ЕС сумели занять консолидированную позицию, согласно которой судьба Плана прямо не связана с вопросами об иранских ракетах и региональной политике (хотя эти вопросы также беспокоят Париж). Блокирующий регламент, принятый европейцами в 2018 г. в ответ на выход США из СВПД, показал свою неэффективность и не смог предотвратить исхода европейского бизнеса из Ирана.

В отличие от регламента, новаторский механизм ИНСТЕКС, принятый Францией и ЕС, теоретически имеет потенциал, позволяющий спасти торговлю с ИРИ в обход американских санкций и тем самым бороться за «ядерную сделку», но пока не доказал своей полезности в плане закупок иранской нефти. И всё же данный шаг Парижа и его партнёров сам по себе обозначил готовность Брюсселя бороться за свои коммерческие и стратегические интересы, бросая прямой вызов Вашингтону, в том числе путём обхода американоцентричной финансовой системы, основанной на долларовом стандарте.

Борьба за СВПД ещё не завершена, и кризис между США и Ираном способен вылиться как в торговую войну, так и в реальные боевые действия. В этих условиях готовность Франции и «евротройки» обеспечить полноценную торговлю с ИРИ

позволит судить в будущем о способности ЕС вести самостоятельную, полносуъектную политику на Ближнем Востоке.

Список литературы:

1. Баклицкий А. Встречная волна: почему санкции Вашингтона не изменят позицию Ирана. // РБК. 14.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/14/08/2018/5b71563c9a794757957ab3f0> (accessed 30.08.2019)
2. Баклицкий А. Надежда Тегерана: почему рано хоронить ядерную сделку. // РБК. 15.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/15/05/2019/5cdab0879a79478fd52c4201> (accessed 30.08.2019)
3. Баклицкий А. Переждать Трампа: как участники иранской сделки пытаются обойти США. // РБК. 28.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/09/2018/5badec8a9a7947442348cb77> (accessed 30.08.2019)
4. Беленькая М. Европа повела Иран в обход американских санкций. // Коммерсант. 26.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3752451> (accessed 30.08.2019)
5. Беленькая М., Наумова Е. Тегеран поставил ультиматум Европе. // Коммерсант. 08.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3966081> (accessed 30.08.2019)
6. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с восстановлением экстерриториальных санкций США против Ирана. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.08.2018. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3315118 (accessed 30.08.2019)
7. Мануков С. Вашингтон занервничал: Россия готова присоединиться к системе платежей Instex. // Эксперт. 19.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://expert.ru/2019/07/19/intex/> (accessed 30.08.2019)
8. Сажин В. Иран и мир: вопросы иранского ядерного потенциала. // Год планеты (ежегодник ИМЭМО РАН). М.: Идея-Пресс. 2018. Сс. 76-89.
9. Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 16.07.2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1595858 (accessed 30.08.2019)
10. Соглашение по иранской ядерной программе. Интервью министра иностранных дел Лорана Фабиуса газете «Le Monde». // Посольство Франции в Москве. 22.07.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ambafrance-ru.org/Soglashenie-po-iranskoj-yadernoj-programme> (accessed 30.08.2019)
11. США назвали выведенные из-под иранских санкций страны. // Ведомости. 05.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/11/05/785595-ssha-nazvali> (accessed 30.08.2019)
12. США накажут Европу за помощь Ирану. // Lenta.ru. 30.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/30/intex/> (accessed 30.08.2019)
13. Тарасенко П., Бутрин Д., Осетрова А. США перешли от слов к санкциям. // Коммерсант. 07.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3707074> (accessed 30.08.2019)

14. Arefi A. Iran: l'Europe désarmée face aux États-Unis. // Le Point. 22.05.2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.lepoint.fr/monde/iran-l-europe-desarmee-face-aux-etats-unis-22-05-2019-2314450_24.php (accessed 30.08.2019)
15. Billion D. Tensions Iran/États-Unis: la situation peut-elle dérapier? // Institut de relations internationales et stratégiques. 10.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iris-france.org/136956-tensions-iran-etats-unis-la-situation-peut-elle-deraper/> (accessed 30.08.2019)
16. Boudet A. À l'ONU, Macron a répondu point par point au discours de Trump. La preuve. // Huffington Post. 19.09.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.huffingtonpost.fr/2017/09/19/a-lonu-macron-a-repondu-point-par-point-a-trump-par-discours-interposes_a_23215219/ (accessed 30.08.2019)
17. Bourdillon Y. L'Iran joue le jeu du troc avec l'Europe. // Les Echos. 07.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/liran-joue-le-jeu-du-troc-avec-leurope-998705> (accessed 30.08.2019)
18. Déclaration conjointe – Réimposition de sanctions par les États-Unis du fait de leur retrait du Plan d'action global commun – JCPOA (6 août 2018). // France Diplomatie. 06.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/iran/evenements/article/declaration-conjointe-reimposition-de-sanctions-par-les-etats-unis-du-fait-de> (accessed 30.08.2019)
19. Désarmement, non-prolifération nucléaires et sécurité de la France. Rapport d'information № 332 (2009-2010) de M. Jean-Pierre Chevènement, fait au nom de la commission des affaires étrangères, déposé le 24 février 2010. // Sénat français. 24.10.2010. [Электронный ресурс] URL: <https://www.senat.fr/rap/r09-332/r09-3326.html> (accessed 30.08.2019)
20. European Commission acts to protect the interests of EU companies investing in Iran as part of the EU's continued commitment to the Joint Comprehensive Plan of Action. // European Commission. 18.05.2018. [Электронный ресурс] URL: https://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-3861_en.htm (accessed 30.08.2019).
21. Gazzane H. Iran: où en est le mécanisme européen censé sauver l'accord sur le nucléaire? // Le Figaro. 09.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/iran-ou-en-est-le-mecanisme-europeen-cense-sauver-l-accord-sur-le-nucleaire-20190709> (accessed 30.08.2019)
22. Gélie Ph. Trump et Macron se rapprochent sur l'Iran. // Le Figaro. 25.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2018/04/24/01003-20180424ARTFIG00316-trump-et-macron-se-rapprochent-sur-l-iran.php> (accessed 30.08.2019)
23. Gros-Verheyde N. L'accord sur le nucléaire iranien: des Européens pas si nuls que cela. // B2 Bruxelles 2. 30.06.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bruxelles2.eu/2019/06/30/laccord-sur-le-nucleaire-iranien-des-europeens-pas-si-nuls-que-cela/> (accessed 30.08.2019).
24. Instex: ou comment l'Europe contourne les sanctions contre l'Iran. // Forbes France. 02.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.fr/politique/instex-ou-comment-leurope-contourne-les-sanctions-contre-liran/> (accessed 30.08.2019)
25. Interview de Jean-Yves Le Drian dans Ouest France (10 octobre 2017). // France Diplomatie. 10.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/les-ministres/jean-yves-le-drian/presse-et-medias/article/interview-de-jean-yves-le-drian-dans-ouest-france-10-10-17> (accessed 30.08.2019)
26. Iran-Israël: entretien avec Jean-Yves Le Drian, Le Parisien/Aujourd'hui, 10 mai 2018. // France diplomatie. 10.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/iran/evenements/article/iran-israel->

entretien-avec-jean-yves-le-drian-le-parisien-aujourd-hui-10-05-18 (accessed 30.08.2019)

27. L'Iran juge le mécanisme commercial européen Instex insuffisant. // Challenges. 17.02.2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.challenges.fr/monde/l-iran-juge-le-mecanisme-commercial-europeen-instex-insuffisant_643123 (accessed 30.08.2019)
28. L'UE crée son système de troc avec l'Iran pour contourner les sanctions américaines. // France 24. 01.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.france24.com/fr/20190201-troc-iran-union-europeenne-contourner-sanctions-americaines-flux-financier-teheran> (accessed 30.08.2019)
29. Livre blanc défense et sécurité nationale. 2013. // Ministère des Armées. 15.07.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.defense.gouv.fr/fre/portail/enjeux2/politique-de-defense/le-livre-blanc-sur-la-defense-et-la-securite-nationale-2013/livre-blanc-2013> (accessed 30.08.2019)
30. Nucléaire iranien. L'UE veut sauver l'accord, et cherche à contourner les sanctions américaines. // Ouest France. 15.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/ue/nucleaire-iranien-l-ue-veut-sauver-l-accord-et-cherche-contourner-les-sanctions-americaines-6445767> (accessed 30.08.2019)
31. Presidential Documents. Executive Order 13846 of August 6, 2018. Reimposing certain sanctions with respect to Iran. // U.S. Department of the Treasury. 07.08.2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/08062018_iran_eo.pdf (accessed 30.08.2019)
32. Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini following the Foreign Affairs Council. // European External Action Service. 15.07.2019. [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/65472/remarks-high-representativevice-president-federica-mogherini-following-foreign-affairs-council_en (accessed 30.08.2019)
33. Revue stratégique de défense et de sécurité nationale. 2017. // Ministère des Armées. 04.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (accessed 30.08.2019).
34. Semo M. International: Macron se pose en médiateur entre Trump et l'Iran. // Le Monde. 16.10.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2017/10/16/international-macron-se-pose-en-mediateur-entre-trump-et-l-iran_5201523_823448.html (accessed 30.08.2019)
35. Stroobants J-P., de Vergès M. Comment l'UE veut commercer avec l'Iran, en échappant aux sanctions américaines. // Le Monde. 31.01.2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2019/01/31/l-europe-va-presenter-sa-solution-pour-commercer-avec-l-iran_5417169_3234.html (accessed 30.08.2019)
36. SWIFT says suspending some Iranian banks' access to messaging system. // Reuters. 05.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-swift/swift-says-suspending-some-iranian-banks-access-to-messaging-system-idUSKCN1NA1PN> (accessed 30.08.2019)
37. U.S. Government sanctions organizations and individuals in connection with an Iranian defense entity linked to Iran's previous nuclear weapons effort. // U.S. Department of the Treasury. 22.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm634> (accessed 30.08.2019)
38. Why companies around the world are reversing course on Iran business. // Iran Watch. 20.08.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iranwatch.org/our-publications/policy-briefs/how-companies-around-world-are-reversing-course-iran-business> (accessed 30.08.2019)

Об авторе:

Павел Петрович Тимофеев – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
E-mail: p.timofeyev@gmail.com

The Struggle for Iranian «Nuclear Deal» Survival and Position of France

P.P. Timofeev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS

Abstract: *The article analyzes the development of the crisis around the so-called Iranian «nuclear deal» – the Joint Comprehensive Action Plan (JCPOA) in 2017–2019, with emphasis on the position of France as one of the signatories and key actors of the agreement. The author investigates the foundations on which France’s approach to the future of the JCPOA is based, a brief history of negotiations that led to the signing of the Plan, the key differences in the approaches of Paris, Washington and Tehran to the destiny of the agreement. The main stages of the crisis around the JCPOA, the initiatives of the USA and Iran, as well as the reaction of France to them, are traced in detail. The author shows that before the U.S. left the JCPOA, France had taken maneuvers in an attempt to mediate between Washington and Tehran. After D. Trump withdrew from the «nuclear deal» and announced sanctions in May 2018, France continued the struggle to maintain the JCPOA. However, the creation of a blocking regulation by France and the EU did not prevent withdrawal of the European business from the Iranian market. So, after the entry of the first package of U.S. sanctions into force, Paris together with Berlin, London and Brussels began discussing the principles of a new mechanism to maintain trade with Iran bypassing the sanctions. It was designed in January 2019 – after the introduction of the second package of American sanctions, in a situation where Iran also increased pressure on the EU in order to receive economic assistance. The article discusses strengths and weaknesses of the claimed mechanism, which was launched in the summer of 2019, and concludes that its creation demonstrates the EU’s willingness to struggle for its interests in the Middle East, challenging the United States. At the same time, the author proposes not to overestimate the significance of the created mechanism, which has yet to prove its ability to solve the problem of preserving the EU and Iran trade bypassing American sanctions. In addition, the struggle for the «deal» has not yet been completed, and the EU will need new efforts to confirm its subjectivity if the sanctions war between the United States and Iran goes into real combat.*

Key words: *Iran, JCPOA, nuclear deal, France, USA, non-proliferation, sanctions.*

About the author:

Pavel P. Timofeev – Candidate of Political Science at IMEMO RAS. Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya ulitsa, 23.
E-mail: p.timofeyev@gmail.com

Российско-палестинские отношения в рамках ближневосточного урегулирования (1991–2018 гг.)

Российский институт стратегических исследований

Статья раскрывает динамику и проблемы отношений между Россией и Палестиной как двумя неравновесными акторами в системе международных отношений на современном этапе. Москва унаследовала связи с основными палестинскими движениями с советского периода. Однако они претерпели ряд изменений в связи с дистанцированием России от арабо-мусульманского мира в 1990-е годы и ростом противоречий внутри палестинских кругов, в частности, между ФАТХ и ХАМАС. В 2000-е годы Москва стала одним из участников ближневосточного «квартета» и предпочла вырабатывать подходы к решению палестинской проблемы в рамках ранее достигнутых международных договоренностей, не выдвигая самостоятельных инициатив. После усиления межпалестинских противоречий РФ начала содействовать примирению основных палестинских фракций и движений на общей политической платформе. Россия настороженно относится ко всем заявлениям и решениям по ближневосточной проблеме, способным создать ещё больший дисбаланс между Израилем и Палестинской национальной администрацией.

Ключевые слова: Россия, Палестина, ПНА, ХАМАС, ФАТХ, Израиль, ближневосточное урегулирование, палестинская проблема.

Российско-палестинские отношения сформировались на основе наработок, сделанных ещё в советский период. К началу XXI в. Палестина представляла собой частично признанное государство, процесс формирования которого не завершён. Политически и территориально оно расколото на Западный берег реки Иордан и сектор Газа. Позиции палестинцев ослабевали в связи со стагнацией мирного процесса, и Россия смогла выступить как уникальный посредник между различными палестинскими движениями, поскольку пользуется доверием каждой из них и не принимает мер, способных привести к ещё большему дисбалансу в регионе.

Политика 1990-х годов

В 1990-е годы Москва дистанцировалась от арабских партнёров, что было обусловлено переменами внутри страны и попыткой сблизиться с Западом. Кроме того, резко обострился вопрос национальной безопасности в связи с сепаратизмом в Чечне. Ряд мусульманских стран, движений и фондов оказывали поддержку чеченским боевикам как членам мусульманской уммы и воспринимали действия РФ в Чечне как «геноцид против чеченского народа» [10].

Дополнительным фактором, повлиявшим на охлаждение российско-палестинских отношений, оказалась «просаддамовская» позиция Организации освобождения Палестины (ООП) во время кувейтского кризиса¹ 1990-1991 гг., в то время как действия Ирака осуждались Россией и западными странами [4, с. 398].

¹ Вторжение Ирака в Кувейт привело к фактической его оккупации. В ответ на это была сформирована международная коалиция, которая провела две операции «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» (2 августа 1990 г. – 28 февраля 1991 г.). В результате иракские войска из Кувейта были выведены, а СБ ООН наложил санкции против Багдада.

Помимо этого, после распада СССР около 1 млн советских евреев эмигрировали в Израиль и фактически стали инструментом проводимой правительством поселенческой политики, которую палестинцы воспринимали как угрозу своему существованию.

В ходе Мадридского процесса² Москва подтверждала приверженность резолюциям ООН, требуя освобождения палестинских территорий, оккупированных Израилем в 1967 г., признания права палестинцев на суверенитет и ООП в качестве единственного законного представителя народа. В то же время министр иностранных дел А. Козырев, стремясь сблизиться с израильскими и американскими партнёрами, называл лидера ООП Ясира Арафата «террористом» [2, с. 206], что подрывало доверие палестинской стороны.

Тем не менее, Россия оставалась коспонсором мирного процесса. 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне состоялось подписание Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению между Израилем и Организацией освобождения Палестины в присутствии высокопоставленных официальных лиц из США, Норвегии и России. Напрямую Россия подключилась к мирному процессу в феврале 1994 г. после трагедии в Хевроне³, в результате чего была разработана и принята резолюция Совета Безопасности ООН № 904⁴. В город направились международные наблюдатели, а ООП и Израиль начали вести переговоры по выработке мер безопасности.

В апреле 1994 г. состоялся первый визит Я. Арафата в Москву после распада СССР. Польский исследователь А. Кройц назвал этот момент поворотным в политике президента Б. Ельцина на палестинском направлении после периода дистанцирования [39, р. 56]. Стороны заверили друг друга в дружбе, и лидер ООП высоко оценил вклад России в палестино-израильский диалог после инцидента в Хевроне. В 1995 г. Москва открыла представительство в Газе, несколько позднее было решено перенести его в Рамаллу [36, с. 234].

Под руководством министра иностранных дел Е.М. Примакова, считавшего, что роль России в мирном процессе «неадекватна её потенциалу» [11, с. 24], стали намечаться попытки возвращения Москвы в ближневосточный регион. Палестинская проблема рассматривалась в качестве одного из инструментов, который РФ могла использовать во внешней политике. Однако к тому времени мирный процесс пошёл на спад по причине нереализации сторонами ранее заключённых договорённостей.

Е.М. Примаков полагал, что ближневосточное урегулирование должно сохранять непрерывность по «вертикали», то есть стороны обязаны выполнять все ранее достигнутые договорённости. В результате урегулирования «по горизонтали», то есть организации переговорного процесса между Израилем и тремя силами отдельно – Ливаном, Сирией и Палестинской национальной администрацией (ПНА), – когда прогресс по одному из направлений не давал позитивной динамики на другом, произошла стагнация мирного процесса. Паузы между переговорами привели к откату назад и активизации терроризма [26, с. 196].

² По совместной инициативе США, СССР и ООН состоялась Мадридская конференция (1991 г.) при участии Израиля и арабских стран (палестинцы входили в состав иорданской делегации). Принцип «территории в обмен на мир» был признан в качестве ключевой формулы разрешения палестино-израильского конфликта.

³ 25 февраля 1994 г. произошла бойня в Пещере Патриархов в городе Хеврон. Израильский террорист Барух Гольдштейн вошёл в мусульманскую часть святыни в офицерской форме и открыл огонь по молившимся, убив, по разным данным, от 29 до 52 человек.

⁴ Резолюция о положении на оккупированных арабских территориях осудила бойню в Хевроне, призвала Израиль конфисковать незаконное оружие у поселенцев и принять меры для гарантии безопасности местных жителей, включая международное и иностранное присутствие.

Как указывает А. Кройц, в период активной деятельности на палестино-израильском направлении политика была осторожной, так как Москва не хотела политических трений с США и Израилем [39, р. 64].

В 1999 г. в связи с отсутствием прогресса по мирному урегулированию и истечением срока определения окончательного статуса ПНА Я. Арафат заявлял о готовности самостоятельно провозгласить независимость Палестины. Дату планировалось назначить на 4 мая 1999 г. Руководство Администрации надеялось на поддержку со стороны России. Однако министр иностранных дел И.С. Иванов, указав на неотъемлемое право палестинцев на самоопределение, рекомендовал ПНА продлить переходный период и не провозглашать палестинское государство согласно ранее намеченной дате [12, с. 44]. Такой шаг объяснялся тем, что Россия осознавала последствия провозглашения независимости Палестины в одностороннем порядке. Рамалла столкнулась бы с резким сокращением бюджетных средств, так как экономически оставалась зависимой от Израиля и международных организаций. Вливание финансов могло продолжаться только до получения независимости.

Таким образом, 1990-е годы в целом стали временем дистанцирования Москвы от палестинской проблемы. Россия не обладала достаточными политическим и экономическим ресурсами, её связи в Арабском мире, унаследованные от СССР, частично сохранились, однако не были уже столь прочны. Палестинцы продолжали надеяться на то, что РФ будет и далее играть роль противовеса США в регионе. Это свидетельствует о сохранении политического капитала, которым Москва воспользовалась в последующие годы.

Россия и палестинский вопрос в 2000-е годы

С начала 2000-х годов российский курс по отношению к арабским странам стал постепенно меняться в сторону сближения со старыми партнёрами. В феврале 2000 г., выступая на открытии Московского заседания группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку на уровне министров, тогдашний премьер-министр В.В. Путин подчеркнул стремление к достижению мира и безопасности в регионе [8]. С этого времени РФ постепенно переходила к продуманному балансированию между Тель-Авивом и Рамаллой в отношении урегулирования палестинского вопроса. Очевидным был отход от традиционной советской линии, лоббировавшей в основном арабские интересы. В тоже время прагматично стали использоваться наработки, сделанные за ельцинский период, благодаря которым удалось сблизиться с Израилем.

Контакты с палестинской стороной активизировались. Однако РФ была по-прежнему не готова позитивно отнестись к идее одностороннего провозглашения независимости Палестины (планировалось наметить новую дату на 13 сентября 2000 г.) без подписания мира с Израилем [28]. Начало новой Интифады обеспокоило Кремль, хотя усилия российского дипломатического корпуса, приложенные по просьбе израильского премьер-министра Э. Барака, не привели к результатам [34]. Новую волну насилия палестинцы считали ответом на непримиримую позицию противника в отношении вопроса об окончательном статусе Палестины [17].

Во время переговоров в Табе в 2001 г. Россия настаивала на том, чтобы Израиль проводил разграничение между теми, кто стремился прийти к урегулированию, и радикальными силами, пропагандирующими террор [24]. Также она призывала руководство ПНА пресекать терроризм и не допускать полного провала мирного процесса.

В. Путин в ходе встречи с Я. Арафатом 21 мая 2001 г. указал, что ситуация на палестино-израильских территориях «почти вышла из-под контроля» [30]. Москва,

осознавая взрывоопасность положения в регионе, настаивала на коллективных методах решения проблемы эскалации при участии посредников с целью урегулирования фундаментальных вопросов в регионе [15] и призывала к запуску «схемы Тенета-Митчелла»⁵ [23].

В результате ко 2 мая 2002 г. Вашингтон и Москва организовали заседание коспонсоров мирного процесса, на котором была предложена «дорожная карта». В свет она вышла 20 апреля 2003 г. после того, как США смогли добиться учреждения должности премьер-министра Палестинской национальной администрации и избрания на неё Махмуда Аббаса. Есть сведения, что эту идею пролоббировал Израиль, пытавшийся найти противовес личности Я. Арафата в палестинском обществе. Москва, считавшая Аббаса достойной кандидатурой, продолжала поддерживать Я. Арафата в качестве лидера палестинского народа, выступая против любых мер, направленных на лишение его полномочий главы ПНА.

После снятия блокады с Рамаллы в 2002 г. Я. Арафат провёл ряд корректировочных реформ в правительстве, что рассматривалось в Москве как один из способов прекратить террор и насилие в регионе [14]. Обеспокоенность у палестинцев стало вызывать строительство Израилем «защитной стены», что обсуждалось на встрече министра иностранных дел И.С. Иванова и его палестинского коллеги Н. Шааса. Через некоторое время рассмотрение этого дела было направлено в Международный суд, который в консультативном заключении признал возведение стены незаконным и нарушающим права человека. Израиль обязали прекратить строительство и демонтировать имеющиеся части стены [43].

Обеспокоенность Москвы продолжала вызывать эскалация напряжённости, особенно после гибели ключевых лидеров ХАМАС («Исламского движения сопротивления») – шейха А. Ясина и А. Рантиси – в результате бомбардировок Газы. Тогда же была уничтожена жизненно важная инфраструктура, что поставило сектор на грань гуманитарной катастрофы. Идеи, заложенные в «дорожной карте», не реализовывались на практике. В данной связи план одностороннего размежевания был воспринят в России не только как желание Израиля снизить материальные и человеческие потери, но и как действия А. Шарона в рамках «дорожной карты», нацеленные на будущую реализацию идеи о двух государствах [22].

Смерть Я. Арафата ослабила ФАТХ («Движение за национальное освобождение Палестины») и привела к усилению ХАМАС в палестинском обществе, что потребовало от нового главы ПНА М. Аббаса дополнительных мер для усиления позиций ФАТХ. После проведения выборов в 2005 г. он совершил визит в Москву (до поездки в Вашингтон и Брюссель), подчеркнув свою надежду «на способность Москвы продвигать мирный процесс» [1].

В апреле 2005 г. состоялся первый визит российского президента В.В. Путина на палестино-израильские территории, в ходе которых была проведена встреча с М. Аббасом. В вопросе мирного урегулирования Москва настаивала на коллективных действиях в рамках «квартета»⁶ и не была готова выдвигать самостоятельные идеи [31]. Рамалла искала поддержку также в свете усиливающегося раскола между ФАТХ и ХАМАС. Вывод израильских поселений из Газы воспринимался в палестинском обществе как успех ХАМАС и результативность его силовой политики, что ослабляло ФАТХ.

Так, в начале 2000-х годов Москва предпринимала действия только в рамках «квартета», стремясь не подорвать доверие к себе со стороны основных акторов.

⁵ План «Тенета-Митчелла» предполагал постепенное прекращение огня на палестино-израильских территориях, замораживание поселений и признание всех соглашений, заключённых ранее между Израилем и ПНА.

⁶ Участники ближневосточного «квартета»: США, ЕС, Россия и ООН.

Палестинская сторона столкнулась с внутренним политическим расколом, вызванным в том числе и отсутствием прогресса на пути урегулирования. В связи с этим её представители начали более активно апеллировать к России, традиционно поддерживавшей курс на создание двух государств.

Между ФАТХ и ХАМАС

Январские выборы 2006 г. в Палестинский законодательный совет ознаменовались победой ХАМАС, выигравшего их с перевесом в 44.45% и получившего 74 места из 136 в парламенте [32]. Данная организация не признавалась Москвой как террористическая, поскольку она никогда не поддерживала экстремистские группировки на территории России. Кремль придерживался прагматичного подхода и поддерживал диалог с ней. Министр иностранных дел С. Лавров отмечал: «ХАМАС – это явление палестинское, не импортное. <...> ХАМАС пользуется значительной популярностью среди большей части палестинцев» [33]. Россия приняла стратегию, нацеленную на постепенное вовлечение этой организации в переговорный процесс в качестве отдельного актора.

В феврале 2006 г. по приглашению В. Путина делегация ХАМАС во главе с председателем Политбюро партии Халедом Машалем посетила Москву. Как отметил спецпредставитель главы МИД РФ по ближневосточному урегулированию посол А. Калугин, контакты данного движения с таким важным коспонсором мирного процесса, как Россия, «помогут подтянуть его к требованиям мирового сообщества, обеспечить диалог и безопасность Израиля» [29].

Таким образом Москва смогла обозначить себя в качестве уникального медиатора в ближневосточном «квартете», который сумел установить контакты с тремя ключевыми силами. По мнению Е.М. Примакова, Россия желала стать не альтернативным игроком на Ближнем Востоке, а, скорее, равным партнёром в «клубе разрешения конфликтов» [42]. Фактически посредничество в межпалестинском урегулировании рассматривалось и как неременное условие формирования палестинской делегации и её позиции на переговорах, и одновременно инструментально – для обозначения особой роли РФ, позволяющей ей говорить с обеими сторонами.

Однако раскол нарастал: после выборов в Газе начались кровопролитные стычки между хамасовцами и фатховцами. ХАМАС стало утверждать свои институты власти в Газе. И. Хания занял пост премьер-министра в секторе, а правительство было создано из членов данной организации. На Западном берегу Палестинская национальная администрация оставалась под контролем Аббаса и других деятелей ФАТХ.

После введения Израилем в сентябре 2007 г. экономической блокады в отношении Газы ситуация в секторе оказалась на грани гуманитарной катастрофы. Начатая в конце декабря 2008 г. израильская военная операция «Литой свинец» уничтожила инфраструктуру, тренировочные лагеря ХАМАС, жилые здания и больницы [36, р. 194].

Россия пыталась преодолеть эскалацию в регионе, используя три направления: в рамках ООН, в рамках отдельных переговоров и контактов с ПНА и ХАМАС. На заседании Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку тогдашний заместитель министра иностранных дел РФ А. Яковенко отметил, что ситуация в Газе находится в шаге от гуманитарного кризиса, и указал на важность созыва Московской конференции [9]. По мнению Е.М. Примакова, действия Израиля против ХАМАС, нацеленные на изоляцию Газы в ходе военной операции, не привели к ослаблению позиций движения [27, с. 409].

Москва продолжала работу по достижению межпалестинского согласия. В конце мая 2011 г. Институт востоковедения Российской академии наук организовал встречу, на которой удалось собрать лидеров основных движений: ФАТХ, ХАМАС, НФОП («Народный фронт освобождения Палестины»), НФОП-ГК («Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование»), ДФОП («Демократический фронт освобождения Палестины»), «Палестинской народной партии» и «Палестинской национальной инициативы» [18]. Тем не менее ощутимого прогресса не было.

Видя сложность достижения внутripалестинского согласия и опасаясь утраты общественной поддержки в связи с застопорившимся мирным процессом, глава ПНА подал заявку в ООН о признании государственности Палестины. 29 ноября 2011 г. состоялось голосование в ООН: подавляющее большинство голосов было отдано в пользу предоставления Палестине статуса государства-наблюдателя. Так Рамалла продолжила свою интеграцию в международные структуры [14, с. 187]. Однако ситуация на палестино-израильских территориях свидетельствовала о нагнетании противостояния: в ответ на выпущенные ХАМАС ракеты в ноябре 2012 г. Израиль провёл операцию «Облачный столп».

В 2013–2014 гг. активизировалась американская дипломатия, предложившая идею «обмена отдельными участками». Параллельно Москва вела диалог с М. Аббасом и Х. Машалем в поиске межпалестинского компромисса.

Идеи о возможности подписания палестино-израильского мирного соглашения провалились после предложения Аббаса привлечь к процессу ХАМАС. Правительство Б. Нетаньяху отказалось от этой идеи [41], что привело к новой эскалации. В ответ на возобновление ракетных ударов из Газы Тель-Авив провёл операцию «Несокрушимая скала». Тогда, в 2014 г., Россия критиковала не только жёсткие меры Израиля, но и практиковавшиеся ХАМАС обстрелы по площадям, создавшие серьёзные угрозы для израильского населения на юге страны [14, с. 189].

«Интифада ножей»⁷ 2015 г., будучи одной из волн насилия, не поддавалась урегулированию ни силами международных посредников, ни официальными лицами ПНА и Израиля. Москва продолжала подчёркивать легитимность «квартета», однако, как отмечал российский исследователь А. Крылов, в действительности он уже исчерпал свои возможности в качестве международного органа, призванного содействовать мирному урегулированию [16].

Продолжая работать над восстановлением политического единства палестинцев, Россия провела в январе 2017 г. межпалестинскую встречу. На ней присутствовали ключевые силы: ФАТХ, ХАМАС, «Демократический фронт освобождения Палестины», «Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование», «Национальная инициатива», «Народная партия», «Фронт палестинской народной борьбы», «Палестинский демократический союз», «Исламский джихад» [18]. Это стало первым заседанием всех основных фракций под эгидой МИД России. В ходе него С. Лавров заверил стороны: «Россия является принципиальным и последовательным сторонником восстановления палестинского единства» [6]. Однако Москва не смогла перебороть взаимного недоверия между различными палестинскими силами.

После теракта на Храмовой горе 14 июля 2017 г., организованного членами организации «Сыновья деревни» (ячейка ХАМАС), и установления там металлодетекторов израильской стороной в рамках «квартета» прозвучал призыв к совместным действиям Израиля и Иордании [3] в целях противодействия терактам.

⁷ В 2015 г. исламистские лидеры в Газе призвали палестинцев вырезать израильтян. В результате произошла волна насилия и участились нападения на граждан Израиля. Около 39 человек погибли и 440 получили тяжёлые ранения.

Палестинская проблема осложнилась после заявлений Д. Трампа о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим и признании последнего столицей Израиля. В попытке противодействовать американской администрации в Генеральной Ассамблее ООН была поддержана резолюция Турции и Йемена [38], что стало свидетельством неготовности международного сообщества соглашаться с односторонними шагами, ведущими к дисбалансу в регионе.

Кроме того, М. Аббас сделал попытку заручиться поддержкой России и ряда других стран в вопросе создания нового международного легитимного механизма по преодолению долговременного кризиса. 28 февраля 2018 г. он представил свою «дорожную карту» [40] в ООН, однако она не получила одобрения по причине сложности её реализации. В ответ на перенос посольства США в марте 2018 г. жители Газы начали кампанию «Великий марш возвращения», поддержанную ХАМАС [37]. Рост эскалации был встречен с обеспокоенностью в Москве, отметившей, что «ставка на силу, отказ от прямого мирного диалога – это путь в никуда» [21]. Одновременно и перенос посольства в отрыве от решения базовых вопросов урегулирования палестинской проблемы был подвергнут серьёзной критике.

6 декабря 2018 г. состоялось голосование в ГА ООН по резолюции, осуждающей действия ХАМАС. Организация обвинялась в неоднократных пусках ракет на территорию Израиля и в подстрекательстве к насилию, что подвергает риску гражданское население. В резолюции осуждалось строительство в Газе военной инфраструктуры: туннелей для проникновения в Израиль и оборудования для запуска ракет в гражданские районы. Проект не был принят; из требуемых 129 голосов «за» проголосовали 87, «против» – 58, включая РФ, воздержались – 32 [44].

В Москве посчитали данный подход несбалансированным, способным осложнить усилия по содействию межпалестинскому примирению и формированию единых властных структур в Газе и на Западном берегу. Предполагалось, что документ приведёт к накалу ситуации в секторе и осложнит проблему безопасности в Израиле. Для России оказалось неприемлемым отсутствие отсылки к урегулированию кризиса на основе принципа двух государств. Соответственно, резолюция могла бы разрушить ранее утвержденную международную базу для решения конфликта [20]. Так, РФ предпочла в очередной раз сохранить свой традиционный подход к палестинскому вопросу, несмотря на явное наличие проблемы безопасности Израиля и террористические действия ХАМАС. Это доказывает, что в российском подходе межпалестинское примирение является первоочередной задачей. Москва считает возможным начало диалога о палестино-израильском урегулировании лишь после формирования единой политической системы в Газе и на Западном берегу реки Иордан с участием всех основных сил. РФ предложила проведение московской встречи для палестино-израильского диалога [7].

12 февраля 2019 г. в ходе этой встречи С. Лавров вновь отметил, что все стороны должны прийти к общему соглашению на основе рамочного договора между ФАТХ и ХАМАС 2017 г., подписанного в Каире⁸ [26]. При этом он указал на сомнение международного сообщества в возможности преодоления раскола между палестинскими движениями и вновь призвал стороны к диалогу [5].

В настоящее время российско-палестинские отношения характеризуются наличием постоянных контактов, нацеленных на урегулирование отношений между различными палестинскими движениями, особенно между ХАМАС и ФАТХ. Встречи под эгидой МИД России свидетельствуют о том, что данный вопрос находится в

⁸ Соглашение подразумевало отказ Рамаллы от карательных экономических санкций в отношении Газы и формирование нового совместного правительства.

фокусе внимания отечественной дипломатии. Однако эффективный механизм для решения этой проблемы найти сложно. По-видимому, это связано с наличием серьёзных препятствий на пути объединения всех палестинских сил. Урегулирование палестино-израильского кризиса Москва видит только в рамках международно признанных подходов и основополагающего принципа «два государства для двух народов». Именно эта формула всё больше подвергается вызовам под влиянием израильской политики на территориях и в связи с американским курсом на Ближнем Востоке.

Очевидно, что, несмотря на определенную маргинализацию палестинской проблемы под влиянием новых конфликтов и линий конфронтации на Ближнем Востоке, она остаётся одним из важнейших факторов поддержания напряжённости. Решить столь сложный этнополитический конфликт возможно лишь с помощью взвешенных шагов при опоре на международно-правовую основу урегулирования.

Список литературы:

1. Абу Мазен обсудил с Путиным важную роль России, которая она играет в мирном процессе (На арабском). // Аль-Айям. 01.02.2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.al-ayyam.ps/ar_page.php?id=e433a2y14955426Ye433a2 (accessed: 23.07.2017)
2. Барышев А.П. Политика России на Ближнем и Среднем Востоке. // Внешняя политика современной России: Сборник статей. М.: Дипломатическая академия МИД РФ. 2000. Сс. 144-165.
3. «Ближневосточный квартет» выразил встревоженность обстановкой в Иерусалиме. Интерфакс. 23.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/world/571691> (accessed: 02.02.2019)
4. Внешняя политика России 1991–2016. Отв. ред. Е.М. Кожокин, А.Л. Чечевишников; под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет. 2017. 540 с.
5. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с участниками Межпалестинского диалога. Москва, 12 февраля 2019 года. // Министерство иностранных дел Российской. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/3513968 (accessed: 15.02.2019)
6. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с представителями палестинских движений и партий. Москва, 16 января 2017 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2597654 (accessed: 23.07.2017)
7. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Государства Палестина Р. Малики. 21 декабря 2018 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/3456114 (accessed: 15.02.2019).
8. Выступление на открытии Московского заседания Группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку на уровне министров иностранных дел. // Президент России. 1 февраля 2000 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21114> (accessed: 23.07.2017)
9. Выступление представителя Российской Федерации, заместителя Министра иностранных дел России А.В. Яковенко на заседании Совета Безопасности ООН

- по Ближнему Востоку. Нью-Йорк, 6 января 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/310502 (accessed: 23.07.2017)
10. Джахар Дудаев: эпический герой Чечни (На арабском). // Манарат. 01.05.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.manaratweb.cm/جوهر-دوداييف-بطل-ملحمة-الشيشان> (accessed: 12.02.2018)
11. Дипломатический вестник. Гл. ред. С.Л. Тихвинский. М.: «Международные отношения». 1996. № 5 (май).
12. Дипломатический вестник. Гл. ред. Ю.Б. Кашлев. М.: «Международные отношения». 1999. № 5 (май).
13. Заявление официального представителя МИД России А.В. Яковенко в связи с утверждением нового состава правительства Палестинской администрации. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/497058 (accessed: 23.07.2017)
14. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс. 2017. 208 с.
15. Из ответов Министра иностранных дел России И.С. Иванова на вопросы газеты «Правда», опубликованных 29 июня 2001 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/578318 (accessed: 23.07.2017)
16. Крылов А.В. Провал ближневосточной политики США на палестино-израильском треке. // МГИМО. 09.11.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/14f/Выступление%20на%20конференции%20в%20НН..pdf> (accessed: 16.02.2018)
17. Нафи И. Барак и потерянные шансы на перемирие (На арабском). // Аль-Ахрам. 02.12.2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ahram.org.eg/Archive/2000/12/2/WRIT1.HTM> (accessed: 23.07.2017).
18. О беседе Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с участниками межпалестинской встречи в Москве. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/2599132 (accessed: 23.07.2017)
19. О беседе Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с участниками межпалестинской встречи. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/205870 (accessed: 23.07.2017).
20. О голосовании в Генеральной Ассамблее ООН по американскому проекту резолюции с осуждением палестинского движения ХАМАС. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/3437787 (accessed: 02.02.2019)
21. О новом витке эскалации насилия на границе между Израилем и сектором Газа. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/3239359 (accessed: 02.02.2019)
22. Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос СМИ в ходе брифинга в пресс-центре РИА «Новости» 11 июня 2004 года относительно возможного решения Израиля о выводе своих поселений из сектора Газа и с Западного берега р. Иордан. // Министерство иностранных дел

- Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/il/-/asset_publisher/lkK5VYQAOMA/content/id/468474 (accessed: 13.07.2017)
23. Ответы заместителя Министра иностранных дел России А.В. Салтанова на вопрос агентства «Интерфакс» по палестино-израильским отношениям. Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/569336 (accessed: 23.07.2017)
24. Ответы спецпредставителя Президента Российской Федерации по ближневосточному урегулированию, статс-секретаря, заместителя иностранных дел России В.Д. Средин на вопросы канадской газеты «Янг Стрит Ревю». // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/593944 (accessed: 23.07.2017)
25. Полнотекстовый документ соглашения ФАТХ и ХАМАС об окончании раскола 2017 года (На арабском). // Палестинский информационный центр. 13.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.palinfo.co/news/2017/10/13/-/النص-الكامل-لاتفاق-2017> (accessed: 15.02.2019)
26. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в четырёх томах. Составитель Т.А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2002. Сс. 193-203.
27. Примаков Е.М. Россия в современном мире. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Центрполиграф. 2018. 620 с.
28. Путин предлагает Арафату важные идеи для соглашения, Москва осторожно поддерживает право палестинцев на создание независимого государства. // Аль-Баян. 12.08.2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.albayan.ae/one-world/2000-08-12-1.1086559> (accessed: 23.07.2017)
29. Путин пригласил «Хамас» в Москву – «Хамас» согласился. // News.ru. 09.02.2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.newsru.com/russia/09feb2006/ham_as.html (accessed: 23.07.2017)
30. Путин: ситуация на Ближнем Востоке почти вышла из-под контроля (На арабском). // Куна. 29.05.2001. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kuna.net.kw/ArticlePrintPage.aspx?id=1167939&language=ar> (дата обращения: 23.07.2017)
31. Совместная пресс-конференция Президента России В.В. Путина и Председателя Палестинской национальной администрации М. Аббаса по итогам российско-палестинских переговоров. Рамалла, 29 апреля 2005 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/441204 (accessed: 23.07.2017)
32. Список изменений и реформ (На арабском). // Хамас. 09.05.2005. [Электронный ресурс] URL: <http://hamas.ps/ar/post/895/%D8%A8%D9%8A%D8%A7%D9%86-2005-05-09> (дата обращения: 23.07.2017)
33. Стенограмма ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ по итогам поездки в Шарм-аш-Шейх для участия в международной конференции в поддержку палестинской экономики для реконструкции Газы. 2 марта 2009 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

- [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps/-/asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/303606 (accessed: 23.07.2017)
34. Стенограмма пресс-конференции Министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова по итогам визита в Россию Председателя Исполкома ООП, Главы Палестинской национальной администрации Я. Арафата. 11 августа 2000 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ps//asset_publisher/2L933xL2DJGI/content/id/600848 (accessed: 23.07.2017)
35. Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М. Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО-Университет. 2018. 418 с.
36. Byman D. A high price: the triumphs and failures of Israeli counterterrorism. Oxford: Oxford University Press. 2011. 496 p.
37. David M. Halbfinger. Hamas sees Gaza protests as peaceful – and as a «deadly weapon». // The New York Times. 15.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/15/world/middleeast/israel-hamas-gaza-great-return.html> (accessed: 15.02.2019)
38. General Assembly overwhelmingly adopts resolution asking nations not to locate diplomatic missions in Jerusalem. // The United Nations. 21 December 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/press/en/2017/ga11995.doc.htm> (accessed: 15.02.2019)
39. Kreutz A. Russia in the Middle East: friend or foe? Westport, Connecticut: Praeger Security International. 2007. 222 p.
40. Palestinian President presents plan to relaunch peace talks with Israel, says new multilateral mechanism should guide process, in briefing to Security Council. // The United Nations. 20 February 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/press/en/2018/sc13213.doc.htm> (accessed: 13.02.2019)
41. Somfalvi A. Sanctions and suspended talks – Israel responds to Palestinian reconciliation. // Ynet news.com. 24.04.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4513046,00.html> (accessed: 15.07.2017)
42. Svetlova K. Why can't we have multilateral talks? // The Jerusalem Post. 05.05.2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jpost.com/Features/Why-cant-we-have-multilateral-talks-with-Iran-today> (accessed: 23.07.2017)
43. U.N. court rules West Bank barrier illegal. // CNN. 10.07.2004. [Электронный ресурс] URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/meast/07/09/israel.barrier/index.html> (accessed: 23.07.2017)
44. US resolution to condemn activities of Hamas voted down in General Assembly. // The United Nations. 6 December 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/en/story/2018/12/1027881> (accessed: 15.02.2019)

Об авторе:

Мария Игоревна Махмутова – соискатель в ИВ РАН. Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12; младший научный сотрудник в РИСИ. Россия, 125413, Москва, ул. Флотская, 15Б.

E-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

Russian-Palestinian Relations and the Middle East Peace Process (1991–2018)

M.I. Makhmutova
Russian Institute for Strategic Studies

Abstract: *This article analyzes the dynamics and asymmetry of relations between Russia and Palestine in the framework of the Middle East peace process. The author points out that Moscow inherited ties with the main Palestinian movements from the USSR. However, these relations underwent a serious transformation during 1990s. In 2000s, Russia strengthened its commitment to political support for Palestinians. Moscow became a party of the Middle East Quartet and chose to elaborate approaches that could resolve the Palestinian problem under previously reached international agreements. Following the growing inter-Palestinian dichotomy, Russia began to promote reconciliation among the Palestinian movements. It is best demonstrated by the meetings under the aegis of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow became a unique mediator given the fact that other Middle East Quartet members put Hamas on the list of terrorist organizations. Moscow believes that a single Palestinian agenda and delegation is an indispensable condition for a settlement of the Israeli-Palestinian conflict.*

Key words: *Russia, Palestine, PNA, Hamas, Fatah, Israeli-Palestinian conflict, the Middle East peace process, Palestinian problem.*

About the author:

Mariya I. Makhmutova – Postgraduate Student at IOS RAS. Russia, 107031, Moscow, Rozhdestvenka street, 12; Junior Researcher at RISS. Russia, 125413, Flotskaya street, 15B.

E-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

Турция и Россия: стратегическое партнёрство?

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

В статье рассматриваются российско-турецкие взаимоотношения в условиях меняющегося мирового порядка. Будучи членом НАТО, а также кандидатом в члены ЕС, Турция стремится стать более самостоятельным игроком на региональном и международном уровне. Россия, как и Турция, имеет богатое имперское прошлое, благодаря чему обе страны видят себя как важнейших глобальных и региональных субъектов. По мере их отдаления от Запада обе страны вынуждены идти на сближение друг с другом, несмотря на разногласия по ряду вопросов (например, Сирия и Крым). Проводя более независимый внешнеполитический курс в последние годы, разочаровавшись длительным процессом вступления в ЕС, Турция не намерена полностью отказываться от сотрудничества с Западом, принимая во внимание экономические, военные и дипломатические связи с Европой и США. Учитывая сложность двусторонних отношений в прошлом, а также нестабильность в регионах Ближнего Востока, Чёрного моря и Средиземноморья – регионах, где у Турции и России наибольшие интересы, – стоит предположить, что отношения двух стран ждёт длительный период трансформации на пути к реальному стратегическому сотрудничеству.

Ключевые слова: Россия, Турция, стратегическое партнёрство, конфликт, «Голубой поток», «Турецкий поток», АЭС «Аккую», Сирия.

В контексте изменения миропорядка и усиления держав, стремящихся утвердиться в качестве активных региональных и глобальных субъектов, особое внимание следует уделить отношениям России и Турции, которые смогли создать динамично развивающееся партнёрство.

Российско-турецкие отношения имеют многовековую историю, полную различных испытаний и противоречий. Характер отношений оказывал влияние не только на сами государства, но и на регион в целом. Сейчас Россия и Турция смогли преодолеть многолетние конфликты, нормализовав отношения между двумя странами. Следует отметить, что различные двусторонние соглашения за последние десятилетия, особенно в рамках проекта Черноморского экономического сотрудничества, сформировали эффективное взаимодействие [6, pp. 337-364].

Несмотря на то что растущая экономическая взаимозависимость и дипломатические инициативы последних лет являются позитивным показателем, говорить о полномасштабном стратегическом партнёрстве рано в связи с сохранением разногласий и с учетом различных политических ориентаций Турции и России.

Особенности двусторонних отношений в 2000-е годы

В последние десятилетия Анкара довольно часто демонстрировала независимую политическую линию, несмотря на сохраняющуюся принадлежность Турецкой Республики к блоку стран Североатлантического Альянса. Так, в ходе российско-грузинского конфликта 2008 г. Турция решительно следовала условиям Конвенции Монрё и ограничила проход американских военных судов в Чёрное море

через Проливы. В бассейне Чёрного моря Турция стремится к своей собственной политике «третьего пути», балансируя между странами региона.

Постепенный переход от политики конкуренции к политике сотрудничества начался в 2009 г., после подписания Совместной декларации о продвижении к новому этапу отношений между Россией и Турцией и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. Этот документ, подписанный президентами Д.А. Медведевым и А. Гюлем в начале 2009 г. стал важной вехой развития двусторонних отношений. Согласно Декларации, «отношения и сотрудничество между Россией и Турцией служат не только интересам двух стран, но и вносят весомый вклад в обеспечение мира, безопасности, стабильности и развития на широком евразийском пространстве и в мире в целом» [4].

Развитие двусторонних политических отношений повлияло на сотрудничество в других сферах. Так, в 2001 г. общий товарооборот составлял примерно 3.8 млрд долл., а уже в 2008 г. превысил 38 млрд долл. США [8].

Яркий пример плодотворного российско-турецкого сотрудничества – взаимодействие в сфере энергетики и реализация проекта «Голубой поток». В 2003 г., согласно договору от 15 декабря 1997 г. между «Газэкспортом» и компанией Botas на основе Межправительственного соглашения о поставках российского газа в Турцию, через акваторию Чёрного моря начался экспорт газа по газопроводу «Голубой поток».

Россия на 68% покрывает потребность Турции в природном газе и на 20% – в импортной нефти. Таким образом, рост торгового оборота между странами в значительной мере объясняется увеличением объёма импорта энергоносителей.

В 2009 г. Россия и Турция подписали протокол о сотрудничестве в области атомной энергетики в ходе рабочей встречи президента РФ В. Путина с президентом Турции А. Гюлем и премьер-министром Р.Т. Эрдоганом [6].

Но, несмотря на успехи дипломатических инициатив, а также ряда мер экономического сотрудничества, многие исследователи отмечают сохраняющуюся конфликтность в двусторонних отношениях. Различия в геополитических приоритетах и политических взглядах создают вызов многоплановому сотрудничеству. Последние десятилетия российско-турецкие отношения характеризуются углублением экономического взаимодействия в области торговли, инвестиций, строительства, трудовой миграции и туризма [3]. Причиной разногласий в российско-турецких отношениях, начиная с 2011 г., стала «Арабская весна».

Однако, несмотря на усиление сотрудничества с РФ, в вопросах, касающихся Черноморского бассейна, Турция не готова идти на признание изменения военно-политической расстановки сил. Так, Анкара заняла отчетливую проукраинскую позицию в ходе российско-украинского конфликта 2014 г., категорически отказавшись принять вхождение Крыма в состав России, прекратив прямое сообщение с полуостровом и неоднократно поднимая вопрос о положении крымских татар. Министр иностранных дел А. Давутоглу заявил, что не считает «аннексию» Крыма законной, и отметил, что Турция выступает за целостность Украины [9]. Помимо этого, в Турции регулярно проводятся различные мероприятия (конференции и митинги) крымских татар, представителей диаспоры и различных организаций, иногда с антироссийскими лозунгами. Страна практически полностью лишилась своего прежнего политического и экономического представительства на Крымском полуострове; немалую роль играет для неё этноконфессиональный фактор (поддержка крымских татар объясняется и внутривнутриполитическими соображениями), и поэтому непримиримая позиция Анкары по данному вопросу объяснима.

Турецкое руководство пытается строить «особые» отношения с Украиной, в основном в сфере оборонно-промышленного комплекса. В январе 2019 г. Турция заключила договор на поставку шести беспилотных летательных аппаратов. Таким образом турецко-украинские отношения вышли на новый уровень сотрудничества в сферах авиастроения и оборонного комплекса [10]. Также Анкара неоднократно выступала против повышения цен на газ для Украины, так как большая часть газа поступала на территорию Турции через эту страну. В то же время Турция пытается встроиться в новые геополитические реалии в регионе Чёрного моря и предлагает себя в качестве посредника для разрешения черноморских споров, таких как кризис в Керченском проливе в ноябре 2018 г. [13].

Отношения Россия–Турция вступили в острый кризис вследствие уничтожения турецкими ВВС российского военного самолёта в воздушном пространстве Сирии 24 ноября 2015 г. Инцидент со сбитым СУ-24 привёл к серьёзным политическим и экономическим последствиям, особенно после того, как турецкие власти отказались приносить извинения и выплачивать компенсации погибшим. Ухудшились не только двусторонние отношения, но и ситуация в регионе в целом. В качестве ответных мер со стороны Москвы были приняты следующие: по указу президента В.В. Путина от 28 ноября 2015 г. был введен запрет (или ограничение)¹ на внешнеэкономические операции, а также на ввоз на территорию России отдельных видов турецких товаров; запрет на организацию деятельности ряда турецких фирм и привлечение работников из Турции [11]. Помимо этого, был отменён безвизовый режим, приостановлены продажи путёвок в Турцию туроператорами, прекращены военные контакты. Россия приостановила своё участие в BLACKSEAFOR². Ухудшение отношений отразилось также на энергетической сфере. Проекты АЭС «Аккую» и газопровода «Турецкий поток» попали под действие российского закона о специальных экономических мерах в отношении Турции.

После семимесячной «заморозки» двусторонних отношений, в июне 2016 г. Т. Эрдоган отправил послание В.В. Путину, где выражал заинтересованность в нормализации отношений, а в августе того же года между лидерами двух стран состоялся телефонный разговор, что запустило процесс восстановления двусторонних отношений. Замороженные ранее проекты, в том числе в области энергетики, в настоящее время находятся в процессе реализации.

Трансформация двусторонних отношений на современном этапе

Трансформация российско-турецких отношений в сторону стратегического партнёрства началась после 2016 г., с восстановлением политического диалога. Турция входит в число основных внешнеэкономических партнёров РФ. По итогам 2017 г., двусторонний товарооборот увеличился более чем на 37%, составив 21.6 млрд долл., в том числе российский экспорт – 18.2 млрд долл. и импорт – 3.4 млрд долл. [2]. А по итогам 2018 г., объём внешней торговли двух стран составил 25.5 млрд долл., в том числе российского экспорта – 21.3 млрд долл. и импорта – 4.2 млрд долл. Анкара отменила пошлины на поставку пшеницы, а Москва сняла ограничение на поставку томатов с ноября 2017 г. Значительно вырос и турпоток из

¹ Запрет или ограничение внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов товаров, страной происхождения которых является Турецкая Республика, по перечню, определяемому Правительством Российской Федерации (кроме товаров, ввозимых для личного пользования в объёме, разрешённом правом Евразийского экономического союза) (Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции от 28 ноября 2015 г.).

² Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия.

России в Турцию. По сравнению с 2016 г. общий въездной трафик в Анталию вырос на 45 %.

25 июля 2019 г. вышел указ Президента РФ об отмене некоторых специально-экономических мер в отношении Турции, расширяющий круг лиц – граждан Турции, для которых сделано исключение во время поездок в РФ. Согласно новому указу, из-под ограничений выведены граждане Турции как со служебными, так и со специальными паспортами, независимо от целей их поездки в Россию, однако при условии «принятия Турецкой Республикой на основе принципа взаимности аналогичных мер в отношении граждан Российской Федерации, осуществляющих поездки в Турецкую Республику, имеющих действительные служебные паспорта». Данный указ стал очередным важным шагом в процессе восстановления российско-турецких отношений и укрепления партнёрских связей.

Политические мотивации

До 2016 г. внешняя политика Турции основывалась на стремлении интегрироваться в Западное сообщество, стать членом Евросоюза, будучи членом НАТО, активно влиять на ситуацию на Ближнем Востоке. Попытка государственного переворота привела к пересмотру вектора внешней политики, а также к изменениям внутри страны. Так, Турция перешла от парламентской системы правления к президентской, проведя конституционный референдум относительно нового законопроекта, значительно расширяющего полномочия главы государства. Более 51% проголосовавших поддержали данный законопроект. Формально ситуация в стране стабилизировалась, был снят введённый сразу после попытки переворота в июле 2016 г. режим чрезвычайного положения, однако борьба с оппозицией под лозунгом борьбы с «террористическим течением Фетхуллага Гюлена»³ обернулась массовыми арестами (арестовано 160 тыс. человек), увольнением свыше 170 тыс. военных и госслужащих, закрытием 200 СМИ и 3000 школ и университетов, запретом 100 тыс. сайтов и 19-и профсоюзов. Эти события, а также конституционная реформа в Турции, вызвали серьёзный общественный резонанс во всём мире. Смена политической системы на президентскую республику и назначение нового правительства дали безграничные полномочия Р.Т. Эрдогану.

В результате политических изменений в стране процесс принятия Турции в ЕС был заморожен, лидеры европейских стран стали называть Эрдогана диктатором, отношения Турции со странами, где проживают крупнейшие турецкие диаспоры (Германия, Голландия и др.), ухудшились. На этой волне обострились и отношения Анкары с Вашингтоном. Арест американского пастора Эндрю Брансона в 2016 г. по обвинению в связи с ФЕТО⁴ привёл к введению санкций против турецких министров – глав МВД и Минюста. Анкара ответила ограничительными мерами в отношении представителей администрации Трампа, что, в свою очередь, привело к давлению на турецкую валюту. Так, Вашингтон ввёл дополнительные защитные пошлины на поставки турецкой стали и алюминия, в результате чего курс лиры достиг абсолютного исторического минимума.

На фоне ухудшения отношений с Западом Анкара развивает связи с Москвой: проводит совместные военные учения на море, активизирует сотрудничество в

³ Фетхуллаг Гюлен – духовный лидер турецкой оппозиции, проживающий в США. Его движение «Hizmet» распространяет своё влияние с помощью элитных школ, открытых в 150 странах. По версии турецкого правительства, организация Гюлена является террористической и несёт ответственность за неудавшийся государственный переворот 2016 г.

⁴ После неудачной попытки переворота турецкие власти назвали часть организации Ф. Гюлена «Террористической организацией фетхуллахистов» (Fethullahçı Terör Örgütü, FETÖ).

Сирии. В настоящее время, при усилении борьбы за доступ к энергоресурсам и контроль над ним, роль Турции как регионального актора становится более значимой: это роль транзитного центра для поддержания европейской энергетической безопасности.

Наращивание Соединёнными Штатами своего военного потенциала в районе Чёрного моря через Румынию, Болгарию и Украину вызывает серьёзные опасения у Турции. Помимо этого, последнюю беспокоят нерешённые территориальные проблемы с Грецией в районе Эгейского моря, а также борьба за газовые месторождения в Восточном Средиземноморье между Северным Кипром, Грецией и Израилем. Сотрудничество с Россией в Восточном Средиземноморье способствовало бы снижению градуса напряженности и в Чёрном море.

Экономические связи

Основное направление взаимодействия Турции и России – сфера энергетики. Турецкое правительство в июле 2010 г. утвердило законопроект о межправительственном соглашении между двумя странами о строительстве первой в Турции атомной электростанции в провинции города Мерсин – «Аккую», чем занимается российская компания «Росатом». Церемония начала работ на территории АЭС состоялась 3 апреля 2019 г. По предварительным прогнозам, «Аккую» обеспечит примерно 10% потребностей Турции в электроэнергии.

Стратегия ядерной политики Анкары направлена на сокращение выбросов углерода и получение преимуществ ядерных технологий. Будучи расположенной в сейсмически опасной зоне, Турция опасается рисков утечки радиоактивных отходов, проблем с хранением радиоактивных отходов, с защитой атомной электростанции от риска аварий и террористических атак. Существуют также опасения относительно качественного и эффективного надзорного механизма, отслеживающего каждый этап процесса установки и эксплуатации АЭС.

При всех существующих рисках данная сделка имеет важное значение как для России, так и для Турции. Это укрепит российско-турецкие отношения, обеспечив более 20 млрд долл. инвестиций в турецкую экономику, а также позволит передать Турции важнейшие российские ядерные технологии. С другой стороны, Анкара станет более зависимой от Москвы. «Аккую» является первым в мире проектом реализации модели ВОО (build-own-operate): РФ строит станцию, которой также будет владеть и управлять. Первый из четырех энергоблоков будет возведён в 2023 г. к столетию провозглашения Турецкой Республики.

Важнейшим событием для двух стран станет строительство газопровода «Турецкий поток» через Чёрное море, который будет состоять из двух ниток мощностью 15.75 млрд кубометров каждая. Первая часть будет предназначена для турецкого потребителя, а вторая – для стран Южной и Юго-Восточной Европы. К 2019 г. было завершено строительство морского участка газопровода, который в ближайшее время соединит сухопутную линию.

Треть турецкого экспорта приходится на машины и оборудование, что составляет большую конкуренцию Китаю. РФ уже импортирует из Турецкой Республики оборудование для горных работ, насосы, промышленные компрессоры, отопительные системы, строительную технику и пр. В условиях западных санкций против России турецкие производители оборудования могут использовать эту возможность для его поставок ближайшему соседу. Следует также отметить такое интересное потенциальное направление сотрудничества, как гражданская авиация. Контракт на поставку в Турцию трёх российских вертолетов типа Ка-32 был заключен в 2018 г. [1].

Сирийский фактор

Наглядным свидетельством стремления к расширению сфер двустороннего сотрудничества являются также совместные инициативы по урегулированию сирийского кризиса и проект соглашения по поставкам ЗРК С-400. Планы закупки С-400 были встречены настороженно, а затем и вовсе враждебно со стороны НАТО и, в частности, США. Это аргументировалось тем, что российские ЗРК системы несовместимы с аналогичными системами Альянса. Переговоры о С-400, а затем и соглашение о продаже Анкаре российских ракетных комплексов привели к новому обострению напряженности между Анкарой и Вашингтоном, которая длительное время препятствовала закупке.

Приобретение ЗРК является не просто покупкой оружия: это серьёзный геополитический выбор. США по-прежнему угрожают Турции отстранением от программы производства истребителей-бомбардировщиков F-35⁵, однако реализация этой угрозы может иметь серьёзные политические (сильный удар по турецко-американским отношениям) и экономические последствия (Турция в этом случае сможет приобрести российские истребители СУ-57). Так на встрече Эрдогана с Путиным в августе 2019 г. было озвучено желание Анкары приобрести подобные самолёты, при окончательном решении США исключить Турцию из программы. Обеспокоенность Вашингтона решением Анкары приобрести и эксплуатировать российский ракетный комплекс вызвана тем, что радары российской системы могут поставить под угрозу раскрытия ряд технологий, делающих американский самолёт особенно ценным в предстоящих конфликтах: в частности, оперативный обмен данными о боевой обстановке. Такая реакция США подтверждает факт растущего недоверия к Турции. Подвергшиеся масштабным «чисткам» после попытки переворота в 2016 г. турецкие ВВС могут усилить позиции Турецкой Республики в Средиземноморье с помощью российских средств ПВО. Однако при остановке серийного выпуска новейшего истребителя стран НАТО центр по производству и обслуживанию планировали перенести из Турции в США.

Лидеры Турции и России находятся в интенсивном политическом диалоге по различным направлениям, и только за 2018 г. Путин и Эрдоган провели восемь совместных встреч и восемнадцать раз общались по телефону. Как отмечают в пресс-службе Кремля, сирийская проблематика всегда занимает здесь ключевое место. Взаимодействие двух стран по Сирии не означает полного схождения позиций. Россия поддерживает правительство Башара Асада, а Турция – силы оппозиции. Россия выступает за то, чтобы в процессе урегулирования интересы курдов были приняты во внимание, а Турция считает террористической организацией силы курдского ополчения⁶, контролирующего левый берег Евфрата. Тем не менее Москва и Анкара доказали, что способны на совместные действия по стабилизации ситуации в стране.

Визит российского Президента в Анкару в апреле 2018 г., а также совместные встречи Путина, Эрдогана и президента Ирана Хасана Роухани – глав государств-гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию – имели определённые успехи. Значительных результатов достигли совместные действия России и Турции в Идлибе. По итогам переговоров президентов двух стран, 17

⁵ F-35 Lightning II – новейший американский истребитель-бомбардировщик, имеющий высокую скрытность за счёт использования стелс-технологий. Программу разработки F-35 финансировали США, Великобритания, Нидерланды, Канада, Турция, Австралия, Норвегия и Дания. Российские истребители СУ-57 в пять раз дешевле американских аналогов, при этом не уступают им по техническим характеристикам.

⁶ Сирийский демократический союз и патруль проамериканского курдского ополчения «Отряд народной самообороны» (Yekîneyên Parastina Gel, YPG).

сентября 2018 г. в Сочи министры обороны подписали меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации «Идлиб» в Сирии, обозначивший демилитаризованную зону, из которой были выведены тяжёлые вооружения (танки, реактивные системы залпового огня, орудия и миномёты). Однако говорить исключительно об успехе и согласованности совместных действий Анкары и Москвы в сирийском конфликте рано. Ситуация в Идлибе остаётся серьёзным раздражителем для Турции и сирийского правительства. Россия была озабочена военной операцией Турции на севере Сирии, которая могла бы поставить под вопрос приверженность Анкары астанинским и сочинским договоренностям, а Дамаск рассматривал как агрессию совместное наземное патрулирование Турции и США планируемой зоны безопасности на северо-востоке Сирии, начатое в сентябре 2019 г.

* * *

В заключении хотелось бы отметить, что российско-турецкие отношения в будущем будут зависеть от различных геополитических факторов, а также от цен на энергоносители. Длительная история российско-турецких отношений связана не только с многочисленными войнами, но также с торговыми и культурными отношениями.

Геополитические вопросы были причиной многих разногласий между странами, в то время как экономика, торговля и энергетика оставались важными сферами сотрудничества. Учитывая большой потенциал для двустороннего взаимодействия, можно предположить, что российско-турецкие отношения могут развиваться в направлении стратегического сотрудничества, но это движение вряд ли будет линейным. В любом случае благодаря географической близости двусторонние отношения всегда будут играть важную роль для обеих сторон [12].

Как показала практика, российско-турецкие отношения могут существовать в контексте сохранения политических противоречий по различным вопросам и даже различных внешнеполитических ориентаций. Так, дистанцирование Турции от политики НАТО не стоит рассматривать как стратегический курс. Оно, скорее, отражает поиск приемлемых балансов, которые облегчат Анкаре отношения с Западом, чьё влияние на Турцию можно назвать структурным⁷.

В целом геополитическое соперничество и конфликты серьёзно не нарушили двусторонние связи и не снизили экономическую взаимозависимость, сложившуюся в течение последних двух десятилетий. И всё же при глубоком расхождении политических взглядов по вопросам безопасности, сотрудничество Турции и России может быть значительно затруднено.

Список литературы:

1. Богинский А. Контракт на поставку трёх многоцелевых вертолетов Ка-32 в Турцию завершён. // РИА Новости. 03.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/20190703/1556145913.html> (accessed: 01.08.2019)
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу по итогам VI заседания Российско-Турецкой Совместной группы стратегического планирования, Москва, 14 марта 2018 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.03.2018. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/3119121 (accessed: 08.08.2019)

⁷ Турция – член НАТО, член Совета Европы, кандидат на вступление в Европейский союз.

3. Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношения: сущность и перспективы. // Вестник МГИМО-университета. 2012. № 5(26). Сс. 38-44.
4. Газпром экспорт. Турция. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazpromexport.ru/partners/turkey/> (accessed: 15.08.2019)
5. Примаков Е.М. (науч. рук.). Турция: новая роль в современном мире. М.: Центр ситуационного анализа РАН, 2012.
6. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. 13 февраля 2009 года. // Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (accessed: 05.08.2019)
7. Торговля между Турцией и Россией в 2018 г. // Внешняя торговля России. 09.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-turtsiey-v-2018-g/> (accessed: 16.08.2019)
8. Торгово-экономические связи между Россией и Турцией. // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/doc1071825927656> (accessed: 10.08.2019)
9. Турция не признала крымский референдум. // МК-Турция. 18.03.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2014/03/18/turciya-ne-priznala-krymskij-referendum.html> (accessed: 10.08.2019)
10. Турция поставила на Украину беспилотники. // News.ru. 06.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ru/world/turciya-postavila-v-ukrainu-bespilotniki-bayraktar/> (accessed: 01.08.2019)
11. Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции. 28 ноября 2015 года. // Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50805> (accessed: 05.08.2019)
12. Шерич М. Ждёт ли союз России и Турции блестящее будущее? // Россия Сегодня 15.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/politic/20180815/242999488.html> (accessed: 17.08.2019)
13. Эрдоган предложил посредничество Турции по инциденту в Керченском проливе. // РИА Новости. 29.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20181129/1533743335.html> (accessed: 10.08.2019)
14. Aydin M. Regional cooperation in the Black Sea and the role of institutions. // Perceptions. Autumn 2005. Pp.57-84.
15. Cooley A. Great games, local rules: the new great power contest in Central Asia. Oxford: Oxford University Press, 2012. 272 p.
16. Dalay G. Turkey and Russia are bitter frenemies. // Foreign Policy. 28.05.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/05/28/turkey-and-russia-are-bitter-frenemies/> (accessed: 18.08.2019)
17. Iddon P. How long can Turkey avoid US sanctions for its S-400 missile purchase? // The New Arab. 16.08.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/indepth/2019/8/16/can-turkey-avoid-us-sanctions-for-s-400-missile-purchase> (accessed: 15.08.2019)
18. Kanbolat H. Davutoglu in Moscow: new era in Turkish-Russian relations. // European Dialogue XXI. 25.01.2012. [Электронный ресурс] URL: <https://eurodialogue.eu/davutoglu-moscow-new-era-turkish-russian-relations> (accessed: 05.08.2019)
19. Kiniklioglu S., Morkva V. An anatomy of Turkish-Russian relations. // Southeast

European and Black Sea Studies 7. No. 4 (2007). Pp. 533-553.

20. Milli İHA 'Bayraktar TB2' bu yıl Ukrayna'ya uçuyor. // Aksam. 13.01.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.aksam.com.tr/ekonomi/milli-ih-a-bayraktar-tb2-bu-yil-ukraynaya-ucuyor/haber-812901> (accessed: 05.08.2019)
21. Oztertem H.S. Turkey and Russia: a fragile friendship. // Turkish Policy Quartely. Winter 2017. Vol. 15. No. 4. Pp. 121-134.
22. Sener A. Turkish-Russian relations after the Cold War (1992–2012). // Turkish Studies 7. no. 3 (2009). Pp. 337-364.
23. Turkey defies US as Russian missile arrives. // BBC News. 12.07.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-48962885> (accessed: 19.08.2019)

Об авторе:

Алла Николаевна Вурал – соискатель ИМЭМО РАН. Россия, 117997, Москва, Профсоюзная улица, 23.
E-mail: alya.kazimir@mail.ru

Turkey and Russia: Strategic Partnership?

A.N. Vural

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS

Abstract: *The article analyzes Russian-Turkish relations in a changing international order. Turkey as a member of NATO and an EU-candidate is striving to play a more active role as an independent regional and global power. Its drift towards Russia is not motivated just by tactical considerations but can be explained in terms of national interest. Both countries have developed a sustainable framework for cooperation and are now on the path to a much closer ties despite existing differences. One can assume that Turkey and Russia have entered a long and uneasy process which might lead to a genuine strategic partnership.*

Key words: *Russia, Turkey, strategic partnership, conflict, Blue Stream, Turkish Stream, Akkuyu Nuclear Power Plant, Syria.*

About the author:

Alla N. Vural – Postgraduate Student at IMEMO RAS. Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya ulitsa, 23.
E-mail: alya.kazimir@mail.ru

Детерминанты турецкой стратегии в Африке

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

В условиях постбиполярного мира стратегическое соперничество ведущих мировых экономик за африканские ресурсы неизменно возрастает. На этом фоне особый интерес представляет изучение стратегии Турции на африканском континенте. Руководствуясь позитивным опытом других, более длительно присутствующих в данном регионе акторов, Анкара планомерно формирует и реализует собственную модель, которая имеет все шансы на долгосрочное закрепление и перспективное развитие. Эта модель основана на сочетании «мягких» и «жёстких» тактик с акцентом на инструменты гуманитарного сотрудничества. Дистанцирование от военных конфликтов на континенте, риторика о религиозной и культурной общности, стремление выступать проводником голоса Африки на международных площадках, а также общее историческое прошлое и игра на его позитивных аспектах позволяет Анкаре выстраивать мосты доверительного сотрудничества со многими странами на африканском континенте. При этом велика роль первого лица Турецкой Республики, Реджепа Тайипа Эрдогана, который фактически является автором «африканского проекта», закрепившегося в последние годы во внешнеполитической ориентации Анкары.

Ключевые слова: Турция, Эрдоган, Африка, Чавушоглу, Сомали, стратегическая глубина, ПСР, военная база, ТИКА.

В условиях новых мирополитических реалий динамично развивающиеся экономики получают новые «окна возможностей», которые позволяют им добиваться целей, стоящих на политической, военной и социально-экономической повестке дня. Распад биполярной системы предоставил Турции пространство для маневра, когда она, в значительной степени освободившись от идеологических пут блоковой солидарности, но сохраняя при этом членство в НАТО, смогла перейти к воплощению на практике многовекторной и прагматичной политики.

«Отцом» внешнеполитического курса современной Турции по праву считается Ахмет Давутоглу (министр иностранных дел с 2009 по 2014 гг., премьер-министр с 2014 по 2016 гг.). Несмотря на то, что сейчас он не находится у руля власти, многие его идеи по-прежнему плотно вплетены в официальную политическую доктрину. Главными составляющими внешнеполитической стратегии Турции, согласно А. Давутоглу, стали: 1) переход от односторонней западной направленности внешнеполитического курса к многовекторной политике, предусматривающей укрепление прежних связей и поиск новых партнеров; 2) акцент во внешней политике на экономическое сотрудничество с целью усиления экономического потенциала страны путём выхода турецких товаров на новые рынки и привлечения иностранных инвестиций; 3) решение спорных вопросов и устранение проблем в отношениях с соседними странами в ходе реализации политики «ноль проблем» с соседями; 4) оказание посреднических услуг в разрешении региональных конфликтов с целью повышения своего миротворческого имиджа и усиления своего влияния в регионе; 5) разработка и реализация долгосрочной энергетической политики, направленной на превращение Турции в центр распределения

энергетических поставок; 6) укрепление культурных связей с зарубежными странами на основе общей истории, религии, языка [1, с. 68].

Хотя тезис «ноль проблем с соседями» потерпел крах в ходе событий «арабской весны», идея всеохватной «стратегической глубины» по-прежнему фигурирует в государственных документах и способствует формированию нового геополитического видения. Так, в программном документе правящей партии «Политическое видение Партии справедливости и развития до 2023 года. Политика, общество и мир» прописано, что «стратегическая глубина» во внешней политике простирается от Балкан и Кавказа до Африки. При этом чрезвычайно важно, по мнению разработчиков данной программы, использовать «историческое прошлое и переносить его в рамки контекста нынешних реалий глобальной политики, а также углублять партнёрство посредством реализации конкретных проектов» [15]. Сама же Турция, согласно данному программному документу, является «центром процесса нормализации социальной и политической динамики в регионе Афро-Евразии». А Афро-Евразийский регион, включающий в себя обширное пространство от Балкан до Кавказа, от Центральной Азии до Африки, в соответствии с положениями программного документа, представляет для Турции огромное поле для осуществления политического, экономического и культурного влияния. Такое географическое понятие становится универсальным инструментом в руках общественных деятелей и политиков, которые стремятся доказать «исключительное геополитическое значение» Турции для глобальной мир-системы, позиционируя её в качестве «центрального государства» макрорегиона Афро-Евразии [5, с. 68]. В том же документе в разделе «Новая концепция географии», помимо описания концепции Афро-Евразии, находим следующие строки: «...наше открытие Африки, которое началось 10 лет назад, в настоящее время стало краеугольным камнем нашей глобальной внешней политики» [15].

Справедливости ради следует отметить, что «возвращение» Турции в Африку началось задолго до прихода к власти ныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. Первые попытки «вхождения» после Второй мировой войны были предприняты Анкарой в 1950-е годы. В первую очередь, это были дипломатические мероприятия по налаживанию отношений со странами Северной Африки в политической и экономической сферах. Однако, поскольку Турция официально примкнула к западному блоку, куда входили основные классические колониальные державы, особых успехов действия Турции в условиях холодной войны не имели. Вместе с тем в конце 1950-х – начале 1960-х годов объявившие о своей независимости африканские государства всё же получали поддержку Турции. Анкара начала открывать на их территории дипломатические представительства. В 1970-е годы упрочились отношения с Северной Африкой, что связано с турецкой инициативой по экономической и политической диверсификации [10, с.15]. Меньшее внимание в этот период уделялось Тропической Африке, которая рассматривалась как проблемный регион.

С окончанием холодной войны стал неизбежен пересмотр турецкой стратегии в отношении Африки, не соответствующей, по мнению турецкого руководства, статусу региональной державы, историческое наследие и географическое положение которой благоприятствуют развитию связей с африканским континентом. Трансформация системы международных отношений открыла перед Анкарой новые возможности на мировой арене. Премьер-министр Тургут Озал (1983–1989 гг.), официально провозгласив курс на диверсификацию экономических отношений, стал первым турецким руководителем, инициировавшим в 1985 г. отправку продовольственной помощи на сумму 10 млн долл. [7] странам Африки (Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мавритания, Сенегал, Сомали, Судан), страдающим от

засухи. Уже на посту президента Турецкой Республики в 1989–1993 гг. Т. Озал продолжил курс на наращивание двусторонних отношений со странами африканского континента – в частности, были подписаны соглашения в области здравоохранения, культуры, торгового, экономического и технического сотрудничества с Ботсваной, Чадом, Джибути, Гамбией, Замбией, Сенегалом [14].

Следующей важной вехой на пути развития африканской стратегии Турции стало утверждение в 1998 г. «Плана действий в отношении Африки», предложенного министром иностранных дел страны Исмаилом Джемом (1997–2002 гг.). Этот документ предполагал широкомасштабную реализацию турецко-африканского сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах. Несмотря на то что данный План был фактически реализован к 2012 г., его ключевые положения остаются по-прежнему актуальными и во многом составляют основу внешней политики Анкары в отношении Африки на современном этапе.

С приходом же к власти ПСР турецкий интерес к африканскому континенту, планомерно развиваясь с момента крушения биполярной системы, постепенно трансформировался в органический компонент внешнеполитической стратегии Анкары. «Африканский проект», с которым связана реализация масштабных планов по освоению континента, в настоящее время получает новый виток развития. Всё в большей степени контроль над ним сосредотачивается исключительно в руках правящей партии и лично президента Реджепа Тайипа Эрдогана, что дает основания называть его уже «эрдогановским проектом», имеющим все шансы для динамичного расширения и прочного закрепления во внешнеполитической ориентации Анкары.

Среди ключевых особенностей турецкого присутствия на африканском континенте стоит отметить следующие.

В первую очередь Анкара стремится акцентировать внимание на «позитивных аспектах общего османского прошлого», выступая при этом с жёсткой антизападной риторикой, осуждающей «колонизаторский исторический багаж» ведущих мировых держав и их стремление к насильственной вестернизации в контексте глобализационных процессов. Важным аспектом турецкой деятельности на континенте является содействие сохранению многообразия культурного наследия, которое относится к османскому прошлому. Наиболее ярким примером в этом отношении может служить о. Суакин, который арендован турецкой стороной сроком на 99 лет с целью комплексного восстановления инфраструктуры и исторических памятников. Некогда остров служил важным перевалочным пунктом для паломников, направлявшихся из Африки в Мекку, и сейчас Турция стремится возродить его роль как важного центра международного религиозного туризма.

Другим важным моментом в турецкой стратегии на африканском континенте является разыгрывание карты религиозной и культурной общности. Недаром во время визитов в страны Западной и Восточной Африки в 2014–2018 гг. Р.Т. Эрдоган неоднократно в своём обращении к народам континента апеллировал к понятию «братья». «Мы хотим шагать вместе с Африкой, пока формируется новый мировой порядок ... Мы любим Африку и наших африканских братьев, и мы свободны от предрассудков», – отметил турецкий лидер по итогам африканского турне, которое он совершил в феврале-марте 2018 г.¹ [9]. Показательно, что такая риторика звучит и из уст других проводников турецкой политики в Африке. В частности, президент Управления Турции по делам религии (Диянет) Мехмет Гёрмез на встрече с делегацией из Ботсваны заявил: «Африка – это географический регион, где были

¹ В программу визита вошли Алжир, Мавритания, Сенегал и Мали.

сформированы величайшие исламские цивилизации. Исламское миропонимание открыло в Африке путь к величайшим достижениям» [16].

Кроме того, Анкара, выражая свою приверженность «гуманитарно ориентированной политике», не только декларирует необходимость в политическом диалоге и развитии торгово-экономических связей, но объявляет о своей ответственности за судьбу простых африканцев в регионе и о стремлении выступить надежным помощником, защитником и покровителем. Заняв в 2017 г. второе место в мире после США по объемам гуманитарной деятельности за рубежом [4], в 2019 г. Турция вышла на лидирующую позицию по соотношению гуманитарной помощи к ВВП [12]. Этот показатель используется Анкарой для обоснования своего образа щедрой и неравнодушной державы. Турецкая сторона постулирует новый подход к реализации модели официальной помощи в целях развития, ключевыми принципами которого провозглашаются честный и открытый диалог, бескорыстная помощь (в противовес «американской модели» материальных субсидий в обмен на политическую лояльность), партнёрское взаимоуважение и взаимопонимание, ценность культурного многообразия, взаимовыгода.

Особенно чётко эта модель прослеживается на примере Сомали. Именно в 2011 г., когда в Сомали разразился голод, турецкое руководство заявило о солидарности с бедствующим населением этого государства и объявило себя главным спасителем «своих африканских братьев». По линии государственных и неправительственных организаций был осуществлён целый комплекс мер, направленный на реанимирование этой страны. Сумма только добровольных пожертвований составила около 500 млн долл. [17]. Такой оперативный отклик турецкой стороны на разразившуюся в Восточной Африке гуманитарную катастрофу был удостоен высокой оценки со стороны мирового сообщества. По заявлению помощника координатора по гуманитарным вопросам ООН в Сомали К. Клейшмидта, «за несколько месяцев турки сделали больше, чем любая другая страна или группа помощи за 21 год» [11, с. 440]. Вклад Турции в развитие инфраструктуры государства настолько велик, что это позволяет многим политологам и аналитикам заявлять об опыте государственного строительства (state-building).

В оказании гуманитарной помощи африканским странам участвуют турецкие государственные и неправительственные структуры. Официальная гуманитарная и техническая помощь поступает по линии Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию (ТИКА), которое открыло 21 представительство в странах континента с официально заявленной целью оказания безвозмездной помощи беднейшим из них [3, с. 73]. Результаты деятельности данной организации значительны. За последние пять лет в сфере образования Агентство реализовало порядка 200 проектов, предполагающих строительство и реконструкцию учебных учреждений, их техническое оснащение, обеспечение тренинговых и обменных образовательных программ, в особенности по линии технических специальностей. В фокусе особо пристального внимания – расширение доступа женщин к образованию.

Выражая свою приверженность целям устойчивого развития, ТИКА активно продвигает проекты в области здравоохранения, зачастую в тесном сотрудничестве с различными НПО. В числе первых данная организация откликнулась на призыв о помощи, когда разразилась эпидемия, вызванная вирусом Эболы. Интенсивно осуществляется курс на сооружение больниц и госпиталей в различных субрегионах африканского континента; одним из наиболее значительных проектов стал Госпиталь имени Р.Т. Эрдогана в Сомали, который признан самым совершенным в плане технической оснащённости во всей Восточной Африке². В рамках курса на

² Турецкие исследователи, в отличие от российских африканистов, относят Сомали к данному субрегиону.

расширение доступа простых африканцев к водным ресурсам, Агентство за последние семь лет приняло участие в бурении порядка 600 водных скважин на континенте. Активизируя усилия по оказанию гуманитарной помощи в сфере сельского хозяйства, ТИКА реализует проекты по созданию теплиц и парников, проведению обучающих программ, созданию курсов по подготовке специалистов агропромышленного комплекса. Значительным достижением Агентства на этом поприще является сооружение в Судане первого на континенте Центра генетических ресурсов (своеобразный «банк генетических материалов» и научно-исследовательский центр для выведения культурных растений и кормов для животных).

К другим направлениям деятельности организации относятся инфраструктурные проекты по прокладке дорог, реконструкции зданий государственного значения, строительству школ и детских садов, внутренней отделке мечетей, сохранению и восстановлению памятников культурного наследия и многое другое.

Значительно и то, что Турция стремится выступать «голосом Африки» на международных площадках. Это выражается в педалировании тезисов «XXI век – век Африки», «Африка – глобальный актер в глобальном мире», а также обещании продвигать «африканские решения африканских проблем» на площадках ООН, G20. В частности, в ноябре 2015 г. Турция, председательствующая на Саммите «Большой двадцатки», в рамках подготовки к данному событию инициировала проведение встречи министров энергетики стран G-20, на которой обсуждались вопросы развития энергетики в странах Африки южнее Сахары. Более того, «африканская» тема неоднократно поднималась и на полях самого Саммита. Показательна позиция Анкары в отношении Африки на Саммите G-20 в Гамбурге в июле 2017 г.: Турция подписала коммюнике, где, в частности, говорится, что страны, входящие в эту международную группу, помогут Африке создать рабочие места, чтобы предотвратить миграцию. В числе наиболее заметных мероприятий, отмеченных значительным вкладом Турции, стоит также упомянуть две конференции ООН по Сомали (2010 и 2012 гг.), Четвёртую конференцию ООН по наименее развитым странам (2011 г.), Экономический и бизнес-форум Турция–ECOWAS (2018 г.). Этот неполный перечень позволяет судить о решимости Анкары стать особым игроком на «африканском поле» [3, с. 70].

Наконец, в числе особенностей турецкой активности на африканском континенте – призыв к общей борьбе с терроризмом, которая, по словам турецкого лидера, имеет два измерения. Первое – неправомерность объединения терроризма и ислама («ислам – это всегда мир, а терроризм не имеет ни религии, ни национальности – это общая беда для всех») [18]. Вторым измерением этой проблемы стало апеллирование к идее, что именно Турция должна стать ключевым партнёром африканских государств в этой схватке. В качестве аргументов в пользу данного тезиса турецкий президент указал «нейтральный политический интерес Турции на африканском континенте», «особые исторические и культурные связи Турции с Африкой», а также турецкий опыт в борьбе с террористической активностью [8].

В этой связи интересная картина складывается с военным присутствием Турции в Сомали – государстве, которое с уверенностью можно назвать одним из эпицентров терроризма в регионе. Турецкие аналитики, оценивая геополитическую значимость Сомали на фоне многомасштабного проникновения на африканский континент Китая, Индии и ОАЭ, отводят ему роль «главных ворот» для Турции в Африке. Неслучайно Анкара ещё в 2009 г. присоединилась к операциям Сил многонациональной контрпиратской группы у побережья Сомали. Впоследствии этот

факт стал весомым аргументом при заключении двустороннего соглашения о создании здесь турецкой военной базы, которая официально начала функционировать с сентября 2017 г. База позволяет обучать на её территории более 1500 военных одновременно. Планируется, что при участии 200 турецких военных инструкторов здесь пройдут подготовку 10 500 сомалийских военных [2]. Согласно данным СМИ, база расположена на территории в 4 кв. км; на её строительство потрачено 50 млн долл. [13].

Открытие турецкой военной базы в Могадишо оценивается многими аналитиками как возможная поворотная точка в решении длящегося десятилетиями вопроса о стабилизации ситуации в Сомали. Турция, которая планирует тренировать на этой базе силы национальной армии Сомали, надеется, что со временем национальные силы смогут самостоятельно бороться с угрозой, исходящей от террористической группировки «Аль-Шабаб». Бывший директор национальной разведки Сомали Ахмед Моалим Фики заявил, что «турецкая учебная база – это лучшая возможность создать единую эффективную армию». Его слова дополняет заявление премьер-министра Сомали Али Хайре – «...армию, не основанную на клановом принципе или географическом параметре..., но хорошо обученные вооружённые силы, которые буду представлять сомалийский народ» [13].

В Сомали также расположена военная база США, хотя публично этот факт не признан. Кроме того, силами ОАЭ был сооружён военный объект в Могадишо, а в скором времени планируется развернуть второй в Сомалиленде. Таким образом, факт создания турецкой военной базы в этом регионе, являясь доказательством стратегической перспективности турецко-сомалийских отношений в частности и турецко-африканских отношений в целом, создает определенный прецедент для баланса сил в регионе Ближнего Востока, учитывая нестабильность взаимодействия Турции с державами Персидского залива, которые (в частности, ОАЭ и Саудовская Аравия), в свою очередь, считают Сомали зоной своих интересов.

Как отмечают турецкие исследователи, отличительной особенностью турецкой активности в Африке является позиционирование в качестве державы, занимающей срединное положение между традиционными западными донорами и восходящими странами, но не примыкающей ни к одному из лагерей. Подход Турции основан на принципе миростроительства с использованием инструментов дипломатии, гуманитарной помощи и оказания помощи развитию [6].

Признавая, что модель многополярного мира имеет гораздо больше оснований для характеристики современной системы международных отношений, нежели модель однополярного мира, турецкое руководство стремится проводить политику «свободных рук», отходя от прозападных поведенческих установок, и предпринимать всё более решительные шаги во внешней политике. Турция нацелена на роль активного игрока, выступающего с международными инициативами и влияющего на ход событий в Афро-Евразии, а не просто наблюдающего за их развитием и реагирующего на происходящее. При этом необходимо принимать во внимание фактор такого амбициозного и харизматичного лидера, как Р.Т. Эрдоган, который в риторике и на практике стремится вернуть Турции ведущую роль в международных делах, используя для достижения этой цели широкий арсенал различных «мягких» и «жёстких» средств.

Список литературы:

1. Маврина Ю.В. Концепция Давутоглу и её влияние на внешнюю политику Турции (2001–2011 гг.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Саратов. 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.ru/82006-Mavrina-yuliya-valerevna-koncepciya-davutoglu-i-ee->

- vliyanie-na-vneshnyuyu-politiku-turcii-2001-2011-gg-specialnost-07-00-03-vseobshchaya-istoriya.html (accessed 26.07.2019)
2. Первая военная база Турции за рубежом создана в Сомали, на очереди Катар. // ТАСС. 30.09.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3666678> (accessed 26.07.2019)
 3. Свистунова И.А. Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки. // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4(49). Сс. 67-80.
 4. Турция – вторая страна в мире по объёмам оказываемой гуманитарной помощи. // TRT. 18.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trt.net.tr/russian/turtsiia/2017/07/18/turtsiia-vtoraia-strana-v-mirre-po-obiyemam-okazyvaiemoi-ghumanitarnoi-pomoshchi-773039> (accessed 26.07.2019)
 5. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. Сс. 58-77.
 6. Aras B., Keyman F. World Humanitarian Summit and Turkey. // Al Jazeera. 23.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2016/05/world-humanitarian-summit-turkey-160523072652257.html> (accessed 26.07.2019)
 7. Besenyo J., Olah P. One of the new competitors in Africa: Turkey. // National University of Public Service. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zmne.hu/aarms/docs/Volume11/Issue1/pdf/12.pdf> (accessed 26.07.2019)
 8. Cetingulec M. Will Africa cheer up Turkey's troubled exporters? // Al Monitor. 03.03.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa-troubled-exporters.html> (accessed 26.07.2019)
 9. Erdoğan emphasizes cooperation with Africa after 5-day-tour. // Daily Sabah. 03.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2018/03/03/erdogan-emphasizes-cooperation-with-africa-after-5-day-tour> (accessed 26.07.2019)
 10. Hazar N. Türkiye afrika'da: eylem planını nuygulanması ve değerlendirme on beş yıl sonra (In Turkish.). ORSAM Rapor No. 124. Temmuz. 2012. 124 p.
 11. Ipek V. The 2011 landing of Turkey on Somalia: the “state to people” aspect of Turkish foreign policy towards sub-saharan Africa. // European Scientific Journal. 2014. No. 3. Pp. 434-448.
 12. Kaya R., Yusupov A. Турция – мировой лидер по объёмам оказанной гуманитарной помощи. // Anadolu Agency. 17.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-мировой-лидер-по-объемам-оказанной-гуманитарной-помощи/1395667> (accessed 26.07.2019)
 13. Maruf H. Turkish base key to building strong Somali Army. // Voa News. 03.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/a/turkey-base-somalia-army/4054625.html> (accessed 26.07.2019)
 14. Özkan M. Turkey's Religious and socio-political depth in Africa. // Bepress. LSE IDEAS Special Report. June 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://works.bepress.com/mehmetozkan/180/> (accessed 26.07.2019)
 15. Political vision of AK Parti 2023. Politics, society and the world. // AK Parti. [Электронный ресурс] URL: https://www.akparti.org.tr/english/akparti/2023-political-vision#bolum_ (accessed 03.05.2017)
 16. President of Diyanet Görmez received the Chief Mufti of Botswana Abdurrahman Shariff (In Turkish.). // Diyanet. 03.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.diyanet.gov.tr/en-US/Institutional/Detail/2047/president-of-diyanet-gorme-receives-chief-mufti-of-botswana-shariff> (accessed 26.07.2019)

17. Somali'ye 1 milyondolarkatki (In Turkish.). // Sabah. 02.06.12. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sabah.com.tr/Gundem/2012/06/02/somaliye-1-milyon-dolar-katki> (accessed 26.07.2019)
18. Turkey's opening to Africa not a tool of unilateral win. // Presidency of the Republic of Turkey. 01.03.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/40010/turkeys-opening-to-africa-not-a-tool-of-unilateral-win.html> (accessed 26.07.2019)

Об авторе:

Мария Александровна Колесникова – старший специалист по изучению региональных исламских коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.
E-mail: kolmaral-1710@mail.ru

Determinants of Turkey's Strategy in Africa

M.A. Kolesnikova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

Abstract: *In the post-bipolar world, the strategic rivalry for African resources among the leading world economies has been steadily increasing. Against this background, special interest is worth to be paid to Turkey's strategy on the African continent. Guided by the positive aspects of the experience of other actors that have been involved in regional affairs for a longer time, Ankara systematically shapes and implements its own model, which has all chances for long-term existence and future development. This model is based on a combination of «soft» and «hard» tactics, with an emphasis on the tools of humanitarian cooperation. Abstention from military conflicts on the continent, rhetoric about religious and cultural commonality with the peoples of Africa, as well as positive aspects of the common historical past – all that allows Ankara to build bridges of trusting cooperation with many countries on the African continent. At the same time, the significant role of Recep Tayyip Erdogan, the head of the Republic of Turkey, must be taken into consideration as he is the author of the «African project», which has become a part of Ankara's foreign policy in recent years.*

Key words: *Turkey, Erdogan, Africa, Cavusoglu, Somalia, strategic depth, Justice and Development Party, military base, TIKA.*

About the author:

Maria A. Kolesnikova – Senior Specialist in the Study of Regional Islamic Collections, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 3.
E-mail: kolmaral-1710@mail.ru

The China-Saudi Nexus: Pakistan

Tel-Aviv University

The Saudi-China relationship has an important and often overlooked diplomatic and security dimension. Pakistan, by virtue of its historical relationship with both countries, is the node where Chinese and Saudi geopolitical interests converge. They have been increasingly pushed together by the exigencies of the world economy, a mistrust of U.S. foreign policy, and a growing desire to improve their military capabilities. This article traces the historical roots of Saudi Arabia's relations with Pakistan, focusing on the recent Saudi role in helping to stabilize Pakistan's economy. It also outlines the emergence of the China-Pakistan friendship, explaining the strategic logic of this relationship for China. Finally, the core contribution of this article outlines the diplomatic and defense nexus between China, Pakistan, and Saudi Arabia, emphasizing the geopolitical logic of their converging interests. To be sure, relations between Saudi Arabia and China are principally based on oil, but Pakistan is the site of overlapping political and security interests that add another dimension to the relationship between China and the Saudi Arabia. More broadly, this dimension is an important indication of the new geopolitical logic strengthening China's interests in the Middle East (or West Asia).

Key words: Saudi Arabia, Pakistan, China, Belt and Road Initiative (BRI), energy, geopolitics.

The relationship between Saudi Arabia and China has been energized by four geopolitical changes during the last decade. First, in the aftermath of the U.S. "rebalancing" to Asia between 2009 and 2012, China has sought to diversify the supply and transport of its oil coming from abroad. Second, the U.S. was transformed into an oil producing power during the shale oil revolution between 2007 and 2013, eroding some of the Saudi power in the global oil market. Third, in 2013, President Xi Jinping announced China's Belt and Road Initiative (BRI), which aims to connect China to Europe and Africa through parallel land and maritime transportation infrastructure passing through the Middle East (West Asia). Fourth, in 2016, Saudi Arabia rolled out its Vision 2030 program to diversify its economy under Crown Prince Mohammed's leadership. Indeed, global economic and world political developments have driven Saudi Arabia and China closer together. However, several unforeseen political events in late 2018 and early 2019 have highlighted an overlooked dimension of the China-Saudi relationship: Pakistan as the fulcrum of their diplomatic and strategic cooperation.

This cooperation is rooted in a certain geopolitical logic, which has three dimensions. First, Pakistan's geography is a strategic asset to both China and Saudi Arabia. Second, Pakistan plays an important role as a conduit for military and defense cooperation between China and Saudi Arabia. Third, all three states share a mutual suspicion of the United States and its potential to constrain their independent freedom of action.

In February 2019, Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman was warmly welcomed and feted during his official visits to Pakistan, India, and China. Ostensibly, the trip's purpose was to rehabilitate Prince Mohammed's international image in the aftermath of the damage done by the Crown Prince's implication in the October 2018 murder of Saudi journalist, Jamal Khashoggi [92; 93]. A second and related explanation was that Saudi Arabia was continuing to hedge its diplomatic support from the U.S. and Europe by turning to the East, particularly given the West's increasing diplomatic pressure and

criticism of Saudi Arabia's four-year war against the Houthis in Yemen [53; 73]. Lastly, some believed the trip was designed to showcase the Crown Prince's continued ability to generate foreign investment – despite the damage to his reputation – that will allow the kingdom to continue to diversify and expand its economy, while realizing its Vision 2030 economic development plan [7; 31; 32; 60].

The Crown Prince's trip came at a delicate time, coinciding with two deadly terrorist attacks in the region. On February 13, 2019, 27 of Iran's Islamic Revolutionary Guards Corp. were killed in a suicide bombing by the Salafi militant group *Jaish al-Adl* (Army of Justice), which is based in Pakistan and the Sistan and Balochistan Province of Iran [46]. The following day, on February 14, more than 40 Indian paramilitary personnel were killed in a suicide bombing in Pulwama, Kashmir by Pakistan based, *Jaish-e-Mohammed* (JeM), a Deobandi militant organization [3]. While Prince Mohammed's Asia trip was primarily framed in terms of burnishing his image as a statesman and bolstering the Saudi economy, it was also intended to help stabilize Imran Khan's Pakistan, which is struggling to stay solvent in the midst of a severe foreign exchange crisis. Pakistan's stability is also a high priority for China, which is Pakistan's oldest friend.

This article is divided into four parts. The next section explains the last decade's geopolitical changes that have pushed China and Saudi Arabia together. The second section explains the historical roots of Saudi Arabia's relations with Pakistan, and then focuses on the recent Saudi role in helping to stabilize Pakistan's economy. The third section outlines the roots of the China-Pakistan friendship, explaining the importance of this relationship to China. Finally, the last section of the paper outlines the diplomatic and defense nexus between China, Pakistan, and Saudi Arabia, emphasizing the geopolitical logic of their converging interests. While it is impossible to minimize Saudi Arabia's critical role as China's chief oil supplier, Pakistan is the site of overlapping political and security interests linking China and the Saudi Arabia. More broadly, this nexus is an important indication of the new geopolitical logic strengthening China's interests in the Middle East (or West Asia).

China-Saudi Relations

The shale "fracking" revolution, which took place between 2007 and 2013, transformed the U.S. into the world's top oil producer [30]. This has lowered global oil prices and cut the enormous oil profits Saudi Arabia enjoyed during the first decade of the twentieth century. It has also reduced, but not eliminated, Saudi power as the swing-producer in the global market, which had been the core component of the U.S.-Saudi security partnership since World War II [50; 77]¹. Saudi Arabia possesses most of the world's spare production capacity. Its state-owned company, Aramco, possesses the power to modulate the total supply of oil on the global market because it can bring millions of barrels of oil to market faster and cheaper than most of its competitors. It can also cut its production to prop-up prices [58]. While Saudi Arabia leverage in the oil market has endured the shale revolution, U.S. oil production has eroded Saudi Arabia's global market share and sharply reduced Saudi oil profits [66; 89]. It has also led the Saudis to look for new customers [44].

Since the 1990s, China had long sought stronger energy ties with Saudi Arabia [35]. The U.S. shale revolution has brought the Saudis and Chinese closer together. During the shale revolution, the U.S. became an oil producing power and its oil imports dropped from 14 million barrels per day to 8 million. Over the same period, China's oil demand has more than doubled to 9 million barrels per day [52; 77]. In 2018 and 2019, Aramco has pursued a strategy to become China's leading oil supplier, seeking to surpass Russia [43; 45; 100;

¹ For an alternative perspective, see [26].

111]. Today, the Saudis supply 17 percent of China's daily oil imports. Nearly 50 percent of China's oil comes from the Gulf. For its part, China has benefited from the increased U.S. oil production. It has allowed China to diversify its source of supply and build up a strategic reserve, while continuing to draw the Saudis away from the U.S. and further into its orbit.

Since 2016, bilateral Saudi and Chinese trade, investment, and infrastructure engagement has expanded. King Salman's visit to China in March 2017 won President Xi's official endorsement of the Saudi Vision 2030 development program [34; 59]. A spirit of cooperation has evolved based on a mutual effort to marry the aims of China's Belt and Road Initiative to the Saudi effort to diversify its economy [12; 67].

The Belt and Road is a massive plan to build out commercial infrastructure from Eurasia and the Indian Ocean to Europe and Africa. It includes plans for roads, railways, energy, maritime, space, and digital connectivity. It is expected to cost trillions of dollars and include more than 70 countries. China's plan to build a new global commercial infrastructure was intended to maintain China's economic growth by addressing its two main challenges: infrastructure overcapacity and an overabundance of foreign exchange.

China's role in Saudi Arabia is a microcosm of the BRI formula. The 450-kilometer Mecca-Medina (*Haramain*) High Speed Railway, which was built to serve the *hajj* pilgrims, was completed by the China Railway Construction Corporation (CRCC). The Chinese Civil Engineering Construction Corporation is expected to implement the \$10.6 billion, 1,100 kilometer "land bridge" rail project connecting the Red Sea coast of the kingdom and to its neighbors on the eastern Gulf coast [71; 117]. In November 2018, state-owned Power Construction Corporation of China (PowerChina) signed a contract worth more than \$3 billion to build the region's biggest shipbuilding facility at the King Salman International Complex for Maritime and Industries Services in Ras al-Khair on the Gulf coast. The facility will have the annual capacity to build four offshore rigs and 40 vessels, including three very large crude carriers (VLCCs). Once it is completed, the 12 million square meter complex will provide engineering, manufacturing, and repair services for offshore rigs, commercial ships and service vessels [16; 109].

Saudi Arabia's Vision 2030 was designed to diversify the Saudi economy away from upstream oil production. Foreign investment is a key to its ability to succeed. China and Saudi Arabia have created \$20 billion joint investment fund to finance infrastructure, energy, and minerals projects. Saudi Arabia would like to become an anchor in the Red Sea supply chain linking China's trade through the Indian Ocean to the Mediterranean Sea. China has also invested heavily in the Saudi downstream oil industry, with the Yanbu Aramco Sinopec Refining Company the best example of the growing Chinese-Saudi downstream oil collaboration. Almost all of these elements come together in the Saudi-Chinese projects in Jazan, on the Red Sea coast, just north of Yemen.

In 2016, China announced its plan to establish an industrial zone in Jazan Economic City, the fourth of Saudi Arabia's industrial cities (the others are Jubail, Yanbu, and Ras Al Khair). Jazan will host the world's largest oil gasification power project, to be fed by a massive 400,000 barrels per day refinery [25; 99]. China's Shandong Electric Power Company (SEPCO) has managed the engineering, procurement, and project development for the multibillion-dollar facility. Aramco awarded China Harbor Engineering Company (CHEC) a \$91 million contract to build a commercial port for the economic city to support the downstream oil industry's development [9; 28]. In June 2017, Chinese Pan-Asia PET Resin Co. announced a \$3.8 billion petrochemical manufacturing project in Jazan. It will be the first wholly owned foreign petrochemical project in Saudi Arabia, and it will help expand the kingdom's manufacturing capacity [121].

Jazan's geography is the strategic asset to the Belt and Road Initiative. It is located on the Red Sea just north of the Bab al Mandab Strait, along the main commercial

maritime trade route connecting Europe and the Mediterranean Sea to the Indian Ocean and East Asia. China's maritime road component of the Belt and Road Initiative calls for establishing industrial zones at new port facilities along the Arabian Peninsula, in Jazan, Duqm (Oman), and Abu Dhabi (United Arab Emirates). The Middle East connects this new "Twenty-first Century Maritime Silk Road" infrastructure to the overland "Silk Road Economic Belt" in order to provide an alternative route to deliver oil, gas, and foreign trade to China. The "Malacca dilemma" is the geopolitical concept driving the Belt and Road Initiative [57; 69]. In November 2003, former Chinese President Hu Jintao introduced the phrase as shorthand to refer to the economic damage that could be caused to China if an adversary blocked its access to the maritime routes for commercial trade and energy delivery through the Strait of Malacca. The U.S. "rebalancing" or "pivot," between 2009 and 2012, fueled China's geopolitical concerns and gave greater impetus to the logic that led to the Belt and Road Initiative in 2013 [123]. The global economic and political forces pushing Saudi Arabia and China towards one another have emerged over the last decade, but both Saudi Arabia and China's relationship Pakistan reaches further back into history.

Saudi-Pakistan

The first stop on Prince Mohammed's February 2019 tour of Asia was Pakistan. Two million Pakistanis work in Saudi Arabia² and more than 180,000 Pakistani Muslims traveled to Saudi Arabia for the Hajj in 2018. A shared Muslim identity is the bond that has provided the historical foundation for the relationship, which has been reinforced by complimentary economic and defense interests [120]. Pakistani remittances from Saudi Arabia were worth \$3.16 billion to the Pakistani economy during the 2017 fiscal year [14]. Prince Mohammed's February visit to Islamabad produced a Saudi investment package worth \$20 billion, including projects in energy, minerals, and agriculture [70]. It was the largest package of investments in Pakistan since China's 2014 commitment to invest \$62 billion in Pakistani infrastructure, as part of the China Pakistan Economic Corridor (CPEC) component of China's global Belt and Road Initiative (BRI). The centerpiece of the Saudi investment plan was a \$10 billion oil refinery that Saudi Aramco will build in Gwadar [63; 94], a China financed port that was built to create an overland oil delivery that bypasses the Indian Ocean by connecting the Pakistani coast along the Arabian Sea to Western China. Aramco CEO, Amin al-Nasser, recently declared that the company was creating "an energy belt" between Saudi Arabia and China to serve Asia [24].

Saudi cash was a desperately needed life-preserver for the Pakistani economy, which has been in a slow-motion balance of payments crisis since Imran Khan became Prime Minister in August 2018 [75; 82]. Pakistan's foreign reserves have been dwindling, with barely enough in the bank to cover two months' worth of imports. Pakistan's current account deficit was \$19 billion for the most recent fiscal year, with its cash reserves around \$7 billion, leaving it with a \$12 billion balance of payment gap to cover [23; 42]. Energy accounts for a large percentage of Pakistani imports, and, during the six months between September 2018 and March 2019, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, and Qatar all agreed to heavily discount or defer gas and oil payments for Pakistan. In January 2019, the United Arab Emirates transferred \$1 billion to Pakistan and the Saudis transferred an additional \$3 billion to shore up Pakistan's cash reserves. China has also injected cash into Pakistan, making two separate \$2 billion transfers during the this six month period [2; 37; 83; 105]. However, Imran Khan has aggressively courted financial aid from the Saudis and Emiratis, desperately seeking to reduce Pakistan's dependency on China, while at the

² Their remittances contribute more than \$2 billion of foreign exchange to the Pakistani economy. See [4; 22].

same time minimizing the size of a forthcoming IMF bailout [55; 74; 106]. Indeed, historically, the Saudis have served as Pakistan's lender of last resort. Saudi financial aid was an important contribution to stabilizing Pakistan in the aftermath of the 1971 Indo-Pakistani War. In 1976, Saudi Arabia provided Pakistan with \$500 million, 24.8 percent of the total amount of Saudi foreign aid [116].

Pakistan, in turn, has provided the Saudis with important security and defense cooperation for six decades. In the 1960s, Pakistan helped establish and train the Royal Saudi Air Force and Navy. In 1969, Pakistani pilots flew combat missions in Saudi aircraft during the conflicts in Yemen (1962–1970) [97, p. 202]. However, it was geopolitical developments in 1979 cemented the security ties between Saudi Arabia and Pakistan. The fall of the Shah in Iran and the Soviet invasion of Afghanistan created a heightened sense of insecurity for both states. The new Islamic Republic of Iran was hostile to Saudi Arabia and used propaganda directed at the Saudi Shi'i population to incite against the Saudi government. Ayatollah Khomeini also attacked the legitimacy of the Zia government in Pakistan. Moreover, the Shah had been a valuable security partner for both states, even if they reluctantly embraced the relationship. The Soviet occupation of Afghanistan raised the possibility of a two-front war for Pakistan. For their part, the Saudis feared the Soviets would use Afghanistan as a stepping stone to the Gulf. These fears were exacerbated by deep disappointment with the United States's response to both of these developments [116].

After the Grand Mosque in Mecca was seized by Juhayman al-'Utaybi in 1979, 10,000 Pakistani troops joined the 10th Armored Brigade in order to support the defense of the Muslim holy cities of Mecca and Medina [51]. This was a major boost to military manpower in the kingdom. At the time, the Saudi military had just 30,000 men, while the Saudi National Guard an additional 10,000. Pakistan's direct military support was formalized in a 1982 agreement with King Fahd (following Crown Prince Fahd's December 1980 visit to Pakistan), and Pakistan's 12th Khaled bin Walid Armored Brigade was stationed near Tabuk in northwest Saudi Arabia until 1988 [90, p. 91].

After Saddam's 1990 invasion of Kuwait, Pakistan again dispatched thousands of troops and advisers to the kingdom for the defense of the holy sites. And while former Pakistani Prime Minister Nawaz Sharif turned down the 2015 Saudi request to join the Saudi-led coalition fighting the Houthis in Yemen, in February 2018 the Pakistanis announced they would send between 1,000-2,000 troops to the kingdom, and those troops have been used to shore up the defenses of the Saudi southern border with Yemen [91]. Additionally, there may be as many as 10,000 Saudi troops in Pakistan for military training since 2018 [1]. Former Pakistani Chief-of-Staff Raheel Sharif is the commander of the Riyadh based 41-state Islamic Counterterrorism Military Coalition, which Saudi Arabia established in December 2015 in response to the Islamic State [13]. The current Pakistani Chief-of-Staff Qamar Javad Bajwa has traveled to Iran, Qatar, and Turkey to reassure those countries that Pakistani troops in the Saudi kingdom are no threat to them [91].

Indeed, some see Saudi Arabia's latest economic largesse to Pakistan as a means to prevent Iran from growing closer to Islamabad under Imran Khan [19; 79]. Pakistan's population is 20 percent Shi'a, and a large number of the Pakistani military's officers are Shi'a. Between 2008 and 2013, when Asif 'Ali Zardari, a Shi'a, was president, Pakistan's relations with Iran dramatically improved. The Saudis were keen to avoid losing Pakistan to Iranian influence during this period [119, p. 250-251]. After all, it was the 1978-1979 Iranian Revolution that provided the Saudis with an opportunity to deepen its influence in Pakistan, under General Muhammad Zia-ul-Haq (1977-1988). President Zia's regime was anti-Shi'a in tone and its support for the country's Islamization allowed Saudi money to sponsor Sunni mosques and madrasas that promoted an anti-Shi'a message and supported the Afghan jihad in the 1980s.

What's more, Saudi support in Pakistan has bolstered the Salafi-Balochi jihadists who target Iran [78; 84]. In other words, just as Iran supports the Houthis against the Saudis in Yemen, Iran believes Saudi Arabia supports *Jaish al-Adl* (Army of Justice), and before it, *Jundullah* (Army of God), against Iran on the Pakistani-Iranian Balochistan border [21]. However, Pakistan, strongly denies that *Jaish al-Adl* operates from Pakistani territory. Pakistan enjoys important trade relations with Iran, and vigorously tried to repair its relationship with Iran, following the deadly Jaish al-Adl attack on the Islamic Revolutionary Guards Corp. in February 2019.

Nevertheless, Balochi separatists, based in Iran, carried out a deadly attack in southwest Pakistan in April 2019, kidnapping and killing 14, while targeting members of Pakistan's military [56; 98]. In Pakistan, Iran-based Balochi separatists are believed to be supported by India's intelligence services operating in Iran. Pakistan's military views India's investment in Iran's Chabahar port, which is less than 200 kilometers from Gwadar port, not just in terms of economic competition, but as part of India's efforts to encircle Pakistan. In short, Pakistan's perception that Iran is trying to strategically align itself with India has also pushed Pakistan closer to Saudi Arabia in recent years [15].

China-Pakistan

Historically, China has been Pakistan's "all-weather" friend. It is unquestionably Pakistan's most enduring security relationship, and it is China's only long-standing foreign relationship [see: 113]. Situated on India's western flank, a friendly Pakistan was, and remains, a great asset to China's security, given the Sino-Indian territorial conflicts over Arunachal Pradesh and Aksai Chin (in 1962). China staunchly supported Pakistan in its disastrous September 1965 Indo-Pakistan war. Pakistan, in turn, played an important role as a diplomatic backchannel for the U.S. opening to China in 1972. In the 1980s, China helped Pakistan accelerate its nuclear development. China supplied highly enriched uranium to Pakistan in 1982 and helped Pakistan develop its ballistic missile and missile-defense capabilities in the early to mid-1990s. In return, Pakistan allowed China access to all of the most advanced U.S. and Western military technology available to the Pakistani military (particularly aviation technology) [113, p. 39-42]. In recent years, the relationship's strategic history has been obscured by China's global economic expansion, which has resulted in China's declaration to invest \$62 billion in building the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC).

In 2015, China perceived CPEC as the "flagship" project of the Belt and Road Initiative. In 2014, the Pakistani military had pushed Uighur militants out of Pakistan during the "*Zarb-e-Azb*" (sharp strike) campaign in North Waziristan, creating a sense of good faith in China. Since 2015, twenty-two CPEC projects worth \$19 billion have been completed, but they have saddled Pakistan with \$6 billion in loans plus interest [80; 103]. Pakistan's debt to China and imports related to procurement for CPEC projects have greatly exacerbated Pakistan's foreign exchange crisis, even if China maintains the debt is low interest and spread over twenty-five years [48; 68; 107].

Pakistan finds itself increasingly economically dependent on China, which is, in part, why Imran Khan has pursued Saudi and Emirati financial support since September 2018 [96; see also: 62]. To China critics, who view the Belt and Road Initiative as bid for neo-colonial dominance, CPEC is not a flagship but a canary in a coal mine, demonstrating how the BRI turns participating countries into Chinese tributaries [6]. China, for its part, prefers additional Saudi and Emirati backing to a strict International Monetary Fund (IMF)

bailout, which could tie IMF loans to conditions that would place limitations on China's investments in Pakistan [104; 112]³.

Pakistan's energy imports, oil and natural gas, are a big part of its economic crisis. Pakistan's chronic power shortages cost it 7 percent of gross domestic product (GDP) in 2017. The first phase of CPEC focuses on diversifying Pakistan's power production. There are 19 Chinese energy projects, which include helping Pakistan develop coal-fired power, hydroelectric power, renewables (wind and solar), and nuclear power [20]. Pakistan's appeal for cash and investment from Saudi Arabia in late 2018 was driven in part by Islamabad's attempt to escape dependency on China. Indeed, China's reaction to Pakistan's invitation to Saudi investment in CPEC in September 2018 suggests it was taken by surprise and initially opposed the idea [6; 54; 64]. Saudi Arabia's plans to locate more downstream oil services in Gwadar will help Pakistan diversify its energy partners. China, for its part, wants to steer Pakistan towards a balanced relationship between Saudi Arabia and Iran, in part to avoid turning Pakistan into yet another battleground for them.

It's not just Pakistan's economic health that concerns China. It feels the viability of the CPEC corridor is at risk because Pakistan can't guarantee the corridor's security [113, p. 93-116]. Chinese nationals and Chinese/Pakistani economic projects have been the repeated targets of Pakistani militant groups [113, p. 145-150, 171-178; 85; 86; 122]. In November 2018, even the Chinese consulate in Karachi was targeted [11]. Further, despite China's repeated requests since 2014, Pakistan has been unable or unwilling to root out the Uighur militant groups (like the Turkistan Islamic Party, formerly known as the Eastern Turkistan Islamic Movement) that use Pakistani territory to attack China [113, p. 145-150, 171-178]. As Pakistan's internal security has deteriorated, China has scaled back its second phase of investments in CPEC [112].

China may be narrowing the scope of CPEC as a commercial venture, and increasingly it appears that it will concentrate its efforts on making Gwadar into a downstream energy entrêpot. China may also be interested in expanding the capacity of the port at Gwadar to service China's submarines operating in the Indian Ocean, although China is careful to rebuff claims that Gwadar will serve as a Chinese naval base [8; 33; 47; 49]. Moreover, China may begin using its own military to protect Chinese projects inside of Pakistan [27]. In March 2019, there were reports that thousands of Chinese troops were deployed to the Thar region of Pakistan's Sindh Province, where there are several Chinese mining projects underway [108].

The Nexus

Looking beyond oil and the Belt and Road Initiative [17], the Saudi-China relationship has an important and often overlooked diplomatic and security dimension. Pakistan, by virtue of its historical relationship with both countries, is the node where Chinese and Saudi geopolitical interests converge. They have been increasingly pushed together by the exigencies of the world economy, a mistrust of U.S. foreign policy, and a growing desire to improve their military capabilities.

First, Saudi and China share an interest in economically stabilizing Pakistan, which is a security asset to both states. Saudi Arabia helps diversify Pakistan's economic risk. It shares the burden with China of injecting badly needed foreign exchange and foreign investment into Pakistan's ailing economy. Both countries are also working with Pakistan to address its acute demand for power. Pakistan flanks India and connects China to Afghanistan. It also provides the Saudis with an entry point for overland oil delivery to

³ There is also some concern, Pakistan would be forced to disclose the terms of its military ventures with China, see [81].

western China. Further, Pakistan provides valuable military training and manpower to the Saudi government.

Second, Pakistan plays critical role in stabilizing Afghanistan. This has become an urgent interest for China as the U.S. withdraws its military forces. China is concerned the U.S. will leave a security vacuum in Afghanistan [29; 87; 88; 118]. Perhaps more directly, China is concerned that jihadi terrorists based in Afghanistan will find a home to threaten stability in China's Xinjiang Province [38]. Pakistan has put enormous pressure on the Taliban to negotiate with the Afghan government, and some believe Saudi Arabia and China's 2018 and 2019 cash payments to Pakistan were tied to the amount of pressure Pakistan exerted on the Taliban to return to the negotiating table [95].

Third, and relatedly, China recognizes that it is hard to separate security in Afghanistan from Pakistan and India, and, therefore, it believes the Saudis and the Emiratis can play a constructive role in facilitating stability there. Specifically, Jaish-e-Mohammed (JeM), which carried out the deadly attack in Kashmir in February, was created with the help of the Taliban and the two groups share close financial and leadership ties. Notably, it was reported that Prince Mohammed bin Salman was scheduled to meet with Afghan Taliban representatives in Islamabad just days after JeM's February 14, 2019 Pulwama attack that killed 44 [10]. Saudi Arabia, for its part, also enjoys increasingly strong ties to India. Saudi Arabia is not only China's principal oil supplier, but also India's. Bilateral Saudi-India trade was worth \$27.48 billion in 2017-2018, and UAE-India trade amounted to \$52 billion in 2017 and expected to exceed \$100 billion by 2020. China views Saudi/Emirati relations with both the Taliban and India as potentially useful tools in its efforts to contain both jihadi violence and an explosive India-Pakistan Kashmir conflict. The UAE was credited with helping to ease tensions between India and Pakistan at the end of February.

Fourth, China and Saudi Arabia see de-radicalization as a shared interest. During Crown Prince Mohammed's February 2019 visit to China, he provided valuable political support for China's mass internment of approximately 1 million Uighurs in Xinjiang Province. Prince Mohammed, representing the Saudi custodianship of the holiest sites in Islam, made a public statement that "respect[ed] and support[ed]" China's counterterrorism and deradicalization measures, which was an allusion to the detention of the Uighurs, who are Turkic-Muslims. Saudi Arabia's interest in deradicalization extends to the Islamic State, which Saudi Arabia views a direct threat to the kingdom. China also sees the Islamic State as a serious threat to its interests, particularly as it takes root in Afghanistan, Pakistan, and Central Asia.

Fifth, the China-Saudi-Pakistan nexus provides a discreet channel for sharing and transferring advanced military technology⁴. Pakistan was the conduit for sharing U.S. advanced military technology with China, which China often reverse engineered for its own production. China and Pakistan have also provided advanced military technology to Saudi Arabia. In some cases, technology that the Saudis may have difficulty obtaining from the West without restrictive conditions [18]. In this respect, the Saudis may be receiving advanced missile technology from either Pakistan or China or both. China and Pakistan are not restricted by the West's "Missile Technology Control Regime", and there is historical precedent for China providing the Saudis with intermediate range ballistic missiles, which the Saudis exhibited on parade in 2014. More recently, satellite imagery revealed the presence of an indigenous Saudi ballistic missile factory. Further, in 2017, the Saudis contracted with China to construct a \$65 billion drone factory to produce up to 300 drones, which are not exclusively licensed for the Royal Saudi Air Force, meaning the Saudis can sell them to its allies or proxies.

⁴ For a detailed study on how China uses military technology transfer, see [36].

One of the key areas of emphasis in the Saudi Vision 2030 program is the development of an indigenous military-industrial capacity through Saudi Arabia Military Industries (SAMI) [41]. Saudi Arabia access to the latest U.S. military technology also makes it an attractive partner for China, particularly given that U.S. arms sales to Pakistan dropped by 76 percent between 2013 and 2017 [72; 114]. In late March 2019, the Chinese Defense Minister paid a state visit to Saudi Arabia [65]. Since 2014, there have been rumors of a Pakistani-Saudi deal to transfer the technology and production capacity of the Chinese JF-17 fighter plane to Saudi Arabia [61; 101; 102]. Finally, much has been written about the so-called agreement that Pakistan would provide Saudi Arabia with nuclear weapons technology as compensation for the Saudi financial investment in Pakistan's nuclear development. In this context, it's important to note that China was an integral supplier for Pakistan's nuclear program, and therefore, its involvement as a partner in any putative Saudi nuclear development is a real possibility.

The military and defense nexus includes space, sea (and undersea), land, and cyber technologies. In 2014, China emphasized nuclear energy, aerospace, and satellite technology as areas for strategic China-Arab cooperation [115]. China has cooperated with the Saudis on space technology. The Saudis designed a camera that was used on China's *chang'e-4* lunar probe, which landed on the moon in January 2019. In December 2018, two Saudi-designed earth observation satellites were launched from Jiuquan space base in China's northwestern inner Mongolia region [40]. In July 2018, at the same Chinese facility, a Pakistani remote sensing satellite was also launched [110].

The media has suggested that Saudi Arabia is "looking East" as a precipitous reaction to the West's condemnation of the Saudi war in Yemen and the Crown Prince's involvement in Jamal Khashoggi's murder in October 2018 [39]. This indeed may be an important part of the Crown Prince's thinking, but there are also important historical relations and mutual geopolitical interests that are driving the growing ties between China and Saudi Arabia [76].

Список литературы:

1. 10,000 Saudi soldiers being trained in Pakistan. // Middle East Monitor. 19.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180219-10000-saudi-soldiers-being-trained-in-pakistan/> (accessed 20.09.2019)
2. 2.2 billion received from China. // Daily Times. 26.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://dailytimes.com.pk/369422/china-deposits-2-2-billion-in-state-bank-of-pakistan/> (accessed 20.09.2019)
3. 40 CRPF jawans killed in worst terror attack in Kashmir, India slams Pakistan. // Hindustan Times. 17.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/44-crpf-jawans-killed-in-worst-terror-attack-in-kashmir-india-slams-pakistan/story-wCajHcY345jfHufIowa4pN.html> (accessed 20.09.2019)
4. 5,000 more Pakistanis to perform the Haj in 2019 after agreement with Saudi Arabia. // Dawn. 09.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1450430/5000-more-pakistanis-to-perform-haj-in-2019-after-agreement-with-saudi-arabia> (accessed 20.09.2019)
5. Aamir A. China's Belt and Road plans dismay Pakistan's poorest province. // Financial Times. 14.06.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/c4b78fe0-5399-11e8-84f4-43d65af59d43> (accessed 20.09.2019)
6. Aamir A. Saudi investment in Pakistan stokes tension with China. // Nikkei Asian Review. 28.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Saudi-investment-in-Pakistan-stokes-tensions-with-China> (accessed 20.09.2019)

7. Abd al-Wahid M. The dawn of the New Asia... Saudi Vision embraces the Chinese way. // Al-Riyadh. 22.02.2019. [Arabic]
8. Abi-Habib M. China's 'Belt and Road' plan in Pakistan takes a military turn. // The New York Times. 19.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/19/world/asia/pakistan-china-belt-road-military.html> (accessed 20.09.2019)
9. Aguinaldo J. Chinese contractor wins Jizan port deal. // Middle East Economic Digest (MEED). 06.03.2017.
10. Ahmad J. Afghan Taliban likely to meet Saudi crown in Pakistan: sources. // Reuters. 16.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euronews.com/2019/02/16/afghan-taliban-likely-to-meet-saudi-crown-prince-in-pakistan-sources> (accessed 20.09.2019)
11. Ahmad M. and Masood S. Chinese presence in Pakistan is targeted in strike on consulate in Karachi. // The New York Times. 23.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/23/world/asia/pakistan-karachi-attack-chinese-consulate.html> (accessed 20.09.2019)
12. Ahmad T. China' Belt and Road Initiative embraces the Middle East. // Arab News. 19.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1484966> (accessed 20.09.2019)
13. Ahmed A. Former Army Chief Raheel Sharif meets Prime Minister Imran Khan in Pakistan. // Gulf News. 12.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://gulfnews.com/world/asia/pakistan/former-army-chief-raheel-sharif-meets-prime-minister-imran-khan-in-pakistan-1.62026693> (accessed 20.09.2019)
14. Ahmed K. Pakistani expats send \$11.38 billion home in first seven months of fiscal year. // Arab News. 13.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1245601/business-economy> (accessed 20.09.2019)
15. Ahmed Z.Sh. and Akbarzadeh Sh. Understanding Pakistan's relationship with Iran. // Middle East Policy. 2018. Vol. 25. No.4. (Winter). Pp. 86-100.
16. Al-Falih: King Salman Complex will increase GDP and lower imports. // al-Arabiya. 09.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2019/03/09/Al-Falih-Salman-International-Complex-will-increase-the-GDP-lower-imports-.html> (accessed 20.09.2019)
17. Al-Radadi A. Saudi Arabia and China [Arabic]. // aSharq al-Awsat. 04.03.2019.
18. Al-Saud L. China's arms sales philosophy in the Arab World. // Journal of International Affairs. 03.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/chinas-arms-sales-philosophy-arab-world> (accessed 20.09.2019)
19. Alam K. Why Saudi Arabia and Iran are desperately trying to court Imran Khan. // The Middle East Eye. 27.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/why-saudi-arabia-and-iran-are-desperately-trying-court-imran-khan> (accessed 20.09.2019)
20. Ali M. Pakistan's quest for coal-based energy under China-Pakistan Economic Corridor (CPEC): implications for the environment. // Environmental Science and Pollution Research. 2018. Vol. 25, No. 32. (November), Pp. 31935-31937.
21. Aman F. Is Saudi Arabia pulling Pakistan into war with Iran? // The Atlantic Council. 26.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/iransource/is-saudi-arabia-pulling-pakistan-into-war-with-iran/> (accessed 20.09.2019)
22. Amed Kh. KSA remains largest source of remittances to Pakistan-SBP. // Arab News. 13.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1451396/pakistan> (accessed 20.09.2019)

23. Ammar Habib Khan. What is the current account deficit? A simple explanation. // Daily Pakistan. 10.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://en.dailypakistan.com.pk/opinion/what-is-the-current-account-deficit-a-simple-explanation/> (accessed 20.09.2019)
24. Aramco Builds 'Energy Belt' between Saudi Arabia, China". // asharq al-Awsat. 27.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1652936/aramco-builds-%E2%80%98energy-belt%E2%80%99-between-saudi-arabia-china>
25. Aramco Ready To Fire Up Power Plant As Key Jazan Projects Near Completion. // Middle East Economic Survey (MEES). Vol. 61, Issue 40. 05.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mees.com/2018/10/5/power-water/aramco-ready-to-fire-up-power-plant-as-key-jazan-projects-near-completion/a8d56390-c899-11e8-b42f-c9b29ef9334a> (accessed 20.09.2019)
26. Bahgat G. The changing Saudi energy outlook: strategic Implications. // The Middle East Journal. 2013. Vol. 67, No. 4. Pp. 565-579.
27. Basit S. CPEC Emboldens China and Pakistan's Joint Effort to Manage Militancy. // The Diplomat. 06.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2019/04/cpec-emboldens-china-and-pakistans-joint-effort-to-manage-militancy/> (accessed 20.09.2019)
28. Baxter K. Saudi Aramco awards China Harbor \$550m Jizan contract. // Middle East Economic Digest (MEED). 29.05.2014.
29. Biberman Y. and Schwarz J. China and Pakistan have struck a devil's bargain with militants. // ForeignPolicy.com. 05.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/04/05/china-and-pakistan-have-struck-a-devils-bargain-with-militants/> (accessed 20.09.2019)
30. Blackwill R. and O'Sullivan M. America's energy edge: the geopolitical consequences of the shale revolution. // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93, No. 2 (March/April). Pp. 102-114.
31. Bremmer I. The Quick read on MBS's tour of Pakistan, India and China. // Time.com. 22.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://time.com/5534947/saudi-arabia-mbs-pakistan-india-china-asia/> (accessed 20.09.2019)
32. Buller A. Saudi Arabia's pivot to Asia part of its Vision 2030 plan. // Arabian Business. 04.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabianbusiness.com/politics-economics/414428-saudi-arabias-pivot-to-asia-part-of-its-vision-2030-plan> (accessed 20.09.2019)
33. Chan M. First Djibouti... and now Pakistan port earmarked for Chinese overseas naval base, sources says. // South China Morning Post. 02.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2127040/first-djibouti-now-pakistan-port-earmarked-chinese> (accessed 20.09.2019)
34. Chen D. and Han W. Deepening cooperation between Saudi Arabia and China. // King Abdullah Petroleum Studies and Research Center. March 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kapsarc.org> (accessed 20.09.2019)
35. Chen Mo. The transnationalization strategy of Chinese oil companies: the case studies of Sudan and Saudi Arabia. // Perspectives on Global Development and Technology. 2014. No 13. Pp. 613-625.
36. Cheung T.M. Innovation in China's Defense Technology Base: foreign technology and military capabilities. // Journal of Strategic Studies. 2016. Vol. 39, No.5-6. Pp. 728-761.
37. China maintains silence on \$2 billion loan to Pakistan. // Times of India. 02.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-maintains-silence-on-2-billion-loan-to-pakistan/articleshow/67350090.cms> (accessed 20.09.2019)

38. China says discusses with Pakistan 'new changes' in Afghanistan situation. // Reuters. 25.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-pakistan-afghanistan/china-says-discusses-with-pakistan-new-changes-in-afghanistan-situation-idUSKCN1OO0BN> (accessed 20.09.2019)
39. Chotiner I. A Middle Eastern studies professor on his conversations with Mohammad Bin Salman. // The New Yorker. 08.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/a-middle-eastern-studies-professor-interprets-mohammed-bin-salman> (accessed 20.09.2019)
40. Clark S. China launches satellites for Saudi Arabia. // Spaceflight Now. 07.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://spaceflightnow.com/2018/12/07/china-launches-satellites-for-saudi-arabia/> (accessed 20.09.2019)
41. Defense Industrial Base of Pakistan. // Saudi Gazette. 14.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.saudigazette.com.sa/article/541102/World/Pakistan-Independence-Day/Defense-industrial-base-of-Pakistan>
42. Dilawar I. and Qayum Kh. Saudi, U.A.E. loans to help Pakistan avert financial crisis. // Bloomberg. 25.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-25/saudi-u-a-e-loans-to-help-pakistan-avert-financial-crisis> (accessed 20.09.2019)
43. El Gamel R. Saudi Arabia to boost oil exports to China with strategy shift. // Reuters. 26.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-oil-china/saudi-arabia-to-boost-oil-exports-to-china-with-strategy-shift-idUSKCN1QF1V3> (accessed 20.09.2019)
44. Ellass J. Can shale 'revolution' make U.S. top oil exporter? // Arab Weekly. 17.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://thearabweekly.com/can-shale-revolution-make-us-top-oil-exporter> (accessed 20.09.2019)
45. Ellass J. Saudi Aramco aims to surpass Russia as China's largest oil supplier. // Arab Weekly. 12.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://thearabweekly.com/saudi-aramco-aims-surpass-russia-chinas-largest-oil-supplier> (accessed 20.09.2019)
46. Erdbrink T. Iran suicide bombing kills 27 revolutionary guards. // The New York Times. 13.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/13/world/middleeast/iran-bombing.html> (accessed 20.09.2019)
47. Garlick J. Deconstructing the China–Pakistan Economic Corridor: Pipe Dreams Versus Geopolitical Realities. // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27, No. 112. Pp. 519-533.
48. Ghossein T., Hoekman B., Shingal A. Public procurement in the Belt and Road Initiative. // The World Bank Group. Discussion Paper (MTI Global Practice). No. 10. December 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/143241544213097139/Public-Procurement-in-the-Belt-and-Road-Initiative> (accessed 20.09.2019)
49. Grare F. Along the Road: Gwadar and China's Power Projection. // Carnegie Endowment for International Peace. 31.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2018/07/31/along-road-gwadar-and-china-s-power-projection-pub-77217> (accessed 20.09.2019)
50. Gregory Gause F. The future of U.S.-Saudi relations: the kingdom and the power. // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95, No. 4 (July/August). Pp. 114-126.
51. Haroon S. Pakistan between Saudi Arabia and Iran. // Pakistan at the crossroads: domestic dynamics and external pressures. Ed. by C. Jaffrelot. New York: Columbia University Press. 2016. Pp. 243-259
52. Holland T. A crude plan: Chinese oil demand could see Saudi give America the slip. // South China Morning Post. 04.09.2017. [Электронный ресурс] URL:

- <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/2109397/crude-plan-chinese-oil-demand-could-see-saudi-give-america-slip> (accessed 20.09.2019)
53. Hubbard B. and Hernandez J. Amid trouble with the West, Saudi Arabia looks East. // The New York Times. 20.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/20/world/middleeast/saudi-arabia-pakistan-india-china.html> (accessed 20.09.2019)
54. Hussain T. With CPEC, Pakistan risks Chinese anger by courting Saudi Arabia. // South China Morning Post. 06.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/2167157/среч-pakistan-risks-chinese-anger-courting-saudi-arabia> (accessed 20.09.2019)
55. IMF bailout package likely by mid-May, says Finance Minister. // Dawn. 29.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1472510> (accessed 20.09.2019)
56. Iran and Pakistan to set up joint rapid reaction force after Baluchistan attacks. // Defense Post. 22.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://thedefensepost.com/2019/04/22/iran-pakistan-joint-force-balochistan-border/> (accessed 20.09.2019)
57. Ji You. Dealing with the Malacca Dilemma: China's effort to protect its energy supply. // Strategic Analysis. 2007. Vol. 31. No. 3. Pp. 467-489.
58. Johnson K. Why American oil hasn't been a total game-changer. // ForeignPolicy.com. 14.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2018/11/14/why-american-oil-hasnt-been-a-total-game-changer/> (accessed 20.09.2019)
59. Juan Chen, Meng Shu and Shaobiao Wen. Aligning China's Belt and Road Initiative with Saudi Arabia's 2030 Vision. // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4, No. 3. Pp. 363-379.
60. Kane F. Why Saudi Arabia is tilting East. // Arab News. 24.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1457126> (accessed 20.09.2019)
61. Keck Z. Saudi Arabia may buy Pakistani-Chinese fighter jets. // The Diplomat. 24.01.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2014/01/saudi-arabia-may-buy-pakistani-chinese-fighter-jets/> (accessed 20.09.2019)
62. Khaliq A. Is Pakistan falling into China's debt trap? // CADTM.org. 16.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cadtm.org/Is-Pakistan-falling-into-China-s> (accessed 20.09.2019)
63. Kiani Kh. Roadmap for \$21b in Saudi investment finalized. // Dawn. 19.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1464742> (accessed 20.09.2019)
64. Kiani Kh. Saudi Arabia not to be made part of CPEC. // Dawn. 03.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1436506> (accessed 20.09.2019)
65. King Salman receives Chinese defense minister in Riyadh. // aSharq al-Awsat. 26.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1651196/king-salman-receives-chinese-defense-minister-riyadh> (accessed 20.09.2019)
66. Krauss C. Oil boom gives US a new edge in energy and diplomacy. // The New York Times. 28.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/28/business/energy-environment/oil-boom.html> (accessed 20.09.2019)
67. KSA Vision 2030 Intersects With China's 'Belt and Road' Initiative. // aSharq al-Awsat. 24.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1605991/ksa-vision-2030-intersects->

- china%E2%80%99s-%E2%80%98belt-and-road%E2%80%99-initiative (accessed 20.09.2019)
68. Kunwar Khuldune Shahid. Pakistan's economic crisis. // The Diplomat. 08.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/08/pakistans-economic-crisis/> (accessed 20.09.2019)
69. Lanteigne M. China's maritime security and the 'Malacca Dilemma'. // Asian Security. 2008. Vol. 4. No. 2. Pp. 143-161.
70. Mackenzie J. Saudi visit highlights Pakistan's search for investment. // Reuters. 18.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-asia-saudi-pakistan/saudi-visit-highlights-pakistans-search-for-investment-idUSKCN1Q71KM> (accessed 20.09.2019)
71. Malek C. How Saudi Arabia is improving its railways. // Arab News. 06.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1460881/saudi-arabia> (accessed 20.09.2019)
72. Malik N. and Ishtiaq M. China outpaces US in arms supply to Pakistan. // Voice of America. 13.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/china-outpaces-us-arms-supply-pakistan> (accessed 20.09.2019)
73. Malsin J. and Said S. Saudi crown prince pivots to Asia from critical West. // The Wall Street Journal. 16.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wsj.com/articles/saudi-crown-prince-pivots-to-asia-from-critical-west-11550249887> (accessed 20.09.2019)
74. Masood S. Imran Khan calls for vast anti-poverty plan, but money is tight. // The New York Times. 28.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/28/world/asia/imran-khan-pakistan-poverty.html> (accessed 20.09.2019)
75. Mian A. Why Pakistan is back in trouble with balance of payment. // Herald. 09.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://herald.dawn.com/news/1398616> (accessed 20.09.2019)
76. Miro H. Saudi Arabia: strengthening Asian alliances to build a New Deterrent System [Arabic]. // al-Etihad Press. 08.04.2019.
77. Noël P. U.S. oil import dependence reaches 60-year low. // IISS.org. 05.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2018/12/powerlines-us-oil-imports> (accessed 20.09.2019)
78. Notezai M.A. Iran and Pakistan at the crossroads? // The Diplomat. 09.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2017/07/iran-pakistan-at-the-crossroads/> (accessed 20.09.2019)
79. Notezai M.A. New trends in Saudi-Pakistani ties. // The Diplomat. 27.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2019/02/new-trends-in-pakistan-saudi-arabia-ties/> (accessed 20.09.2019)
80. Page J. and Shah S. China's global building spree runs into trouble in Pakistan. // The Wall Street Journal. 22.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-global-building-sprees-runs-into-trouble-in-pakistan-1532280460> (accessed 20.09.2019)
81. Pakistan bailout: IMF wants details of jet, submarine deals with China. // The Week. 15.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theweek.in/news/world/2019/04/15/pakistan-bailout-imf-wants-details-jet-submarine-china.html> (accessed 20.09.2019)
82. Pakistan Central Bank sees 2019 GDP growth slowing to 3.5-4 percent // Reuters. 25.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/pakistan-economy/pakistan-central-bank-sees-2019-gdp-growth-slowing-to-3-5-4-0-percent-idINKCN1R61JE> (accessed 20.09.2019)

83. Pakistan, UAE finalise 6.2bn support package. // Dawn. 05.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1455585> (accessed 20.09.2019)
84. Panda A. Pakistan's approach to navigating the Saudi-Iranian split. // U.S. Institute for Peace. Special Report No. 439. 12.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.usip.org/publications/2019/02/pakistans-approach-navigating-saudi-iranian-split> (accessed 20.09.2019)
85. Pant H. The China-Pakistan love affair in troubled waters. // Observer Research Foundation. 29.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.orfonline.org/research/the-china-pakistan-love-affair-in-troubled-waters-45807/> (accessed 20.09.2019)
86. Pant H. Where do China-Pakistan ties go in the age of Imran Khan. // The Diplomat. 14.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/08/where-do-china-pakistan-ties-go-in-the-age-of-imran-khan/> (accessed 20.09.2019)
87. Pantucci R. China in Afghanistan: a reluctant leader with growing stakes. // ISPI. 18.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/china-afghanistan-reluctant-leader-growing-stakes-21456> (accessed 20.09.2019)
88. Pantucci R. Does Beijing grasp the portent of embracing Afghanistan and the Taliban? // South China Morning Post. 16.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2185106/does-beijing-grasp-portent-embracing-afghanistan-and-taliban> (accessed 20.09.2019)
89. Raval A. Saudi Arabia's existential crisis returns as US shale booms anew. // Financial Times. 19.03.2018.
90. Riedel B. Avoiding Armageddon: America, India, and Pakistan to the brink and back. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2013.
91. Riedel B. Pakistani guard returns to Saudi Arabia. // Al-Monitor. 19.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/saudi-arabia-troops-pakistan-prince-mohammad-bin-salman-role.html> (accessed 20.09.2019)
92. Riedel B. Saudi crown prince capitalizes on photo ops in Asia. // Al-Monitor. 24.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/saudi-arabia-crown-prince-mbs-asia-tour-india-china-pakistan.html> (accessed 20.09.2019)
93. Riedel B. Saudi crown prince looks to Asia trip to boost image. // Al-Monitor. 13.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/saudi-arabia-prince-mohammad-mbs-asia-khashoggi.html> (accessed 20.09.2019)
94. Rizwan Ul Haq Mahmood. The dawn of a new relationship. // Arab News. 19.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1454361> (accessed 20.09.2019)
95. Rubin B. Everyone wants a piece of Afghanistan. // Foreign Policy.com. 11.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/11/everyone-wants-a-piece-of-afghanistan-russia-china-un-sco-pakistan-isi-qatar-saudi-uae-taliban-karzai-ghani-khalilzad-iran-india/> (accessed 20.09.2019)
96. Runde D. and Olson R. An economic crisis in Pakistan again: what's different this time? // Center for Strategic & International Studies. 31.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/economic-crisis-pakistan-again-whats-different-time> (accessed 20.09.2019)
97. Safran N. Saudi Arabia: ceaseless quest for security. Ithaca: Cornell University Press. 1988. 544 p.

98. Sattar A. Separatists kill 14 passengers on bus in southwest Pakistan. // U.S. News.com. 18.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2019-04-18/gunmen-kill-14-bus-passengers-in-southwest-pakistan> (accessed 20.09.2019)
99. Saudi Arabia: 90% of Jazan Refinery Project is completed. // aSharq al-Awsat. 16.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1364831/saudi-arabia-90-jazan-refinery-project-completed> (accessed 20.09.2019)
100. Saudi Arabia becomes China's largest oil supplier in November. // aSharq al-Awsat. 25.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1518986/saudi-arabia-becomes-china%E2%80%99s-largest-oil-supplier-november> (accessed 20.09.2019)
101. Saudi Arabia May Buy JF-17 Thunder Jets. // The Nation. 25.01.2014.
102. Saudi-Pakistan partnership agreement on JF-17 fighter [Arabic]. // Sabq.org. 24.01.2014.
103. Sayeed S. Chinese government's top diplomat says Beijing not saddling Pakistan with debt. // Reuters. 08.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-pakistan-china/chinese-governments-top-diplomat-says-beijing-not-saddling-pakistan-with-debt-idUSKCN1LO01O> (accessed 20.09.2019)
104. Schwemlein J. Pakistan's economic turmoil threatens China's ambitions. // ForeignPolicy.com. 16.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/16/pakistans-economic-turmoil-threatens-chinas-ambitions-cpec/> (accessed 20.09.2019)
105. Shah A. UAE's \$2 billion deposit to help Pakistan make international payments: SBP. // Arab News. 10.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/node/1464586/business-economy> (accessed 20.09.2019)
106. Shahzad A. Imran Khan leaves for the Saudi conference saying Pakistan "desperate" for loans. // Reuters. 02.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/imran-khan-leaves-for-saudi-conference-saying-pakistan-desperate-for-loans/articleshow/66319298.cms?from=mdr>
107. Sharma M. For Pakistan, China's an expensive date. // Bloomberg. 23.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-05-22/reliance-on-china-is-dangerously-weakening-pakistan-s-economy> (accessed 20.09.2019)
108. Shukla M. China deploys troops in Sindh, just 90km from Indo-Pak border. // Zeenews. 21.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://zeenews.india.com/india/china-deploys-troops-in-sindh-just-90-km-away-from-indo-pak-border-2189314.html> (accessed 20.09.2019)
109. Si C. PowerChina wins \$3bn construction project for Saudi mega-yard. // Seatrade Maritime News. 30.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.seatrade-maritime.com/news/asia/powerchina-wins-3bn-construction-project-for-saudi-mega-yard/> (accessed 20.09.2019)
110. Siddiqui N. Pakistan launches remote sensing satellite in China. // Dawn. 09.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1418966> (accessed 20.09.2019)
111. Slav I. Saudi Arabia oil exports to US nosedive. // Oilreport.com. 28.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://oilprice.com/Energy/Crude-Oil/Saudi-Arabia-Oil-Exports-To-US-Nosedive.html> (accessed 20.09.2019)
112. Small A. Buyer's Remorse: Pakistan's elections and the precarious future of the China-Pakistan Economic Corridor. // Warontherocks.com. 27.07.2018. [Электронный

ресурсы] URL: <https://warontherocks.com/2018/07/buyers-remorse-pakistans-elections-and-the-precarious-future-of-the-china-pakistan-economic-corridor/> (accessed 20.09.2019)

113. Small A. The China-Pakistan axis: Asia's new geopolitics. London: Hurst Publishers. 2015. 288 p.
114. Stacey K. Pakistan shuns US for Chinese high-tech weapons. // Financial Times. 18.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/8dbce0a0-3713-11e8-8b98-2f31af407cc8> (accessed 20.09.2019)
115. Sun D. and Zhang Y. Building an 'Outer Space Silk Road': China's Beidou Navigation Satellite System in the Arab World. // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2016. Vol. 10, No. 3. Pp. 24-49.
116. Tahir-Kheli Sh. and Staudenmaier W. The Saudi-Pakistani military relationship: implications for U.S. policy. // Orbis. 1982. Vol. 26, No.1 (Spring). Pp. 155-171.
117. Three multi-billion dollar railway deals inked. // Saudi Gazette. 23.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://saudigazette.com.sa/article/546339> (accessed 20.09.2019)
118. US at UN takes aim at China's Belt and Road Initiative. // The Straits Times. 16.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/us-at-un-takes-aim-at-chinas-belt-and-road-initiative> (accessed 20.09.2019)
119. Vatanka A. Iran and Pakistan: security, diplomacy, and American influence. London: I.B. Tauris. 2015. 304 p.
120. Weinbaum M. and Khurram A. Pakistan and Saudi Arabia: deference, dependence, and deterrence. // Middle East Journal. 2014. Vol. 68, No. 2 (Spring). Pp. 211-228.
121. Wenfang Li. Pan-Asia's Saudi project to break ground next March. // China Daily. 27.06.2017. [Электронный ресурс] URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-06/27/content_29896950.htm (accessed 20.09.2019)
122. Wintour P. 'All weather friendship': but is Pakistan relying too heavily on China? // The Guardian. 03.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/cities/2018/aug/03/all-weather-friendship-but-is-pakistan-relying-too-heavily-on-china> (accessed 20.09.2019)
123. Zhexin Zhang. The Belt and Road Initiative: China's New Geopolitical Strategy? // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4. No.3. Pp. 327-334.

About the author:

Brandon Friedman – Research Fellow, Director of Research at the Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, Faculty of Humanities, Tel-Aviv University. Ramat Aviv, Tel Aviv 6997801, Israel.
E-Mail: b.bfried@gmail.com

Китайско-саудовское связующее звено: Пакистан

Б. Фридман
Тель-Авивский Университет

Аннотация: *Отношения между Саудовской Аравией и Китаем имеют важное, с точки зрения дипломатии и безопасности, но часто упускаемое из виду измерение. Пакистан в силу исторически сложившихся отношений с обеими странами является узлом, где пересекаются их геополитические интересы. Эти интересы всё чаще сталкиваются в результате кризисов в мировой экономике, недоверия к внешней политике США и возрастающего желания стран усилить свой военный потенциал. В данной статье прослеживаются исторические корни*

отношений между Саудовской Аравией и Пакистаном с акцентом на той роли, которую Саудовская Аравия недавно сыграла в стабилизации пакистанской экономики. Также говорится о возникновении китайско-пакистанской дружбы, описывается стратегическая логика этих отношений для Китая. Наконец, главная задача статьи – обрисовать дипломатическую и оборонную «связку» между Китаем, Пакистаном и Саудовской Аравией, подчеркивая геополитическую логику их пересекающихся интересов. Несомненно, отношения между Саудовской Аравией и Китаем принципиально основаны на нефти, но в Пакистане политические интересы и интересы безопасности двух стран накладываются друг на друга, что даёт их отношениям дополнительное измерение. Последнее в целом является важным признаком новой геополитической логики усиления интересов Китая на Ближнем и Среднем Востоке (или в Западной Азии).

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Пакистан, Китай, Инициатива «Один пояс – один путь», энергетика, геополитика.

Об авторе:

Брендон Фридман – научный сотрудник, директор по науке в Центре исследования Ближнего Востока и Африки им. Моше Даяна, Тель-Авивский университет. Израиль, 6997801, Тель-Авив, Рамат-Авив.

E-Mail: b.bfried@gmail.com

Р.В. Сулейманов

Религия как фактор трансформации турецкого общественно-политического дискурса в XXI веке

Факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

В статье даётся характеристика роли и места религии в турецком обществе на протяжении XX в., после того как с провозглашением республики Мустафой Кемалем Ататюрком в стране был взят курс на вестернизацию и секуляризацию. В течение нескольких десятилетий клерикалы были отодвинуты от принятия решений, а откровенно заявлять о своей религиозной принадлежности на публике (среди официальных лиц) считалось моветоном. К концу XX столетия, в турецком обществе стали всё чаще поднимать вопрос о национальной идентичности, одним из ключевых компонентов которой непременно выступал ислам. Особое внимание в работе уделяется изменениям в общественно-политическом дискурсе в Турецкой Республике после прихода к власти в 2002 г. происламской Партии справедливости и развития (ПСР). Реванш противников секуляризации не мог не повлиять на развитие турецкого общественно-политического дискурса в XXI в. Такие изменения в целом свидетельствуют о том, что на Ближнем Востоке общественно-политический дискурс обращён к собственному прошлому, попыткам найти в нём предметы для гордости, для построения национальной идентичности. Во многом именно этим сегодня озабочено руководство Турецкой Республики во главе с ПСР.

Ключевые слова: Турция, религия, ислам, дискурс, ПСР, трансформация.

В отечественной тюркологии анализируются изменения общественно-политического дискурса в Турции в начале XXI в., но, как представляется, исследования не охватывают всех аспектов данного процесса. Отдельные вопросы общественно-политической жизни Турции подробно рассматриваются в работах Н.Ю. Ульченко (экономика), И.Г. Саетова, А.А. Закирова (религия), П.В. Шлыкова (политика) и некоторых других, однако трансформация дискурса как отдельная проблема затрагивается лишь косвенно.

Под общественно-политическим дискурсом, как правило, понимают те смыслы, те идеи, которые господствуют в конкретном обществе в конкретный исторический период. То, из чего формируются, скрепляются эти смыслы, философ Ж. Лакан называл “точками сшивки” [18]. Как правило, эти смыслы являются отражением наиболее актуальных проблем общества, связанных с его нынешним положением, а также его будущим. Между тем общественно-политический дискурс на Ближнем Востоке, как отмечает политолог И. Мансур, в большей степени затрагивает вопросы идентичности и истории. «Ближневосточные сообщества больше всего озабочены своим прошлым, своим происхождением, а также тем, как их воспринимают другие – их соседи», – пишет специалист [15, с. 148]. И Турция в этом смысле – не исключение.

Общественно-политический дискурс в республике на протяжении XX в. строился на стремлении преодолеть исторические травмы, а конкретно – распад Османской империи. В то же время некоторые принципиальные положения этого

дискурса, некогда свойственного империи, в республике, зиждущейся на идеях М.К. Ататюрка, с течением времени утратили свою актуальность. В частности, при Ататюрке был взят курс на секуляризацию общества, связанный прежде всего с желанием как можно быстрее интегрировать Турцию в западный мир, а также задавить оппозицию кемалистам в лице клерикалов.

Всю вторую половину XX в. исламисты в той или иной степени были отстранены от государственного управления. Ситуация начала постепенно меняться в конце XX столетия. В 1995 г. исламская Партия благоденствия (Refah Partisi) победила на парламентских выборах и возглавила правительство. Во главе партии стоял Неджметтин Эрбакан, мюрид ордена «Накшбанди». Партия благоденствия выступала против сближения с западным миром, делала акцент на исламской идентичности турок. Параллельно с этим к середине 1990-х годов уже 21.5% турецкой общественности поддерживали деятельность исламских организаций. Для сравнения, в 1970-е годы этот показатель равнялся 11% [3].

С приходом же к власти в 1997 г. нового коалиционного правительства во главе с Месутом Йылмазом в Турции резко ужесточился контроль над организациями религиозной направленности: некоторые из них были объявлены вне закона, сократилось число религиозных учебных заведений. Серьёзные зачистки произошли и в рядах турецкой армии, где порядка 170 офицеров были уволены по обвинениям в связях с исламистами. Президент Турции Сулейман Демирель оценивал ту ситуацию следующим образом: «Турция больше не пойдёт на поводу у исламистов и не станет поддерживать их провокационные действия» [3].

Тем не менее к началу 2000-х годов в стране продолжал действовать целый ряд религиозных организаций, объединений и орденов, как-то: «Организация исламского движения», «Исламский джихад», «Фронт сторонников великого исламского Востока» и многие другие. Все они сумели выстоять под натиском давления правительства Месута Йылмаза (1997–1999 гг.), а затем и Бюлента Эджевита (1999–2002 гг.).

Но, пожалуй, самым ярким примером того, что ислам в Турции продолжает играть не последнюю роль, является феномен возвышения Партии справедливости и развития, созданной в 2001 г. в результате раскола в исламской Партии добродетели (Fazilet Partisi). Во главе с харизматичным лидером, выпускником школы имамов-хатыбов Реджепом Тайипом Эрдоганом ПСР всего лишь за один год приобрела большую популярность среди турецкого населения и 3 ноября 2002 г. заняла первое место на всеобщих выборах в парламент страны, получив абсолютное большинство – 363 места из 550.

После победы ПСР в Турции стал постепенно происходить пересмотр роли ислама в общественно-политической жизни, а также во внешней политике государства [4]. В качестве иллюстрации приведём такой пример. В 1999 г. избранный депутат турецкого парламента Мерве Кавакчи была освистана коллегами за то, что явилась на церемонию присяги в чаршафе (турецкий вариант хиджаба); сегодня, 20 лет спустя, наличие головного убора у женщины во время нахождения в главном законодательном органе страны считается правилом хорошего тона.

После победы на первых выборах руководство партии устами своего бессменного лидера Р.Т. Эрдогана подчёркивало, что оно не намерено осуществлять исламизацию в республике и «становиться вызовом всему остальному миру» [14]. В программе партии отмечалось, что она «считает секуляризм неотъемлемой составляющей демократии» [9]. Несмотря на эти заявления и фактически секуляристскую риторику, своими действиями ПСР демонстрировала стремление привнести в общественно-политическую жизнь (а, следовательно, и дискурс) Турции исламские ценности и нормы.

Поначалу этим попыткам исламистов противостояла светская структура турецкого общества. Самая хрестоматийная история в этой связи произошла в 2008 г., когда в феврале Партия справедливости и развития предложила законопроект, отменяющий запрет на ношение чаршафов в турецких учебных заведениях. Однако уже после его подписания тогдашним президентом Абдуллахом Гюлем Конституционный суд страны в июле вернул запрет, посчитав, что этот закон противоречит конституции.

Постепенно ПСР привлекала на свою сторону новых последователей, прибегая к исламскому дискурсу. В частности, на многочисленных митингах приближённые Эрдогана называли его «наместником Бога на земле», «человеком, вобравшим в себя все признаки Бога», «вечным руководителем» и т. д. Поддержка же других партий называлась не иначе, как «*ширк*» («многобожие») [10].

Не последнюю роль в этой связи играли *джамааты*¹, которые, по выражению И. Саетова, с легкой руки ПСР в XXI в. берут реванш за то пренебрежительное отношение, которое они к себе испытывали на протяжении XX в. со стороны кемалистов [6]. Партией была проделана большая работа по привлечению на свою сторону представителей исламских общин республики (порядка 6.2% населения страны) [5].

Сегодня принадлежность к тому или иному религиозному ордену, джамаату или тарикату (за исключением движения «Хизмет») считается очень почётным для представителей турецкой политической элиты.

Все крупные турецкие джамааты либо на официальном уровне позиционируют себя как братства суфиев, либо придерживаются идеологии, основанной на суфизме, который ввиду его склонности к ортодоксии исторически всегда был ближе туркам, находившимся в условиях постоянного фронта европейской цивилизации [6].

В качестве иллюстрации рассмотрим один из наиболее известных на сегодняшний день джамаатов – «Сулейманджилар», получивший своё название по имени умершего в 1959 г. турецкого шейха Сулеймана Хильми Тунахана (1888–1959 гг.). Учение джамаата основано на мистицизме, поскольку его последователи убеждены в наличии «каналов связи» с умершими людьми. Как правило, в суфийских общинах есть живой шейх, которого окружают ученики (мюриды). Адепты же «Сулейманджилар» «общаются» со своим умершим шейхом (так и не передавшим никому духовную власть), приходя к нему на могилу. Отличительной особенностью «Сулейманджилар» является его закрытость от внешнего мира. Несмотря на наличие финансовых ресурсов и большое число последователей, у этого джамаата, в отличие от остальных, нет своих телеканалов или даже периодических печатных изданий.

Ряд турецких журналистов и политологов убеждены, что после конфликта ПСР и гюленистов, особенно после объявления последних террористами, «Сулейманджилар» занимает одну за другой позиции, оставленные движением «Хизмет» [13]. Важно отметить, что представители «Сулейманджилар» сразу же после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции в ночь на 16 июля 2016 г. заняли позицию государства и последовательно её поддерживают, в том числе относительно обвинений в подготовке путча в адрес «Террористической организации фетхуллахистов» (ФЕТО) [19].

В последние годы ряд турецких и отечественных специалистов отмечают и изменения в риторике, которую используют лидеры Партии справедливости и развития (главным образом Эрдоган) [16], в сторону *архаизации языка* с

¹ Объединения мусульман с целью совместного изучения ислама, чтения проповедей, совершения религиозных обрядов и т. д.

использованием староосманских оборотов, а также религиозной лексики. Сам Р.Т. Эрдоган объясняет это следующим образом: «Есть ли в мире такая нация, которая не может читать и понимать записи своих отцов? <...> Есть ли в мире такая нация, которая не может прочесть то, что написано на надгробном камне у отца?» [12].

Все эти сдвиги в сторону исламизации привели к тому, что в 2014 г. правительством республики был официально отменён запрет на ношение мусульманского платка в школах. В 2017 г. ношение чаршафа было официально разрешено женщинам-военнослужащим, хотя ещё в 2007 г. супруге Эрдогана было отказано в посещении Дня Победы² из-за того, что она носила мусульманский платок [2].

Трансформации общественно-политического дискурса в Турции во многом способствовали изменения во внешней политике страны после прихода ПСР к власти – даже в большей мере, чем изменения во внутривнутриполитической жизни. Идеологической базой для этого стали идеи политолога и профессора Стамбульского университета Ахмета Давутоглу, сформулированные в книге «Стратегическая глубина», где он, в частности, отмечает, что Турция стоит на перекрёстке нескольких цивилизаций, является для них связующим звеном и, кроме того, как преемница Османской империи, некогда владевшей практически всем Арабским миром, сегодня является «мусульманской сверхдержавой». Таким образом, Турция, по мнению А. Давутоглу, обречена на роль ведущего игрока региона и международных отношений в целом [8, с. 81].

Анкаре, как считал Давутоглу, следует укреплять своё влияние в исламском мире в первую очередь посредством таких сообществ, как Организация Исламская конференция (ОИК, с 2011 г. – Организация исламского сотрудничества) и «Исламская восьмёрка» (D-8). Помимо этого, Турции следует использовать влияние религиозных организаций, которые могут являться проводниками не только исламских ценностей, но и турецкой культуры. Большое значение Давутоглу придавал вовлечённости республики в региональные проблемы [8, с. 23]. Он подчёркивал, что Турция ответственна за безопасность и стабильность в регионе. По его мнению, Анкаре следует принимать более активное участие в разрешении региональных споров, таких как палестино-израильский конфликт [8, с. 29].

В настоящее время эта активность турецкого руководства проявляется, в частности, на сирийском направлении (военные операции «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь», астанинский формат переговоров), а также в стремлении играть роль «ревнителя благ мусульман» во всём мире (гуманитарная помощь беженцам рохинджа в Мьянме в 2017 г., жертвам цунами в Индонезии в 2018 г.). Выступления на многочисленных митингах и демонстрациях, где глава республики сообщает об очередных победах турецкой армии, делают Р.Т. Эрдогана героем в глазах населения, а успехи военных отмечаются почти как национальные праздники.

Особую роль в этом действе играет Управление по делам религии Турции (Диянет) во главе с профессором и богословом Али Эрбашем, который, прибегая к исламским символам и молитвам, делает акт войны оправданным и даже сакральным. Все турецкие военные, которые погибли в результате операции в Африне³ (по данным турецких властей, их число уже превышает 50) [7], объявляются шахидами (мусульманами, погибшими за веру). Примечателен случай,

² Ежегодно 30 августа в Турецкой Республике отмечают День Победы в честь разгрома иностранных интервентов в сражении при Думлупынаре в 1922 г., в результате чего Турция полностью освободилась от оккупационных сил.

³ С 11 июля 2012 г. город контролировался курдским ополчением YPG. В январе 2018 г. началась турецкая операция «Оливковая ветвь». 18 марта 2018 г. Африн перешёл под контроль турецких вооружённых сил и отрядов «Свободной сирийской армии».

когда 24 февраля 2018 г., выступая на партийной конференции в городе Кахраманмараш (юго-восток республики), Эрдоган позвал к себе на сцену маленькую плачущую девочку, одетую в камуфляжную униформу, и призвал её не плакать, пообещав ребёнку, что, если она погибнет, её похоронят с почестями и укроют турецким флагом [11].

Идея о маленькой и победоносной войне, как известно, не нова. На протяжении всей истории разные политические лидеры использовали войну для объединения и мобилизации общества. В этом смысле Р.Т. Эрдогану удалось добиться немалых результатов. Если 16 апреля 2017 г. на референдуме по внесению изменений в конституцию инициативы турецкого лидера встретили поддержку у 51.41% населения страны (против 48.59% соответственно), то операцию в Африне, согласно результатам опроса исследовательского фонда «A&G», поддерживают порядка 90% граждан республики [17].

Помимо этого, одобрение «Оливковой ветви» высказали и представители оппозиционных партий турецкого парламента. В частности, лидер Народно-республиканской партии (НРП) Кемаль Кылычдароглу сказал, что его партия «всецело поддерживает операцию». «Мы обеспокоены безопасностью наших границ. Ни одна страна не может допустить, чтобы у её границ действовали террористические организации», – пояснил он [20].

В этой связи нельзя не упомянуть и о средствах массовой информации, которые сегодня относятся преимущественно одобрительно к действиям турецкого руководства. В последние годы, особенно после неудачного мятежа военных в июле 2016 г., в результате которого погибли 240 человек и в стране было объявлено чрезвычайное положение, в республике отмечается усиление давления государства на СМИ. В частности, были отправлены за решётку десятки журналистов, а в мировом рейтинге свободы слова страна опустилась на 155 место (в 2002 г. была на 99-м), соседствуя с такими государствами, как Демократическая Республика Конго и Свазиленд [1].

Особую роль в обеспечении поддержки широких слоёв населения играют интеллигенция и представители шоу-бизнеса, многие из которых так же единодушно высказались за операцию в Африне. Особенно популярным стало размещать в социальных сетях вроде Instagram посты об успехах турецкой армии. Повсеместно подчёркивается, что турецкие солдаты сегодня являются прямыми наследниками той армии, которая стояла у истоков республики почти 100 лет назад. Кроме того, многие актеры и поп-исполнители прибегают к религиозному дискурсу, в котором подразумевается, что любой солдат турецкой армии, погибший на войне, погибает за веру (о чём упоминалось выше).

Таким образом, в начале XXI в. ислам фактически стал неотъемлемой частью общественно-политического дискурса в Турции. Военная риторика, любые рассуждения о войне, её сакрализация сегодня происходят в республике не иначе, как через призму ислама.

Общественно-политический дискурс в ближневосточных сообществах в большей степени обращён во внутрь, на поиски собственной идентичности, объектов для гордости и свидетельств величия. Пример Турции, которая на протяжении почти всего XX в. стремилась интегрироваться в западный мир, построить политическую и экономическую систему по западному образцу, а в начале XXI в. стала больше концентрироваться на реализации собственных интересов и подходов, не является исключением. Вопросы идентичности и славного прошлого играют в таком контексте инструментальную роль – завышенная самооценка призвана компенсировать неудовлетворенность значительной части населения и обеспечить его политическую мобилизацию под руководством ПСР.

Список литературы:

1. 2017 Basın Özgürlüğü Endeksi: Türkiye yine geriledi, 180 ülke arasında 155'inci (In Turkish). // BBC Türkçe. 26.04.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-39712002> (accessed 29.06.2019)
2. Генштаб Турции запретил приходить на День Победы в мусульманских платках. // Известия. 23.08.2007. [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/news/407073> (accessed 29.06.2019)
3. Загорнова Е.В. «Исламский фактор в политике Турции». М.: Институт Ближнего Востока. 24.11.2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=3368> (accessed 29.06.2019)
4. Киреев Н.Г. Внутриполитическая ситуация в Турции в конце XX – начале XXI вв. // Турция на рубеже XX–XXI веков. Отв. ред. Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю. М.: Институт востоковедения РАН. 2008. 288 с.
5. Саатов И. От электората к «Халифату». // Российский совет по международным делам. 10.11.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-elektorata-k-khalifatu/> (accessed 29.06.2019)
6. Саатов И. Экономика турецких джамаатов: реванш неосуфийских общин на рубеже XXI в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 3. Сс. 24-41.
7. Afrin'de şehit sayısı kaç oldu? Zeytin Dalı Harekatı 92. Gün. // Posta. 20.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.posta.com.tr/afrin-de-sehit-sayisi-kac-oldu-zeytin-dali-harekatı-92-gun-haberi-1381052> (accessed 29.06.2019)
8. Ahmet Davutoğlu. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları. 2001. 600 p.
9. AK Parti programı: Kalkınma ve Demokratikleşme programı. 2002. [Электронный ресурс] URL: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/926/200205071.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 29.06.2019)
10. Aksay H. Erdoğan ve Allah. // T24. 19.01.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://t24.com.tr/yazarlar/hakan-aksay/erdogan-ve-allah,8334> (accessed 29.06.2019)
11. Bordo Bereli Küçük Kızı Gören Cumhurbaşkanı Erdoğan, Hemen Yanına Çağırdı... İşte O Anlar... // Türkiye gazetesi. 24.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u2JAgntW5ml> (accessed 29.06.2019)
12. Erdoğan'dan 'Osmanlıca' mesajı. // Sabah. 08.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2014/12/08/cumhurbaskani-erdogan-5din-surasinda-canli> (accessed 29.06.2019)
13. Güleç S. Devletteki yeni cemaat' Süleymanlılar mı? // Gazeteduvar. 07.10.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/gundem/2016/10/07/devletteki-yeni-cemaat-suleymanlilar-mi/> (accessed 29.06.2019)
14. Islamic party wins in Turkey. // The Guardian. 07.11.2002. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/nov/07/turkey.owenbowcott> (accessed 29.06.2019)
15. Mansour I. Statecraft in the Middle East: foreign policy, domestic politics and security. New York: I.B.Tauris. 2016. 288 p.
16. Perinçek D. Türkiye Araplaşıyor mu? // Aydınlık. 29.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aydinlik.com.tr/turkiye-araplasiyor-mu-dogu-perincek-kose-yazilari-agustos-2018> (accessed 29.06.2019)

17. Support for Turkey's Syria incursion at 90 percent – poll. // Ahval. 16.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ahvalnews.com/polls/support-turkeys-syria-incursion-90-percent-poll> (accessed 29.06.2019)
18. The Seminar of Jaques Lacan. Book I. Freud's Papers on Technique, 1953–1954. Ed. by J.-A. Miller, transl. by J. Forrester. New York: W.W. Norton & Co. 1988. 328 p.
19. Türkiye'nin en büyük cemaati hangisi? // Haber Türk. 22.06.2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/641873-turkiyenin-en-buyuk-cemaati-hangisi> (accessed 29.06.2019)
20. Turkey's opposition parties lend support to Afrin operation. // Hurriyet Daily News. 21.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyetcailynews.com/turkeys-opposition-parties-lend-support-to-afrin-operation-126064> (accessed 29.06.2019)

Об авторе:

Руслан Вахидович Сулейманов – студент магистратуры Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; выпускающий редактор информационного агентства ТАСС. Россия, 125993, Москва, ГСП-3, Тверской бульвар, 10-12.
E-mail: rusaz94@mail.ru

Religion as a Factor in the Militarization of Turkish Sociopolitical Discourse in the 21st Century

R.V. Suleymanov

Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University

Abstract: *The article describes the role and place of religion in the Turkish society in the 20th century, after the proclamation of the Republic, when Mustafa Kemal Ataturk took a course towards westernization and secularization. For several decades, clerics were cast aside in domestic and foreign policy decision making, and demonstration of religious affiliation in public (i.e. among officials) was negatively perceived. By the end of the 20th century, these tendencies started to fade away gradually, and Turkish society began a new search for national identity with Islam as a key component. Particular attention is paid to changes in the socio-political discourse in the Republic of Turkey after the pro-Islamic Justice and Development Party (AKP) came to power in 2002. After that, the opponents of secularization actually began to take political revenge. This could not but affect the development of Turkish social and political discourse in the 21st century. Such changes indicate that in the Middle East, social and political discourse more than often concentrates on the past in a search for pride and national identity. Today, it is the main concern of the Turkish leadership headed by the AKP which traces its origin to Islamists.*

Key words: Turkey, religion, Islam, discourse, AKP, transformation.

About the author:

Ruslan V. Suleymanov – Master's Degree Student at the Faculty of World Politics, Lomonosov MSU. Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1; Publishing Editor at TASS news agency. Russia, 125993, Moscow, GSP-3, Tverskoy boulevard, 10-12.
E-mail: rusaz94@mail.ru

Судан в условиях политических изменений и экономического кризиса: есть ли выход?

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

Начавшиеся в декабре 2018 г. в Судане массовые протесты проходили под громкими политическими лозунгами, однако основным мотивом для них стала постоянно ухудшающаяся экономическая ситуация. Низкий уровень развития не связанных с нефтедобычей секторов, высокая дифференциация доходов населения, значительные показатели внешней задолженности, нехватка наличных денег и топлива оказали непосредственное влияние на политическую ситуацию в стране. Отстранение от власти О. Аль-Башира не является окончательным решением политических и экономических проблем. Для улучшения экономики требуется стабильная структура власти и готовность нового руководства проводить долгосрочные экономические реформы, иначе возможно серьёзное ухудшение ситуации в стране.

Ключевые слова: Судан, экономика, протесты, санкции, Омар Аль-Башир, Саудовская Аравия, Турция, Катар, Переходный военный совет, Абдель Фаттах Аль-Бурхан, Суданская ассоциация профсоюзов.

На протяжении как минимум двух десятилетий Судан сталкивался с серьёзными экономическими трудностями. Отделение в 2011 г. Южного Судана стало особенно тяжелым испытанием для Хартума, поскольку страна утратила 3/4 нефтяных месторождений [17], а уровень развития остальных сфер экономики оставался удручающе низким. Другим источником проблем стали введённые США в 1997 г. санкции и внесение Судана в американский список спонсоров терроризма. В результате страна оказалась закрыта для американских инвестиций, американские компании должны получать разрешение на экспорт и реэкспорт в Судан сельскохозяйственной продукции, медикаментов и медицинского оборудования. Государства, находящиеся в списке стран – спонсоров терроризма не могут проводить закупки вооружения из Соединённых Штатов, товаров двойного значения и т. д. [21]. Стоит также отметить, что в силе остаются действующие с 2006 г. санкции США из-за событий в Дарфуре.

В ноябре 2018 г. Вашингтон объявил о своей готовности перейти ко второй фазе суданско-американского сотрудничества, направленного на изъятие Судана из вышеупомянутого списка, тем более что ранее Верховный суд США признал непричастность страны к атаке на американский эсминец «Коул» в Аденском заливе в 2000 г. [25]. После переворота у Соединённых Штатов сохраняется возможность мотивировать Переходный военный совет к скорейшему формированию гражданского правительства. Более того, в конце апреля суданская делегация была приглашена в Вашингтон для обсуждения дальнейшего сотрудничества.

Несмотря на частичное снятие санкций в 2017 г., европейские и американские компании не проявляют сильной заинтересованности в освоении суданского рынка. Некоторые фирмы, такие как Wayback Burgers – первый американский ресторан быстрого питания в стране [12], – выходят на суданский рынок, но всё же динамика не такая сильная, как ожидалась. Возможно, это связано с тем, что США в 2014 г. потребовали от французского банка BNP Paribas штраф в размере 8.9 млрд долл. за

нарушение американских санкций, в том числе против Судана [2]. Хотя банк, в соответствии с европейским и французским законодательством, имел право вести подобную деятельность, операции велись в долларах США, что позволило американской стороне взыскать подобный штраф. В условиях такого давления компаниям приходится серьёзно взвешивать решение о деятельности в Судане. Более того, за более чем 20 лет суданская экономика успела переориентироваться на других региональных и международных партнеров: даже если восстановление двустороннего экономического сотрудничества с Соединёнными Штатами станет реальностью, это не решит всех проблем, с которыми сталкивается экономика страны.

Текущие экономические трудности имеют несколько измерений. Во-первых, высокая безработица – 26.7% в 2018 г., что превышает среднемировой показатель на 13.9%. Значительная часть безработных – молодежь, выпускники ВУЗов. Для будущих властей этот слой населения может стать драйвером дальнейших протестов, поэтому необходимо обеспечить появление новых рабочих мест. Возрастающая разница в доходах также провоцировала рост социальной напряженности.

Опасения вызывает и положение с продовольствием. По оценкам ФАО, 14% населения находятся в кризисной и чрезвычайной продовольственной ситуации, и в этом контексте крайне важно предоставить помощь малым и средним фермерским хозяйствам [1].

Как отмечают отечественные эксперты, с периода правления Дж. Нимейри контроль над бизнесом перешёл к исламским элитам, военным и силовикам [3, сс. 52-54]. Для суданской экономики это означало выделение доходов от нефтедобычи на содержание аппарата государственной безопасности и на реализацию проектов, которые обеспечивали быстрые доходы, а не инвестирование в другие отрасли, такие как сельское хозяйство [26].

Более того, суданским властям приходилось прибегать к внешним заимствованиям, поэтому не менее значимым вопросом остаётся проблема погашения внешнего долга, без которого реинтеграция Судана в мировую торговлю представляется проблематичной. Если в 2007 г. задолженность составила 29.4 млрд долл. [3, с. 57], то в 2018 г. этот показатель превысил планку в 60 млрд долл. На 2017 г. 36% внешнего долга приходилось на страны Парижского клуба, а 39% – на государства, в него не входящие (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Китай) [8, с. 3; 7, с. 20].

Важным шагом в снижении долгового бремени может стать Highly Indebted Poor Countries Initiative (HIPC) – программа по списанию долгов для наиболее бедных стран, инициированная Всемирным банком и МВФ в 1996 г.

При этом Судан уже координирует свою экономическую политику с Международным валютным фондом, и в 2018 г. правительство страны приняло ряд решений, встретивших возмущение населения. Изначально власти не хотели отменять субсидии на основные продовольственные товары, однако МВФ призвал к отмене этих субсидий, а также к девальвации суданского фунта [11]. Так называемые «хлебные» протесты происходили до декабря 2018 г., но они не имели столь широкого масштаба. Более того, после девальвации суданского фунта инфляция увеличилась на 40% [10]. Для Судана важно провести реструктуризацию долга, чтобы активнее вовлекаться в мировую финансовую систему [8].

Изменения в суданском политическом ландшафте

Координирующим звеном в организации антиправительственных протестов стала Суданская ассоциация профсоюзов (*Sudanese Professionals Association, SPA*), которая была создана в 2016 г. [16]. Задачей Ассоциации было повышение прожиточного минимума и улучшение условий труда. Однако, обратив внимание на лозунги протестующих, Ассоциация стала призывать к смене режима.

Сейчас оппозиция представлена различными группами: от наиболее известного альянса *Sudan Call*, возглавляемого видным суданским политиком С. Аль-Махди (он также возглавляет партию «Аль-Умма») и Юнионистской ассоциации до Коммунистической партии Судана. Хотя фрагментарность оппозиции достаточно высока, ряд групп имеют схожие взгляды на решение сложившегося кризиса, что отразилось в принятии 1 января 2019 г. Декларации о свободе и переменах [14]. 22 оппозиционные группы, в том числе *Sudan Call*, поддержали инициированную SPA декларацию, которая призвала к уходу О. Аль-Башира и его правительства со своих постов, формированию национального переходного правительства на четырёхлетний срок с целью обеспечения демократизации политической системы Судана и страны в целом. То есть эти оппозиционные группы отрицают какую-либо возможность ведения диалога с нынешней властью.

После отстранения О. Аль-Башира от власти был сформирован Переходный военный совет, который в первые дни своего существования претерпевал кадровые изменения. На данный момент его возглавляет бывший генеральный инспектор ВС Судана Абдель Фаттах аль-Бурхан, а его заместителем является командующий Сил быстрой поддержки (СБП) Мухаммад Хандан Даглу Муса (Хаметти).

Силы Декларации о свободе и изменениях пытаются наладить диалог с Переходным военным советом, настаивая на своих условиях, а именно – на создании в первую очередь *гражданского правительства*. От хода переговоров во многом зависит развитие политической ситуации, и чем раньше стороны придут к консенсусу, тем быстрее появится возможность заняться важными экономическими реформами.

Финансовая помощь со стороны международных и региональных партнёров

Учитывая состояние суданской экономики, Хартум в последние годы использовал любую возможность для получения финансовой поддержки со стороны региональных и международных игроков. Причём аль-Баширу удавалось вести подчас рискованную игру в надежде на повышение объёмов иностранной помощи.

Так, например, президент Судана в ходе своего визита в Россию в ноябре 2017 г. заявил, что США, пытаясь разделить страну на пять государств, представляют угрозу стабильности страны [4]. Учитывая значительное улучшение американо-суданских отношений, крайне неожиданно, что подобные заявления прозвучали во время пребывания О. Аль-Башира в Сочи.

Не менее интересным представляется сотрудничество Судана со странами Персидского залива, Турцией и Египтом. В 2015–2016 гг. произошел отход от сотрудничества с Ираном в пользу Саудовской Аравии: в 2015 г. Судан направил 6000 военнослужащих в Йемен [9] для участия в боевых действиях на стороне коалиции против хуситов. Взамен Хартум получил финансовую помощь, а также возможность развивать сотрудничество со странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Действительно, в 2015 г. Центральный банк Судана получил 1 млрд долл. от Саудовской Аравии, 1.22 млрд долл. от Катара. В ноябре 2015 г. Саудовская Аравия обязалась

предоставить 1.7 млн долл. на строительство трёх дамб на севере и 500 млн долл. на проекты водо- и электроснабжения, а также на развитие сельскохозяйственных земель на востоке страны.

Однако с начала Дипломатического кризиса в Персидском заливе в июле 2017 г. у Судана был вариант либо принять сторону одного из участников конфликта, либо проводить политику балансирования, добиваясь политических и экономических бонусов от своих партнёров. О. Аль-Башир решил придерживаться второго варианта. Временная передача острова Суакин Турции рассматривалась Саудовской Аравией и Египтом как риск создания там турецкой военной базы и отправного пункта в Египет для «Братьев-мусульман». Тем не менее развитие острова включает в себя реставрацию зданий и создание туристических объектов, что важно в долгосрочной перспективе для повышения туристической привлекательности Судана [15].

В развитие порта Суакин также вложил средства Катар: в марте 2018 г. страны подписали соглашение на сумму 4 млрд долл. Ожидается, что Хартум получит 51% от доходов, а Доха – 41%. В ходе первого этапа, который продлится до 2020 г., Катар вложит 500 млн долл. в развитие второго крупнейшего порта страны [23]. В целом Катар – достаточно активный экономический партнер Судана. В 2016 г. инвестиции этой страны в недвижимость, сельское хозяйство и банковский сектор Судана составили 1.7 млрд долл. [22].

Королевство Саудовская Аравия и Объединённые арабские эмираты также оказывали поддержку суданскому президенту: КСА в январе 2019 г. выразило готовность помочь властям, отметив, что за последние четыре года предоставило 2.1 млрд долл. финансовой помощи [19]. ОАЭ отправили 1.12 млн т топлива и предоставили 300 млн долл. помощи [5]. В январе 2019 г. о своей готовности помочь, в том числе топливом, пшеницей и др., также заявили Россия и Турция [24]. Что касается Египта, то он выступает за стабильность в Судане, в пользу нынешней власти.

Примечательно, что Переходный военный совет стал более чётко выражать свою готовность сотрудничать с Саудовской Аравией и ОАЭ. Монархии, в свою очередь, обязались предоставить помощь на сумму 3 млрд долл. – 1/6 часть суммы направлена на укрепление суданского фунта и улучшение финансовой ситуации, остальные деньги будут потрачены на продовольствие, топливо и медикаменты [6].

Давним партнером Судана является Китай, который контролирует около 75% нефтяной промышленности страны [20]. Председатель КНР Си Цзиньпин в начале сентября 2018 г. заявил, что Китай предоставит кредит, не превышающий 600 млн долл., для стабилизации экономической ситуации в стране. Более того, КНР поддерживает Судан с помощью отсрочки выплаты долга либо частичного снятия долговых обязательств. Например, в 2012 г. было подписано соглашение о заморозке долгов сроком на пять лет, а в сентябре 2018 г. на проведённом в Пекине Форуме по китайско-африканскому сотрудничеству Си Цзиньпин объявил о списании с Судана долга размером 60 млн долл. [13].

На данный момент основным препятствием к экономической стабилизации является политический кризис. Стагнация экономики не прекращается с 2011 г., и для существенного улучшения ситуации требуется не только иностранная помощь, но и стабильность властных структур, которые смогут спланировать экономические реформы и последовательно их реализовывать. Дальнейшее ухудшение социально-экономической и продовольственной ситуации может привести к новой эскалации кризиса.

Список литературы:

1. Вартанян А.М. Политический кризис в Судане и продовольственные риски. Институт Ближнего Востока. 24 апреля 2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=55356> (accessed: 07.05.2019)
2. Иран, Судан и Куба довели BNP Paribas до штрафа в \$8,9 млрд. // Коммерсантъ. 01.07.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2503041> (accessed 14.03.2019)
3. Кудров Е.А. Судан на перепутье: война или мир? М.: Библос-Консалтинг. 2009. 288 с.
4. Путин и Шойгу обсудили с аль-Баширом создание военной базы в Судане. // Вести. 25.11.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2958440> (accessed: 03.03.2019)
5. Судан принял предложения о помощи от России и Турции. // ТАСС. 23.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/6032729> (accessed 27.02.2019).
6. 3 milyar dolar min al-Mamlakati as-Saudiya wa al-Imarat li as-Sudan [3 billion dollars from Saudi Arabia and the UAE to Sudan (In Arabic.)]. // Sudanese News Agency (SUNA). 21.04.2019. Available at: <http://suna-sd.net/ar/single?id=266776> (accessed: 24.04.2019)
7. Africa's growing debt crisis: who is the debt to who? // Jubilee Debt Campaign. October 2018. [Электронный ресурс] URL: https://jubileedebt.org.uk/wp/wp-content/uploads/2018/09/Briefing_09.18.pdf (accessed: 13.05.2019)
8. Anos-Casero P., Gressani D. Sudan. Staff report for the Article IV consultation – debt sustainability analysis. // International Monetary Fund. 13.11.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/pdf/2017/dsacr17364.pdf> (accessed: 12.05.2019)
9. Ardemagni E. The Yemeni factor in Saudi Arabia – Sudan realignment. // The Arab Gulf States Institute in Washington. 12.04.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://agsiw.org/the-yemeni-factor-in-the-saudi-arabia-sudan-realignment/> (accessed 09.03.2019)
10. Beaumont P. «Where is our money?»: Sudan's currency crisis deepens. // The Guardian. 09.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/09/where-is-our-money-sudan-currency-crisis-deepens> (accessed: 12.05.2019)
11. Charles Kh. The IMF role in Sudan's bread protests. // Middle East Monitor. 25.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180125-the-imf-role-in-sudans-bread-protests/> (accessed: 11.05.2019)
12. Chemero B. Sudan and North Africa: the next frontier for American brands. // Forbes. 16.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/forbesbusinessdevelopmentcouncil/2018/04/16/sudan-and-north-africa-the-next-frontier-for-american-brands/> (accessed: 27.02.2019)
13. China cancels Sudan's pre-2016 debt: envoy. // Sudan Tribune. 14.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article66243> (accessed 27.03.2019)
14. Declaration of freedom and change. // Sudanese Professionals Association. 01.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sudaneseprofessionals.org/en/declaration-of-freedom-and-change/> (accessed 04.03.2019)
15. Hassanin D. Sudan denies establishing Turkish military base in Suakin Island. // Egypt Today. 08.02.2018. [Электронный ресурс] URL:

<https://www.egypttoday.com/Article/1/42260/Sudan-denies-establishing-Turkish-military-base-in-Suakin-Island> (accessed 10.03.2019)

16. How an illegal Sudanese union became the biggest threat to Omar Al Bashir's 29-year reign. // The National. 28.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.thenational.ae/world/africa/how-an-illegal-sudanese-union-became-the-biggest-threat-to-omar-al-bashir-s-29-year-reign-1.819159> (accessed 07.03.2019)
17. How Sudan's leadership will weather the storm of economic protests. // Stratfor. 31.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://worldview.stratfor.com/article/sudan-economic-protests-al-bashir-spa-ncp-president-aid> (accessed 13.02.2019)
18. Knopf P., Verjee A. Reforming the U.S.-Sudan relationship requires a regional strategy. // United States Institute of Peace. 19.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.usip.org/publications/2018/12/reforming-us-sudan-relationship-requires-regional-strategy> (accessed 28.02.2019)
19. Saudi Arabia latest nation to offer help to crisis-hit Sudan. // Bloomberg. 24.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-24/saudi-arabia-ready-to-give-sudan-economic-help-minister-says> (accessed 27.02.2019)
20. Sudan: China's original foothold in Africa. // The Diplomat. 14.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2017/06/sudan-chinas-original-foothold-in-africa/> (accessed 17.03.2019)
21. Sudan, Darfur and South Sudan-related sanctions. // U.S. Department of the Treasury. [Электронный ресурс] URL: https://www.treasury.gov/resource-center/faqs/Sanctions/Pages/faq_other.aspx#revocation (accessed: 11.05.2019)
22. Sudanese President in Qatar for talks on bilateral relations. // Sudan Tribune. 17.06.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article59320> (accessed 07.02.2019)
23. Sudan, Qatar ink \$4 billion deal to develop Suakin seaport. // Caasimada. 28.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.caasimada.net/sudan-qatar-ink-4-billion-deal-to-develop-suakin-seaport/> (accessed 24.03.2019)
24. Sudan summons Egypt ambassador over 'illegal' Red Sea oil bid. // AlJazeera. 21.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/03/sudan-summons-egypt-ambassador-illegal-red-sea-oil-bids-190321184208263.html> (accessed 24.03.2019)
25. US Supreme Court blocks \$315M USS Cole verdict against Sudan. // Sudan Tribune. 27.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article67275> (accessed 27.03.2019)
26. Woodward P.R. How Sudan's economic crisis had a role in protests that toppled al-Bashir. // Mail & Guardian. 07.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://mg.co.za/article/2019-05-07-how-sudans-economic-crisis-had-a-role-in-protests-that-toppled-al-bashir> (accessed: 07.05.2019)

Об авторе:

Лари Лиджиевич Басангов – студент магистратуры МГИМО (У) МИД РФ. Россия, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: laribasangov@gmail.com

Sudan Amid Political Changes and Economic Crisis: Is There A Way Out?

L.L. Basangov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: *Although the protests in Sudan that have been unfolding since December, 2018 were conducted with strong political slogans, their root cause is a constantly deteriorating economic situation. Poor development of the economic sectors that are not involved in the oil production, profound income inequality, significant external debt, lack of currency and petrol, etc. have influenced negatively the situation in Sudan. The ouster of al-Bashir, by the military and Rapid Support Forces, is not a solution to the country's political and economic problems. Stable political system and new administration's willingness to conduct long-term economic reforms are required to strengthen Sudan's economy – otherwise the situation can become much worse and less manageable.*

Key words: *Sudan, economy, protests, sanctions, Omar al-Bashir, Saudi Arabia, Turkey, Qatar, Transitional Military Council, Abdel Fattah Burhan, Sudanese Professionals Association.*

About the author:

Lari L. Basangov – Master's Degree Student at MGIMO-University of the Russian MFA. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospekt, 76.
E-mail: laribasangov@gmail.com

М.Ю. Нижник

Маронитская община Ливана при президенте Бишаре аль-Хури (1943–1952 гг.)

Российский государственный гуманитарный университет

В статье рассматривается деятельность ведущих политических и духовных лидеров маронитской общины Ливана в первое десятилетие после обретения страной независимости, их политические взгляды относительно установившегося режима и будущего Ливана. Автор анализирует политический курс Бишары аль-Хури как наиболее влиятельного представителя интересов маронитской общины при французском мандате и ситуацию после его прихода к власти, изменения в методах осуществления влияния, а также соответствие его курса ожиданиям маронитской элиты. Рассматриваются причины возникновения оппозиции режиму, её состав, цели и способы противостояния президенту. Особое внимание уделяется сотрудничеству представителей маронитской общины с мусульманскими лидерами Ливана.

Ключевые слова: Ливан, Бишара аль-Хури, Камиль Шамун, Эмиль Эдде, маронитская община, христиане, конфессионализм, Конституционный блок, Национальный блок, Катаиб, Национальный пакт.

Период пребывания у власти первого президента независимого Ливана Бишары аль-Хури – один из наиболее важных этапов становления государства. Аль-Хури и ряд его сторонников, объединившихся в 1934 г. в Конституционный блок, в 1943 г. добились отмены французского мандата, превращения Ливана в самостоятельного участника международных отношений и его вхождения в Лигу арабских государств (ЛАГ) и Организацию Объединённых Наций. Тем не менее далеко не все в стране положительно относились к проводимой первым президентом политике. Многие представители политической элиты Ливана полагали, что после прихода к власти Б. аль-Хури отступил от принципов законности и верховенства Конституции, которыми он первоначально руководствовался. Это привело к формированию многочисленной оппозиционной группы и отставке президента в сентябре 1952 г.

Важнейшей характеристикой Ливана является его этноконфессиональная неоднородность. Одной из наиболее многочисленных, влиятельных и политически активных общин в первой половине XX в. была христианская маронитская. В 1920 г. французские власти создали государство Великий Ливан, присоединив к Горному Ливану (где преобладали христиане) территории с преимущественно мусульманским населением – области Триполи, долины Бекаа и современного южного Ливана, после чего положение маронитской общины значительно изменилось. Внутри неё начали формироваться разные и даже противоположные взгляды на будущее страны, появилась новая политическая элита, к которой принадлежал и будущий президент Бишара аль-Хури.

Бишара аль-Хури – лидер конституционного блока.

Национальный пакт

В 1930-е – начале 1940-х годов наиболее влиятельными христианскими политиками были Б. аль-Хури и Э. Эдде, которые ещё в 1920-е годы занимали важные государственные должности [15, с. 157]. Однако впоследствии их политические взгляды разошлись, и Эдде стал основным соперником аль-Хури в борьбе за пост президента республики.

Блок сторонников Б. аль-Хури возник уже в 1934 г. Этому предшествовали отмена ливанской Конституции и роспуск парламента французским верховным комиссаром в 1932 г. после того, как мусульманин Мухаммад аль-Джиср выдвинул свою кандидатуру на пост президента страны (в Великом Ливане на эту должность могли претендовать только христиане). Хотя М. аль-Джисра поддержали многие влиятельные маронитские политики, аль-Хури был уверен, что таким образом они демонстрировали свой протест против его собственной кандидатуры, а не потому, что действительно хотели видеть на этой должности мусульманина [8, сс. 176-179]. В ответ на эти события в 1934 г. был сформирован Конституционный блок, который возглавил будущий первый президент.

Основными требованиями блока стали восстановление ливанской конституции и парламента, отмена французского мандата, признание суверенитета Ливана, заключение договора о дружбе с Францией [4, с. 88]. При этом сторонники блока признавали Ливан частью Арабского мира и настаивали на укреплении сотрудничества с арабскими странами [1, с. 292-294]. В состав Конституционного блока вошли многие представители влиятельных маронитских семей, среди них: Камиль Шамун (сменивший Б. аль-Хури на посту президента в 1952 г.), Хамид Франжье (один из маронитских лидеров из северной части страны), Фарид аль-Хазен (из влиятельной маронитской семьи в Кесруане, Горный Ливан) [4, с. 88]. Однако следует отметить, что среди единомышленников аль-Хури были не только христиане, но и авторитетные представители суннитской (Риад Сольх) [15, сс. 66-65], шиитской (Сабри Хамаде) и друзской (Маджид Арслан) общин [4, с. 88]. Одними из главных политических стратегов Блока стали христиане Мишель Шиха и Анри Фараун, представлявшие в том числе интересы экономической элиты страны и оказавшие финансовую поддержку деятельности Блока [12, сс. 184-185].

Сторонники Конституционного блока были настроены решительно против любого вида опеки над Ливаном со стороны Франции, потому их не устроили обещания независимости Ливана и Сирии, исходившие от «Свободной Франции» Шарля де Голля [12, с. 183]. Они требовали полной независимости страны, проведения выборов и передачи всей полноты государственной власти ливанскому народу [15, с. 174]. Франция была вынуждена идти на уступки: в августе 1943 г. были проведены парламентские выборы. Конституционный блок Б. аль-Хури одержал победу, а его лидер был избран президентом республики. Аль-Хури после избрания его президентом продолжил поддерживать тесные контакты с мусульманскими лидерами, а Р. Сольх занял пост премьер-министра страны [15, с. 177].

В 1943 г. христианско-мусульманское сотрудничество было закреплено Национальным пактом – устным соглашением между Б. аль-Хури и Р. Сольхом. Этому соглашению предшествовала основательная подготовка и переговоры, в которых посредниками между ливанскими политиками выступили британский генерал Эдвард Спирс и премьер-министр Египта Мустафа Наххас-паша.

Ранее Президент Ливана Айюб Табит (протестант) предлагал распределить 54 места в парламенте так, что 32 из них займут христиане, а 22 – мусульмане, включив в расчёт и эмигрантов, которые были преимущественно христианами. Однако мусульманские лидеры выступили против такого распределения, после чего

А. Табит был смещён верховным комиссаром, а число мест в парламенте было увеличено до 55, из которых 30 предназначалось для христиан и 25 – для мусульман. Соотношение 6:5 (6 христиан и 5 мусульман) было закреплено в Национальном пакте [2, с. 77]. Высшие государственные посты распределялись таким образом, что пост президента должен был занимать маронит, а премьер-министра – суннит [6, с. 64]. Национальный пакт стал компромиссом между христианами и мусульманами: мусульмане признавали Ливан суверенным государством [6, с. 62], а христиане, со своей стороны, признавали Ливан частью Арабского мира, что в 1945 г. было закреплено вступлением страны в Лигу арабских государств [1, с. 160].

Тот факт, что авторами Национального пакта стали лидеры маронитской и суннитской общин, не был случайностью. Несмотря на присутствие многочисленных этноконфессиональных общин на территории Ливана, наибольшую активность в политической жизни страны в период существования Великого Ливана и некоторое время после обретения независимости проявляли марониты и сунниты, в то время как представители других общин часто оказывались исключены из участия в принятии решений о будущем страны (хотя число представителей других общин, проживавших в Ливане, было достаточно велико [10, с. 37]). Так, сунниты выступали одновременно и основными противниками, и союзниками маронитской политической элиты, поэтому во второй половине 1930-х – 1940-х годах имело место, скорее, именно маронитско-суннитское, а не христианско-мусульманское сотрудничество.

В Национальном пакте сближение частей маронитской и суннитской политической элиты, начавшееся с создания Великого Ливана в 1920 г., достигло кульминации. Однако представители обеих общин по-разному трактовали Пакт, что во многом способствовало кризисам, с которыми впоследствии столкнулся Ливан (кризис 1958 г., Гражданская война 1975–1990 гг.). Так, суннитские лидеры в большинстве своём полагали, что обретение страной независимости – это шаг на пути её включения в Арабский мир, а возникшее в дальнейшем разнообразие интерпретаций документа отражало отсутствие единства в Арабском мире по важнейшим вопросам региональной политики [6, сс. 14-15]. Что же касается христианского населения страны, его понимание Национального пакта как гарантии независимости Ливана и христианско-мусульманского сотрудничества оставалось в целом неизменным, и происходящие в регионе процессы (появление многочисленных проектов объединения государств Арабского мира, возникновение насеризма¹ и др.) не оказали на него значительного влияния [6, сс. 48-49].

Для маронитской политической элиты целью заключения Пакта стало официальное признание независимости Ливана со стороны суннитского населения, что придавало легитимность его существованию как самостоятельного государства в восприятии Арабского мира [6, с. 62].

Однако Ливан всё ещё не был полностью независимым государством. 9 ноября 1943 г. Б. аль-Хури ратифицировал ряд Конституционных поправок, которые упраздняли пункты, провозглашавшие французские мандатные власти единственным источником политической власти, закрепляли за арабским языком статус единственного официального языка [14, сс. 225-226; 227]. Франция объявила Конституционные поправки недействительными, так как они приняты в одностороннем порядке без предварительной консультации с французскими властями [9, сс. 24-25]. 11 ноября Б. аль-Хури, Р. Сольх, К. Шамун и некоторые их сторонники были арестованы, а Э. Эдде (который, как и другие лидеры Национального блока, осудил Конституционные поправки и призвал к умеренности и

¹ Панарабская идеология, распространявшаяся в Арабском мире под влиянием президента Египта Гамаль Абдель Насера.

компромиссу в отношениях с Францией [2, с. 80]) назначен главой государства [4, сс. 112-113, 116].

Арест вызвал новую волну общественных протестов, где партии, большинство членов которых – как христиане, так и мусульмане, – выступили единой силой [4, с. 115]. При этом французские власти предпринимали попытки представить митинги и демонстрации с требованием независимости как столкновения христиан и мусульман [2, с. 86]. 22 ноября 1943 г. под давлением Великобритании и США Б. аль-Хури и его сторонники были освобождены, пост президента вернулся к аль-Хури, и было провозглашено окончание французского мандата.

Внутриполитическая ситуация в Ливане в первые годы после обретения независимости

На момент прихода Б. аль-Хури к власти среди представителей маронитской общины Ливана не было единого мнения относительно нового президента и того политического курса, которого он намерен был придерживаться. Помимо Конституционного блока, можно выделить ещё два политических объединения, которые представляли интересы преимущественно маронитов и христиан: Национальный блок и Катаиб.

Национальный блок был создан в 1936 г. главным соперником Б. аль-Хури – Э. Эдде, взгляды которого основывались на идеях средиземноморской специфики Ливана, отказа от сотрудничества с Арабским миром и определения Франции как гаранта независимости государства [1, сс. 292-294]. Эдде стремился сохранить доминирующее положение христиан в Ливане и полагал, что единственно возможный способ сделать это – отделить от него территории с преимущественно мусульманским населением, которые были присоединены в 1920 г. Однако со временем, когда Великий Ливан стал уже свершившимся фактом, он вынужден был изменить своё мнение по этому вопросу [16, сс. 232-233]. Постепенно авторитет Э. Эдде стал падать даже среди членов Национального блока: так, уже в 1943 г., когда депутаты парламента избирали нового президента, двое из них – представители Национального блока, – отдали свои голоса за Б. аль-Хури [9, с. 15].

После того как в ноябре 1943 г. на место законно избранного президента Б. аль-Хури был назначен Эдде, отношение ливанского народа к лидеру Национального блока резко ухудшилось [9, сс. 64, 67], он стал стремительно терять поддержку среди своих бывших сторонников [2, сс. 85-87]. Однако по возвращении Б. аль-Хури на пост президента, Э. Эдде удалось получить место в парламенте. В марте 1944 г. 35 из 55 депутатов парламента поддержало предложение исключить Эдде из парламента [9, сс. 82-83], после чего основной противник аль-Хури на время исчез с политической сцены Ливана.

Другая организация, пользовавшаяся поддержкой среди маронитов Ливана, – «Катаиб» или «Ливанские фаланги». Она также была создана в 1936 г., её основателем стал представитель влиятельного маронитского рода из Горного Ливана Пьер Жмайель. Организация создавалась по подобию европейских военизированных структур (в частности, была использована партийная модель Национал-социалистической немецкой рабочей партии), а её программа основывалась на идее финикийского прошлого Ливана. Тем не менее в вопросе независимости страны «Катаиб» приняла сторону Б. аль-Хури [1, сс. 299-301] и впоследствии даже сотрудничала с суннитами (просуннитской организацией «Наджаде») [15, с. 179].

Помимо политических объединений, важную роль в маронитской общине играла церковь. Однако и среди духовенства не было единого мнения относительно Б. аль-Хури и его политики. Так, маронитский патриарх Антун Арида, которого в

период существования Великого Ливана многие из представителей общины считали своим лидером и защитником национальных интересов [11, сс. 289-290], активно поддерживал идею независимого Ливана и христианско-мусульманского сотрудничества [3, с. 292-308] и впоследствии продолжал поддерживать курс аль-Хури. Другая важная фигура из среды маронитского духовенства – архиепископ Бейрута Игнатиус Мубарак – также принял сторону аль-Хури. Когда новый президент был арестован, архиепископ обращался к французским властям с требованием освободить заключённых и признать независимость Ливана [9, с. 73], продолжал поддерживать дружеские связи с президентом в первые годы его пребывания у власти [9, с. 188], однако уже в 1947 г. перешёл на сторону оппозиции.

Период пребывания у власти первого президента Ливана Б. аль-Хури продлился девять лет. В сентябре 1952 г. он был вынужден уйти в отставку, после чего новым президентом был избран К. Шамун. Первые годы президентства аль-Хури были относительно успешными: был закреплён статус страны как независимого государства, французские и британские войска покинули страну, Ливан установил дружественные связи с Сирией [17, с. 491], а также наладил отношения с бывшей державой-мандатарием [13, с. 191], отказавшись при этом предоставить ей какие-либо привилегии [6, с. 42].

Во внутренней политике одной из основных целей Б. аль-Хури стало налаживание отношений между христианскими и мусульманскими общинами Ливана. Подводя итоги официальных визитов президента в Северный и Южный Ливан, а также в долину Бекаа, которые он совершил в 1945 г., Сами Сольх (родственник Р. Сольха, занимавший на тот момент пост премьер-министра) отметил, что межконфессиональное деление населения Ливана становится менее резким, а мусульмане и христиане превращаются в «ливанцев» – единый народ, целью которого стала защита независимости, суверенитета и свободы страны [9, сс. 189-190]. Это, вероятнее всего, отражало не действительное положение дел в стране, а то, каким его хотели бы видеть люди, стоявшие у власти.

На посту президента Б. аль-Хури продолжил курс на интеграцию Ливана в Арабский мир: стал налаживать отношения с арабскими странами [9, сс. 98-99]. В 1944 г. Ливан подписал Александрийский протокол, в следующем году стал одним из государств – основателей ЛАГ, принял участие в Первой арабо-израильской войне 1948–1949 гг. Однако среди как политической, так и духовной элиты маронитской общины всё ещё не было единства по отношению к новому курсу страны. Оставалось много противников сближения с арабскими странами. Так, члены «Катаиб» продолжали высказываться за необходимость проведения политики изоляционизма и официальное признание президентом особой роли Ливана в Арабском мире. В 1944 г. они выступили решительно против Александрийского протокола и участия Ливана в ЛАГ [5, с. 60].

Более того, несмотря на то что независимость Ливана уже стала свершившимся фактом, некоторая часть маронитской общины всё ещё сомневалась в необходимости ухода Франции из страны и полагала, что без поддержки со стороны французских властей соседние арабские страны представляют серьёзную угрозу как для самой маронитской общины, так и для существования государства Ливан. Для того чтобы уверить эту часть христианского населения в выгоде, а главное, в безопасности прекращения французского мандата в Ливане, заручиться их поддержкой и предотвратить возможные выступления против властей, Б. аль-Хури начал переговоры с Ватиканом как высшим духовным авторитетом среди католиков (в том числе и для маронитской церкви, которая являлась униатской [1, с. 86]) по поводу признания им независимости Ливана. В 1947 г. это признание было получено, что должно было доказать христианам: Святой Престол не считал

проводимую властями политику сотрудничества с мусульманскими арабскими государствами ущемлением прав христиан [9, сс. 234-236].

Лидеры маронитской общины в оппозиции режиму

Несмотря на то что внешняя политика Б. аль-Хури была относительно успешной, в самом Ливане он начал терять поддержку вскоре после прихода к власти. Коррупционность и злоупотребления его администрации остро воспринимались ливанским обществом [17, с. 491]. Представители политической элиты Ливана считали, что чрезмерный рост власти президента нарушает существующий баланс сил в политической системе страны, а также представляет угрозу их собственному положению [17, с. 486]. Ситуация усугубилась, когда аль-Хури принял решения внести поправки в Конституцию, чтобы остаться у власти на второй срок.

В конце 1946 г. в Ливан вернулся К. Шамун, который с 1944 г. находился в Лондоне в качестве посла [4, с. 122]. По его мнению, к этому времени ситуация в стране была прискорбной: правосудие руководствовалось не соображениями справедливости, а действовало в интересах властей; фаворитизм и nepотизм стали обычной практикой; ближайшее окружение президента стремилось получить больше материальных выгод и власти и оставалось безразличным к нуждам народа; появлялись новые налоги [4, сс. 196-197].

В 1946 г., в преддверии выборов, на политическую арену вернулся и Э. Эдде, который заявил о своём намерении принять в них участие (однако оставил без внимания вопросы, связанные с событиями ноября 1943 г.). И хотя на парламентских выборах 1943 г. победу при поддержке французских властей одержал Национальный блок, за предшествовавшие годы он заметно ослаб: многие депутаты вышли из его состава, однако присоединяться к Конституционному блоку они не спешили [7, с. 37]. Тогда же в страну вернулся и другой соперник президента – лидер Сирийской социальной националистической партии (ССНП) Антун Сааде [7, с. 21], призывавший к созданию государства Великая Сирия, в состав которой вошёл бы и Ливан [4, с. 238]. Такой проект представлял угрозу для независимости Ливана.

Все эти обстоятельства не помешали Б. аль-Хури в мае 1947 г. остаться на посту президента республики на второй срок, что противоречило Конституции [14, с. 240]. Чтобы легитимировать своё переизбрание, аль-Хури необходимо было изменить основной закон, а это представляло определённые трудности, так как с 1943 г. в парламенте доминировали сторонники Национального блока. Для того чтобы получить необходимые для принятия поправок две трети голосов депутатов, аль-Хури прибегнул к злоупотреблению полномочиями, предоставив места в парламенте своим сторонникам [4, сс. 196, 199].

К. Шамун предпринимал попытки повлиять на президента и его окружение. Так, перед парламентскими выборами он попытался убедить Б. аль-Хури исключить из списка кандидатов от Горного Ливана своего брата, так как это лишь подтвердило бы обвинения в nepотизме в его адрес, а также рекомендовал ему сменить окружение. Однако аль-Хури не изменил своей позиции [4, с. 198], и брат президента стал депутатом парламента [7, с. 44].

Внесение поправок в Конституцию разделило маронитский лагерь на сторонников президента и оппозицию. Основу оппозиции составляли: К. Шамун (который сразу после переизбрания Б. аль-Хури покинул министерский пост и окончательно перешёл на сторону оппозиции [4, с. 233]); Прогрессивно-социалистическая партия друзского лидера Камала Джумבלата (одним из основателей которой был маронит [2, с. 136], а среди сторонников партии были и радикально настроенные марониты [12, с. 155]); Национальный блок, возглавляемый

Э. Эдде и впоследствии его сыновьями; «Катаиб» [13, сс. 193-194]; люди архиепископа И. Мубарака [7, с. 48]. К оппозиционному лагерю перешёл и Альфред Наккаш (президент Ливана в 1941–1943 гг.), а в 1949 г. – Абдель Хамид Караме (лидер суннитов Северного Ливана) [4, с. 236]. После присоединения к оппозиции А.Х. Караме и Х. Франжье (который до последнего оставался лоялен президенту [7, с. 387]) власти потеряли контроль над Триполи и северной частью страны [2, с. 177]. Наконец, Б. аль-Хури лишился поддержки А. Фарауна, сыгравшего важную роль в его приходе к власти [7, с. 125]. Что касается архиепископа Бейрута И. Мубарака, то он, изменив свою позицию относительно режима, стал выступать с призывами к мятежу и в 1947 г. предпринял попытку организовать восстание против властей [6, с. 44], и даже патриарх А. Арида не смог на него повлиять [7, с. 51].

Часть оппозиционеров основала Блок национального освобождения, целью которого стало свержение Б. аль-Хури и установление в стране режима, основанного на принципах законности и порядка [4, с. 236]. Лидерами оппозиционных сил выступили К. Джумблат и К. Шамун [13, сс. 193-194]: их поддержка среди населения Ливана стремительно росла, и оппозиция усиливалась даже после смерти Э. Эдде и А.Х. Караме [4, с. 241].

Сам же аль-Хури не считал себя виновным в том, в чём обвиняла его оппозиция, и утверждал, что ею движет лишь желание власти, а вовсе не общественное мнение [7, с. 387]. Он осуждал К. Шамуна за непостоянство взглядов, обвинял его в том, что, став сторонником К. Джумבלата, он вскоре сблизился с П. Жмайелем, затем, оставив обоих в стороне, нашёл другого союзника и т. д. [7, с. 38]. Что касается «Катаиб», Б. аль-Хури был уверен: агрессивность членов этой организации обусловлена тем фактом, что последняя является военизированным формированием, а это не совместимо с принципами демократии, на которых основывается государство Ливан [7, с. 246].

Б. аль-Хури предпринимал попытки нейтрализовать оппозицию. Так, он предложил кандидатуру К. Шамуна на должность постоянного представителя Ливана при ООН, но тот отказался. По мнению самого Шамуна, аль-Хури после своего переизбрания стал приобретать черты диктатора и даже практиковать элементы культа личности [4, с. 233]. Попытка обезвредить ССНП оказалась более успешной: в июне 1949 г. между соперничавшими объединениями «Катаиб» и ССНП произошли стычки, правительство воспользовалось этим обстоятельством, чтобы арестовать лидеров последней, в том числе и А. Сааде [4, с. 238]. Многие министры, поддерживавшие оппозицию, покинули свои посты, однако Б. аль-Хури утверждал, что столь частая смена глав министерств является необходимостью для такой маленькой страны, как Ливан [7, с. 387].

Другим обстоятельством, которое во многом определило ослабление администрации, стала отставка премьер-министра Р. Сольха. Аль-Хури для укрепления своей власти предпринимал попытки ослабить позиции мусульманских лидеров и в начале 1951 г. сумел окончательно вытеснить своего бывшего союзника Р. Сольха с этого поста. Но так как последний пользовался широкой поддержкой среди мусульманского населения, его отставка лишила Ливан силы, уравновешивавшей чрезмерный рост президентской власти, и гарантий стабильности [17, сс. 499-501]. По мнению К. Шамуна, Р. Сольх, возможно, тоже примкнул бы к официальной оппозиции, если бы не стал жертвой покушения [4, с. 242]. В июле 1951 г. бывший премьер-министр был убит, что вызвало волну протестов в стране, а семья убитого даже указывала на причастность президента к случившемуся [17, сс. 499-501].

Уже в следующем году Б. аль-Хури предпринял попытку примириться с представителями влиятельного суннитского рода, вновь назначив премьер-

министром С. Сольха, однако тот не был сильным политиком, а это назначение было в большей мере вызвано стремлением президента установить контроль над суннитскими лидерами и сохранить свою власть [17, сс. 501-502].

После проведения новых парламентских выборов в 1951 г. семь депутатов-оппозиционеров (по другим данным – восемь [7, с. 386]) вошли в Палату представителей, хотя сторонники режима всё ещё оставались в большинстве [4, сс. 240-241].

К началу 1950-х годов режим Б. аль-Хури стал терять поддержку и со стороны внешних сил. Холодная война затронула и регион Ближнего Востока, но власти Ливана так и не выразили открыто поддержку региональной программы по защите², организованной Великобританией и США. Это нанесло серьёзный удар по отношениям Ливана с его западными союзниками, Б. аль-Хури лишился поддержки со стороны Великобритании [6, сс. 44-45]. Несмотря на то что на закрытых встречах политические лидеры страны выражали одобрение стремлений Запада организовать защиту Ближнего Востока, на публике они принимали позицию Египта, который выступал против западного вмешательства [17, с. 494].

На ситуацию в Ливане не могли не повлиять и события в Арабском мире в этот период. Волна недовольства и критики после поражения арабских стран в войне в Палестине, а также после революции в Египте затронула и Ливан. Серьёзную угрозу (в особенности, для экономики страны) представляло создание государства Израиль на территории соседней Палестины, так как были разорваны связи между Южным Ливаном и Палестиной, а Израиль становился сильным конкурентом Ливана в экономической сфере [17, сс. 494-495]. Официальный курс страны в отношении Израиля совпадал с курсом других стран – участниц ЛАГ [9, с. 151]: Б. аль-Хури открыто поддерживал арабов Палестины и отмечал, что марониты Ливана также видят в сионистском движении угрозу и поддерживают позицию президента [9, с. 165]. В то же время ряд представителей политической и духовной элиты маронитской общины устанавливал контакты с сионистами в своих личных целях (как А. Арида) или даже для борьбы с режимом аль-Хури (как Э. Эдде, некоторые члены «Катаиб», архиепископ И. Мубарак) [18, сс. 889, 902-904, 910].

Авторитет президента продолжал падать как на внутригосударственной, так и на международной арене. В стране начался политический и экономический кризисы, которые вызвали общественные беспорядки и массовые забастовки, парализовавшие страну [17, с. 502].

В августе 1952 г. в Дейр Аль-Камаре состоялась встреча оппозиции с участием К. Джумблата, К. Шамуна, Х. Франжье, Раймонда Эдде (сын Э. Эдде) и других. В документе по итогам встречи было выдвинуто требование отставки Б. аль-Хури [2, сс. 181-183]. Всего на встрече оппозиции присутствовало более 15 тыс. человек [4, с. 242].

Окончательно ослабил позиции президента его конфликт с новым премьер-министром С. Сольхом, которого он обвинил в содействии оппозиции [2, сс. 183-184]. В ответ тот выступил с резкой критикой в адрес аль-Хури, после чего подал в отставку [4, с. 243]. Следующий премьер-министр также вскоре был отправлен в отставку, чтобы это место досталось более выгодному для режима кандидату [2, сс. 183-184]. На встрече суннитских лидеров Ливана было решено, что то, как Б. аль-Хури обращается с премьер-министрами, недопустимо, и никто из них не согласится занимать пост, пока он остаётся президентом страны. Отказ суннитских

² После окончания Второй мировой войны Великобритания и США искали возможность создания региональных блоков с целью усиления влияния и противостояния СССР. На Ближнем и Среднем Востоке план был реализован в рамках Организации Центрального договора в 1955 г.

лидеров сотрудничать с режимом аль-Хури лишил его права позиционировать себя в качестве посредника между христианами и мусульманами [17, сс. 506-508].

Более того, уже немногочисленные сторонники режима старались придать конфликту с оппозицией конфессиональную окраску, заявив, что оппозиционное движение является ничем иным, как попыткой мусульман отобрать президентство у маронитской общины. Однако их план не имел успеха. Воспользоваться армией для подавления беспорядков также не удалось, поскольку командующий генерал Фуад Шехаб (маронит) отказался подчиниться президенту [2, сс. 185-186].

В итоге 18 сентября 1952 г. Б. аль-Хури был вынужден покинуть свой пост.

* * *

Ситуация, сложившаяся в период президентства Бишары аль-Хури, показала, что получение Ливаном независимости и приход к власти главы Конституционного блока, пользовавшегося поддержкой большей части маронитской общины, не был конечной точкой становления такого государства, каким его хотели видеть маронитские лидеры. Вскоре стало очевидно, что новый режим не оправдал их ожиданий. Если в период существования Великого Ливана Б. аль-Хури опирался на принципы законности и верховенства Конституции (это было отражено даже в названии его блока), то вскоре после его утверждения на посту президента стало ясно, что эти принципы были, вероятно, лишь инструментом борьбы с французскими властями, и после того, как иностранный мандат был отменён, необходимость в их соблюдении президентом отпала.

Эти изменения воспринимались населением, в частности, маронитской общиной, резко негативно. Если в годы французского мандата в аль-Хури видели общенационального лидера, способного ввести страну в новую эпоху, примирить христиан с мусульманами Ливана и с Арабским миром, то уже спустя три года после его прихода к власти многие политические и духовные лидеры убедились, что президент не в состоянии претворить в жизнь тот политический курс, на который они рассчитывали, отдавая ему свои голоса. Кроме того, христианско-мусульманское сотрудничество, на котором Б. аль-Хури ранее делал акцент, также недолго присутствовало в его политическом курсе: он предпринял попытку поставить своего основного союзника Рида Сольха под свой контроль, проводил на пост премьер-министра заведомо слабые фигуры, которые не смогли бы противостоять растущей власти президента и его окружения. Однако маронитские лидеры продолжили курс на сотрудничество с мусульманами самостоятельно, и теперь оно было направлено уже против самого аль-Хури. Президент утратил статус связующего элемента между христианами и мусульманами страны, который и привёл его к власти в 1943 г.

Тем не менее период президентства Б. аль-Хури, хотя и окончился потерей президентом контроля над ситуацией и перевесом оппозиции, стал важнейшим этапом становления государства Ливан и определения последующей роли маронитской общины в стране.

Список литературы:

1. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН. 2013. 500 с.
2. Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. М.: Прогресс. 2003. 496 с.
3. Abisaab M. Warmed or burnt by fire? The Lebanese Maronite Church navigates French colonial policies, 1935. // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. No. 4. P. 292-312.
4. Chamoun C. Crise au Moyen-Orient [Chamoun C. Crisis in the Middle East (In French)]. Paris: Gallimard. 1963. 446 p.

5. Entelis J.P. Pluralism and party transformation in Lebanon: Al-Kata'ib, 1936-1970. Leiden: Brill. 1974. 227 p.
6. el-Khazen F. The Communal Pact of National Identities: the making and politics of the 1943 National Pact. Oxford: Centre for Lebanese Studies. 1991. 68 p.
7. al-Khoury B. Haqaiq lubnaniya, min 1 kanun ath-thani sana 1947 ilya 18 min aylul sana 1952, al-juz ath-thalith [Lebanese truths, from 1 January 1947 to 18 September 1952, vol. 3 (In Arabic)]. Beirut: Awraq Lubnaniya. 1960. 574 p.
8. al-Khoury B. Haqaiq lubnaniya, min 10 ab sana 1890 ilya 20 aylul 1943, al-juz al-awwal [Lebanese truths, from 10 August 1890 to 20 September 1943, vol. 1 (In Arabic)]. Beirut: Awraq Lubnaniya. 1960. 358 p.
9. al-Khoury B. Haqaiq lubnaniya, min 21 min aylul 1943 ilya 31 min kanun al-awwal 1946, al-juz ath-thani [Lebanese truths, from 21 September 1943 to 31 December 1946, vol. 2 (In Arabic)]. Beirut: Awraq Lubnaniya. 1960. 363 p.
10. La population du Liban [The population of Lebanon (In French)]. // Correspondance d'Orient: revue économique, politique & littéraire. January 1933. 46 p.
11. Moosa M. The Maronites in history. New York: Syracuse University Press. 1986. 391 p.
12. Salibi K.S. A house of many mansions: the history of Lebanon reconsidered. London: I.B. Tauris, 1988. 220 p.
13. Salibi K.S. The modern history of Lebanon. London: Weidenfeld & Nicolson. 1965. 227 p.
14. The Lebanese Constitution. // Arab Law Quarterly. 1997. Vol. 12, no. 2. Pp. 224-261.
15. Traboulsi F. Tarikh lubnan al-hadith min al-imara ilya ittifaq at-taif [A history of modern Lebanon from the Imarah to the Taef Accords (In Arabic)]. Beirut: Riyad el-Rayyes books. 2008. 451 p.
16. Zamir M. Emile Eddé and the territorial integrity of Lebanon. // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14. no. 2. Pp. 232-235.
17. Zisser E. The downfall of the Khuri administration: a dubious revolution. // Middle Eastern Studies. 1994. Vol. 30. no. 3. Pp. 486-511.
18. Zisser E. The Maronites, Lebanon and the State of Israel: early contacts. // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31. no. 4. Pp. 889-918.

Об авторе:

Мария Юрьевна Нижник – студентка Кафедры современного Востока, Факультет истории, политологии и права, Историко-архивный институт, РГГУ. Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: maria.nizhnik@gmail.com

The Maronites Of Lebanon Under President Bechara Al-Khoury (1943-1952)

M.I. Nizhnik
Russian State University for the Humanities

Abstract: *With President Bechara al-Khoury, a new chapter in Lebanese history began. Nevertheless, a sovereign and independent Lebanon with the President who had previously headed the Constitutional Bloc and enjoyed support of the majority of the Maronites, did not become the kind of state that Maronite leaders wanted to have. It soon became apparent that their expectations for the new regime had not been met. One of the main causes of the dissatisfaction was the policy of the President. B. al-Khoury*

abandoned the principles of legality and constitutional supremacy that he had been guided by under the French Mandate for Lebanon (although these principles had formed the basis of his Constitutional Bloc). These principles were used by him as an effective tool for the struggle against French authorities and were no longer required after 1943. The Lebanese Maronite community was sensitive to such kind of changes in the policy of the President. While under the French Mandate B. al-Khoury was perceived as a national leader able to build a new state founded on Christian-Muslim cooperation, after 1943 these hopes were lost. Al-Khoury even attempted to put his main allies, the Sunnis, under his control to strengthen the powers of the President. The Maronite political and spiritual leaders, nonetheless, continued to keep their partnership with Muslims but it was turned against B. al-Khoury himself. Still the period of Bechara al-Khoury was a most important stage in formation of the Lebanese State. The article describes political and spiritual leaders of the Lebanese Maronites in 1943–1952, their political views on future of Lebanon. It also analyzes the reasons for the emergence of opposition, its composition, demands and influence.

Key words: *Lebanon, Bechara al-Khoury, Camille Chamoun, Emile Edde, Maronites, Christians, confessionalism, Constitutional Bloc, National Bloc, Kataeb Party, National Pact.*

About the author:

Maria Yu. Nizhnik – Student of Department of Modern East, Division for History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, RSUH. Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6.

E-mail: maria.nizhnik@gmail.com

Курды против властей в Ираке: особенности национального движения в 1960-е годы

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН
Институт Африки РАН

В статье дан краткий обзор основных событий и факторов, влиявших на первый этап курдского национального движения в Ираке (1960-е годы). Достижение курдами прав на автономию в 1990-х годах не было бы возможно без национально-освободительной борьбы, которая развернулась уже после свержения монархии в 1958 г. Понимая популярность Демократической партии Курдистана, новые власти резко сменили политический курс на дискриминацию курдов, усматривая в них угрозу своей власти. В результате началось Сентябрьское восстание¹, первый этап которого пришёлся на 1961–1970 гг. Бастующие требовали достижения равноправия между меньшинствами и арабами, проведения социально-экономических реформ, предоставления автономии Иракскому Курдистану. И хотя центральная власть в ответ применила различные рычаги воздействия, восстание курдов увенчалось относительным успехом – в марте 1970 г. было подписано «Мартовское соглашение», которое, пусть даже и не выполненное сторонами, открыло новую страницу в истории курдского вопроса. Сентябрьское восстание стало катализатором роста национального самосознания курдов, легло в основу всех дальнейших организационных форм борьбы и сыграло ключевую роль в истории современного Ирака. Можно сказать, что именно первый его этап заложил фундамент современного курдского государственного образования на севере страны.

Ключевые слова: курдский вопрос, Мустафа Барзани, Абдель-Керим Касем, Свободный Курдистан, Сентябрьское восстание.

В современной истории Ближнего Востока есть несколько ключевых затяжных конфликтов национального характера. Среди них курдский вопрос занимает особое место.

В основе самой проблемы лежит борьба за право национального самоопределения и признание национальной идентичности курдского народа, которая усугубляется внутренними разногласиями и позициями как региональных, так и мировых игроков. Курдский вопрос необходимо рассматривать в различных его аспектах, в том числе и в контексте участия внерегиональных акторов в данном комплексе проблем.

Территория проживания курдов является важным геополитическим ядром, где столкнулись и смешались социокультурные и политические противоречия, имеющие как исторические, так и современные причины. На этом пространстве, которое находится между соперничающими региональными и мировыми центрами, не зародилось ни государства, ни сплочённого объединения, и тот факт, что курды на протяжении своей долгой истории входили в состав то одного, то другого

¹ Так принято называть один из важнейших этапов борьбы курдов за национальные права и автономию Иракского Курдистана, который начался с восстания 11 сентября 1961 г. и продолжался до 1975 г.

государства-соседа и подчинялись их политическим и стратегическим интересам, придаёт остроту проблеме.

В наши дни проблема создания национального государства Курдистан остаётся одной из самых неразрешимых задач в регионе, в котором сложился комплекс острейших проблем; и без её решения современный мир – особенно сами ближневосточные государства – будет постоянно находиться под угрозой различного вида конфликтов.

История возникновения курдского вопроса

За последние столетия курдский вопрос претерпел ряд существенных изменений. Первопричиной его появления на исторической сцене стала освободительная борьба курдов, разделённых с начала XVI в. между Османской империей и Сефевидским Ираном и населявших ряд сопредельных феодальных княжеств по обе стороны границы. Единого понимания курдской нации ещё не было: племенные элиты лишь надеялись освободиться от налогового гнёта двух империй и получить независимость от них [7].

Роль Курдистана как важного геополитического региона и роль курдской проблемы как важного фактора геополитики возросла в начале XIX в. с появлением на международной арене так называемого Восточного вопроса, то есть совокупности политик, идей и мероприятий, в рамках которых протекало противоборство ведущих держав Европы за укрепление позиций на Ближнем и Среднем Востоке. В этот период западный и южный Курдистан формально принадлежали Османской империи, но фактически к этому моменту центральная турецкая власть здесь уже не признавалась [8, с. 210]. На фоне кризиса и ослабления могущества Османской империи активизировалась национальная борьба курдов. Эту борьбу возглавляла курдская племенная верхушка, которая не хотела делиться властью с османскими правителями.

Начало XX в. ознаменовалось зарождением курдского национализма и, как следствие, ростом курдского национального движения, который затронул внутреннюю ситуацию на всей исторической области Курдистана. Ключевой целью этого движения была консолидация разобщённых курдских территорий для формирования единого государства. Данный фактор предопределил ключевую идею, которая доминировала в курдском национальном движении в последующие годы [9, с.12].

В первой половине XX в., на фоне падения Османской империи и раздела Курдистана после двух мировых войн теперь уже между четырьмя странами, начали складываться основные принципы национализма и национально-освободительной борьбы курдов.

Курдское национально-освободительное движение в Ираке

После Второй мировой войны в ближневосточном регионе активно начала развиваться идея арабского национализма. Данная тенденция была связана с обострением арабо-израильского конфликта и борьбой ряда арабских стран за национальное освобождение. Это вызвало обратную реакцию в некоторых странах, где компактно проживают курды, которые видели в арабском национализме угрозу своей идентичности. К этому моменту курдское движение в Ираке приобрело организованный характер [12, р. 15].

Борьба курдов за свои национальные права обострилась после свержения монархии. В связи с этим в Ираке вспыхнуло наиболее продолжительное в прошлом

столетии курдское восстание (с 1961 по 1975 г.), а сам по себе курдский вопрос впервые в истории приобрёл такое большое международное значение.

К середине 1950-х годов курды заняли важное место среди тех сил Ирака, которые боролись за освобождение страны от британского присутствия [2, с. 114]. В 1958 г. армейские офицеры во главе с Абдель-Керим Касемом совершили вооружённый переворот, приведший к свержению монархического режима и установлению республиканского строя. Они считали, что монархия тормозит ликвидацию британского засилья, а также модернизацию и реформирование страны. Курды принимали непосредственное участие в военном перевороте, приветствовали его итоги и выступали за демократизацию политического устройства Ирака. Курдские элиты требовали от новых властей предоставить им территории для создания Курдского автономного образования – на принципе всеобщего равенства курдов, а не на племенной или клановой основе [1, с. 209].

Падение монархии и установление республиканского строя на короткий период предоставляло равные права всем этносам, проживающим в Ираке. Позитивные сдвиги давали курдам надежды на дальнейшее развитие и укрепление их свобод на фоне начала процесса автономизации. После длительной эмиграции в Ирак вернулся Мустафа Барзани, один из лидеров национально-освободительного курдского движения, и стал вице-президентом новой республики. Этот жест сыграл положительную роль в укреплении межнационального единства [10, с. 344].

Сформированная в 1946 г. путём слияния нескольких старейших курдских организаций Демократическая партия Курдистана (ДПК), одна из наиболее влиятельных курдских военно-политических организаций, на начальном этапе благосклонно относилась к новому иракскому режиму, который также выражал симпатию к ней. В связи с этим правительство Ирака приняло закон, который разрешает деятельность партий и организаций. Это дало ДПК большую свободу действий: в этом же году партия была легализована, а её председателем был избран Мустафа Барзани [5, с. 183]. ДПК стала одной из ведущих политических сил в Ираке. Особое положение она заняла в Иракском Курдистане.

Кроме того, Абдель-Керим Касем для укрепления единства страны сделал ещё ряд уступок: включил во временную конституцию статью, провозглашавшую Ирак общим государством арабов и курдов (ст. 3), а некоторых курдских политиков ввёл в правительство страны. В свою очередь, ДПК на фоне дружественных отношений с официальным Багдадом поднимала вопрос о предоставлении Курдистану автономии. К тому же программа партии предусматривала проведение аграрной реформы, национализацию крупных промышленных предприятий, увеличение доли доходов от импорта нефти и использование части этих средств для развития Курдистана [3, с. 25]. Руководство ДПК и других курдских организаций видело, что отношение официальных властей Ирака к национальным меньшинствам стремительно меняется в лучшую сторону. Так, права курдов и других национальных меньшинств в политической сфере были окончательно признаны равными с правами арабов.

Прогрессивный политический курс, которому следовало руководство страны, находил положительный отклик у разнообразных сил на политической арене Ирака. Они позитивно оценивали промежуточные результаты деятельности и намеченные реформы, требовали от руководства подходить решительно и последовательно к реализации намеченных реформ.

В конце концов, такое постоянное давление вызвало со стороны правительства Касема непонимание: власти усмотрели в этом угрозу установившемуся военному режиму [4, с. 119]. Уже к 1960 г. всё более отчётливо выявлялась декларативность провозглашённых ранее идей равенства арабов и

курдов, и в политике Касема произошёл поворот в сторону сил правого арабского национализма; причём ни одно из последующих правительств не пыталось сменить общую политическую направленность и вернуться к демократизации страны с опорой на курдов. С конца 1960 г. начинаются открытые гонения на любые проявления курдского национализма. Под запрет попало употребление курдского языка на радио и в печати. В иракских СМИ была запущена антикурдская кампания – серия нападок на лидеров меньшинства, которых обвиняли в сепаратизме и в связях с внешними силами. Если ранее в речах Абдель-Керима Касема прослеживалась риторика такого рода, что арабо-курдское единство – основа нового режима и иракской государственности, то теперь резкий поворот Багдада в сторону арабского национализма и шовинизма вызвал серьёзную напряженность между арабами и курдами. Так, в декабре 1960 г., спасаясь от репрессий, лидеры ДПК покинули столицу и нашли убежище в горах Иракского Курдистана. Открытое противостояние в политической сфере побудило руководство партии активизировать свою деятельность, что стало причиной Сентябрьского восстания, которое с перерывами длилось 15 лет.

Сентябрьское восстание

Демократическая партия Курдистана легально опиралась на факт признания властями Ирака существования курдских национальных прав, закреплённый в Основном законе страны, и использовала это положение как юридическую основу для требования учитывать мнения и позиции курдского меньшинства в политике иракского руководства. Однако уже стало ясно, что надежды на осуществление национальных прав курдов демократическим путём в ближайшей перспективе далеки от реальности. Общий антидемократический авторитарный курс иракских правительств последующих лет наиболее наглядно проявился в их политике по отношению к курдам: власти, безусловно, видели большую проблему в экономической и культурной «неразвитости», социальной «отсталости» и нищете региона, однако в качестве единственного способа решения проблемы рассматривали силу. В итоге курды были вынуждены отстаивать свои права методами вооружённой борьбы [11, с. 10]. Центральная власть в ответ также применила различные рычаги воздействия от финансово-экономических и информационно-пропагандистских до силовых.

С началом вооружённой борьбы курды взяли под контроль всю горную часть Иракского Курдистана с населением 1 млн 200 тыс. человек, которая получила название «Свободного Курдистана», и выдвинули требование о предоставлении им автономии в рамках иракского единства. Официальным лозунгом восставших стал слоган: «Демократия Ираку – автономия Курдистану!». Концепт автономии в их понимании предполагал широкие свободы в выработке внутреннего политического курса развития Курдистана, включая вопросы экономического и культурного характера, в том числе право на использование курдского языка в ряде сфер – в делопроизводстве, судопроизводстве, школьном и университетском образовании. В рамках автономии предполагалось создание административной единицы, которая бы пользовалась свободой в решении вопросов местного управления, экономического развития и просвещения.

Роль политической власти в «Свободном Курдистане» первоначально играли органы ДПК, в 1964 г. на их основе были созданы «Совет революционного командования Курдистана» (парламент) и «Исполнительный совет» (правительство) [14, с. 120]. Курды требовали отчисления соответствующей доли доходов от нефти на цели развития Курдистана. Понятие автономии конкретизировалось по мере развития курдского национального движения в последующие годы, но требование

предоставления курдам национальной автономии в рамках иракского единства стало основным при всех контактах руководства курдского движения с правительством.

Укрепившаяся у власти в Ираке в 1968 г. партия «Баас» получила страну, переживающую системный кризис, одной из составляющих которого было продолжение военной кампании против курдов². Баасисты избрали двойственный курс по отношению курдской проблеме. С одной стороны, они стремились укрепить свои властные позиции и пошли навстречу ряду требований. С другой стороны, эти позитивные сдвиги были омрачены военными действиями, которые баасисты по-прежнему вели против войск ДПК. Также они организовывали наступательные операции и карательные акции против гражданского населения. Впрочем, достичь успеха иракским войскам не удалось: в 1969 г. они потерпели ряд поражений от курдов. Эти события обострили политическую обстановку в Ираке, подрывая позиции и авторитет «Баас». Им требовалось достичь компромисса, срочно установить мир и стабильность в стране, и единственным способом реализации этих планов могло быть лишь прекращение войны с Курдистаном [11, с. 12].

Курдистану также был важен мир: многолетние военные действия крайне пагубно сказались на экономике, финансовом положении, социально-инфраструктурных объектах курдских районов; для восстановления сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры требовалось некоторое время мира и отсутствия конфликтов.

Среди проблем, с которыми столкнулись курды, оказалась фрагментация их элит: единое национальное движение так и не возникло даже в масштабах Ирака (не говоря о едином национальном движении курдов во всех странах их проживания, на которое рассчитывала Демократическая партия Курдистана). ДПК и её бессменный (в 1946–1958 гг. заочно, в 1958–1975 гг. реально) руководитель Мустафа Барзани, несмотря на политический вес, авторитет, с которым были вынуждены считаться даже власти Багдада, был не единственным лидером Иракского Курдистана. Наиболее существенными из причин провала консолидации всех курдов в рамках единого движения были традиционность элит и модернизация городов.

Что касается элит, в силу медленных темпов трансформации курдского общества они сохранили не только своё весомое место, но и ряд качеств – племенные амбиции, сепаратистские настроения, беспринципность в выборе союзников и соперников в угоду сиюминутным требованиям. Модернизация городов, как и всего Ирака (особенно проявилась после 1958 г.), вела к формированию новых социально-культурных и экономических отношений, новых общественных структур, и на фоне этих процессов не могла не оказаться дифференцированной сама политическая жизнь. Появились новые лидеры и группировки, отвечавшие интересам новых структур. Уже в 1964 г. от ДПК отделилась группировка «Джалала Талабани», вставшая на путь вооружённого сопротивления с Мустафой Барзани, а к концу 1960-х годов фрагментация революционного руководства стала ещё более явной.

И всё же к 1970 г. эти проблемы не помешали уставшим от войны курдам и нуждающимся в мире иракцам сесть за стол переговоров в поисках взаимного

² Ранее Партия арабского социалистического возрождения («Баас») приходила к власти в 1963 г., но совсем ненадолго. Неудача Касема в ряде сфер, в том числе и в решении курдского вопроса, вызвала военный переворот. Барзани к тому времени договорился с баасистами об автономии Курдистана и в 1963 г. поддержал их правительство, однако вместо автономии Багдад предложил тогда незначительную децентрализацию страны. План был отвергнут курдами как неприемлемый, и отношения с баасистами прекратились (хотя в то время по инициативе Багдада ненадолго прекращались боевые действия).

сближения для решения сложившихся проблем. Хотя подписанное 11 марта 1970 г. соглашение, получившее название «Мартовского договора», гарантировало «право курдов на самоопределение», конкретные формы осуществления автономии должен был определить закон, который необходимо было, по взаимному соглашению, выработать в ближайшие четыре года [13, р.120]. 11 марта 1974 г., действительно, был принят закон № 33 «О предоставлении автономии курдскому народу». В соответствии с ним, автономия предоставлялась тем провинциям-мухафазам, где численность курдов составляла свыше 50% от всего населения. Таким образом, в Курдскую автономию вошли мухафазы Сулеймания, Дохук и Эрбиль, причём последний стал административным центром Курдистана [6, с. 391]. Кроме того, представители ДПК получили официальное признание, министерские посты в Багдаде и посты губернаторов в курдских провинциях.

К сожалению, вооружённые столкновения между различными курдскими силами, как и между курдами и Багдадом, на этом не прекратились. В курдской среде тесно переплетены борьба за политическую власть, за контроль над экономическими ресурсами, групповое соперничество, стремление сохранить преобладающее влияние на какую-то определённую часть населения, личные амбиции и многое другое. Влияние традиционных структур с их привязанностью к личным клановым стремлениям и амбициям определяло теперь борьбу между Барзани, Талабани и другими крупными кланами, которые, в зависимости от условий, примыкали то к одному роду, то к другому. В какой-то степени межклановая борьба в курдском движении продемонстрировала политическую культуру курдов, на которую по-прежнему оказывают огромное влияние традиционные элементы.

* * *

Силовые методы, преобладавшие в подходе Багдада к курдской проблеме, сменялись временными передышками, диалогом между правительством Ирака и курдским руководством. При этом на переговоры власти страны, как правило, шли по тактическим, конъюнктурным соображениям, вовсе не ставя задачу сближения позиций сторон, достижения приемлемого и для Багдада, и для курдов компромисса. И всё же закон 1974 г. был большой уступкой со стороны арабов. Хотя впоследствии документ не оправдал надежд курдских элит, что привело к очередному восстанию, он стал важной вехой, открывшей новую страницу в истории борьбы курдского народа за свои права. Несмотря на несущественные результаты «Мартовских соглашений», значение Сентябрьского восстания очень велико для курдской истории. Во-первых, оно повысило уровень национального самосознания иракских курдов; во-вторых, революционное настроение изменило методы ведения борьбы за свои права; в-третьих, – заложило важный элемент в фундамент современной курдской системы управления, которая функционирует в Иракском Курдистане.

Список литературы:

1. Алаев Л.Б., Белокриницкий В.Я., Воскресенский А.Д. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М.: Аспект-Пресс. 2008. 512 с.
2. Андреев А., Шумов С. Ирак: история, народ, культура. Документальное историческое исследование. М.: Монолит-Евролинц-Традиция. 2002. 232 с.
3. Демченко П. Иракский Курдистан в огне. М.: Государственное издательство политической литературы. 1963. 63 с.
4. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН. 2013. 240 с.

5. Загорнова Е.В. Этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий. // Ближний Восток и современность. Вып. 26. М.: Институт Ближнего Востока. 2005. Сс. 183-194.
6. История Курдистана. Под ред. М.С. Лазарева, Ш.Х. Мгои. М.: Институт востоковедения РАН. 1999. 519 с.
7. Лазарев М.С. Курды и курдский вопрос. [Электронный ресурс] URL: <https://cihanekurdistan.livejournal.com/709.html> (accessed: 20.10.2018)
8. Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос 1923–1945. М.: Восточная литература РАН. 2005. 310 с.
9. Мгои Ш.Х. Курдский фактор (Современное состояние и перспективы). // Материалы круглого стола «Курдский вопрос на рубеже тысячелетий». М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. 2004. Сс. 12-24.
10. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета. 2012. 413 с.
11. Степанова Н. Курдская проблема в Ираке. // Аналитические записки (МГИМО). Август 2005. Вып. 10 (12). 31 с.
12. Dann U. Iraq under Qassem: a political history, 1958–1963. New York: Praeger. 1969. 405 p.
13. Harris G.S. Ethnic conflict and the Kurds. // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Sage Publications. 1977. Pp. 112-124.
14. McDowall D. Modern history of the Kurds. London: IB Tauris. 2003. 536 p.

Об авторе:

Ибрагим Эминович Ибрагимов – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23; аспирант Институт Африки РАН. Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: ibragim07_93@mail.ru

The Kurds Against Iraqi Governments: The National Movement In 1960s

I.E. Ibragimov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS
Institute for African Studies RAS

Abstract: *The article gives a brief overview of the major events and factors that influenced the first phase of the Kurdish national movement in Iraq (the 1960s). The achieving of Kurdish rights for autonomy in the 1990s could not be possible without the national liberation struggle which took place after the overthrow of the monarchy in 1958. Realizing the popularity of the Democratic Party of Kurdistan, the new government sharply changed policies to discrimination of the Kurds, considering them as a threat. As a result, the First Kurdish-Iraqi War started, the first phase of which took place in 1961–1970. The Kurds demanded equality for minorities, socio-economic reforms, an autonomy to Iraqi Kurdistan. Although the central government responded with a pressure, the Kurdish uprising culminated in relative success – in March 1970, there was signed the «Iraqi-Kurdish Autonomy Agreement of 1970» («1970 Peace Accord»). Though not implemented by the sides, it opened a new page in the history of the Kurds. The First Kurdish-Iraqi War was the catalyst for the growth of national self-consciousness of the Kurds, it became the*

basis for all further organizational forms of struggle and played a key role in the history of modern Iraq.

Key words: *Kurdish problem, Mustafa Barzani, Abd al-Karīm Qāsim, Free Kurdistan, the First Kurdish-Iraqi War.*

About the author:

Ibragim E. Ibragimov – Junior Researcher at IMEMO RAS. Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya street, 23. Postgraduate Student at IAS RAS. Russia, 123001, Moscow, Spiridonovka street, 30/1.

E-mail: ibragim07_93@mail.ru

Проблема белуджей в Исламской Республике Иран: от истории к современности

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН

Статья посвящена анализу проблемы белуджей в Исламской Республике Иран в этно-национальном, религиозном и политическом аспектах. Рассматривается история и современное состояние белуджского вопроса, его национальное и региональное измерения. На национальном уровне проблема сводится к конфликту между белуджским меньшинством и центральным правительством, а на региональном – к сохранению на пространстве так называемого «Большого Белуджистана» феномена транснациональной преступности, наркоторговли и терроризма, а также возрождению в среде некоторых белуджских активистов надежд на создание независимого Белуджистана. Работа состоит из двух частей, каждая из которых выявляет мотивы и описывает основные стратегии сторон конфликта. Так, в первой части предлагается общая характеристика белуджского этноса; рассматривается юридическое и фактическое положение белуджей в Иране, феномен их политического активизма с характерной для него многослойностью; также в общих чертах описывается борьба белуджей за свои права и политика властей ИРИ, направленная на решение «белуджского вопроса» преимущественно силовым способом. В свою очередь, вторая часть более подробно описывает новый, отчасти инновационный подход правительства Ирана к решению проблемы. Подход начал внедряться с начала XXI в. и уже дал некоторые положительные результаты.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Западный Белуджистан, проблема белуджей, белуджский активизм, национальная политика.

В условиях повышения степени неоднородности международной системы и актуализации тенденции к регионализации белуджская проблема обладает значительным потенциалом эскалации. Белуджи – разделённый народ, проживающий, главным образом, на территории современных Пакистана, Ирана и Афганистана, где его представители имеют статус национального меньшинства и вынуждены сталкиваться с рядом ограничений. Стремление к преодолению подобных ограничений побуждает белуджских активистов к отстаиванию своих национальных прав. При этом понимание упомянутых прав белуджами и их лидерами предполагает широкий спектр мнений – от требований улучшения уровня жизни и уважения их этнокультурного своеобразия до стремления к самоопределению и образованию свободного независимого Белуджистана, проект которого был выдвинут белуджскими националистами ещё во второй половине XX в. В современных геополитических условиях даже само существование такого проекта является вызовом существующей региональной конфигурации и неизбежно приводит к конфликту активного белуджского меньшинства с центральными правительствами. В свою очередь, движение белуджских активистов никогда не было монолитным, оно условно представлено несколькими группами организаций. Среди них наиболее активны организации диаспоры (преимущественно светские), деятельность которых сводится, главным образом, к пробелуджской пропаганде и привлечению внимания мировой общественности к многочисленным нарушениям

прав человека в Белуджистане путём мирных демонстраций или посредством СМИ, а также националистические организации белуджей Ирана и Пакистана, принимающие непосредственное участие в национально-освободительной борьбе методом протестов, террористических акций.

В Исламской Республике Иран проблема белуджей, имеющая внутреннее и внешнее измерение, традиционно и отнюдь не безосновательно рассматривалась как потенциальная угроза внутренней стабильности и территориальной целостности страны. По сравнению с остальными регионами ИРИ белуджские территории являются наименее экономически развитыми, что в совокупности с не самой благоприятной социальной обстановкой приводит к повышению их протестного потенциала и создаёт благоприятные для внешнего вмешательства условия. Правительство Исламской Республики вынуждено не только противостоять таким вызовам, как терроризм, контрабанда наркотиков, оружия и топлива, исходящим с территории «Большого Белуджистана», но и принимать меры по предупреждению дестабилизации в Иранском Белуджистане. Процессы, протекавшие в белуджских ареалах ИРИ, так или иначе всегда включались в общерегиональные – активизация в «Большом Белуджистане», как правило, встречала поддержку белуджей на территории Ирана, и наоборот. И если до исламской революции в основе движения белуджских активистов ИРИ лежали идеи национализма, то после в нём ярко проявился ещё и религиозный фактор. Движение распалось на светские (вскоре оказавшиеся в эмиграции) и религиозные силы. Акцент в риторике активистов, оставшихся на территории Исламской Республики, сместился на принадлежность большинства иранских белуджей к суннитской ветви ислама. Так, в современном Иране «конфликт» белуджского меньшинства с центральным правительством имеет не только этническую (как в Пакистане и Афганистане), но и религиозную природу. Долгое время иранское руководство пыталось действовать исключительно силовыми методами, которые не раз доказывали свою эффективность, однако не решали всех проблем. В этой связи с начала XXI в. в политику властей ИРИ стали внедряться элементы «эффективного управления», которые были направлены на содействие развитию депрессивных провинций, населённых меньшинствами, среди которых оказалась провинция Систан и Белуджистан.

Несмотря на то что вопросам национальной политики ИРИ и различных этнических движений (в первую очередь курдскому), посвящены многие зарубежные и отечественные работы, проблеме белуджей в Исламской Республике Иран уделяется значительно меньше внимания. Вопрос чаще рассматривается в рамках научных трудов, посвящённых белуджам и Белуджистану в общем, главные из которых написаны авторами белуджского происхождения (Дошоки [31], Хоссейнбор [33], Балуч [24], Боладаи [26], Дашти [30]). Однако если положение белуджей Пакистана является куда более популярной темой, то ситуация в Афганском Белуджистане по понятным причинам освещена минимально.

Российскими иранистами (Мамедовой Н. М.; Дунаевой Е.В.; Жигалиной О. И.; Каменево́й М. С.; Раванди-Фадаи Л. М.; Сажиным В. И.; Полищуком А. И.) белуджская проблема в Иране прямо или косвенно затрагивалась в контексте таких тем, как: социально-экономическое развитие ИРИ [9], этно-национальная и религиозная [8; 3; 4; 12; 13; 14], языковая и культурная политика [6], политика безопасности в ИРИ [15; 11]. И, конечно, в монографии М.Г. Пикулина «Белуджи» [10] (первая работа о белуджах, изданная в СССР в 1959 г.) несколько разделов посвящены непосредственно положению белуджей Западного (Иранского) Белуджистана.

Белуджское меньшинство: общая характеристика, особенности положения в ИРИ

Белуджи – этнос иранского происхождения, численность которого, по различным оценкам, составляет от 10 до 20 млн человек [17, сс. 19-20], а представители в настоящее время расселены в ирано-пакистанской приграничной зоне и соседних с ней районах Афганистана. Национальный язык белуджей – «балочи», принадлежит к северо-западной группе иранских языков индоевропейской языковой семьи [22]. По вероисповеданию большинство придерживается суннитского направления ислама, однако встречаются и немногочисленные последователи шиизма. Исторически белуджи принадлежат к традиционной кочевой культуре и обладают развитым племенным делением. Белуджские племена расселялись внутри исторической области Белуджистан, расположенной на юго-востоке Иранского нагорья, между иранской провинцией Керман на западе и рекой Инд на востоке, вдоль побережья Аравийского моря. Большая часть территорий представляет собой пустынно-равнинную местность с небольшим числом рек и засушливым, неблагоприятным для человека климатом, пересечённую в различных направлениях в основном безлесными горными хребтами.

Белуджистан делится на Западный (иранский – с белуджским населением около 3 млн человек), Восточный (пакистанский – около 8 млн человек) и Центральный (афганский – около 600 тыс. человек) [28]. Административно он разделён на провинции, входящие в состав сопредельных государств: Систан и Белуджистан (Иран); Кандагар, Гильменд (Афганистан) и Белуджистан (Пакистан). Кроме того, средние и небольшие по численности общины белуджей проживают в Омане, ОАЭ и других странах Персидского залива [см. подробнее 36], также в нескольких деревнях Марыйского оазиса в Туркменистане и в совсем небольшом количестве – в ряде стран Запада.

Как народ белуджи известны с глубокой древности, об их происхождении существует несколько версий: ряд авторов придерживается мнения, что они происходят от арабов, другие приписывают им туркменское происхождение, третьи считают их потомками индийских раджпутов и т. д. [10, с. 17]. Но всё же наиболее научно обоснованная и распространённая среди всех – версия, что белуджи являются выходцами из северных районов Ирана (экспансия белуджских племён началась в период VII–VIII вв., предположительно, с северо-запада из прикаспийского региона). Западный (иранский) Белуджистан официально вошел в состав Каджарской империи в 1871–1873 гг.¹ и с тех пор, несмотря на многочисленные попытки восстаний против центрального правительства, находился в составе сначала Персии, затем (с 1935 г.) Ирана и с 1979 г. – Исламской Республики Иран, в то время как главам племён Восточного и Центрального Белуджистана на протяжении XX в. периодически удавалось добиться непродолжительной независимости. Эпизодические восстания белуджей в ИРИ, как правило, либо оканчивались ничем, либо провоцировали волны ответных мер со стороны центрального правительства, что, однако, никак не отменяло включённости Западного Белуджистана в общелелуджские и региональные процессы и

¹ Исторически «Западный Белуджистан» принадлежал к наименее контролируемой части иранской персидской периферии, в 1870-е годы начался процесс официального разделения белуджских территорий между Британией, Персией и Афганистаном. Тогда же началось медленное, но последовательное продвижение Ирана вглубь Белуджистана, что заставило Великобританию поспешить с демаркацией калато-иранской границы. Англичанами был поднят вопрос о закреплении границы между владениями зависимого от Великобритании хана Калата и Ираном. В 1871 г. комиссия под руководством английского генерала Ф. Голдсмита в общих чертах определила, а в 1872–1873 гг. демаркировала часть ирано-белуджистанской границы.

способствовало политической активизации иранских белуджей. При этом «проблемность» белуджского вопроса всегда была неразрывно связана с национальной политикой Иранского государства и являлась одной из составляющих «национального вопроса».

С принятием вскоре после исламской революции 1979 г. новой конституции в основу национальной политики легла концепция «общности мусульманской уммы» [см. подробнее 13, с. 172]. Согласно ст. 9 Конституции ИРИ, «свобода, независимость, единство и территориальная целостность страны неотделимы друг от друга», и никто ни при каких обстоятельствах (даже под предлогом свободы) «не имеет права нанести даже самый незначительный ущерб политической, культурной, экономической и военной независимости, а также территориальной целостности Ирана» [15, сс. 469-470 (ст. 9)]. В ст. 11 и 12 раскрывается идея «общности исламских народов». Постулируется, что все мусульмане ИРИ представляют собой единую умму, а правительство обязывается проводить политику, ориентированную на «союз исламских народов», должно прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира [15, с. 470 (ст. 11)].

При этом, несмотря на то что официальной религией провозглашается ислам джафаритского толка, признаются и другие течения и мазхабы ислама (в частности ханафитское, шафиитское, маликитское, ханбалитское и зейдитское), последователи которых «полностью свободны в выполнении религиозных обрядов в соответствии со своими религиозными нормами, могут заниматься религиозным воспитанием и образованием, решать гражданские и личные дела и на их основании обращаться в суд в любом месте, где последователи одного из этих исламских течений составляют большинство населения», а «местные правила и постановления устанавливаются советами на основе требований этих религиозных течений, но при соблюдении прав последователей других мусульманских течений» [15, с. 470 (ст. 12)].

Кроме того, в соответствии с конституцией, допускается свободное использование местных национальных языков в прессе и иных СМИ наряду с персидским, а также для преподавания национальных литератур в школах [15, с. 471 (ст. 15)]. Существует конституционный принцип «правление большинства и уважение к меньшинству», который буквально означает следующее: в обществе народовластия все в какой-то степени могут выражать собственные взгляды по поводу любой общественной сферы жизни. В данном случае предполагается, что из множества разных мнений и даже противоречий со временем должны появиться общие желания и стремления. Разумеется, нет другого пути, как принятие большинством голосов решений, подтверждающих общее желание. Однако, если политическая действительность рождает необходимость правления большинства, меньшинство не должно полностью устраняться с политической арены и становиться объектом насилия со стороны большинства.

Юридически признанные религиозные меньшинства свободны, но при условии, что они не станут нарушать принципы независимости, свободы, национального единства, исламских норм и основы² Исламской Республики [15, с. 472 (ст. 26)]. Вводится конституционный запрет на высылку с места жительства и запрещёние

² Имеются в виду концептуальные (отражённые в I главе Конституции ИРИ) основы Исламской Республики. Де-юре меньшинства могут не разделять идеалы «Просвещённого исламского правления»/концепцию «Велаят-е Факих»/принципы тоухидной экономики и т. д., но обязаны следовать Законам Исламской Республики, принятым в обществе моральным и поведенческим нормам, которые, как правило, если и не основаны на тех же принципах/концепциях/доктринах, то, по крайней мере, им не противоречат.

кому-либо селиться там, где он хочет, кроме случаев, предусмотренных законом [15, с. 473 (ст. 33)].

Увы, на практике вышеперечисленные конституционные принципы реализовывались (и продолжают реализовываться) не всегда. Актуализация этнонациональных проблем внутри современного иранского общества, по сути, свидетельствует о том, что проводимый правительством в течение более чем трёх десятилетий курс на консолидацию всех этносов в единую нацию не сумел решить проблемы многоэтнического сообщества, и в настоящее время этнонациональная политика выступает как наиболее уязвимая составляющая внутренней политики страны [3, с. 27]. Фактически новая конституция подменяла идею «национальной общины» религиозной, которая была бы ценна не только сама по себе, но и могла бы сглаживать социальные противоречия.

В современном Иране белуджи являются этническим большинством в провинции Систан и Белуджистан, однако компактно проживают также в провинциях Хорасан, Керман и Хормозган. При этом отдельные представители расселены по всей стране, что во многом объясняется естественным стремлением к поиску карьерных возможностей (особенно в условиях роста безработицы в ИРИ) и улучшению жизненных условий.

Остан Систан и Белуджистан считается одной из наименее экономически развитых провинций ИРИ. Так, в 2011 г. подушевой ВВП здесь составил всего 0.4% от общенационального уровня [8, с. 1513], а в 2014 г. – 0.2% [40]. Также провинция не совсем благополучна с точки зрения социально-демографических и экологических показателей. Средняя плотность населения в юго-восточных районах остана составляет всего 0.5–2.0 человека на 1 кв. км (наименьший показатель по стране: средняя плотность населения в ИРИ – около 32 человек на кв. км). Кроме того, практически безлюдны (заселены лишь в отдельных оазисах и на окраинах) районы, относящиеся к пустыне Даште-Лут [15, сс. 159-160]. Провинция в целом страдает от нехватки чистой воды, а отдельные города – от чрезмерной загрязнённости воздуха [32]. По данным официального центра статистики ИРИ (полученным на основании последней переписи населения, состоявшейся в 2016 г.), коэффициент урбанизации остана Систан и Белуджистан составляет всего 48.5%, что говорит о крайне слабом уровне урбанизации [37]. На 2016 г. большинство населения остана (58.5%) принадлежало к возрастной группе 14–65 лет, в то время как старше 65 лет – всего 3.2%; общий уровень грамотности в Систане и Белуджистане составил 76.03%, с явной диспропорцией между городским (грамотных 74.15%) и сельским (грамотных 48.23%) населением.

Многие из перечисленных проблем были характерны для провинции и ранее, а высокий уровень безработицы, недостаток воды, загрязнение воздуха, общая неравномерность социально-экономического развития отдельных районов имеют общестрановой уровень и, будучи усугубляемы проблемой санкций, явно не способствуют внутренней стабильности. Неудовлетворённость уровнем жизни, свойственная в последние годы большинству иранцев, в случае неперсидской периферии усугубляется сохранением здесь этнической и религиозной неоднородности, во-первых, и не всегда считающейся с данной неоднородностью национальной политикой, во-вторых. С этого ракурса «проблемность» белуджского вопроса обусловлена именно такой неудовлетворённостью, однако далеко не последнюю роль играют амбиции (порой чрезмерные) верхушки белуджской элиты и отдельных активистов.

Белуджский активизм: история и современность

Организованный этап белуджского сопротивления центральному правительству начался в 1950-е годы Первой «белуджской» организацией в Иране стал «Фронт освобождения Белуджистана» (ФОБ)³. Стратегия Фронта практически полностью строилась на вооружённой борьбе и активном поиске внешней поддержки. В 1960-х – начале 1970-х годов (до 1975 г.) деятельность ФОБ поддерживалась иракским баасистским режимом [21, сс. 86-87], что, в свою очередь, было ответом на вмешательство иранского правительства в дела Иракского Курдистана и поддержку местных курдских активистов. Большую роль сыграл пример политического и вооружённого сопротивления белуджей Пакистана. Кроме того, многие политические активисты, участвовавшие в «компании сопротивления» в Западном Белуджистане в это время, первоначально были беженцами из Восточного Белуджистана. Они переселялись на территорию Ирана и в Синд (одну из провинций Пакистана) и впоследствии становились частью уже иранских белуджских организаций. ФОБ был активен до 1975 г., после чего вынужденно свернул деятельность. Это было связано с: прекращением поддержки со стороны Ирака (в частности, в рамках Алжирского соглашения был урегулирован ирано-иракский территориальный спор); ужесточением репрессий, направленных против участников и сторонников Фронта, причём как на территории Западного Белуджистана, так и за его пределами; обострением личных и идеологических разногласий в среде внешних руководителей ФОБ. Кроме того, борьба за влияние внутри самого Фронта, развернувшаяся между вождями племен и активистами среднего ранга, поставила под вопрос перспективы выживания ФОБ в качестве ведущей организации сопротивления [30, сс. 58-61].

Несмотря на то, что поставленные цели «национального освобождения» посредством вооружённого сопротивления достигнуты не были, деятельность Фронта всё же способствовала принятию шахским режимом ряда политических и экономических мер, направленных на снижение градуса белуджского недовольства. В частности, были расширены полномочия племенных элит, в результате чего они стали охотнее взаимодействовать с режимом. Кроме того, в Белуджистане был запущен ряд экономических и социальных проектов, во многих деревнях открылись школы, а белуджским учащимся стали выдаваться государственные стипендии на получение высшего образования [30, сс. 61-62].

Единственной белуджской политической партией, связанной с национальной борьбой в период Пехлеви⁴, была партия «Национальное движение Белуджистана», основанная в 1971 г. Она отстаивала создание белуджской автономии в составе федеративного Ирана, однако ближе к концу 1970-х годов, подобно Фронту, утратила эффективность и оставалась неактивной до 1983 г., когда, через несколько лет после смены режима в Иране, была возрождена [25].

³ Историк белуджского происхождения Н. Дашти утверждает, что создание ФОБ было инициировано извне (сирийскими националистами) с целью поддержать белуджей как одну из оппозиционных прозападному шахскому режиму сил.

⁴ Период 1925–1979 гг. характеризовался в целом жёсткой политикой правительства в отношении национальных меньшинств. В это время руководство Ирана сталкивалось с сепаратизмом по всей неперсидской периферии. Основой политики стал национализм. В 1920–1930-х гг. шел процесс формирования «великоиранского шовинизма», который восходил к великоперсидскому и был направлен на предупреждение и подавление национально-освободительных движений периферийных этносов. Тогда же была сформулирована концепция «единой иранской нации», ставшая впоследствии (в период до исламской революции) одной из основ национальной политики Ирана. Концепция апеллировала к чувству национально-культурной исключительности иранцев, предполагала создание культуры монархии (в первую очередь лично шаха) и пропаганду «этнонациональной однородности» иранцев. Со временем она стала шире применяться во внутренней политике, приобрела ярко выраженную ассимиляторскую направленность и стала реализовываться в масштабах всей страны.

С конца 1970-х годов [19, сс. 177-178] собственные организации начала создавать образованная белуджская молодежь Ирана и Пакистана. В 1978–1979 гг. среди активистов часто звучали надежды на превращение Ирана в демократическое федеративное государство, в составе которого Западный Белуджистан имел бы статус автономии [1, с. 501]; популярной была идея о возникновении тогда объективно благоприятных условий для нового вооружённого выступления против персов, в результате которого белуджи могли бы занять более привилегированное положение в формирующейся политической системе⁵. Однако большинство всё же не питало иллюзий относительно готовности нового правительства пренебречь интересами территориальной целостности государства (как в конечном счёте и произошло).

После исламской революции белуджский активизм, наряду с чисто националистической, приобрел религиозную составляющую. Белуджские организации в своей деятельности стали прибегать к сочетанию политических и боевых методов. Многие (преимущественно светские лидеры и белуджские националисты) были вынуждены покинуть территорию Исламской Республики. При этом часть из тех, кто в 1980-е годы выехал в Пакистан, Афганистан или арабские страны, впоследствии эмигрировала в Европу и практически утратила связи с родиной [42, с.22]. Постепенно сформировалась националистически настроенная белуджская диаспора, видевшая основную задачу в сохранении своих политических партий и организаций. Вопрос о необходимости реформ и корректировке стратегий не ставился вплоть до 1990-х годов, после чего стали формироваться уже современные партии и союзы. Основные организации этого периода: «Джомбиш-е Мили-йе Балучистан» (Jombesh-e Mili-e Balochistan, «Национальное движение Белуджистана»); «Бам-е Истар» (Bam-e Istar, «Вершина сопротивления»); «Набард-е Балуч» (Nabard-e Baloch, «Организация борьбы белуджей»); «Сазман-е демократик мардом-е Балучистан» (Sazman-e democratic Murdom-e Balochistan, «Демократическая организация народа Белуджистана»); «Сазман-е Ингилаби-йе Рахкаргир» (Sazman-e Inqilabi-e Rahkargir, «Путь рабочего»).

Идейный и ценностный раскол в среде белуджских активистов в эмиграции предопределил распад «Национального движения Белуджистана». К началу 2000-х годов организацию покинула значительная часть её членов. В 2003 г. многие из них воссоединились и сформировали «Хизб-е Мардом-е Балучистан» (Hizb-e Murdom-e Balochistan, «Народная партия Белуджистана», она же – «Balochistan People's Party»). В то же время с целью координации деятельности разобщённых белуджских групп, партий и организаций был сформирован «Объединённый фронт Белуджистана». При его создании ставилась цель объединить все силы белуджских националистов в единое движение, и, даже несмотря на отказ «Народной партии Белуджистана» присоединиться к нему, это стало серьёзным шагом на пути к объединению всех белуджских политических организаций, действующих на Западе. В деятельности Фронта активное участие приняли такие известные в белуджских кругах деятели, как Хабибулла Малик, Абдул Дошаки, Гулам Реза Хоссейнбхор, Джамшид Амири, Азиз Дадияр, Анвар Дехвари, Нур Мухаммад Малики, Хассан Кемали и Нассер Мубараки. Однако Фронт функционировал недолго и в 2005 г. распался из-за внутренней борьбы за лидерство.

В настоящее время наиболее активными из ныне действующих «внешних» белуджских организаций являются: уже упомянутая «Народная партия Белуджистана» под руководством Нассера Боладаи и «Национальное движение Белуджистана» [25], представляемое Абдуллой Сияхои. Обе организации

⁵ Предполагалось отстаивание белуджами демократических ценностей, в первую очередь – расширения прав и политического представительства национальных меньшинств.

дистанцируются от насильственных методов борьбы, а их основная деятельность сводится к освещению многочисленных случаев несоблюдения прав человека в Белуджистане и пропаганде проблемы белуджей среди «западной аудитории» и в международных организациях. Так, благодаря усилиям «Народной партии», с 2005 г. Белуджистан является членом Организации наций и народов, не имеющих представительства (Unrepresented Nations and Peoples Organization, UNPO) [41]. Ещё одно направление деятельности белуджских организаций – тесное взаимодействие с националистическими организациями, группами и частными лицами Восточного Белуджистана, в первую очередь, с теми, работа которых также направлена на привлечение внимания к «белуджской проблеме», нарушениям прав человека в Белуджистане.

Кроме того, существуют и другие организации белуджской диаспоры, которые, однако, не особенно активны в последние годы. К ним относятся: «Джиб-е Мардом-е Балучистан» (Jibe Mardom Balochistan, «Народный фронт Белуджистана») под руководством Гулама Резы Хоссейнбора; «Джиб-е Муттахида Балучистан» (Jib-e Muttahida Balochistan, Объединённый фронт Белуджистана); «Джамхури Хуахан» (Jamhori Khuahan, Республиканская фракция) под руководством Джамшида Амири; «Джиб-е Муттахида Азадсази Балучистан» (Jib-e Muttahida Azadsazi Balochistan, Объединённый фронт освобождения Белуджистана) под руководством Абдула Дошаки; 4) «Джублиш-е мубаризин-е Балучистан» (Jublish-e Mubarizin-e Balochistan, «Движение бойцов Белуджистана») под руководством Мухаммад-хана Лашаари; 5) «Шеркат-е Мостафэл-е Балучистан» (Sherkat-e Mostafel-e Balochistan, «Компания за независимый Белуджистан») под руководством Мерхаба Сарджо; 6) «Итехад-е Мелли (Itehad-e Milli, «Усердие нации») под руководством сардара Наруи Шер Али [30, сс. 73-74].

Многие белуджские националисты не теряют надежд на то, что будут услышаны мировым сообществом: они активно организуют мирные митинги, флешмобы и компании поддержки «проекта Белуджистана» в социальных сетях. Долгое время основным источником таких надежд являлась «международная изоляция» ИРИ в связи с кризисом вокруг иранской ядерной программы (2003–2015 гг.). После заключения ядерной сделки в 2015 г. ожидания белуджского национально-освободительного движения значительно снизились. Белуджским националистам, поднимающим «вопрос о свободном Белуджистане», теперь остаётся апеллировать лишь к внутренним проблемам Исламской Республики и низким социально-экономическим показателям непосредственно в остане Систан и Белуджистан относительно остальной части страны [27, с. 1340]. Однако за годы кризиса вокруг иранской ядерной программы, разглядев в нём потенциальную возможность обратить на проблему белуджей внимание мирового сообщества, ранее разрозненные белуджские политические партии и организации всё же смогли сформировать некоторое подобие коалиции.

Религиозная составляющая белуджского активизма стала естественным ответом на победу и выдвижение на первые государственные позиции шиитского духовенства. В условиях отсутствия в стране прежних белуджских лидеров освободившаяся ниша оказалась занятой местными муллами. Религиозные силы белуджского сопротивления при этом, разумеется, осознавали общий светский характер национально-освободительной борьбы и добавили к лозунгу защиты религиозных прав белуджского меньшинства «защиту национальных прав». Кроме того, в отличие от «светских», они не требовали отделения Западного Белуджистана от ИРИ и предоставления независимости. Основные религиозные белуджские организации в период 1970–1990 гг.: «Хизб-е Иттехад аль-Муслимин» (Hezb-e Ittehad al-Muslemin, «Партия усердия мусульман»); «Шура-йе Мили-йе Ахле Сунна» (Shura-e

Mili-e Ahle Sunna, «Национальный совет истинной сунны»); «Вахдат-е Балуч» (Wahdat-e Baloch, «Белуджское единство»); «Фидайин-е Балуч» (Baloch Fedayin, «Белуджские федаины») [30, сс. 61-68].

На современном этапе выделение религиозной составляющей белуджского активизма по-прежнему справедливо. В 2003 г. под руководством Абдул-Малика Риги, белуджа по происхождению, была образована террористическая исламистская организация «Джундалла» [см. подробнее 38]. Её деятельность носила сепаратистский и вооружённый характер, о чём неоднократно заявляли иранские официальные лица [39; 35] и писали многие СМИ. В свою очередь, А. Риги во многих интервью называл себя иранцем, а также утверждал, что его основная цель – «улучшение качества жизни иранских белуджей» [20] и «борьба за соблюдение прав суннитского меньшинства в преимущественно шиитском Иране». Период с 2005 по 2010 г. – время наивысшей террористической активности «Джундаллы». В частности, были организованы и осуществлены следующие акции: атака на кортеж президента М. Ахмадинежада во время его визита в провинцию в декабре 2005 г., в результате которой был убит один из его телохранителей и ранены ещё несколько; террористические акты 2006, 2007, 2009, 2010 и 2012 гг. [17]. При этом сам А. Риги в феврале 2010 г. был арестован; ему было предъявлено обвинение в ведении войны против Исламской Республики, и 30 июня он был казнён [18]. Эта смерть нанесла сильный удар по позициям организации, однако «Джундалла» смогла оправиться. Группировка под руководством нового лидера Мухаммада Джахира Балуджа в настоящее время локализована в Пакистане. Новый лидер предпринял попытку избавиться от образа террористической организации. В основные лозунги был включён «белуджский национализм», название было изменено на «Джомбиш-е Эстегамат-е Мардом-е Иран» (Jombesh-e Estegamat-e Murdom-e Iran, «Движение народного сопротивления Ирана») [30, сс. 75-76].

Затем, в 2012 г., из «Джундаллы» выделились «Джаиш аль-Адль» (Jaish ul-Adl, «Армия справедливости») и «Харакят-е Ансар-е Иран» (Harakat-e Ansar-e Iran, «Движение партизан Ирана». И если «Харакят-е Ансар-е Иран», пик активности которой пришёлся на 2012–2013 гг. впоследствии объединилась с «Хизб аль-Фуркан» (Hizbul-Furqan, «Партия отбора») и сменила название на «Ансар аль-Фуркан» (Ansar Al-Furqan, «Партизаны отбора»), то «Джаиш аль-Адль» существует до сих пор в неизменном виде. За период 2012–2018 гг. было реализовано множество разовых террористических акций против сил безопасности ИРИ, неоднократно организовывались похищения и убийства иранских чиновников. Последний громкий теракт, ответственность за который взяла на себя «Армия справедливости», состоялся 13 февраля 2019 г.: смертник направил автомобиль, начинённый взрывчаткой, в автобус, на котором по дороге Хаш–Захедан ехали военнослужащие Корпуса Стражей Исламской революции (КСИР). В результате взрыва погиб 41 человек, среди жертв были как военнослужащие, так и мирные жители. При этом, как правило, вооружённые белуджские группировки, активные на территории ИРИ, взаимодействуют с группировками Восточного Белуджистана⁶, так как все основные базы локализованы на территории Пакистана [7].

Политика властей по решению «белуджского вопроса»

Феномен трансграничного белуджского активизма, разумеется, не означает вовлечённости в «освободительную борьбу» всех белуджей, проживающих на территории Ирана. Белуджские активисты при совершении преступлений против

⁶ Вроде «Сипах-е Сахабах» (Sipah-e-Sahabah, «Хранители сподвижников Пророка») и «Лашкар-е Джангви» (Lashkar-e-Jangvi, «Армия Джангви»).

Исламской Республики наказываются по всей строгости закона. Однако, вопреки растиражированному на Западе убеждению⁷, наказания (и особенно казни) не применяются без установленных законом оснований⁸.

Вооружённые группировки сосредоточены в основном в зоне пакистано-иранской и афгано-иранской границ, в связи с чем основные меры по предупреждению террористических атак и обеспечению безопасности принимаются именно там. Так, граница с Афганистаном является одной из наиболее укреплённых в ИРИ уже долгое время, с 2007 г. был запущен проект по возведению вдоль границы с Пакистаном железобетонной стены, а с 2010-х годов активно ведётся строительство сети фортификационных сооружений. Эта программа предполагает создание сотен километров рвов, многочисленных дозорных башен и пограничных укреплений. Для контроля над границей в настоящее время применяются беспилотные летательные аппараты, вертолёты иранской армии. Наряду с частями пограничной службы Исламской Республики задействованы сухопутные войска КСИР, что, несмотря на периодические успехи отдельных групп боевиков, всё же позволяет держать ситуацию под контролем. Правительство ИРИ также прилагает особые усилия к предотвращению преступлений и поддержанию стабильности в остане Систан и Белуджистан.

Ещё одной серьёзной проблемой провинции является контрабанда наркотиков, топлива и оружия [29]. Контрабанда уже на протяжении долгого времени, в условиях экономической отсталости этого региона, – один из традиционных способов заработка племён приграничных районов. Пользуясь знанием местности и обладая племенными связями на всём пространстве «Большого Белуджистана», они активно участвуют в процессах незаконной торговли. Путь трафика опиатов через «белуджские» территории является одним из основных и, несомненно, способствует криминализации иранских белуджей, вовлекаемых в него. С территории Афганистана наркотики перевозятся сначала в Пакистан (на территорию Восточного Белуджистана), оттуда – в Иран (через территории Западного Белуджистана), далее из Ирана попадают на Ближний Восток и в Северную Африку. При этом в ИРИ проблема наркотрафика проявляется двояко. С одной стороны, борьба с наркотиками – одно из важнейших положений иранской концепции национальной безопасности, и власти предпринимают серьёзные усилия на этом направлении⁹, а с другой, – Иран всё же демонстрирует очень высокий уровень потребления опиатов [2]. Масштабы незаконного ввоза на территорию Ирана оружия и экспорта нефтепродуктов не столь глобальны, однако также порождают усиление контроля в приграничных районах. В свою очередь, согласно данным UNPO с начала 2000-х годов, в городах Керман и Захедан с личной подачи рахбара Хаменеи были развернуты подразделения специальных сил «Mersad» [23]. В 2013 г. был сформирован специальный комитет по пресечению контрабанды топлива [5].

⁷ По статистике таких организаций, как Human Rights Watch и Amnesty International, провинция Систан и Белуджистан находится в числе ведущих по количеству зафиксированных нарушений прав человека.

⁸ Согласно ст. 12 уголовного кодекса ИРИ, существует всего пять видов наказаний: 1) нормированное наказание или «хадд»; 2) возмездие или «кисас»; 3) вира или «дийа»; 4) судебное взыскание или «тазир»; 5) сдерживающие меры. Наказания применяются в качестве мер пресечения в зависимости от вида совершённого преступления/преступлений.

⁹ Иранским законодательством предусмотрена смертная казнь за большую часть возможных преступлений, связанных с наркотиками (см. Закон «О борьбе с употреблением наркотиков» от 1988 г.). В 2007 г. в городе Захедан был учреждён специальный «суд безопасности», в ведении которого находятся исключительно дела участников вооружённых группировок и контрабандистов. Кроме того, ИРИ уже много лет удерживает мировое лидерство по объёму конфискуемых опиатов, однако их поток настолько велик, что предпринимаемых мер недостаточно (см. подробнее: [7]).

Кроме того, начиная с правительства Мохаммада Хатами, в провинции Систан и Белуджистан, как и в остальных «отстающих» провинциях, проводится целенаправленная политика по сокращению разрыва в общем развитии [8]. В частности, из бюджета выделяются целевые кредиты, а при Махмуде Ахмадинежаде (2005–2013 гг.) меджлис принял закон об отчислении 2% от нефтяных доходов для развития нефтедобывающих провинций и депрессивных районов, к которым относятся как раз территории проживания меньшинств [6]. Политика, направленная на общее преобразование Систана и Белуджистана, была продолжена администрацией Хасана Роухани. В частности, была продолжена практика выездных правительственных сессий, было увеличено финансирование провинции [13, с. 178]. В связи с ростом социально-политической нестабильности и экстремизма в регионе в 2016 г. личным указом рахбара страны Али Хаменеи из резервов Национального фонда развития было выделено и направлено в провинцию 0.5 млрд долл.; меджлис одобрил привлечение в Систан и Белуджистан 1.2 млрд долл. в виде иностранных инвестиций на реализацию пяти проектов [8]. Также власти Ирана проводят кампанию по развитию провинции Систан и Белуджистан, и, хотя в этом направлении делаются пока лишь первые шаги, за 2016–2017 гг. остан посетили около 700 тыс. иностранных туристов [16]. Быстрыми темпами развивается город-порт Чабахар [34], в настоящее время – свободная торговая зона, один из ключевых пунктов в рамках транспортного коридора «Север-Юг».

Основные подходы к решению «национального вопроса» в Исламской Республике Иран

Национальная политика ИРИ всегда определялась (и продолжает определяться) характерной для Ирана полиэтничностью и, по сути, уже более двух веков сводится к предотвращению сепаратистских тенденций и сохранению территориальной целостности страны. Курс «на консолидацию всех этносов в единую нацию» и частичное (а иногда и полное) игнорирование этнических особенностей населяющих ИРИ народов, избранный новым правительством после исламской революции 1978–1979 гг. и проводимый в течение уже четырёх десятилетий, так и не сумел до конца решить проблемы многоэтнического общества. Этнонациональная политика в настоящее время является одной из наиболее уязвимых составляющих внутренней политики Исламской Республики, о чём свидетельствует актуализация этносоциальных проблем внутри современного иранского общества. Так, для политики иранского руководства в отношении белуджского меньшинства, как и для национальной политики в целом, основным приоритетом всегда было обеспечение в стране безопасности, стабильности и гарантий устойчивости режима (так называемый силовой подход, он же – подход с точки зрения безопасности, «негах-е амнияти»). В соответствии с ним, ситуация в районах расселения этнических меньшинств оценивалась только с точки зрения безопасности ИРИ, хотя в то же время на территории страны была легализована деятельность неправительственных организаций по предотвращению национальной дискриминации. Во многом это было обусловлено повышенными опасениями вмешательства внешнего фактора.

Вступление Исламской Республики в XXI век ознаменовалось событиями, спровоцировавшими оживление этнического фактора и увеличение числа протестных и террористических акций на территориях этнических меньшинств не только в Иране, но и в регионе в целом. Непосредственно в Иране в это время активизировалась деятельность насаждавших сепаратистские настроения подпольных национальных партий и наблюдалось проникновение представителей внешних террористических группировок [3, с. 58]. При Махмуде Ахмадинежаде,

занимавшем пост президента в 2005–2013 гг., начали происходить изменения в национальной политике. В первые два года его президентства отмечалась «беспрецедентная после исламской революции активизация протестных акций меньшинств против имперских подходов к проблемам межэтнических отношений» [3, с. 62], естественной реакцией на которую стало подавление консервативным правительством любых оппозиционных настроений¹⁰. Акции правительства часто имели форму репрессий, под которые попадали не только представители запрещённых «национальных» партий, но и обычные деятели профессиональных и культурно-просветительских организаций, активно сотрудничавшие с администрацией Хатами и прореформаторскими партиями.

Всё это способствовало тому, что после 2007 г. в общественном сознании страны стало постепенно укрепляться понимание: вместо подхода к решению этнических проблем исключительно с точки зрения безопасности более предпочтителен подход, учитывающий культурное многообразие и многоэтничность иранского гражданского общества. Период после 2007 г. характеризуется общим повышением в ИРИ интереса к изучению местных культур и языков национальных меньшинств, которые всё-таки стали рассматриваться как составная часть общеиранской культуры; постепенно стали внедряться методы, характерные для подхода «эффективного управления».

Практически сразу после перехода президентских полномочий к администрации Х. Роухани была разработана специальная программа по национальному вопросу, предполагавшая: подготовку законодательства для полной реализации Конституции (в особенности ст. 3, 12, 15, 19, 22) и построение «государства надежды и благоразумия»; расширение участия общественности (вне зависимости от языковой и религиозной принадлежности) в управлении страной на всех уровнях; назначение компетентных представителей на местах на руководящие должности в местных и региональных органах власти; преподавание курдского, азербайджанского и арабского национальных языков в школах и университетах в исполнение ст. 15 Конституции; повышение уровня культуры и развитие литературы различных этнических групп Ирана с целью поддержания и сохранения древнего иранского культурного наследия; соблюдение прав представителей конфессиональных меньшинств, невмешательство в их религиозные дела; разработка долгосрочных и краткосрочных программ (культурных, экономических и социальных), в особенности в неблагополучных районах и приграничных провинциях, пострадавших от каких-либо стихийных бедствий¹¹; выделение компенсационного бюджета на развитие этих районов; устранение дискриминации во всех её формах и видах; изменение подхода к проблеме национальных меньшинств с «негах-е амнияи» («с точки зрения безопасности») на «эффективное научное управление» [12, сс. 272-273].

По своей сути данная программа представляла собой продолжение национальной политики администрации Хатами, но вновь, ввиду сопротивления консервативных сил, ни один из вышеперечисленных пунктов так и не был реализован в полной мере. Апеллируя к сложной ситуации в регионе и интересам безопасности, консервативный лагерь продолжает противодействовать любым попыткам либерализации общества и призывает к усилению позиций сил безопасности в районах расселения национальных меньшинств [3, с. 73].

¹⁰ Кроме того, активно стали развиваться национальные оппозиционные движения за рубежом.

¹¹ Некоторые провинции ИРИ страдают от стихийных бедствий (землетрясения, песчаные бури, засухи, наводнения) чаще прочих. При этом в ряде провинций (в частности Керманшахе, Хузестане, Систане и Белуджистане) часто отмечают несвоевременность помощи центральных властей, в то время как местное руководство собственными силами почти не справляется.

Тем не менее несколько реформаторских проектов были запущены. Например, с 2014 г. было расширено вещание СМИ и телевидения на азербайджанском, курдском, арабском и туркменском языках. Как и М. Ахмадинежад, Роухани регулярно посещает национальные окраины. В районах проживания меньшинств, как прежде, продолжают периодически проводиться заседания правительства, с тем чтобы «ближе ознакомиться с проблемами регионов и оказать срочную помощь». В министерстве образования разрабатываются учебные планы, предполагающие преподавание национальных языков в начальных школах и, в свою очередь, резко критикуемые Академией персидского языка и литературы как «угроза значимости фарси» [3, сс. 67-71]. В остальном же, увы, пока далее заявлений дело не шло.

Для каждого из подходов характерны свои конкретные принципы и методы, определяющие общий курс государственной политики в отношении меньшинств и в соответствии с которыми проводилась и проводится государственная политика в отношении белуджского меньшинства. Однако неверным было бы считать, что когда-либо в иранской истории применялся лишь один из подходов. Скорее, можно говорить об их сочетании в разных пропорциях. В то же время пока невозможно отрицать, что большинством инстанций, причастных к выработке национальной политики, продолжает использоваться исключительно подход «с точки зрения безопасности». Подход так называемого эффективного управления, признающий культурное многообразие и многоэтничность иранского общества, популярен, но не является преобладающим в среде высшего духовенства, в руках которого фактически находится власть в стране. На современном этапе это вполне естественно, так как обусловлено общей консервативностью политической системы ИРИ и медленной ротацией кадров внутри неё.

* * *

Вместе с тем, что Исламская Республика Иран на сегодняшний день – объективно сильный региональный игрок, она также является второй (после Афганистана) страной в регионе по этнической сложности. Этническая неоднородность при этом дополняется религиозной и, вопреки многолетнему внутривнутриполитическому курсу, направленному на построение «единой иранской нации» и «единой исламской уммы», сохраняется до сих пор, а также, наряду с характерной для ИРИ региональной неравномерностью экономического развития, выступает одним из потенциальных факторов внутренней дестабилизации и требует особого внимания властей. Несмотря на внедрение руководством страны с начала XXI в. элементов «эффективного управления», национальная политика в целом представляется одной из наиболее уязвимых составляющих политического курса Республики. При этом «проблемность» национальной политики, помимо прочего, в значительной мере сопряжена и с общей спецификой иранской политической системы, проявляющейся в медленной ротации внутри политических элит и их хаотичности. Однако как первое, так и второе – отправные точки не только при формировании национальной политики, но и для всех внутренних процессов современного Ирана, которые в совокупности с внешним фактором и вовсе определяют объективную реальность Исламской Республики.

Так, следствием этого (среди прочего) является периодическое проявление тенденции роста протестных настроений, – причём не только среди меньшинств, а в обществе в целом, – которые уже дважды за последнее десятилетие (в 2009 г. и в декабре 2017 – январе 2018 гг.) приводили к вспышкам народных выступлений против политики властей по всей стране. И если вопрос об устойчивости иранского режима выходит за рамки данной работы, то тема протестов здесь более чем актуальна, поскольку национальные окраины и проживающие там меньшинства,

будучи наиболее ограниченными в благах и правах, в условиях существующей государственной системы представляют для неё серьёзный вызов. Это и было продемонстрировано в ходе протестных выступлений зимой 2018 г., когда вслед за консервативным Мешхедом их поддержали сначала национальные окраины (провинции Курдистан, Керманшах, Хузестан, Систан и Белуджистан), и только потом они распространились на центральный и северный Иран. Несмотря на то что протесты в очередной раз были подавлены, градус общественного недовольства продолжает нарастать, сохраняется вероятность новых выступлений, в связи с чем повышенные меры безопасности в иранском Белуджистане (как и по всем национальным окраинам) абсолютно оправданны.

Взаимосвязь белуджской проблемы в Иране с процессами в сопредельных белуджских ареалах Афганистана и Пакистана также в первую очередь сводится к вопросу обеспечения безопасности. В условиях, когда пространство АфПак (Афганистан–Пакистан) продолжает оставаться источником региональной нестабильности и таких трансрегиональных угроз, как терроризм и наркотрафик, а территория так называемого Большого Белуджистана ввиду взаимопроникаемости границ представляет собой почти что единое пространство, Исламская Республика вынуждена принимать на себя основной удар. При этом не менее актуальной остается проблема беженцев и нелегальной иммиграции в ИРИ из Афганистана и Пакистана.

В современных геополитических условиях иранское руководство никак не может позволить себе пренебречь собственной безопасностью. И благодаря прагматичному политическому курсу, сочетающему силовой подход с элементами эффективного управления в отношении белуджского меньшинства, а также в условиях сохранения в ИРИ устойчивой и сильной (по сравнению с Афганистаном и Пакистаном) государственности, когда правительство сохраняет за собой основные рычаги влияния на ситуацию в стране, внутренний аспект проблемы белуджей (как угрозы внутренней стабильности) является для Ирана куда менее серьёзным, чем для соседних Афганистана и Пакистана. Относительно всего белуджского населения Исламской Республики активисты, открыто выступающие против правительства, или участники террористических организаций – в явном меньшинстве. В свою очередь, с точки зрения общерегиональной безопасности, проблема белуджей является одним из потенциальных факторов дестабилизации, который пока в полной мере не проявился, но при усугублении ситуации в Афганистане и Пакистане или усилении американо-иранских противоречий имеет значительный потенциал актуализации и может занять в региональных и международных отношениях важное место, сопоставимое по масштабу с курдской проблемой.

Список литературы:

1. Алиев С. М. История Ирана XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 648 с.
2. Афганский наркотрафик. Совместная оценка угрозы. Российско-американская рабочая группа по афганскому наркотрафику. // EastWest Institute. 2014. 40 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/163246/JTA-russian.pdf> (accessed 15.06.2019)
3. Дунаева Е.В. Иран: современный однопациональный дискурс (подходы правительства и видения элит). // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: Институт востоковедения РАН. 2016. Сс. 58-74.
4. Жигалина О.И. Этносоциальная Эволюция иранского общества. М.: «Восточная литература» РАН. 1996. 264 с.

5. Иран создал спецкомитет по пресечению контрабанды топлива. // *Iran.ru*, 01.04.2013. [Электронный ресурс] URL: https://www.iran.ru/news/economics/86749/Iran_sozdal_speckomitet_po_presecheniyu_kontrabandy_topliva (accessed 04.06.2019)
6. Каменева М.С. Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.). // *Зарубежный Восток: Религиозные традиции и современность*. М.: Наука. 1983. Сс. 140-145.
7. Лямин Ю.Ю. Борьба Ирана с внутренними угрозами. // *Перископ* 2. 2017. Специальный выпуск. [Электронный ресурс] URL: <http://periscope2.ru/2017/08/11/8709/> (дата обращения: 04.05.2019)
8. Мамедова Н.М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе. // *Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2017, т. 159, кн. 6. Сс. 1509-1517.
9. Мамедова Н.М. Социально-экономическая модель Ирана (к вопросу о региональной неравномерности экономического развития). // *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Сс. 35-45.
10. Пикулин М.Г. Белуджи. М.: «Восточная литература». 1959. 213 с.
11. Полищук А.И. Проблемы безопасности Ирана в региональном контексте. // *Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы*. М.: Институт востоковедения РАН. 2016. Сс. 231-242.
12. Раванди-Фадаи Л.М. К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств. // *Иран: история и современность*. М.: Институт востоковедения РАН. 2014. Сс. 271-274.
13. Раванди-Фадаи Л.М. Этно-конфессиональные проблемы в современном Иране, Иран при М. Ахмадинежаде». М.: Институт востоковедения РАН, 2013. Сс. 172-182.
14. Раванди-Фадаи Л.М. Этнос, нация и национализм: иранский взгляд, Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: Институт востоковедения РАН. 2015. Сс. 193-207.
15. Сажин В.И., Бондарь Ю.М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Издательство Московского университета. 2014. 544 с.
16. Систан и Белуджистан становятся популярными направлениями для туристов. // *Иран Сегодня*. 21.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://iransegodnya.ru/post/view/2398> (accessed 04.05.2019)
17. Теракты в Иране. Хронология. // *ТАСС*. 07.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/info/4320784> (дата обращения 02.05.2019)
18. Abdul Malik Rigi an accomplice of the USA and Great Britain was executed this morning (на перс. языке). // *Fars News*. 30.06.2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=8903300048> (accessed 02.05.2019)
19. Akbar M.S. The redefined dimensions of Baloch nationalist movement. Bloomington: Xlibris Corporation. 2011. 345 p.
20. Aryan H. Iran offers short-term solutions to long-term problems of Baloch minority. // *Radio Liberty*. 22.10.2009. [Электронный ресурс] URL: https://www.rferl.org/a/Iran_Offers_ShortTerm_Solutions_To_LongTerm_Problems_Of_Baluch_Minority/1858243.html (accessed 02.05.2019)
21. Bahgat G. Security and bilateral issues between Iran and its Arab neighbours. Cham: Springer International Publishing A&G. 2017. 245 p.
22. Balochistan. Balochi language and literature. // *Encyclopedia Iranica*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/baluchistan-iii> (accessed 31.03.2019).
23. Balochistan: Balochistan People's Party address Canadian parliament. // *Unrepresented Nations and Peoples Organization*. 28.09.2006. URL: <http://unpo.org/article/6115> (accessed 04.06.2019)

42. Yunas S. Understanding the insurgency in Balochistan. // Commonwealth and Comparative Politics. 2014. Vol. 52. No. 2. 29 p.

Об авторе:

Анастасия Сергеевна Богачёва – лаборант-исследователь Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com

The Baloch Problem in Islamic Republic of Iran: from Historical Record to Present

A.S. Bogacheva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS

Abstract: *The paper is devoted to the analysis of the Baloch problem in the Islamic Republic of Iran in its ethno-national, religious and political aspects. The article considers the history and the current state of the Baloch issue, its national and regional dimensions. At the national level, there is simply a conflict between the Baloch minority and the central government; and at the regional level – the phenomenon of transnational banditry, drug trafficking and terrorism throughout the territory of the so-called «Great Balochistan», as well as the revival of hopes for an independent Balochistan among some Baloch activists. The paper consists of two parts, each revealing the motives and describing the basic strategies of the parties to the conflict. Thus, in the first part, a general description of the Baloch ethnic group is proposed. It considers the legal and factual status of the Balochi people in Iran, the phenomenon of their political activism, with its characteristic stratification; it also describes in general terms the struggle of the Baloch for their rights and the policy of the Iranian authorities, aimed at "resolving" the Baloch problem mainly by force. The second part describes in detail a new, partly innovative governmental approach to the problem. This approach has been implemented since the beginning of the 21st century and has already given some positive results.*

Key words: *Islamic Republic of Iran, Western Balochistan, the Baloch problem, Baloch activism, national policy.*

About the author:

Anastasia S. Bogacheva – Research Assistant at IMEMO RAS. Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya ulitsa, 23.

E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com

Политика Хафеза Асада по отношению к алавитской общине Сирии

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

В статье анализируются отношения режима Хафеза Асада (1970–2000 гг.) с алавитской общиной, составляющей 12-14% населения страны и представляющей собой одну из важнейших опор баасистской власти. Рассматривая взаимодействие правительства с алавитами в культурной и экономической областях, автор стремится выявить природу этих взаимоотношений и ответить на вопрос о том, являлись ли алавиты в целом “элитой” асадовской Сирии. Основываясь на статистических материалах, автор статьи утверждает, что, будучи военно-силовой опорой правящего режима, алавиты взамен не получали особых преференций в социально-экономической сфере, не представляющей принципиальной важности для властей. Кроме того, община подверглась баасизации и секуляризации, представлявшими направления государственной политики.

Ключевые слова: Сирия, алавиты, Асад, регионализм, ислам.

Среди всех групп населения Сирии алавитская община является, пожалуй, наиболее упоминаемой и вместе с тем наименее изученной в научной литературе и публицистике. Подавляющее большинство существующих работ концентрируется на политических аспектах жизни общины при режиме Х. Асада, а точнее, на монополизации власти в стране узким кругом лиц, приближённых к президенту, большинство из которых являлись его земляками-алавитами. Однако представляется актуальным рассмотрение не только роли алавитов в политической элите страны, но и политики этой правящей элиты по отношению к алавитской общине в целом. Подобная политика вместе с тем демонстрирует достаточно интересный пример того, как власть, будучи представленной выходцами из конфессионального и исторически достаточно автономного меньшинства, стремилась интегрировать данное меньшинство в более широкий контекст сирийской нации с целью утверждения общесирийского менталитета (из панарабских побуждений) и избавления от имиджа «алавитского режима». Для осуществления подобной интеграции требовалось, прежде всего, разрушить традиционное мировоззрение алавитов, основывающееся на их специфических религиозных верованиях, и секуляризировать их для утверждения в их среде баасистской идентичности.

Секуляризация алавитской общины в правление Х. Асада

Несмотря на крайнюю скудность сведений об алавитах, известно, что более светское, чем в иных общинах, мировоззрение было присуще им ещё в доасадовские времена. Существует свидетельство алавитского автора, критикующего в 1940-е годы шейхов общины за то, что они не только держат в религиозном неведении простых людей, но и сами не имеют ясных, чётких и общепризнанных религиозных представлений [17, с. 197]. Подобное обвинение подтверждается тем фактом, что вплоть до 1970-х годов у алавитских шейхов не

было единства во взглядах даже на такой принципиальный и центральный для мировоззрения общины вопрос, как божественность Али ибн Аби Талиба: на состоявшейся в 1973 г. конференции алавитских шейхов (последней из известных событий такого рода) на этот счёт высказывались разные мнения [8, сс. 20-22].

Подобное отсутствие чёткой религиозной догматики даже у “людей религии”, а также практиковавшееся веками сокрытие сути учения от массы непосвящённых верующих, видимо, привело к достаточно низкому уровню религиозности большинства алавитов к началу существования независимой Сирии. По свидетельствам современников, в первой половине XX в. единственными показателями присутствия какой-либо религии в алавитских горах были могилы шейхов, а молодое поколение общины не проявляло должного уважения к традиционному образу жизни и верованиям предков [26, с. 56]. Отсутствие как общепризнанных религиозных авторитетов (подобно друзским шух аль-акль или суннитским уляма в Дамаске и Алеппо), так и стабильных верований в народных массах привело к тому, что в 1940-е годы существенная часть алавитов была религиозно пассивной.

С приходом к власти Х. Асада алавитская община, являясь одной из главнейших опор его режима, была объектом повышенного внимания властей в деле культурной трансформации. Правящий режим хотел превратить её в оплот будущей светской сирийской нации, благодаря секуляризации не допуская утверждения в ней иных идейных воззрений, кроме баасизма. Одним из главных направлений секуляризации было практически полное удаление из медийного пространства страны религиозных алавитских лидеров для того, чтобы они лишились каналов влияния на мировоззрение членов общины. В асадовской Сирии алавитские шейхи не имели права публиковать свои мнения в средствах массовой коммуникации по тем или иным вопросам государственной и общественной жизни, создавать религиозные объединения и фонды [15, с. 228]. При этом известно, что в Турции, Ливане, а также западных странах существует множество алавитских религиозно-культурных организаций: это свидетельствует о том, что их отсутствие в Сирии не является следствием просто «скрытого характера» вероучения.

Курс на недопущение создания алавитских объединений проводился режимом настолько непреклонно, что, когда родной брат президента Джамиль, которому, как и другим родственникам главы государства, в принципе позволялось практически всё, создал алавитскую религиозную организацию «Аль-Муртада», она была распущена и запрещена самим Х. Асадом в 1983 г. [13]. Медийный «бойкот» алавизма и всего с ним связанного достиг таких масштабов, что один из руководителей администрации президента в интервью «Нью Йорк Таймс» отрицал само существование подобной общины в Сирии [24]. Более того, алавиты не упоминались даже в школьной программе, говорившей о мусульманах и исламе лишь в целом (а фактически об исламе в его суннитской форме) [14]. Единственным открытым обращением правительства Х. Асада к «алавитскому вопросу» стала просьба президента, адресованная ливанскому шиитскому лидеру М. Садру, прояснить статус алавитов относительно ислама, в результате чего община (несмотря на серьёзные догматические различия) была официально причислена к шиизму [17]. Это стало ещё одним способом включения алавитов в более широкую общность мусульман и отрицания какой-либо их «инаковости». Лично Х. Асад конструировал образ верующего мусульманина, соответствовавший классическому суннитскому лидеру, регулярно молясь в мечетях (что не практикуется в классическом алавизме) и выделяя средства на суннитские религиозные учреждения [11]. Эти действия также должны были стереть в массовом сознании грани между алавитской и суннитской общиной.

Таким образом, алавиты на протяжении десятилетий не имели собственных организаций, известных религиозных лидеров, а все символы их отличия от большинства сирийского населения нивелировались официальной позицией правительства. Успехи подобной политики «деалавитизации» и секуляризации общины видны из статистических данных. В 2009 г. алавитские Латакия и Тартус занимали последние места среди провинций страны по количеству заключаемых брачных союзов из расчёта на тысячу населения (7.5 браков/1 тыс.), что было ниже общенационального уровня (10.6 браков/1 тыс.) примерно в 1.5 раза. Вместе с тем, согласно официальным данным, Латакия занимала второе место по стране после Дамаска по количеству разводов по отношению к заключённым бракам (14.4%). Также Латакия и Тартус имели одни из самых низких показателей годового прироста населения (17.5 и 16.2 человек на тысячу при общенациональном уровне в 24.5), что свидетельствует о низком уровне рождаемости по сравнению с суннитскими провинциями. Таким образом, за период существования режима Х. Асада в алавитской общине утвердились более свободные брачно-семейные отношения, а также низкая рождаемость, что ознаменовало собой отход от традиционного мировоззрения и секуляризацию общественного сознания.

Секуляризация алавитов видна также из феномена толерантного отношения к атеистическим взглядам, нетипичного для традиционного ближневосточного общества. Так, уже в 1960-е годы политические активисты из числа алавитов позволяли себе публикации атеистического характера в печати, что спровоцировало усиление враждебности к ним исламских фундаменталистов [22, с. 45]. По свидетельствам самих членов общины, религиозная инертность в алавитской среде привела к тому, что даже внутри семей атеистические убеждения родственников стали восприниматься спокойно [5].

Описанные выше де-традиционализация, эмансипация семьи и отсутствие религиозной жизни как таковой заставили некоторых экспертов констатировать «смерть алавизма как религии» [5]. Будучи лишённой конфессиональной идентичности и религиозных верований, и так достаточно смутных для большинства её членов, община должна была заполнить существующий идеологический вакуум и воспринять баасизм как основу самоидентификации. В Латакии была сосредоточена деятельность повышенного числа баасистских спортивных, детских, идеологических организаций [26, с. 298]. Идеологическая работа баасистов в алавитских районах дала свои плоды: к 1992 г. на Латакию и Тартус (вместе – около 11% населения страны) приходилось 17.7% членов партии «Баас» [8, сс. 180-181]. Более того, по утверждению Дж. Лэндиса, одного из самых авторитетных американских специалистов по современной Сирии, именно баасизм и культ президента, а не религия, являются в настоящее время основой мировоззрения и идентичности алавитов [18]. Как свидетельствуют алавиты-оппозиционеры, культ Хафеза Асада и страх перед суннитским реваншизмом стали главными чертами алавитского менталитета в новейшее время [14]. Именно эти факторы, а не религиозная солидарность, определяют столь упорную поддержку сирийского режима алавитами в текущей гражданской войне: вплоть до 2019 г. среди многочисленных ополчений, действующих на стороне правительства Б. Асада, нет формирований, созданных под эгидой алавитской веры или эксплуатирующих какие-либо алавитские религиозные символы (чего не скажешь, например, о проправительственных шиитах, развернувших настоящий «джихад» против суннитов с собственной символикой и идеологическим обоснованием [27]). Таким образом, главными итогами асадовского правления для алавитской общины Сирии в культурном отношении стала сильная секуляризация её мировоззрения, сопровождающаяся отмиранием религиозной идентичности и её заменой на баасистскую.

Экономическая политика в отношении алавитов

Несмотря на распространённое в экспертной и публицистической литературе мнение об алавитах как «правлящей секте» асадовской Сирии, до сих пор учёные не привели практически никаких доказательств того, что алавитская община в асадовский период пользовалась какими-либо экономическими преференциями. Напротив, существующие исследования на этот счёт обнаруживают отсутствие особой заботы правительства о большинстве алавитского населения в экономической сфере. Согласно данным одного из немногих специалистов по сирийской экономике В. Пертхеса, на Латакию в 1990-е годы (время, когда внутреннее положение режима Х. Асада было уже достаточно устойчивым) приходилось 4.2% государственных инвестиций и 3% частных при том, что в ней проживало 6% населения Сирии [21, с. 185]. Наиболее крупные и социально значимые проекты, такие, как плотина Табака, осуществлялись правительством в отсталых сельских суннитских районах – долине Евфрата и восточных областях Дейр эз-Зор и Ракка. Также линия Дамаск–Хомс–Хама–Алеппо, называемая французскими колонизаторами «полезная Сирия» (la Syria utile) являлась объектом крупных финансовых вложений правительства [21, с. 185]. Из масштабных «строек» на территорию Латакии и Тартуса приходились только проекты развития экспортно-импортной инфраструктуры (строительство и расширение новых портов), выгодные национальной экономике в целом, так как лишь эти провинции Сирии обладают выходом к морю.

Отсутствие первоочередного внимания к Латакии и Тартусу видно из данных по распределению промышленных предприятий по провинциям Сирии к 2010 г., приведённых в Таблице 1. Они показывают, что как в Латакии, так и в Тартусе доля предприятий была ниже доли населения (суммарно в обеих регионах проживало 8.82% населения Сирии и находилось 7.7% объектов промышленности). Напротив, в преимущественно суннитских Алеппо, Дамаске и Риф Дамаск, на которые приходилось 43.91% населения, концентрировалось 60% предприятий. Таким образом, в данном вопросе никаких преференций по отношению к алавитам в Сирии не обнаруживается.

Таблица 1. Распределение населения и промышленных предприятий по провинциям Сирии в 2010 г. [31]

Провинция	Процент населения провинции от всего населения страны	Процент предприятий провинции от всех промышленных предприятий страны
Дамаск	8.66	12
Алеппо	22.57	30
Риф Дамаск	12.68	18
Хомс	8.53	8
Хама	7.73	7
Латакия	4.91	4
Идлиб	7.02	5
Эль-Хасеке	7.12	3
Дейр-эз-Зор	5.61	2
Тартус	3.91	3.7
Ракка	4.43	2
Дера	4.71	3
Сувейда	1.75	1.57
Кунейтра	0.37	0.21
Сирия	100	100

Немаловажен тот факт, что командные высоты в частном секторе алавитского региона, традиционно наиболее прибыльном и доходном [2, с. 228], на протяжении всего исследуемого периода оставались в руках мусульман-суннитов и христиан. Так, известно, что лишь 19% алавитов Латакии к началу 2000-х годов работали в частном секторе – мелком и крупном бизнесе, что является очень низким показателем по сравнению с 56% суннитов и 43% христиан [15, с. 92]. При этом зарплаты в государственном и муниципальном секторах сильно уступали частному сектору [3, с. 148]. Несмотря на это, не происходило никаких попыток изменить ситуацию и «алавитизировать» частный бизнес региона. Похожая ситуация наблюдалась по всей Сирии, где среди представителей крупного частного бизнеса не отмечено сильного повышения доли алавитов, за исключением ближайших родственников правящей семьи – таких, как Рифат Асад в конце XX в. и Рами Махлюф в начале XXI в. С одной стороны, состояния этих ближайших президентских родственников были огромны – Рифат Асад в зените своего могущества (1980-е годы) назывался «богатым человеком Дамаска» с состоянием около 100 млн долл. [10, с. 251], Рами Махлюф, владеющий «Шам Холдинг»¹, накануне войны носил аналогичный титул с состоянием около 6 млрд долл. [23]. Однако, за исключением подобных приближённых к главе государства людей, к концу исследуемого периода крупный бизнес Сирии оставался преимущественно суннитским [34, сс. 5-9]. Кроме того, бизнес, зависимый от государственной поддержки и близких отношений с правящим режимом, также состоял, несмотря на появление некоторых «нуворишей», из традиционной суннитской финансовой элиты [10, с. 3]. Таким образом, правительство страны не только не стремилось снизить влияние суннитской буржуазии за счёт передачи позиций в бизнесе выходцам из алавитской общины, но, напротив, выстроило с первой партнёрские отношения и упрочило её положение по сравнению с периодами Объединенной Арабской Республики и нахождения у власти левых баасистов.

В свете этого представляется парадоксальным, что, согласно данным ООН (Таблица 3), именно алавитские провинции («Прибрежный регион») к концу президентства Х. Асада характеризовались самыми высокими показателями трат домохозяйств, а это свидетельствует об их высоком по сравнению с другими регионами благосостоянии. Также обращает на себя внимание тот факт, что Латакия и Тартус занимали последнее место по стране по уровню бедности в сельской местности и предпоследнее по уровню бедности в городской [29, с. 21].

Таблица 2. Потребительские расходы домохозяйств в регионах Сирии в 1996 г. (в сирийских лирах курса 2004 г.) [16, с. 9].

Регион	Прибрежный	Южный	Центральный	Северо-восточный
Потребительские расходы домохозяйств	3862	3533	2858	2917

Тем не менее существуют объективные, не вызванные особым покровительством властей, причины подобного благоприятного социально-экономического положения алавитских провинций Сирии. Одна из главных таких причин – многократный рост внешней торговли страны в период Х. Асада. При этом к 2001 г., то есть к концу его президентства, около 80% импорта и 55% экспорта приходилось на Европу [30]. В этой связи следует отметить, что внешняя торговля

¹ Ресторанный и отельный бизнес, недвижимость, частные авиаперевозки и банковский сектор.

Сирии с Европой (да и с большинством стран мира) была возможна в основном через средиземноморские порты Тартуса и Латакии – напряжённые отношения (периодически на грани вооружённого конфликта) с Турцией, Ираком и Иорданией, состояние войны с Израилем и гражданская война в соседнем Ливане практически перекрывали сирийцам доступ к другим торговым путям. Следовательно, приморские провинции (они же алавитские) стали чуть ли не единственным транзитным пунктом внешней торговли всей страны. Известно, что количество товаров, проходящих ежегодно через порт Латакии, в 1971–2008 гг. увеличилось в пять раз, через порт Тартуса – почти в 12 раз [1, с. 37]. Рост товарооборота дал толчок к развитию экспортно-импортной инфраструктуры, перерабатывающей промышленности, дорожной сети. В 1980-е годы на побережье Тартуса (г. Баниас) был построен нефтеперерабатывающий завод, а в Латакии расширен порт, что было необходимым условием соответствия растущей торговле страны [21, с. 184]. Таким образом, алавитский регион в этом вопросе стал бенефициаром своего выгодного территориального расположения.

Не менее важное значение для повышенного благосостояния Латакии и Тартуса имели гораздо лучшие климатические условия по сравнению с внутренними районами Сирии. Количество осадков в обеих провинциях на протяжении исследуемого периода превосходило аналогичный показатель в прочих провинциях страны, располагающихся дальше от моря и скрытых от него горными цепями, в два-пять раз [6]. Латакия и Тартус, защищённые от пустынь горными хребтами на востоке и находящиеся на морском побережье, единственные в Сирии имеют красный средиземноморский тип почвы [12], один из наиболее плодородных. Всё это создавало лучшие условия для ведения сельского хозяйства и делало регион практически невосприимчивым к проблемам засухи, перманентно ухудшающей урожайность во внутренних областях. Пользуясь подобными условиями, в Тартусе и Латакии большинство фермерских хозяйств специализировалось на оливках, фруктах и табаке, стоивших гораздо дороже, чем пшеница и кормовые, которые производились во внутренних районах [32]. Плодородие почв и достаточность осадков позволяли крестьянам в этих провинциях кормиться с гораздо меньших участков, чем в других регионах страны. Как в начале, так и в конце исследуемого периода (1970 и 1994 гг.) Латакия и Тартус занимали последние места в Сирии по площади среднего участка во владении семьи [20]. Благодаря этому, в свою очередь, распределение земли было более уравнительным и её, проще говоря, «хватало на всех» – в этих регионах в 2003 г. проживало 9.8% всего населения, но 19% всех собственников земли в стране [20]. Таким образом, лучший климат и более плодородная земля позволяли крестьянам в прибрежных регионах выращивать без особых рисков более дорогие культуры на небольших и потому доступных для большего числа фермеров участках.

Другим фактором повышения благосостояния алавитских провинций стало развитие туризма, начавшееся в 1980-е годы. Учитывая опять-таки приморское расположение, Латакия и Тартус в следующее десятилетие превратились в «столицы туризма» [9]. По информации Сирийского статистического бюро (Таблица 4), к 2002 г., то есть через год после смерти Х. Асада, на эти провинции приходилось 18% всех отелей страны и 17% туристов при том, что в Риф Дамаск, Идлибе, Хаме, Хомсе, Ракке, Дера, Сувейде, Эль-Хасеке и Дейрэз-Зоре вместе взятых находилось 24% отелей и проживало лишь 12% туристов. Поэтому, несмотря на то что центрами отельного бизнеса оставались деловые города Алеппо и Дамаск, очевидно развитие туризма и соответствующей инфраструктуры в алавитских прибрежных провинциях Латакия и Тартус.

Таблица 3. Распределение отелей и туристов по провинциям Сирии в 2002 г. [28].

Группа провинций	Дамаск+Алеппо	Латакия+Тартус	Риф, Дамаск, Идлиб, Хама, Хомс, Ракка, Дера, Сувейда, Эль-Хасеке, Дейр-эз-Зор
Процент койко-мест	51.00%	24.00%	25.00%
Процент отелей	56.00%	18.00%	26.00%
Процент туристов	71.00%	17.00%	12.00%

* * *

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что во взаимоотношениях государственной власти и алавитской общины последняя являлась, скорее, объектом, нежели субъектом. Режим Х. Асада для сохранения лояльности алавитов проводил курс на их баасизацию, декоммунализацию и секуляризацию, сохраняя и усиливая таким образом их идеологическую лояльность. Вместе с тем в социально-экономической сфере алавиты не получали особых преференций. Регионы их традиционного проживания, действительно, были более благополучными, нежели прочие провинции страны, однако достигли этого благодаря объективным природно-климатическим и экономическим причинам (уникальные, по меркам Сирии, условия для развития сельского хозяйства, внешней торговли и туризма), не являясь объектом специальной заботы государства. Это демонстрирует достаточно утилитарный подход правительства Х. Асада к алавитской общине страны, использовавшей им в качестве силовой опоры, но не получавшей, в свою очередь, экономических преференций, а также в культурном плане перекачивавшейся по баасистским лекалам.

Список литературы:

1. Кожемяк Н.С. Социально-экономическое и политическое развитие мусульманских общин Сирии в 1970-2000 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.: МГИМО (У) МИД РФ. 2019.
2. Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. Москва: Институт востоковедения РАН. 2015. 392 p.
3. Сарабьев А. В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы в самом деле таковыми являлись. // Религия и общество на Востоке. 2017. №. 1. Сс. 126-180.
4. Abboud S. Syria's business elite: between political alignment and hedging their bets. // Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs. 2013. 8 p.
5. Al-Tamimi A.J. Looking at Alawites. // The Levantine Review. 2012. Vol. 1. No. 2. Pp. 181-199.
6. Average of rainfall by governorates 1970, 1978–2007. // Syrian bureau of statistics. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbssyr.sy/Time%20Series/farm4.htm> (accessed: 20.03.2018)
7. Balanche F. Sectarianism in Syria's Civil War. The Washington Institute for Near East Policy. 2018. 134 p.
8. Batatu H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press. 1999. 413 p.
9. Cham Wings Airlines. [Электронный ресурс] URL: <https://chamwings.com/destinations/latakia/> (accessed: 19.03.2018)
10. Haddad B. A. Business networks in Syria: the political economy of authoritarian resilience. Stanford University Press. 2011. 280 p.

11. Hellyer H.A. Alawite identity in Syria. // The Atlantic Council. 06.04.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/syriasource/alawite-identity-in-syria> (accessed 16.03.2019)
12. Ilaiwi M. Soil map of Arab Countries. Soil map of Syria & Lebanon. // The Arab Center for the Studies of Arid Zones and Dry Lands (ACSAD). Damascus. 1985. [Электронный ресурс] URL: <https://esdac.jrc.ec.europa.eu/content/soil-map-arab-countries-soil-map-syria-lebanon> (accessed 16.03.2019)
13. Jamil Assad, 71; uncle of Syrian President Bashar Assad was in parliament. // Los Angeles Times. 17.12.2004. [Электронный ресурс] URL: <http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1> (accessed: 04.08.2018)
14. Karfan& Friend. Myth No. 7: Alawie is still a religious sect. // Syria Exposed. 28.03.2005. [Электронный ресурс] URL: <http://syriaexposed.blogspot.com/2005/03/myth-no-7-alawie-is-still-religious.html> (accessed: 04.08.2018)
15. Kerr M., Larkin C. (eds.). The Alawis of Syria: war, faith and politics in the Levant. Oxford University Press. 2015. 384 p.
16. Khalid Abu-Ismaïl, Ali Abdel-Gadir, Heba El-Laithy. Poverty and inequality in Syria (1997–2007). Arab Development Challenges Report Background Paper 2011/15. United Nations Development Programme. [Электронный ресурс] URL: http://www.arabstates.undp.org/content/dam/rbas/doc/poverty/BG_15_Poverty%20and%20Inequality%20in%20Syria_FeB.pdf (accessed: 04.03.2018)
17. Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism. // Shi'ism, resistance and revolution. Westview Press. 1987. 352 p.
18. Landis Joshua on Syria: What Lies Ahead. (Выступление директора Центра изучения Ближнего Востока Университета Оклахомы Дж. Лэндиса). // YouTube. 30.10.2012. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g1NgB6GZV8k> (accessed: 10.12.2016)
19. Maoz M., Yaniv A. Syria under Assad (RLE Syria): domestic constraints and regional risks. Routledge, 2013. 284 p.
20. No. of agricultural holders and average area of holding by governorate for: 1970–1981–1994–2004 (area:000sq.m.) // Syrian bureau of statistics. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2010/Data-Chapter4/TAB-5-4-2010.htm> (accessed: 04.04.2018)
21. Perthes V. The political economy of Syria under Asad. Ib Tauris. 1997. 272 p.
22. Pierret T. Religion and state in Syria: the Sunni Ulama from coup to revolution. Cambridge University Press. 2013. 296 p.
23. Rami Makhlouf, de l'affairisme à l'illusionnisme (In French). // Le Monde. 28.06.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://syrie.blog.lemonde.fr/2011/06/28/rami-makhlouf-de-laffairisme-a-lillusionnisme/> (accessed: 11.12.2018)
24. Sachs S. Assad patronage puts a small sect on top in Syria. // The New York Times. 22.06.2000. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2000/06/22/world/assad-patronage-puts-a-small-sect-on-top-in-syria.html> (accessed: 10.08.2018)
25. Sadowski Y. The evolution of political identity in Syria. // Telhami S., Barnett M. (eds.). Identity and foreign policy in the Middle East. Ithaca & London: Cornell University Press. 2002. Pp. 137-155.
26. Seale P. Asad: the struggle for the Middle East. University of California Press. 1990. 576 p.
27. Smyth P. The Shiite Jihad in Syria and its regional effects. Washington DC: Washington Institute for Near East Policy. 2015. 88 p.

28. Statistical Abstract 2003. Chapter Eight: Tourism. // Syrian bureau of statistics. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2003/SYR2003E.htm> (accessed: 19.03.2018)
29. Syrian Arab Republic Third National MDGs Progress Report 2010. // United Nations Development Programme. [Электронный ресурс] URL: <http://www.undp.org/content/dam/rbas/report/MDGR-2010-En.pdf> (accessed: 04.03.2018)
30. The Syrian Arab Republic exports, imports and trade balance By Country and Region 2001. // The World Bank. [Электронный ресурс] URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SYR/Year/2001/TradeFlow/EXPIMP> (accessed 15.03.2019)
31. Total of industrial establishments numbers by governorates 2010. Syrian bureau of statistics. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cbssyr.sy/economy%20statistics/economic%201/2010/eco-tabC.htm> (accessed: 10.04.2018)
32. Worth R.F. The price of loyalty in Syria. // The New York Times. 19.06.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2013/06/23/magazine/the-price-of-loyalty-in-syria.html> (accessed: 21.03.2018)
33. Yaffe G. Suleiman al-Murshid: beginnings of an Alawi leader: in memory of professor Uriel Dann. // Middle Eastern Studies. 1993. Vol. 29. No. 4. Сс. 624-640.
34. Zambelis C. Syria's Sunnis and the Regime's Resilience. // CTC Sentinel. 2015. Vol. 8. Pp. 5-9.

Об авторе:

Никита Сергеевич Кожемяк – кандидат исторических наук, атташе, Департамент Ближнего Востока и Северной Африки, МИД России. Россия, 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.
E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru

HAFEZ AL-ASSAD'S POLICY TOWARD THE SYRIAN ALAWITE COMMUNITY

N.S. Kozhemyak

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: *The article examines the relations between Hafez al-Assad's regime (1970–2000) and the Alawite community which accounted for 12-14% of the Syrian pre-war population and represented one of the most crucial pillars of the Ba'thist power. Analyzing the interaction between the government and the Alawites in cultural and economic spheres, the author aims at exploring the nature of these relations in order to answer the question of whether or not the Alawites on the whole were the «elite» group of Syrian population under Assad. In light of statistical data, the article claims that the Alawites, while being a military-security basis of the ruling regime, did not get a favorable treatment from it in other spheres, such as socio-economic development.*

Key words: *Syria, Alawites, Assad, regionalism, Islam.*

About the author:

Nikita S. Kozhemyak – Candidate of History, attache, Department of the Middle East and North Africa, the MFA of Russia. Russia, 119200 Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34.
E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru

Деятельность армянских общинных организаций и структур в Сирии

Институт востоковедения РАН

Факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

В статье рассматриваются особенности формирования и основные этапы развития армянской общины Сирии с точки зрения её структурно-организационного устройства. Особое внимание уделяется деятельности национальных организаций в сирийских городах со значительным армянским населением: Алеппо, Дамаске, Кесабе, Латакии, Камышлы и некоторых других. Рассматриваемые армянские организации и структуры в зависимости от направленности их деятельности подразделяются на религиозные, культурные, образовательные, благотворительные и политические. Они имели большое значение в жизни армянского населения Сирии на протяжении всех этапов становления и развития армянской общины как с точки зрения вопросов, связанных с её самоорганизацией и поддержанием единства, так и с точки зрения проблемы сохранения армянской идентичности в инокультурном обществе. Деятельность армянских структур, функционирующих в Сирии, а также общеармянских организаций, имеющих в ней филиалы, приобрела новое измерение с началом сирийского конфликта, когда наряду со множеством проблем экономического характера община столкнулась с проблемой обеспечения безопасности армянского населения. Кроме того, появилась угроза существованию самой общины. Прямое отношение к этой проблеме имеют и перспективы дальнейшего восстановления Сирии – процесса, который в значительной степени будет зависеть также от усилий и вклада сирийских армян, до сих пор проживающих на территории страны или же планирующих туда вернуться. Особенно это касается проблемы восстановления Алеппо, в экономическом и культурном развитии которого армяне исторически всегда занимали важное место.

Ключевые слова: армянская община, сирийский конфликт, армянские организации, армянская культура, Армянский всеобщий благотворительный союз, гуманитарная помощь, восстановление Сирии.

Армянская община Сирии является одной из наиболее древних этноконфессиональных общин на Ближнем Востоке. История армянского присутствия в этой стране насчитывает много веков. Однако говорить о возникновении армянской общины Сирии в современном её понимании можно, начиная с 1915–1920-х годов, когда в Сирии, как и в других ближневосточных странах, нашли убежище спасшиеся от геноцида 1915 г. армяне, которые в дальнейшем заняли важное место в экономической, культурной, общественной, а отчасти и в политической жизни сначала подмандатного, а затем и независимого Сирийского государства.

Армянская община в полной мере почувствовала на себе последствия начавшегося в стране конфликта (2011 г.), который поставил под угрозу возможность её дальнейшего существования, став причиной того, что большая часть армянского населения была вынуждена покинуть территорию Сирии. Более того, можно

говорить также о необходимости и важности участия сирийских армян в процессе постконфликтного восстановления страны.

В данном контексте особое значение будут иметь действующие в Сирии армянские организации и учреждения, которые и по сей день в условиях нестабильности продолжают обеспечивать относительно нормальную жизнедеятельность и функционирование общины.

Следовательно, представляется необходимым рассмотрение особенностей структурной организации и функционирования армянской общины Сирии в разные периоды её развития, включая современный этап. Для этого необходимо определить основные и наиболее значимые, с этой точки зрения, организации, учреждения и структуры, рассмотреть их роль в процессе развития общины и сохранения армянской идентичности и культуры, изучить их возможности и значение в деле восстановления положения армянской общины и в целом экономической, общественной и культурной жизни Сирии.

Исследованию армянской общины и деятельности армянских организаций в Сирии посвящены в основном труды армянских исследователей, где, главным образом, рассматриваются различные этапы существования общины до начала сирийского конфликта (2011 г.). К тому же на данный момент практически отсутствуют работы по исследуемой проблеме на русском языке.

С точки зрения изучения истории формирования и развития армянской общины Сирии, особую ценность представляет работа О.Х. Топузяна «Սիրիայի և Լիբանանի հայկազնի գաղթօջախների պատմություն (1841–1946)» («История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946)») [11]. Исследованию истории армянских общин в разных странах посвящена также работа К.Л. Даллакяна «Հայ սփյուռքի պատմություն» («История армянской диаспоры») [2].

В книге А.А. Фишенкчян «Սուրիոյ հայ համայնքի պատմությունը (1946–1970)» («История армянской общины Сирии (1946–1970 гг.)») [12] особое внимание уделяется исследованию социально-экономического профиля общины, а также деятельности армянских организаций и учреждений в указанный период.

Современное состояние армянской общины в Сирии (до 2011 г.) рассматривается в коллективной работе А.А. Пашаян и Л.М. Арутюнян «Սիրիայի հայ համայնքը. արդի հիմնախնդիրներ» («Армянская община Сирии: современные проблемы») [10]. Некоторые аспекты этой темы затрагиваются также в работе А. Санджяна «Armenians in the midst of civil wars: Lebanon and Syria compared» («Армянские общины в условиях гражданской войны (сравнение Ливана и Сирии)» [19].

Проблема деятельности армянских организаций и учреждений в Сирии рассматривается в книгах Э.Л. Мелконяна [6], Н.К. Арутюнян [1]. Среди работ по данной теме особое место занимает монография Э.Л. Мелконяна «Армянский всеобщий благотворительный союз: неоконченная история» [7], в которой исследуется история и особенности функционирования этой организации в армянских общинах в разных странах, в том числе в Сирии.

Несмотря на значительный материал, содержащийся в упомянутых работах, эти исследования остаются практически неизвестными за пределами Армянского мира. При всей их ценности, динамика изменения особенностей функционирования армянской общины в Сирии, с точки зрения её организационной структуры, остается неизученной. Кроме того, в них не рассматривается деятельность армянских общинных структур на современном этапе в условиях сирийского конфликта.

При этом на сегодняшний день, несмотря на значительное уменьшение численности армянской общины в Сирии, именно деятельность армянских

национальных структур – один из основных факторов, от которых будет зависеть перспектива её дальнейшего восстановления.

Демографическая динамика и расселение армян в Сирии

До начала сирийского конфликта армянская община Сирии в численном отношении являлась одной из самых больших армянских общин в мире. Географически она была представлена во многих провинциях и городах страны. Городами с наибольшей численностью армянского населения до конфликта были Алеппо, Дамаск, Кесаб, Латакия, Камышлы; в 1920-е годы значительное число армян проживало в Хаме, Хомсе, Александреттском санджаке [11, с. 169]. При этом необходимо учитывать, что ещё до начала Первой мировой войны в Сирии, по разным данным, проживало около 25-35 тыс. армян, история присутствия которых насчитывала много веков [14, с. 39]. После 1915 г., когда в этой стране нашли убежище десятки тысяч спасшихся от геноцида армян, численность всего армянского населения здесь достигла 142 тыс. человек [21, с. 512]. По некоторым данным, однако, уже в 1923–1924 гг. число проживавших в Сирии армян составляло 95 905, из которых 26 170 были представителями «старой» армянской общины, а 69 735 – вновь прибывшими беженцами [11, с. 169].

На протяжении XX в. под влиянием различных факторов происходило некоторое численное уменьшение общины сирийских армян. На начальных этапах её существования это было в значительной степени вызвано тем фактом, что для многих армянских беженцев Сирия стала транзитной страной, откуда в дальнейшем они отправлялись в США, Канаду, Австралию и некоторые западноевропейские страны [6, с. 10]. И позднее из-за политической нестабильности в Сирии в 1950–1960-е годы, а особенно в период существования Объединённой Арабской Республики (1958–1961 гг.) подвергавшиеся преследованию члены армянских национальных партий покидали территорию страны, отправляясь преимущественно в Ливан, США и страны Латинской Америки [12, с. 100]. Кроме того, некоторые обосновавшиеся в Сирии армяне в последующие годы уезжали в Советскую Армению в рамках проводимой советскими властями политики репатриации армянского народа. Например, в 1946–1949 гг. из Сирии и Ливана в Армению прибыло около 32 тыс. армян, в 1962–1967 гг. только из Сирии в Армению уехало более 4600 человек [22, сс. 135-143].

Тем не менее до 2011 г. численность сирийской армянской общины продолжала оставаться весьма значительной. Согласно некоторым официальным источникам, по состоянию на 2011 г., она достигала 100 тыс. человек [10, с. 13]. Однако сегодня чаще приводятся более скромные цифры: например, в начале 2000-х годов в Сирии проживало около 70 тыс. армян [21, с. 515], а в 2011 г., по различным данным, – от 50 до 80 тыс. [10, с. 13]. Несмотря на некоторые различия в данных относительно численности сирийской армянской общины, всё же можно с уверенностью говорить о том, что до войны она составляла от 70 до 80 тыс. человек.

Больше всего армян как до конфликта, так и сегодня проживает в Алеппо, который можно считать культурным, образовательным и экономическим центром армянской общины Сирии; в начале 2000-х годов численность армян Алеппо составляла около 50 тыс. человек. В Дамаске это число составляло около 5-6 тыс. в тот же период [21, сс. 516-518].

Последствия конфликта в Сирии негативным образом сказались на положении армянской общины, большая часть которой была вынуждена покинуть территорию страны. По состоянию на 2017 г., в Алеппо оставалось около 20 тыс. армян, в Дамаске – 3 тыс., в Латакии и Кесабе – 3-3.5 тыс., в Камышлы – 3 тыс., и ещё около 3 тыс. – в других сирийских городах [17]. По данным, предоставленным Берийской

епархией Армянской апостольской церкви, в 2018 г. во всей Сирии оставалось всего 20-25 тыс. армян [8, с. 37].

Особенности развития армянской общины Сирии в XX в.

Историю образования и развития армянской общины Сирии можно условно разделить на несколько этапов, исходя из состояния и положения общины в конкретный период, а также в зависимости от политической ситуации в стране в целом. Для каждого этапа были характерны собственные проблемы, влиявшие, в свою очередь, на определение первоочередных задач, стоявших перед общиной.

Необходимо отметить, что в первые годы пребывания в Сирии многие армянские беженцы не рассматривали эту страну в качестве места для постоянного проживания; более того, изначально они жили в тяжелейших условиях в специальных лагерях для беженцев [10, с. 9]. Поэтому на начальном этапе основной задачей для них являлось решение вопросов безопасности и обеспечения минимальных условий для жизни. Большую роль в этом сыграли армянские благотворительные организации, в первую очередь Армянский всеобщий благотворительный союз и Крест помощи сирийским армянам, которые в первые годы после геноцида 1915 г. предоставляли помощь армянским беженцам в новых странах пребывания [12, сс. 263-267].

Кроме того, на начальном этапе также стояла проблема определения статуса прибывших в Сирию армянских беженцев. Но уже согласно принятому в 1924 г. закону о гражданстве, проживавшие на тот момент в Сирии армяне автоматически получали сирийское гражданство; а для прибывших после 1925 г. армянских беженцев условием для натурализации было пребывание на территории Сирии в течение пяти лет [14, с. 64]. Так прибывшие в Сирию армяне получали возможность пользоваться более широким перечнем прав, что естественным образом способствовало в дальнейшем их интеграции в сирийское общество уже в качестве граждан.

Таким образом, решение первоочередных задач, возникших в первые годы пребывания в Сирии, позволило сирийским армянам обратить внимание и на некоторые социально-экономические вопросы. И если на первых порах они занимались в основном ремесленничеством и мелкой торговлей, то со временем освоили сферы предпринимательства, промышленности [3, с. 109].

Среди сирийских армян большую долю составляли ювелиры, часовщики, кузнецы, автомеханики и торговцы; довольно большой была также доля учителей, врачей и архитекторов [12, сс. 128-132]. Постепенно, накопив определенный капитал, значительная часть сирийских армян смогла открыть свои мастерские, магазины и маленькие рестораны. Многие из них в 1920–1940-е годы основали собственные предприятия, на которых в основном занимались изготовлением шёлка, ковров, мебели, а также специального оборудования. В 1950-е годы в Сирии действовало более 30 армянских промышленных предприятий [12, сс. 126-128]. Некоторые из сирийских армян были задействованы в финансово-банковской сфере страны [21, сс. 512-515].

По мнению многих исследователей, армяне внесли довольно весомый вклад в промышленно-экономическое развитие Сирии. Особо в этом деле подчеркивается роль армян Алеппо, деятельность которых способствовала экономическому росту не только в этом городе, но и во всей стране [12, с. 128]. Необходимо отметить, что ещё до образования современной общины сирийские армяне на протяжении многих веков занимались торговлей, имели широкие связи и очень большой опыт в этом деле, что, конечно, в значительной степени способствовало экономическому

подъёму внутри общины и увеличению её веса в сирийской экономике [21, сс. 510-514].

Вместе с тем представители общины постепенно осознавали необходимость самоорганизации армянского народа в Сирии, а также проблему сохранения национальной идентичности с целью недопущения ассимиляции армян в новой среде. Дело в том, что у представителей существовавшей в Сирии «старой» армянской общины, которых называли «старые армяне» (араб. «арман кадым»), было в целом слабо развито национальное самосознание. Более того, они говорили почти исключительно на арабском языке, не придавая особого значения проблеме сохранения армянской идентичности [10, с. 36]. В то же время присутствие «старых» армян, несмотря на некоторые довольно серьёзные различия между ними и вновь прибывшими, значительно облегчило на начальных этапах адаптацию последних в новой, незнакомой им среде.

Важно отметить, что в Сирии, как и в других ближневосточных странах, очевидная разница в культурном и религиозном смысле между принимающим обществом и армянской общиной способствовала сохранению армянской этнорелигиозной и культурной идентичности, чего нельзя было сказать об армянских общинах в большинстве преимущественно христианских западных государств [6, с. 10].

В деле сохранения национальной культуры, языка и идентичности сирийские армяне особое значение придавали развитию уже существовавших в Сирии армянских школ, а также основанию новых [6, сс. 9-10]. Ещё в 1922–1923 гг. почти во всех городах страны, где было армянское население, действовали армянские начальные школы; в 1927–1928 гг. в одном только Алеппо было 22 армянские школы [11, сс. 273-274].

Постепенно в жизни общины стали проявлять активность и армянские национальные партии: Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», либерально-демократическая партия «Рамкавар-Азатакан» и Социал-демократическая партия «Гнчак» [6, с. 13].

При мандатном режиме и в первые годы независимости Сирии армянская община могла беспрепятственно разворачивать свою деятельность в различных сферах. В этот период сирийские армяне даже имели своего представителя в парламенте [16].

Но уже в 1950–1960-е годы, особенно в период существования Объединённой Арабской Республики, а также в первые годы после переворота 1963 г. и прихода к власти партии «Баас» стали вводиться серьёзные ограничения для меньшинств, которые коснулись и деятельности армянских партий, организаций и школ. Так, в период с 1963 по 1971 г. у армянской общины уже не было представителя в сирийском парламенте [16].

По мнению большинства армянских исследователей, наиболее благоприятные условия как для развития армянской общины Сирии, так и для её полноценной интеграции в сирийское общество были созданы в периоды президентства Хафеза аль-Асада (1971–2000 гг.) и затем Башара аль-Асада (с 2000 г.) [9; 10; 12].

Согласно принятой в 1973 г. конституции, гарантировалась свобода вероисповедания [5], что положительным образом было воспринято армянской общиной, так как это законодательно закрепляло её религиозные права. Начиная с 1973 г., община имела практически постоянное представительство в сирийском парламенте [10, сс. 25-29]. Однако стоит отметить, что в целом армянская община Сирии всегда старалась не вмешиваться в политическую жизнь в стране и не поддерживать открыто какие бы то ни было политические силы, что весьма положительно воспринималось сирийским руководством [18, с. 5]. Начиная с 1970-х

годов, снимались также ограничения, касавшиеся деятельности армянских культурных, образовательных и общественных союзов и учреждений, что создавало благоприятные условия для развития армянской культуры и традиций [16]. Вместе с тем, с учетом той роли, которую армянская община стала играть в социально-экономической жизни Сирии, постепенно ей удалось в определенной степени интегрироваться в сирийское общество.

Однако, по мнению некоторых исследователей, даже в экономической сфере, где контакты между армянами и другими сирийцами были довольно частым явлением, армяне создавали «своеобразный Армянский мир», состоявший из мелких предприятий и мастерских, и не рассматривали возможность трудоустройства «за пределами общинных сетей» [16]. Действительно, армяне в сирийских городах всегда жили преимущественно в армянских кварталах, в которых они составляли большинство. В Алеппо на протяжении многих десятков лет армянскими являлись районы Нор Гюх, Азизие и Сулеймание [4].

Более того, стремясь сохранить свою этнокультурную и религиозную идентичность, сирийские армяне практически не заключали браков с представителями других этнических и религиозных групп в Сирии [6, с. 10].

Но необходимо подчеркнуть, что действия армянской общины, направленные на предотвращение ассимиляции, в основном проводились в культурной и образовательной сфере, а их основной целью было сохранение армянской идентичности в инокультурной среде, а не отказ от интеграции в сирийское общество.

Тем более, будучи интегрированной в социально-экономическую жизнь сирийского общества, армянская община, начиная с 2011 г., в полной мере ощутила на себе последствия вооружённого конфликта. Как уехавшие, так и оставшиеся в стране армяне столкнулись с целым рядом проблем экономического характера. Сложности были связаны, во-первых, с тем, что у многих из них были разрушены дома, а также магазины и мастерские, которые служили единственным источником дохода; те же, у кого остались дома, столкнулись с нехваткой воды, отсутствием электроэнергии и многими другими проблемами [23]. Множество трудностей возникло у сирийских армян и в новых странах пребывания, в том числе в Армении.

В этих условиях особенно важное значение приобрели уже существовавшие, а также созданные после начала сирийского конфликта армянские организации, которые развернули активную деятельность по оказанию помощи сирийским армянам как непосредственно в Сирии, так и в новых странах их пребывания.

Роль армянских организаций и учреждений в жизни армянской общины Сирии

Армянская община Сирии имеет достаточно широкую и развитую структурно-организационную базу с первых лет её становления. Уже в 1920-е годы армянские беженцы создавали здесь первые армянские культурные, спортивные, молодёжные организации и союзы. В этот период активную деятельность стали разворачивать и уже существовавшие на тот момент общеармянские организации, например, основанный в 1906 г. Армянский всеобщий благотворительный союз [21, сс. 526-528].

В зависимости от направления деятельности армянские организации и учреждения в Сирии можно разделить на политические (армянские национальные партии), религиозные (армянские церкви), культурные и образовательные (школы, культурные и спортивные центры, союзы и клубы), а также благотворительные.

В организационном плане для армянской общины Сирии характерна сетевая структура, так как большинство организаций и учреждений имеют отделения и

представительства во всех сирийских городах со значительным армянским населением [10, с. 14].

Здесь действуют как общедияспоральные армянские организации, имеющие свои подразделения во всех армянских общинах, так и местные, действующие только на территории этой страны. К основным армянским общедияспоральным организациям, присутствующим в Сирии, относятся: национальные политические партии («Дашнакцутюн», «Гнчак», «Рамкавар-Азатакан»), культурный союз «Нор Серунд», образовательное и культурное общество «Амазгаин», культурное объединение «Тэкеян», Армянское молодёжное общество, Армянский всеобщий спортивный союз, Армянский всеобщий благотворительный союз, Крест армянской помощи, Союз армянской помощи [6, с. 13].

Рассматривая основные армянские организации в Сирии, следует, в первую очередь, обратить внимание на деятельность армянских национальных партий: Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн», социал-демократической партии «Гнчак» и либерально-демократической партии «Рамкавар-Азатакан», – идеологическое и политическое противостояние которых всегда влияло на деятельность многих культурных и образовательных учреждений, а также армянских церквей. Образованные ещё в конце XIX в., все три партии на первых же этапах формирования армянской общины развернули активную деятельность на территории Сирии, что при французском мандатном режиме не встречало особых преград. Их деятельность характеризовалась постоянной борьбой за влияние в общине; к тому же ко многим вопросам, затрагивавшим интересы общины, у них часто разрабатывались совершенно разные подходы.

Так, идеологическое противостояние по проблеме выстраивания отношений с советскими властями в Армении между партией «Дашнакцутюн» (выступала против установления каких бы то ни было связей с Советской Арменией), с одной стороны, и партиями «Гнчак» и «Рамкавар» (занимали более гибкую позицию в данном вопросе), с другой, имело весьма негативные последствия для единства общины [3, сс. 139-141]. Вместе с тем некоторые исследователи обращают внимание на то, что подобное противостояние позволило достичь политического равновесия, благодаря которому армянской общине удавалось балансировать между различными политическими силами и режимами [6, с. 14].

Важно отметить, что возможности армянских партий в Сирии напрямую зависели от политического режима в стране. Так, в условиях мандатного режима в 1930–1940-е годы эти партии превратились в основную руководящую силу сирийской армянской общины, способную выступать в качестве представителя её интересов, а также имеющую возможность мобилизовывать общинные ресурсы. Однако уже в 1950–1960-е годы деятельность армянских партий была ограничена, а с приходом к власти «Баас» она и вовсе оказалась запрещена законом [16].

На сегодняшний день армянские национальные партии в основном действуют в Сирии через созданные ими культурные, общественные и спортивные союзы, так как в качестве политической силы властями государства они не признаются [10, с. 14]. К тому же и в среде сирийских армян партийная принадлежность уже не связывается с поддержкой определенной идеологии и участием в партийной жизни, а в большей степени влияет на выбор отдельного культурного, молодёжного союза или школы, действующих «под покровительством» той или иной партии [16]. Необходимо отметить, что, несмотря на некоторые негативные проявления внутриобщинной борьбы между армянскими партиями, они сыграли важную роль в деле формирования и самоорганизации сирийской армянской общины, а также в процессе её дальнейшего развития.

Важнейшее место в жизни общины занимает Армянская Церковь, которая играет ключевую роль во всех сферах её деятельности, служит проводником её интересов и связующим звеном в отношениях с государством. Армяне в Сирии принадлежат трём церквям: Армянской апостольской, Армянской католической и Армянской евангелической (протестантской). Большинство членов общины принадлежит Армянской апостольской церкви [10, с. 13]. Армянские церкви здесь нельзя рассматривать исключительно как религиозные институты, поскольку область их деятельности гораздо шире: культурная, образовательная, социально-экономическая сферы. После геноцида 1915 г. церкви сыграли огромную роль в организации мероприятий по оказанию помощи армянским беженцам и сиротам, проживавшим в сирийских лагерях для беженцев [10, с. 10]. В последующие годы их основные усилия были направлены на развитие общественно-культурной жизни общины.

Все три армянские церкви в Сирии осуществляют активную деятельность по организации образовательного процесса в армянских школах и культурной жизни общины, оказанию помощи семьям, финансовой поддержке школьников и студентов, изданию армянских периодических газет и журналов [1, с. 50]. У них есть также своя судебная-правовая система, имеющая полномочия решать многие внутриобщинные вопросы [18, с. 3].

В целом, несмотря на проблемы, связанные со спорами о принадлежности епархий внутри Армянской апостольской церкви в Сирии (которые в прошлом приводили к весьма серьёзным разногласиям внутри общины) [21, сс. 693-696], все три присутствующие в стране армянские церкви сыграли положительную роль в деле организации жизни общины и сохранения её культурного облика. Эти задачи решались в тесном взаимодействии с многочисленными армянскими культурными, молодёжными, спортивными союзами, а также армянскими школами.

Наиболее активную роль в жизни сирийской армянской общины играли и продолжают играть Ассоциация армянской молодежи Сирии, культурный союз «Нор Серунд», образовательное и культурное общество «Амазгаин», культурное объединение «Тэкеян», Армянское молодёжное общество, Армянский всеобщий спортивный союз.

Так как многие из этих организаций и союзов основывались и финансировались армянскими партиями, то вследствие разногласий между последними они иногда рассматривались как конкурирующие структуры, создаваемые для усиления влияния национальных партий [3, с. 141]. Но, несмотря на это, существование большого числа собственных культурных, молодёжных и спортивных организаций, безусловно, способствовало активному развитию общественной жизни общины, её большей сплочённости, и, что не менее важно, патриотическому воспитанию молодёжи.

Особое внимание в общине всегда уделялось организации образовательного процесса. Под покровительством трёх армянских церквей, Армянского всеобщего благотворительного союза, других благотворительных и культурных организаций до начала конфликта в более чем 10-и сирийских городах действовало свыше 30-и армянских школ (некоторые из них были основаны ещё в середине XIX в.) [1, сс. 205-206].

Важно заметить, что до 1967 г., когда сирийские власти стали применять серьёзные ограничения в образовательной сфере, не существовало никаких препятствий для преподавания предметов на армянском языке в армянских школах [19, сс. 56-57]. Но и в дальнейшем благодаря усилиям армянских церквей и культурных союзов всё же удалось добиться того, что наряду с преподаванием предметов на арабском языке в армянских школах выделялось шесть часов в неделю на преподавание родного языка и истории церкви на армянском языке [10, с.

31]. Таким образом, армянская община стала единственным этноконфессиональным меньшинством в Сирии, которое получило право преподавать некоторые предметы в школе на родном языке [9, с. 38].

При рассмотрении действующих в Сирии армянских организаций и структур нельзя не отметить отдельно роль армянских благотворительных союзов и учреждений, которые наряду с оказанием финансовой помощи сирийским армянам, также всегда вели активную деятельность в различных сферах жизни общины. Основными из них являются: Армянский всеобщий благотворительный союз, Армянский союз помощи, Фонд Говарда Карагёзяна, Фонд Галуста Гюльбенкяна [3, сс. 143-147]. Их первостепенной задачей на начальных этапах существования армянской общины Сирии было предоставление помощи армянским беженцам, финансирование приютов для сирот, однако по мере социально-экономического развития армянской общины благотворительные организации начали работать в новых направлениях. В этом отношении наиболее показательна деятельность Армянского всеобщего благотворительного союза. Эта организация уже в начале 1930-х годов обратила особое внимание на проблему сохранения армянской идентичности, развития национальной культуры, образования [12, с. 263]. Под её покровительством со временем в Сирии стали открываться новые армянские школы, спортивные и молодёжные организации. Союз также финансировал многочисленные культурные программы, выдавал пособия армянским школам [7, сс. 323-336].

В целом, помимо основных направлений своей деятельности, все армянские организации и учреждения в Сирии ориентировались на выполнение следующих общих задач: обеспечение безопасности общины и решение некоторых социально-экономических проблем в первые годы её существования; сохранение армянской культуры и идентичности посредством активного развития сети армянских культурных, молодёжных, спортивных центров и объединений, образовательных учреждений.

После начала сирийского конфликта сирийская армянская община Сирии столкнулась с целым рядом проблем, для решения которых были также необходимы совместные усилия всех армянских организаций и структур. Среди возникших в условиях конфликта задач можно выделить, во-первых, обеспечение безопасности сирийских армян, а во-вторых, сохранение общины и функционирования её основных структур.

Весьма показателен тот факт, что даже в условиях вооружённого конфликта большинство армянских организаций и учреждений продолжили свою деятельность, а армянское генеральное консульство в Алеппо было единственным иностранным дипломатическим представительством в этом городе, которое не закрылось в военное время [4].

В условиях войны особое значение приобрела работа армянских благотворительных организаций и фондов, которые оказывали гуманитарную и финансовую помощь пострадавшим армянам. Так, например, Фонд Галуста Гюльбенкяна только в 2013 г. предоставил сирийским армянам финансовую помощь в размере 830 тыс. долл.; основную часть суммы получила армянская община Алеппо, в наибольшей степени пострадавшая от военных действий [15].

В этот период армянские организации столкнулись с необходимостью решения совершенно новой задачи, а именно, – оказания помощи армянам, вынужденно покинувшим Сирию. В связи с этим наряду с активизацией деятельности уже существовавших к началу сирийского конфликта армянских организаций стали появляться новые объединения, учреждения и фонды. В основном они развернули деятельность на территории Армении, куда, по данным на 2015 г., переехали около 22 тыс. сирийских армян [20]. Появление в Армении новых армянских организаций и

фондов, оказывающих помощь сирийским армянам, было связано с необходимостью содействия их интеграции в этой стране и решения проблем, связанных с обеспечением людей жильем, работой, оплатой учёбы. Наибольшую активность в этом направлении уже на протяжении нескольких лет проявляют Благотворительная организация соотечественников «Алеппо» («Aleppo» Compatriotic Charitable Organization)¹, Союз сирийских армян (Syrian Armenians Union)², Фонд помощи сирийским армянам (Syrian Armenian Relief Fund)³, Координационный центр по проблемам сирийских армян (Center for Coordination of Syrian Armenian's Issues) [13].

Таким образом, в условиях сирийского конфликта развитая организационная структура армянской общины Сирии стала одним из главных факторов, позволяющих на сегодняшний день обеспечивать возможность её относительно нормального функционирования. К тому же с появлением организаций по оказанию помощи сирийским армянам на территории Армении произошло расширение функций армянских организаций как в количественном отношении, так и в плане направлений деятельности.

* * *

На протяжении всей истории существования армянской общины Сирии её функционирование обеспечивалось благодаря работе большого числа различных армянских организаций и структур (культурных, образовательных, политических, религиозных, благотворительных). Несмотря на то что сферы и направления деятельности этих структур различаются, исторически сложилось так, что все они были нацелены на решение следующих общих задач: обеспечения безопасного существования общины и сохранения армянской культуры и идентичности.

Деятельность армянских организаций приобрела особое значение в условиях начавшейся в 2011 г. войны в Сирии, в результате которой армянская община вновь столкнулась с проблемой обеспечения безопасности, преодоления серьёзных социально-экономических трудностей, и в целом продолжения своего существования в этой стране.

Таким образом, изучение истории развития и особенностей функционирования основных армянских организаций и учреждений в Сирии показало, что они, действительно, играли и продолжают играть большую роль в жизни сирийской армянской общины. Важное место среди них в последние годы стали занимать новые организации и объединения сирийских армян, проживающих в Армении.

В целом активная и весьма эффективная деятельность армянских организаций и учреждений, направленная на восстановление армянской общины, позволяет предположить, что армянские организации в Сирии и за её пределами могут сыграть положительную роль также в процессе будущего восстановления Сирийского государства.

Список литературы:

1. Арутюнян Н.К. Հրաշխակի և Սիրիայի հայկալիկ դպրոցները (Армянские школы Сирии и Ливана). Ереван: Зангак-97. 2002. 304 с.
2. Даллакян К.Л. Հայ սփյուռքի փառաբանություն (История армянской диаспоры). Ереван: Зангак-97. 2004. 288 с.
3. Дятлов В.И., Мелконян Э.Л. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа. 2009. 207 с.

¹ «Aleppo» Compatriotic Charitable Organization (<https://aleppo-ngo.org/>).

² Syrian Armenians Union Organization (<http://syraarbi.am/>).

³ Syrian Armenian Relief Fund (<http://www.syrianarmenianrelieffund.org/>).

4. Интервью с послом: Тигран Геворкян. // News.am. 12.09.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://news.am/rus/news/285710.html> (accessed: 18.03.2019)
5. Конституция Сирии 1974 г. // World constitutions. [Электронный ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=85> (accessed: 28.03.2019)
6. Мелконян Э.Л. Հայ սփյուռք (Армянская диаспора). // Հայ սփյուռք (Армянская диаспора). Под ред. О.М. Айвазяна. Ереван: Армянское энциклопедическое издательство. 2003. Сс. 7-16.
7. Мелконян Э.Л. Армянский всеобщий благотворительный союз: неоконченная история. // Ереван: Тигран Мец. 2010. 486 с.
8. Овян В. Սիրիայի հայ համայնքը հետապնդելիք շրջանում (Армянская община Сирии в постконфликтный период). // Глобус. 2018. № 6 (95). Сс. 36-42.
9. Овян В. Սիրիայի հայ համայնքի քաղաքական դիրքորոշումների շուրջ (К вопросу о политической позиции армянской общины Сирии). // Глобус. 2013. № 4 (37). Сс. 34-41.
10. Пашаян А.А., Арутюнян Л. М. Սիրիայի հայ համայնքը. արդի հիմնախնդիրներ (Армянская община Сирии: современные проблемы). Ереван: Лусакн. 2011. 154 с.
11. Топузян О.Х. Սիրիայի և Լիբանանի հայկական գաղթօջախների պատմություն (1841–1946) (История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946)). Ереван: Институт Востоковедения Академии наук РА. 1986. 372 с.
12. Фишенкчян А.А. Սուրիոյ հայ համայնքի պատմությունը (1946–1970) (История армянской общины Сирии (1946–1970 гг.)). Ереван: Институт истории Академии наук РА. 2018. 344 с.
13. Center for Coordination of Syrian-Armenians' Issues NGO marks 2nd anniversary. // Armenians Today. 07.11.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://hayernaysor.am/en/archives/71593> (accessed: 18.03.2019)
14. Greenshields T.H. The settlement of Armenian refugees in Syria and Lebanon, 1915–1939. Durham University. 1978. 395 p.
15. Gulbenkian Grants for Syria exceed \$ 800,000 in 2013. // Calouste Gulbenkian Foundation. 20.01.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://gulbenkian.pt/armenian-communities/2014/01/20/gulbenkian-grants-for-syria-exceed-800000-in-2013/> (accessed: 18.03.2019)
16. Migliorino N. «Kulna Suriyyin»? The Armenian community and the State in contemporary Syria. // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. Décembre 2006. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.openedition.org/remmm/3020> (accessed: 18.03.2019)
17. Nearly 20,000 Armenians Still Live in Aleppo. // Lragir.am. 14.02.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lragir.am/en/2017/02/14/36800> (accessed: 18.03.2019)
18. Sanjian A. Armenians in the Middle East. Symposium on «Minorities in the Middle East». Florida State University. 2008. 8 p.
19. Sanjian A. Armenians in the midst of civil wars: Lebanon and Syria Compared. // Noravank. 2015. Pp. 54-88.
20. Study on migration related considerations of displaced Syrian population. // UNCH Armenia. 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.am/up/library/Study_migration_syrians-2015.pdf (accessed: 18.03.2019)
21. Հայ սփյուռք (Армянская диаспора). Под ред. О. М. Айвазяна. Ереван: Армянское энциклопедическое издательство. 2003. 732 с.
22. Հայրենիք-Սփյուռք հարաբերությունները. 1918 թվականից մինչև մեր օրերը (Отношения «Армения – Диаспора: с 1918 г. по наши дни»). Под ред. Э.Г. Минасяна. Ереван: Издательство ЕГУ. 2017. 244 с.

23. Սիրիայում ապրող հայերը հիասթափված են (Проживающие в Сирии армяне разочарованы). // Azatutyun.am. 01.06.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.azatutyun.am/a/27047484.html> (accessed: 18.03.2019)

Об авторе:

Аида Гагиковна Петросян – лаборант-исследователь Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12; аспирант Кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: aidapetrosyan05@gmail.com

Armenian Communal Organizations and Structures in Syria

A.G. Petrosyan

Institute of Oriental Studies RAS

Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University

Abstract: *This article discusses some specific characteristics of the Armenian community in Syria as well as of its organizational structure. Main attention is paid to Armenian organizations in Syrian cities with large Armenian population, namely Aleppo, Damascus, Kesab, Latakia, Qamishli and some other. These organizations include religious, cultural, educational, charitable and political ones. They all have always played a great role in the self-organization process of the Armenian community of Syria as well as in preserving the Armenian culture and identity. Following the outbreak of the Syrian conflict, these organizations became more actively engaged in communal affairs as the community faced major economic problems and needed to guarantee the security of its members. The conflict posed a direct threat to the very survival of the Armenian community – the problem that is likely to affect the prospects of Syria's reconstruction which will to some extent depend on the efforts of the Syrian Armenians who still reside in the country as well as of those who chose to leave it during the conflict.*

Key words: *Armenian community, Syrian conflict, Armenian organizations, Armenian culture, Armenian General Benevolent Union, humanitarian aid, Syria's reconstruction.*

About the author:

Aida G. Petrosyan – Research Assistant at the Centre of Arabic and Islamic Studies, IOS RAS. Russia, 107031, Moscow, Rozhdestvenka street, 12; Postgraduate Student at the Department of Regional Factors in World Politics, Faculty of World Politics, Lomonosov MSU. Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1.

Email: aidapetrosyan05@gmail.com

Н.А. Кузьмин

Политэкономическая модель нефтяной отрасли Иракского Курдистана

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

Страны и регионы, чья экономика опирается на нефтегазовую ренту, подвержены сильному влиянию конъюнктуры на мировом рынке, а также ситуации в самой отрасли в пределах государственных и административных границ. Курдский автономный район (КАР) Ирака не является исключением. В статье показано, как именно развитие нефтяного сектора местной экономики влияло на внутривнутриполитическую обстановку в автономии, а также на её отношения с федеральным центром и другими государствами. В частности, региональная экономика рассмотрена в контексте двух ключевых источников нефтяной ренты – собственных экспортных поставок и доли от доходов иракских властей. Это позволило выявить закономерность влияния нефтяного фактора на политические процессы, в которых одной из сторон является КАР, и сформулировать её теоретико-игровую модель. Применение этой модели позволило объяснить ряд феноменов, которые связывают нестабильность и конфликтность во взаимоотношениях указанных сторон с дисбалансом источников нефтяной ренты Иракского Курдистана. Как выяснилось, несогласованное форсированное развитие собственной экспортно-ориентированной отрасли автономии ведёт к обострению противоречий с центральными властями. Помимо этого, был обнаружен и ряд других корреляций, связывающих, например, динамику объёма нефтяной ренты с внутривнутриполитическими процессами и протестными настроениями, географическую структуру экспорта – с внешнеполитической ориентацией руководства региона, а пространственное размещение основных объектов нефтяной индустрии – с соотношением политических сил в автономии.
Ключевые слова: Ирак, Курдский автономный район, нефтяная отрасль, ивент-анализ, теория игр.

Одной из наиболее серьёзных угроз, принимаемых во внимание в контексте анализа перспектив дальнейшего развития Ирака, являются потенциальные последствия гипотетического нарушения территориальной целостности страны. В первую очередь, этот вопрос затрагивает отношения между федеральным правительством и властями Курдского автономного района (КАР), которые на протяжении истории часто заявляли о своей готовности бороться за обретение независимости. Особый интерес вызывает углеводородный аспект данной проблемы, а именно степень и формы воздействия фактора нефтяной ренты на политическую жизнь Иракского Курдистана.

Часто встречается мнение, что углеводородный сектор может стать (если ещё не стал) фундаментом построения независимого курдского государства на севере Ирака. Однако сами руководящие круги региона не демонстрируют однозначной

уверенности в этом, на что указывают, помимо всего прочего, уступки федеральному центру со стороны Регионального правительства Курдистана (РегПК) на фоне санкций, введённых после референдума по вопросу сецессии, – несмотря на доступные нефтяные богатства и открывающиеся в связи с ними возможности. Исходя из этого, *цель* данной работы – определить политэкономическую роль, которую играет нефтедобывающая отрасль экономики КАР.

Основные *гипотезы* исследования можно сформулировать следующим образом: 1) ситуация в нефтяном секторе КАР отражается на политических процессах в регионе и за его пределами; 2) значительный перекося в структуре нефтяной ренты Иракского Курдистана в пользу автономных источников дохода приводит к росту напряжённости в отношениях с федеральным правительством; 3) географическая структура экспорта влияет на внешнеполитическую ориентацию местных элит; 4) спатальная структура нефтяной индустрии отражается на расстановке сил на региональной политической арене.

При поиске ответов на поставленные в данной статье вопросы *теоретической основой* можно считать концепцию «государства-рантье» Х. Беблэви [2]. Помимо этого, использовалась теория порядков социального доступа Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Уайнгаста [12]. *Эмпирическую базу* исследования составляют статистические данные Всемирного Банка, Статистического бюро КАР, МЭА, ООН и ряда других организаций. Большую роль в отслеживании динамики сырьевого сектора рассматриваемого региона сыграли работы аналитиков Оксфордского университета. Кроме того, весомый вклад в исследование внесло использование баз данных, содержащих информацию по политическим событиям и конфликтам – данные проектов ICEWS и Уппсальского университета.

Элиты Курдского автономного района Ирака на протяжении последних десятилетий опирались на два основных источника ренты: самостоятельная добыча нефти с её последующим экспортом на внешние рынки и получение доли от нефтяных доходов федерального правительства. Говоря категориями теории игр, отношения между федеральным центром и автономией по вопросам распределения нефтяной ренты вполне можно представить в виде игры с ненулевой суммой (поскольку система не является замкнутой), и оба этих источника ассоциированы с определёнными стратегиями максимизации выигрыша для каждой из сторон. РегПК может либо заниматься самостоятельными нефтяными поставками, либо опираться на доходы из федерального бюджета, передав контроль над собственными запасами углеводородов и инфраструктурой центральным властям. Правительство Ирака, в свою очередь, может либо дотировать КАР, либо ввести против региона санкции и снизить тем самым собственные издержки на его содержание. В таком случае взаимоотношения автономного образования и федерального центра можно представить в виде следующей игры:

Таблица 1. Пример таблицы выигрышей РегПК и иракского правительства при распределении добываемой и экспортируемой нефти

		Правительство Ирака	
		Дотирование КАР	Санкции
РегПК	Самостоятельный экспорт нефти	A2 A1	B2 B1
	Федеральный контроль	C2 C1	D2 D1

В этой схеме A1, B1, C1, D1 – возможные выигрыши и проигрыши автономии в каждой ситуации, в то время как A2, B2, C2, D2 – выигрыши и проигрыши центральных властей. Соотношение указанных переменных обуславливает итоговую стратегию каждой из сторон, что определяет не только формат распределения ренты, но и политический курс в целом. В ходе исследования и предстоит оценить данные соотношения и их динамику.

Развитие топливно-энергетического комплекса КАР и эволюция его политэкономической роли

Ископаемое сырьё играет важную роль в экономике КАР, однако точных данных о его запасах нет. По наиболее надёжным сведениям, готовые к освоению и разрабатываемые резервы нефти составляют 6.7 млрд. баррелей (11.1 – вместе со спорными территориями). Объёмы предполагаемых запасов находятся в районе отметки в 45-50 млрд. Следует отметить, что существенная часть из этих резервов представлена неизвлекаемой и трудноизвлекаемой нефтью, что снижает практический ресурсный потенциал автономии и уже привело к его переоценке в сторону снижения [10, с. 29]. Кроме того, нужно указать и на географически неоднородное распределение запасов и объектов транспортной инфраструктуры: большая их часть сосредоточена в так называемой «жёлтой зоне» – сфере влияния Демократической партии Курдистана (ДПК) в провинциях Эрбиль, Дохук и в северных районах Киркука и Найнавы [11, сс. 17-18]. В освоении ресурсов региона можно выделить три основных этапа: 1991–2003 гг., 2003–2014 гг., 2014 – н. вр. По этим этапам и предполагается проследить эволюцию политэкономической роли ТЭК.

Первый этап (1991–2003 гг.)

После введения над северными районами Ирака бесполётной зоны три провинции Иракского Курдистана получили фактическую автономию. Вместе с тем дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие данного образования натолкнулось на ряд весьма существенных затруднений. Во-первых, это послевоенная разруха. Во-вторых, – двойная изоляция региона, ставшая следствием санкций, введённых по решению Совета Безопасности ООН против всего Ирака в целом, и блокады, установленной центральным правительством уже непосредственно против вышедших из-под его контроля территорий. В-третьих, это слабость новых институтов власти, усугубленная коллапсом существовавшей ранее системы.

Сочетание упомянутых выше факторов, по сути, лишало Иракский Курдистан возможности рассчитывать на внешние инвестиции в свою углеводородную отрасль, а собственных средств на развитие добывающей индустрии у автономии не было. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этой отрасли на территории, контролировавшейся в то время курдскими силами, практически не существовало. За весь период в регионе было пробурено всего две скважины, которые должны были покрывать весьма скромную часть внутренних потребностей [11, с. 7].

Не имея возможности вести разработку собственных природных ресурсов и стать сколь-нибудь существенным производителем и экспортёром энергоносителей, Курдский автономный район вместе с тем оставался импортёром и транзитёром углеводородов. Контрабандные поставки иракской нефти через территорию автономии в нарушение санкционного режима обеспечивали правящим элитам региона многомиллионные доходы. Однако главным проявлением воздействия нефтяного фактора на экономику Иракского Курдистана стали средства, получаемые по программе «Нефть в обмен на продовольствие». Три северные провинции Ирака

в 1996–2002 гг. получали 13% совокупных доходов от экспорта иракской нефти, что в абсолютных цифрах составило 7.2 млрд долл. [13, с. 7], причём сумма выросла с 260 млн долл. в 1996 г. до 875 млн долл. в 2000 г. Указанные средства распределялись между Эрбилем, Дохуком и Сулейманией в пропорции 34:23:43 [14, сс. 55-56].

Иными словами, несмотря на отсутствие собственной производственной базы, экономика Иракского Курдистана на первом этапе существования автономии всё равно находилась в зависимости от нефтяной ренты, источник которой, однако, лежал за пределами границ региона.

С самого своего появления Курдский автономный район Ирака приобрёл черты рентного государства. Рента дала возможность руководству курдского национального движения не просто обеспечить элементарное выживание автономии, но и выстроить сети отношений «патрон-клиент», оформленные посредством обеспечения занятости населения в госсекторе, а также за счёт системы льгот и субсидий, направленных на обеспечение лояльности жителей правящим кругам. Закрытый характер порядка социального доступа, в свою очередь, предопределил гетерогенность элиты и одновременно отсутствие эффективного институционального механизма распределения ренты между различными её группами. На практике это вылилось в вооружённый конфликт между ДПК и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) с последующим расколом региона на «жёлтую» и «зелёную» зоны соответственно. Причиной конфликта стала борьба за контроль над потоками контрабанды и транзита (основные маршруты проходили в сторону Турции через территорию ДПК), существенная часть которых приходилась именно на нефть.

Однако введение программы «Нефть в обмен на продовольствие» способствовало заключению перемирия между ними и подписанию Вашингтонских соглашений 1998 г., поскольку продолжение боевых действий могло поставить под угрозу дальнейшую реализацию упомянутой инициативы, а значит, лишить противоборствующие стороны финансовой подпитки. В то же время поражение ПСК [15, с. 54] в этой борьбе (ДПК получала 57% доходов, ПСК – только 43%) предопределило крах материальной основы системы «50 на 50», предполагавшей равенство двух основных политических сил региона, и укрепило доминирование клана Барзани на местной политической арене.

Несмотря на уход иракских государственных институтов с территории северных провинций, оказавшихся под контролем курдских сил, связи между центральным правительством и автономией не были разорваны полностью. Именно нефтяной сектор играл важную роль в поддержании контактов между двумя сторонами, которые были материально заинтересованы в относительной разрядке напряжённости ради сохранения функционирования потоков материальных средств. Направления этих потоков – их преимущественная концентрация в зоне влияния ДПК – оказывали воздействие на позицию правительства С. Хусейна по отношению к расстановке сил внутри региона, предопределив, наравне со многими другими факторами, поддержку им клана Барзани в конфликте с ПСК.

Иракский ТЭК изначально был ориентирован на внешние рынки. Направление транзитных потоков обусловило тесные связи ДПК с Турцией и ПСК с Ираном соответственно. Материальная заинтересованность обеспечила поддержку со стороны указанных стран возникшему статус-кво: их устраивало существование неподконтрольного правительству в Багдаде негосударственного территориального образования, на которое они могли распространять своё влияние.

На данном этапе взаимодействие в разделе нефтяных доходов способствовало деэскалации конфликта. Точных данных по конфликтам за период 1991–1995 гг. нет,

однако столкновений сравнимого масштаба после 1996 г. и до конца рассматриваемого периода не фиксировалось, что даёт основание говорить о справедливости этого вывода. Следует отметить, что признаки завершения данной фазы начали появляться уже в 2002 г., когда наметился рост в количестве актов насилия. Примечательно, что к этому времени доходы от программы «Нефть в обмен на продовольствие» значительно снизились, к тому же тогда было заключено первое соглашение о разделе продукции между РегПК и турецкими нефтяниками [11, с. 7]. Это можно продемонстрировать следующим графиком:

График 1. Количество актов насилия с участием сил РегПК и правительства Ирака в 1995-2002 гг. (на основе базы данных ICEWS) [3].

Обосновать подобную ситуацию можно следующим образом: поскольку на рассматриваемом этапе собственных существенных добывающих и экспортных мощностей в Иракском Курдистане не было, отношения автономии с центральным правительством сводились к тому, какую линию займет Совет революционного командования (СРК) Ирака во главе с С. Хусейном. Учитывая, что доходы Ирака зависели от выполнения условий программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие», в том числе и в части, касавшейся финансирования трёх северных провинций, а также от контрабанды, матрица выигрышей (дана в виде объёмов средств в млрд долл.) принимала следующий вид:

Таблица 2. Объёмы средств, отведённых КАР и центральному правительству Ирака в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» (в млрд. долл. США) [16, 7].

		Правительство Ирака	
		Дотирование КАР	Санкции против КАР
РегПК	Сотрудничество с центром	31.12	<<31.12
		7.2	<<7.2

Подобный её характер обуславливал фактическую (пусть и опосредованную ООН) кооперацию иракского правительства с властями автономии. Из этого

неизбежным образом следовало ослабление напряжённости внутри региона и в отношениях между центром и КАР.

Второй этап (2003–2014 гг.).

Вторжение американских войск в Ирак открыло перед лидерами курдской автономии широкий простор для манёвра, и они не преминули воспользоваться представившимися возможностями. В короткие сроки курдская администрация распространила своё влияние на обширные территории, рассматривавшиеся как курдские. Кроме того, в ходе переговоров по поводу нового государственного строя руководству курдского национального движения удалось документально закрепить за собой широкие полномочия. Огромную роль сыграло снятие санкций с Ирака и, соответственно, с его северных провинций.

В подобной обстановке местная нефтяная отрасль начала развиваться чрезвычайно быстрыми темпами. Бурный подъём данного сектора связан с открытием Иракского Курдистана для иностранных корпораций (DNO, Genel Energy, Dana Gas, Crescent Petroleum и др.). К 2014 г. было заключено около 50 соглашений о разделе продукции, а лицензии на геологоразведочные работы покрывали к этому моменту практически всю территорию автономии, за исключением восточных районов у горного хребта Загрос [11, с. 19]. Было пробурено 169 пробных скважин [11, с. 17]. В создание соответствующей добывающей инфраструктуры и проведение геологоразведочных работ было вложено 4.5 млрд долл. [7, с. 64]. Нефтедобыча в автономии выросла с 1 085 барр. в день в 2003 г. до более чем 215 000 в 2013 г. [8, с. 8]. В это время сохранялись высокие цены на сырьё, что также способствовало развитию отрасли и экономики региона в целом.

Однако до начала 2014 г. власти Курдского автономного района не могли экспортировать крупные объёмы нефти за рубеж в обход центральных властей, поскольку экспортный трубопровод по территории региона был проведён лишь к концу 2013 г. До этого момента добытая нефть реализовывалась на внешних рынках автомобильным транспортом, использовалась для внутреннего потребления, либо же она поступала в распоряжение государственной компании SOMO в рамках заключённых в 2009 и 2011 гг. соглашений. В обмен на 60 и 175 тыс. барр. в день соответственно автономия должна была получать 17% от иракских нефтяных доходов (минус суверенные расходы), составлявших фундамент доходной части бюджета КАР, в то время как собственная прибыль министерства природных ресурсов при Региональном правительстве Курдистана была лишь дополнением к этим трансфертам [1, сс. 11-12].

Подобный рост нефтедобывающего сектора имел далекоидущие политические последствия. Нефтяной бум в Ираке и Иракском Курдистане значительно увеличил благосостояние как жителей автономии в целом, так и местных элит в частности. Подушевой ВРП региона к концу 2013 г. находился в районе отметки в 4 800 долл. Экономика региона стремительно росла: темы роста ВРП КАР в одном только 2013 г. составили 8% [7, с. 2]. Накачка экономического роста осуществлялась посредством расширения занятости в госсекторе, а также в интенсивном жилищном и коммерческом строительстве. Подобное расширение экономической активности позволяло существенным образом снизить социальную напряжённость и укрепить сложившийся в регионе общественный порядок. Сохранявшийся контроль ДПК над рентой привёл к дальнейшему укреплению позиций этой партии в отношениях с ПСК.

После свержения С. Хусейна и снятия барьеров на пути развития добывающей отрасли в Иракском Курдистане РегПК оказалось перед дилеммой выбора дальнейшей стратегии освоения местных ресурсов. В конечном счёте выбор был

сделан в пользу самостоятельного экспорта. Важными факторами, обусловившими подобное решение, стал вопрос о суверенных расходах, а также опасения касательно дальнейших перспектив иракской экономики, поскольку кризис в её развитии мог стать естественным ограничителем объёмов финансирования региона. Кроме того, разногласия вызывал и вопрос о статусе нефтеносной провинции Киркук. Всё это стало причиной роста напряжённости в отношениях между двумя сторонами, сопровождавшегося стычками и демонстрациями силы.

Вместе с тем в рассматриваемый период нефтяная отрасль Курдского автономного района находилась всё ещё на этапе своего становления, а местный бюджет зависел от дотаций извне. Поэтому Региональное правительство демонстрировало свою готовность идти на уступки.

Быстрый рост углеводородного сектора экономики КАР и рост благосостояния региона способствовали укреплению внешнеэкономических связей автономии с иностранными контрагентами. В 2013 г. товарооборот превышал уже 20.8 млрд долл. [6, с. 21]. Основными торговыми партнёрами района оставались Турция и Иран [4]. Подобное укрепление экономических связей имело и свои политические проявления в виде тесного сотрудничества Иракского Курдистана с Анкарой и Тегераном.

Период 2003–2014 гг. характеризовался бурным подъёмом экономики КАР, который был обусловлен получением части нефтяных доходов федерального правительства и развитием собственной нефтяной индустрии. Это приводило к снижению уровня напряжённости в регионе, о чём свидетельствуют представленные ниже на графике данные ICEWS. Вместе с тем выделяются пики 2003–2005 гг. и 2012–2013 гг. Первый объясняется конфликтом за Киркук (в целом большая часть стычек в 2003–2014 гг. проходила именно в этом районе), второй – подготовкой к началу крупномасштабного экспорта нефти КАР на внешние рынки. Иными словами, рост конфликтности наблюдался на фоне взятия местными властями курса на экономическую и энергетическую самостоятельность.

График 2. Количество актов насилия с участием сил РегПК и правительства Ирака в 2003-2013 гг. (на основе базы данных ICEWS) [3].

Обоснование подобного положения можно привести следующее. На данном этапе у каждой из сторон было две стратегии действий. Лидеры автономии могли развивать самостоятельную добычу и экспорт, а могли заключить соглашение с федеральным центром. Правительство Ирака, в свою очередь, могло либо

продолжать дотировать регион в рамках соглашения, либо отказаться выделять ему средства. Учитывая, что нефтяная индустрия региона только начинала развиваться (производственные мощности уже имелись, а экспортных ещё не было), следует по отдельности рассматривать ситуацию, существовавшую непосредственно на указанном этапе, и ожидания сторон на будущее. Ирак мог предложить КАР долю в объёме 12% от собственной добычи, что составляло около 0.288 млн барр. в сутки. В таком случае центр мог рассчитывать на поставки нефти с подконтрольных ему месторождений в Турцию по нефтепроводу Киркук–Джейхан, который проходил в том числе и через территорию Иракского Курдистана, в объёме 0.329 млн. барр. ежедневно. В этих условиях матрица выигрышей (дана в виде млн барр. нефти в сутки) приобретала в 2010 г. следующий вид:

Таблица 3. Сравнение объёма ресурсов, отводимых на дотации КАР, с экспортными поставками в Турцию (в млн. барр. нефти в сутки) [6], [14].

		Правительство Ирака	
		Дотирование КАР	Санкции против КАР
РеГПК	Федеральный контроль ТЭК	0.413	0.288
		0.288	0

Очевидно, что в подобных условиях взаимодействие между двумя сторонами было экономически оправданным. Однако в долгосрочной перспективе стороны строили свою стратегию, исходя из ожидаемых объёмов роста добычи и экспорта нефти, что существенным образом меняло соотношение вероятных выигрышей и потерь. В частности, власти Курдского автономного района, а также многие эксперты ожидали, что к 2015 г. РеГПК сможет довести собственную нефтедобычу до 1 млн барр. в сутки [5]. Ирак, по оценкам Международного энергетического агентства, к тому же сроку нарастил бы свою добычу до 3.6 млн барр. в сутки [16, с. 133]. С учётом бюджетной доли в 12%, сохранения транзита нефти через Иракский Курдистан в Турцию и последствий возможного отказа сторон выполнять свои обязательства в случае их нарушения контрагентами, матрица ожиданий сторон на будущее (дана в виде млн барр. в сутки) выглядела так:

Таблица 4. Матрица ожидаемых выигрышей сторон к 2015 г. (в млн барр. нефти в сутки) [17, с.133], [5].

		Правительство Ирака	
		Дотирование КАР	Санкции против КАР
РеГПК	Самостоятельный экспорт нефти	<-0.413 1	-0.413 1
	Федеральный контроль ТЭК	-0.019 0.55	>-0.413 <1

Таким образом, долгосрочные расчёты сторон подталкивали их к конфронтационному пути, предполагавшему самостоятельный экспорт нефти КАР на внешние рынки в условиях санкций против автономии со стороны федерального правительства. Подобный расклад создавал предпосылки для дальнейшего всплеска конфликтности в отношениях между центром и РеГПК.

Современный этап (2014 г. – н. вр.).

В конце 2013 г. в строй был введён Курдистанский экспортный нефтепровод, что позволило властям автономии осуществлять экспорт энергоносителей в больших объёмах. Одно это уже могло отразиться на характере отношений КАР с федеральным правительством и с другими странами. Однако в 2014 г. Ирак потряс «двойной кризис» – обвал цен на нефть и начало войны против ИГИЛ. Для Иракского Курдистана ключевыми последствиями всех этих событий стали, с одной стороны, отказ центральных властей переводить долю бюджета в распоряжение КАР, что было мотивировано дефицитом бюджета и самостоятельным нефтяным экспортом РегПК, падением рентабельности нефтедобычи и ростом оборонных расходов, с другой, – установление контроля над спорными областями и их нефтяными резервами.

После 2014 г. Региональное правительство Курдистана форсировало развитие собственной экспортно-ориентированной нефтяной индустрии. К 2017 г. власти автономии смогли довести объёмы нефтедобычи до 665 тыс. барр. в день по сравнению с 215 тыс. барр. в 2013 г. Этому способствовало, помимо всего прочего, взятие под контроль месторождений Киркука. Доходы от собственной нефтедобычи в 2014 г. равнялись примерно 69.1% доходной части бюджета Иракского Курдистана (остальное – налоги, поступления из федерального бюджета, заимствования и предоплата по будущим поставкам). Одновременно с этим резко сократилась доля переводов из федерального бюджета: вместо предполагавшихся 12 млрд долл., за 2014 г. автономия получила лишь немногим более 1 млрд долл. [7, с. 10].

Несмотря на рост, местная нефтяная отрасль в одиночку была не в состоянии покрыть все потребности бюджета КАР. По оценке экономиста Ахмеда Табакчалы, для того чтобы создать материальную базу независимости, цены на углеводородное сырьё должны были держаться в районе 100 долл. за баррель на протяжении многих лет [15, с. 2]. Его выводы опираются на обзор состояния экономики КАР аудиторской фирмой Deloitte. Согласно опубликованным данным, за первые полгода 2017 г. бюджет автономии сводился с дефицитом в 681 млн долл., а возобновление выплат бюджетникам увеличило бы его до 3.2 млрд долл. [15, сс. 32-33]. И подобная ситуация, следует заметить, наблюдалась через три года после начала самостоятельного экспорта нефти и ослабления связей с Ираком.

Сдвиги в экономике Иракского Курдистана не могли не иметь связи с политическими процессами на разных уровнях. Последствия «двойного кризиса» больно ударили по экономике региона: если в 2013 г. был зафиксирован рост ВРП в 8%, то в 2014 г. его темпы упали до 3.5%, а в 2015 г., по словам министра финансов Курдского автономного района, ожидался прирост менее чем в 1% [9]. Долги КАР выросли с 7.6% ВРП до 75.5%, причём выплаты по 36.4% долгов задерживались. Были урезаны зарплаты работников как в государственном секторе, так и в частном. Снижение варьировалось от 10-20% для рядовых служащих до 75% для высокопоставленных чиновников [7, с. 18]. Всё это привело к тому, что власти региона больше не могли поддерживать существовавший на протяжении предшествовавшего десятилетия консенсус. Недовольство населения резко возросло, начались протесты. Демократические институты в Иракском Курдистане были подорваны: парламент фактически оказался распущен, а президент КАР Масуд Барзани продолжил занимать свой пост в нарушение законодательства. Следует также отметить, что при вступлении на спорные территории самые важные месторождения – Авана и Бей-Хасан – были заняты ДПК, в то время как ПСК получил под свой контроль куда менее продуктивные районы, что стало очередным ударом клана Барзани по своему историческому конкуренту.

Фактический разрыв бюджетных связей привёл к кризису в отношениях между Иракским Курдистаном и федеральным правительством. Его кульминацией стали события осени 2017 г., когда был проведён референдум о независимости региона. За ним последовали санкции со стороны властей Ирака, а также военная операция, в ходе которой был восстановлен федеральный контроль над большей частью спорных территорий, включая нефтеносные районы Киркука. В дальнейшем федеральное правительство небезуспешно навязывало автономии свои условия, среди которых – принятие Региональным правительством Курдистана обязательства по сдаче компании SOMO 250 тыс. барр. нефти в сутки в обмен на 12.67% общенациональных нефтяных доходов. Более того, была предпринята попытка перейти к прямому распределению этих средств между провинциями КАР, что должно было стать важным инструментом в руках центральных властей, который бы позволил им влиять на расстановку сил на региональной политической арене. Однако в бюджете 2019 г. от этого положения отказались.

Попытка перехода Иракского Курдистана на самоокупаемость очень сильно повысила его зависимость от внешних контрагентов, в первую очередь, от Турции, в меньшей степени – от Ирана и других стран. Это дало им в руки рычаг давления на Эрбиль, которым они не замедлили воспользоваться во время референдума о независимости.

Наращивание собственного экспорта со стороны РегПК и прекращение сотрудничества с федеральными властями после 2014 г. на практике отразились в значительном росте конфликтности. Напротив, подрыв материальной базы автономии и необходимость возобновления сотрудничества после операции федеральных сил в Киркуке привели к резкому падению этого показателя после 2017 г. Следует отметить, что заключение даже промежуточной договорённости в 2015 г. имело следствием частичную деэскалацию, которая, однако, быстро сошла на нет на фоне срыва реализации достигнутых соглашений. Примечательно, что уменьшение объёмов ренты привело к возобновлению напряжённости внутри КАР, хотя в данном случае зависимость не столь пряма и очевидна. Одно из её проявлений – трудности с формированием нового состава РегПК. Динамику конфликтности на основании данных ICEWS можно представить в виде следующего графика:

График 3. Количество актов насилия с участием сил РегПК и правительства Ирака в 2014-2018 гг. (на основе базы данных ICEWS) [3].

Если же попытаться представить сложившуюся на данном этапе ситуацию в виде игры, то её условия будут выглядеть следующим образом. Один из её вариантов предполагает, что КАР сдаёт правительству 250 тыс. барр. нефти в сутки в обмен на 12.67% федеральных доходов и позволяет властям прокачивать через свою территорию около 150 тыс. барр. ежедневно с подконтрольных правительству месторождений (с возможностью дальнейшего наращивания объёмов до 300 тыс. барр.). В таком случае положение на 2016 и 2018 гг. (последнее дано в скобках) принимает следующий вид (выигрыш представлен в млн барр. в сутки, основные расчёты – на основе данных профильных министерств по объёмам добычи):

Таблица 5. Сопоставление выигрышей и проигрышей сторон (в млн барр. нефти в сутки) [6], [7], [9].

		Правительство Ирака	
		Дотирование КАР	Санкции против КАР
РегПК	Самостоятельный экспорт нефти	< -0.15 $< (-0.3)$ 0.545 (0.368)	-0.15 (-0.3) 0.545 (0.368)
	Федеральный контроль ТЭК	-0.137 (-0.03) 0.287 (0.702)	-0.15 (-0.3) < 0.545 $< (0.368)$

Исходя из этого, можно сделать вывод, что после «двойного кризиса» 2014 г. устойчивой стратегией для Регионального правительства Курдистана было наращивание самостоятельной добычи и экспорта, а для федерального правительства – отказ от финансирования автономии. Так продолжалось в течение трёх с половиной лет, однако в 2017 г. условия в значительной степени изменились: после операции федеральных сил и восстановления контроля над спорными территориями экспортный потенциал Курдского автономного района сократился практически наполовину. С учётом этого, оптимальным выбором для сторон стал, как представляется на основании доступных на текущий момент данных, компромисс. Однако его перспективы зависят от того, сможет ли РегПК выполнять свои обязательства на фоне социального давления, вызванного необходимостью возобновить выплаты зарплат работникам бюджетной сферы, и давления внешних кредиторов. Другим важным фактором является то, какими темпами будет расти нефтедобыча в КАР и в остальном Ираке, а также какая доля будет вычитаться на федеральные нужды из и без того урезанной квоты КАР в 12.67%, которая раньше (до вычетов) находилась на отметке в 17%.

Общая закономерность

Обобщённые данные за весь рассматриваемый в исследовании период (1991–2018 гг.) выглядят следующим образом:

Таблица 6. Сопоставление динамики насилия с участием сил РегПК и правительства Ирак с динамикой объёмов нефти, добываемых КАР самостоятельно, и дотаций центральных властей, как потенциальных, так и фактических [3], [6], [7], [9].

Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Количество столкновений между КАР и центральными властями	68	18	3	3	0	11	23
Разница между размером доли из федерального бюджета и собственной добычей	28.13785	55.6114	102.5869	119.574	122.5159	114.3071	96.798
Год	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Количество столкновений между КАР и центральными властями	59	74	63	50	70	29	29
Разница между размером доли из федерального бюджета и собственной добычей	57.3324	88.3588	82.3692	87.4882	90.3246	101.346	89.3872
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество столкновений между КАР и центральными властями	26	72	41	69	96	115	54
Разница между размером доли из федерального бюджета и собственной добычей	77.5484	47.7952	54.8692	56.2648	34.3482	-32.225	-3.4026
Год	2017	2018					
Количество столкновений между КАР и центральными властями	115	37					
Разница между размером доли из федерального бюджета и собственной добычей	-5.2318	67.5694					

Коэффициент корреляции между двумя величинами, указанными в таблице, составляет -0.78, что позволяет говорить о высокой степени обратной взаимосвязи

между уровнем напряжённости в отношениях правительства Ирака и Регионального правительства Курдистана, с одной стороны, и ситуацией в нефтяной индустрии, с другой. Чуть меньшая, но всё равно значительная корреляция наблюдается также между разницей в размерах ренты, получаемой регионом из разных потенциальных источников, и уровнем насилия в автономии и вокруг неё в целом: данный коэффициент находится на отметке -0.64. Иными словами, согласование Курдским автономным районом стратегии развития своей нефтяной индустрии с центром, как показывает эмпирический материал, обычно сопровождается снижением конфликтности в регионе.

* * *

Исходя из всего вышеизложенного, можно вернуться к гипотезам, выдвинутым в начале данной статьи, и сделать следующие выводы.

1. Развитие нефтяной отрасли Курдского автономного района и нефтяной сектор экономики в целом оказывают значительное влияние на политическую жизнь региона во всех её проявлениях.

2. На уровне региона распределение контроля над нефтяной рентой обуславливает соотношение сил между основными группами местных элит, предопределяя господство ДПК и упадок ПСК. Кроме того, от динамики финансовых поступлений в бюджет зависит социальная стабильность в КАР – периоды падения этого показателя означают рост протестных настроений и ужесточение политического режима.

3. На национальном уровне противоречия по вопросу стратегии дальнейшего развития сырьевой индустрии неоднократно становились предметом спора между федеральным правительством и властями автономии. Общая тенденция укладывается в рамки здравого смысла: кооперация в освоении ресурсов означает существенное снижение напряжённости между двумя сторонами. Однако переход к такому сотрудничеству экономически целесообразен для РегПК и правительства Ирака только при ряде условий. В частности, добыча в федеральном Ираке должна как минимум не отставать от темпов развития отрасли в Иракском Курдистане, к тому же, стороны должны прийти к компромиссу по поводу статуса Киркука и по размеру квоты региона в финансировании из бюджета. Кроме того, правительство должно иметь возможность пользоваться транспортной сетью автономии.

4. На международном уровне вектор развития нефтедобывающей отрасли КАР оказывает сильное влияние на внешнеполитическую ориентацию местных политических сил, став важным фактором в их тесной связи с Турцией и Ираном. Имеются и признаки обратного влияния: зависимость Иракского Курдистана от торговли с этими странами дала последним существенные рычаги воздействия на автономию, позволив им корректировать политику РегПК, что и проявилось после референдума 2017 г.

Таким образом, можно заключить, что все выдвинутые в начале исследования гипотезы подтверждаются. Вместе с тем представляется целесообразным продолжать работу в указанном направлении, и не только в контексте проблематики КАР.

Список литературы:

1. Alkadiri R. Analysing the hydrocarbon dispute between the federal government and the KRG. // Al-Bayan Center for Planning and Studies. 2016. 29 p.
2. Beblawi H. The rentier state in the Arab world. // Arab Studies Quarterly. 1987. Vol. 9. No. 4. Pp. 383-398.

3. Boschee E., Lautenschlager J., O'Brien S., Shellman S., Starz J., Ward M. ICEWS Coded Event Data. // Harvard Dataverse, V25. 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/icews> (accessed 22.07.2019)
4. Determined to grow: economy. // Invest in Group. October 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://investingroup.org/review/236/> (accessed 22.07.2019)
5. Husari R. Interview with Ashti Hawrami. // Iraq Oil Forum. 10.08.2010. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iraqoilforum.com/?p=1979> (accessed 22.07.2019)
6. Kurdistan region of Iraq: economic and social impact assessment of the Syrian conflict and ISIS crisis. World Bank Group. 2015. 139 p.
7. Kurdistan region of Iraq: reforming the economy for shared prosperity and protecting the vulnerable. World Bank Group. 2016. 219 p.
8. Kurdistan Regional Government Ministry of Natural Resources. Oil Production, Export and Consumption Report 2003-2013. 2013. 52 p.
9. Lee J. KRI growth slows to under 1%. // Iraq-Business News. 01.08.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iraq-businessnews.com/2015/08/01/kri-growth-slows-to-under-1/> (accessed 22.07.2019)
10. Mills R. A rocky road: Kurdish oil and independence. Iraq Energy Institute. 2018. 72 p.
11. Mills R. Under the mountains: Kurdish oil and regional politics. Oxford: Oxford Institute for Energy Studies. 2016. 49 p.
12. North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. Limited access orders in the developing world: a new approach to the problems of development. World Bank Group. 2007. 50 p.
13. Report of the Secretary-General pursuant to paragraphs 7 and 8 of Security Council resolution 1409 / S/2002/1239. United Nations. 2002. 14 p.
14. Stansfield G. Iraqi Kurdistan: political development and emergent democracy. London: Routledge-Curzon. 2003. 261 p.
15. Tabaqchali A. Statehood in the Kurdistan region of Iraq through an economic lens. Sulaimani: The American University of Iraq. 2018. 46 p.
16. World Energy Outlook. International Energy Agency. 2010. 738 p.

Об авторе:

Никита Александрович Кузьмин – студент магистратуры, преподаватель военной кафедры МГИМО (У) МИД РФ. Россия, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: shnaket@yandex.ru

Political Economy Model of the Oil Industry in the Kurdistan Region – Iraq

N.A. Kuzmin

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: *Those countries and regions where economy is based on oil revenues are heavily susceptible to the volatility of global markets as well as to fluctuations in the local oil-extracting sector. The Kurdistan Region of Iraq (KRI), which is a part of the country vital for stability in the Middle East, is not an exception. This article shows how development of the local oil-extracting industry influences domestic politics of the region and its relations with the federal government and foreign powers. In particular, regional economy is analyzed from the perspective of two major oil revenue sources – its own exports and funds obtained from the federal budget. Such perspective allows observing empirical*

correlation between trends in the Kurdistan oil industry and local political processes, as well as elaborating the game theory model of such interdependence. This model has contributed to the discovery of several important patterns, which link instability, high incidence of conflicts and acts of violence in the area with imbalances between the two major oil revenues sources. It has become evident that increasing autonomy of hydrocarbon export industry in the KRI correlates with increasing tensions between the Kurdistan Regional Government (KRG) and the Government of Iraq (GOI), often coupled with armed clashes and violence. Besides, a number of other patterns have been revealed, for example, correlations between: the dynamics of oil rent volumes and domestic affairs in the region in addition to protest sentiments; geographic distribution of exports and foreign policy priorities of the KRG; finally, the spatial structure of the local oil industry and power balance between major political actors in the autonomy.

Key words: *Iraq, Kurdistan Region of Iraq, oil industry, game theory, event-analysis.*

About the author:

Nikita A. Kuzmin – Master's Degree Student, Lecturer at MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospekt, 76.

E-mail: shnaket@yandex.ru

Перспективы перехода ОАЭ к постнефтяной фазе развития

Российский государственный гуманитарный университет

В статье анализируются способы решения проблемы, связанной с зависимостью экономики Объединенных Арабских Эмиратов от экспорта нефти. Автор рассматривает предпосылки становления современной энергетической политики страны, достижения энергетического сектора и его слабые стороны, изучает наиболее перспективные направления развития энергетики в будущем и стратегию политического руководства в отношении масштабной диверсификации экономики. При этом особое внимание уделяется документам долгосрочных перспективных планов, разработанных для определения основных целей и задач государства в сферах экономики, энергетической политики и экологии.

Ключевые слова: Объединенные Арабские Эмираты, энергетический сектор, нефть, экология, Абу-Даби, солнечная энергетика, СПГ, «Видение», альтернативные источники.

На протяжении XX в. всё, что имеет прямое или косвенное отношение к арабской нефти, выросло в многообразную, чрезвычайно разветвлённую и сложную систему взаимосвязанных проблем и противоречий на общемировом и региональном уровнях. По этой причине изучение экономических и политических процессов в странах – экспортёрах нефти представляется актуальной задачей. Основным поставщиком жидкого топлива в мире является регион Залива, где в начале 1990-х годов прошлого века было сосредоточено почти 60% мировых запасов нефти с рекордно низкими издержками производства: 2 долл. за тонну против 28 долл. в США и 55 долл. в Северном море [6, сс. 12, 15]. За счёт арабской нефти, крупнейшие запасы которой сосредоточены в зоне Персидского Залива, Западная Европа и Япония удовлетворяли свои импортные потребности в топливе в среднем на 60%, а США – на 25% [15, сс. 23, 24]. Поэтому государства региона традиционно считаются крупнейшими игроками на международном рынке нефти. Одним из экспортёров «чёрного золота» являются Объединённые Арабские Эмираты – страна, получившая независимость от Великобритании в 1971 г. Тогда же была создана федерация, в которую вошли шесть эмиратов: Дубай, Абу-Даби, Шарджа, Рас Эль-Хайма, Умм Эль-Кайвайн и Фуджейра, а через год к этому списку прибавилась и Рас Эль-Хайма [2, с. 157].

Эмираты входят в организацию стран – экспортёров нефти, активно работают в рамках Совета сотрудничества арабских государств Залива, налаживают экономические и политические контакты со странами Запада, а также участвуют в решении различных международных конфликтов в качестве посредника. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Объединённые Арабские Эмираты ведут активную международную деятельность, а энергетическая политика страны играет важную роль в современных региональных и международных процессах. Всё это во многом стало возможным благодаря огромным финансовым ресурсам, приобретённым в результате высокой прибыли от продажи нефти, поэтому изучение потенциала энергетического сектора Эмиратов может дать ответ на важные экономические и политические вопросы, связанные с регионом Ближнего Востока.

Предпосылки перехода в пост-нефтяную эпоху

ОАЭ совершили качественный скачок в сфере нефтедобычи и экспорта чёрного топлива за период с 1970 по 2000 г. Благодаря активным действиям правительства это государство сумело достичь высот в области нефтегазовой промышленности, увеличив доходы с 6 млн долл. в год в 1968 г. до 19 млрд долл. в год к 2000 г. [14, с. 157]. В этот период были построены современные комплексы по переработке нефти, нефтехимии и перераспределению уже готовых продуктов. Именно в эти годы была заложена индустриальная база, позволившая заниматься нефтедобычей в гигантских масштабах. Руководство Эмиратов, осознавая важность этой стратегической сферы, постаралось организовать все необходимые условия для стабильной работы нефтегазовой промышленности.

Кроме масштабного строительства, в стране начали повсеместно развивать систему образования с целью подготовки национальных кадров. Были построены школы, открывались местные высшие учебные заведения, а также субсидировалось обучение граждан ОАЭ за рубежом. Одним из важнейших событий в истории этого молодого государства было возвращение под его полный контроль нефтяных месторождений и предприятий национальной нефтяной компании Абу-Даби – ADNOC в 1972 г. [3, с. 190]. Благодаря этому Объединённые Арабские Эмираты смогли полностью сконцентрироваться на добыче нефти и получить максимальную прибыль от продажи этого стратегически важного сырья, что позволило в кратчайшие сроки изменить облик страны до неузнаваемости, а также повысить международный статус ОАЭ.

В настоящее время Эмираты являются одним из главных поставщиков нефти и газа в мире, располагаясь на седьмом месте в списке стран с доказанными нефтегазовыми запасами [4, с. 24]. Однако важно отметить тот факт, что нефтяная отрасль, несмотря на своё главенствующее положение в экономике страны, имеет определённый предел развития в силу исчерпаемости ресурса. И хотя считается, что при текущей интенсивности потребления и добычи «чёрного золота» этот ресурс будет полностью использован лишь через 150 лет [14, с. 93], Эмираты уже сейчас задумались о неэффективности системы, при которой государство во многом зависит от одной сферы дохода. Для решения столь комплексной задачи требуется диверсификация экономики, которая возможна только при эффективном и рациональном использовании и перераспределении уже полученных «нефтедолларов». Так, согласно официальной статистике министерства экономики, в 2017 г. экспорт нефти и газа из ОАЭ составлял 29.5% ВВП страны, что является высшим показателем среди остальных сфер, приносящих прибыль в казну государства. Затем идут такие перспективные отрасли, как оптовая и розничная торговля, ремонтные услуги, финансовая и страховая деятельность, строительный сектор и перерабатывающая промышленность [13, с. 27]. Конечно, роль нефтедобычи в экономике Объединённых Арабских Эмиратов всё ещё остается фундаментальной, что в определённой степени объяснимо, поскольку страна не так давно начала активно инвестировать в ненефтяные сектора. Однако стоит отметить, что этот разрыв между лидирующей нефтедобывающей отраслью и другими сферами экономики сокращается. Так, по сравнению с последней декадой 2016 г., вклад ненефтяного сектора в экономику вырос на 3.2% и составил 1092 млрд дирхам в 2017 г. [13, с. 27].

Правительство ОАЭ было вынуждено искать новые решения, пересмотреть существующую экономическую систему и сферу энергетической политики (которая традиционно играет роль «локомотива» экономики страны). В связи с этим 30-31 января 2016 г. в Баб-Эль-Шамс (эмират Дубай) руководство страны провело совещание между представителями региональной и федеральной власти. Целью

этого мероприятия стало обсуждение вопроса перехода Эмиратов в пост-нефтяную фазу, а также выдвижение инициатив, которые будут способствовать диверсификации экономики и обеспечат устойчивый рост, опирающийся на человеческий капитал, знания и инновации. Именно для достижения этих целей, связанных с сокращением зависимости от нефтяной отрасли, и стабильного экономического роста в современной политической, экономической и социальной жизни ОАЭ важную роль стали играть стратегии долгосрочного планирования. Они были разработаны как специально для отдельных эмиратов, так и для использования на федеральном уровне, и призваны улучшить к определённому сроку функционирование различных сфер жизнедеятельности государства. Стратегии затрагивают экономику, городскую инфраструктуру, использование современных технологий, здравоохранение, экологию, кибербезопасность и т. д. На данный момент разработаны индивидуальные планы для Абу Даби, Дубая, Шарджы, Адждмана и Фуджейры [9]. Помимо этих стратегий, есть и общие «Видения» («Visions») – планы, которые объединяют стремления всех эмиратов к развитию.

Самой долгосрочной в перспективе стратегией является «Видение 2071» («UAE Centennial Vision 2071»), приуроченное к 100-летию образования федерации. Этот план был разработан по инициативе шейха Мухаммада бен Рашида аль Мактума, занимающего одновременно посты премьер-министра ОАЭ и правителя Дубая. Стратегия направлена на инвестирование в будущие поколения путём их обучения навыкам и знаниям, которые потребуются для противостояния вызовам будущего. Основными достижениями должны стать: правительство, ориентированное на будущее; отличное образование; диверсифицированная экономика и счастливое, сплочённое общество. Следуя этому амбициозному плану, экономика страны должна стать одной из лучших в мире и успешно конкурировать с наиболее развитыми странами. ОАЭ планируют достигнуть этого с помощью повышения производительности в экономике, поддержки национальных компаний, инвестиций в научные исследования и инновационные проекты, разработки национальной стратегии для формирования экономического будущего страны. Экономика будет опираться на национальные научные кадры и их достижения в технических науках [11].

Таким образом, можно проследить чёткую стратегию развития, нацеленную на наукоёмкие сферы деятельности, которые развиваются благодаря национальным кадрам. Подобный путь характерен для стран с переходным типом экономики, которые стремятся войти в постиндустриальную фазу развития.

Другим, не менее амбициозным проектом стала разработанная в 2017 г. «Энергетическая стратегия 2050», которая считается первой единой энергетической программой в ОАЭ, основанной на принципах спроса и предложения. Основной целью этого проекта является увеличение доли «чистой» энергии в общем энергоблоке с 25% до 50% к 2050 г. и сокращение углеродного следа в производстве электроэнергии на 70%, что позволит сэкономить довольно внушительную сумму в 700 млрд дирхамов к 2050 г. Стратегия также ставит своей задачей увеличение эффективности использования энергетических ресурсов физическими и юридическими лицами на 40%. Правительство страны намерено инвестировать 600 млрд дирхамов к 2050 г., чтобы обеспечить устойчивый рост экономики страны и растущий спрос на энергию. Согласно планам, энергетический комплекс должен будет включать в себя возобновляемые, ядерные и чистые источники энергии для удовлетворения потребностей ОАЭ в следующем соотношении: 44% чистой энергии, 38% – газ, 12% – чистый уголь и 6% – ядерная энергетика [11]. В перспективе подобный подход может дать серьёзные плоды с точки зрения решения энергетической проблемы и сокращения промышленных отходов, что очень важно

ввиду заинтересованности политического истеблишмента страны в сфере возобновляемой энергетики.

Анализируя долгосрочные стратегии, разработанные правительством Эмиратов, нельзя обойти стороной «Видение 2021» («UAE Vision 2021»). Это план, главная цель которого – дать мощный толчок развитию и добиться впечатляющих результатов к 2021 г., когда государство будет отмечать свой 50-летний юбилей с момента образования федерации. Инициатором данной стратегии стал вновь Мухаммед бен Рашид Аль Мактум в 2010 г. «Видение 2021» включает в себя решение комплексных задач в различных сферах жизни Эмиратов: социальная жизнь, политика, экономика, образование и т. д. К 2021 г. страна должна заложить основу для устойчивой и диверсифицированной экономики, опирающейся на наукоёмкие процессы и способной эффективно реагировать на современные глобальные экономические вызовы, чтобы гарантировать долгосрочное процветание для нынешнего и будущего поколений эмиратцев. Основными приоритетами развития этого плана являются: сплочённое общество и сохранение идентичности; безопасность общества и справедливая судебная система; конкурентоспособная экономика, основанная на научном подходе; первоклассная система образования; здравоохранение, соответствующее мировым стандартам; устойчивое состояние окружающей среды и развитая инфраструктура.

Подобные стратегии ярко демонстрируют подход руководства государства к планированию своей политики в обозримой перспективе. ОАЭ инвестируют здесь и сейчас ради стабильного экономического роста в будущем, осознавая важность изменения существующей экономической системы, ориентированной в основном на нефтегазовый сектор.

Решение этой проблемы видится в поиске альтернативных источников энергии, на базе которых можно строить новую энергетическую политику страны. В ближайшие годы нефтяной сектор будет сохранять свою значимость в экономическом развитии государства, однако изучение и использование иных видов энергии позволит ОАЭ иметь альтернативы энергопотребления внутри страны и в потенциале стать международным экспортёром альтернативных видов энергии.

Основные направления энергетической политики ОАЭ

Правительство ОАЭ намерено достичь вполне конкретных результатов в сфере использования возобновляемых источников энергии в обозримом будущем. Эмираты являются первой страной Залива, реализующей новую энергетическую стратегию, включающую использование мирного атома, солнечной энергии и природного газа, которые в совокупности должны будут обеспечивать основную часть энергетических потребностей страны. Так, федерация поставила своей задачей к 2020 г. достичь показателя по меньшей мере 7% от всей выработанной энергии за счёт атомной и солнечной энергетики. Уже к 2030 г. государство должно вырабатывать 25-30% электроэнергии путём использования возобновляемых источников [10].

Одним из самых перспективных видов энергетики является солнечная. Её будущее тесно связано с мировым энергопотреблением, так как она относится к возобновляемым источникам. Благодаря этому солнечная энергия имеет серьёзное преимущество перед углеводородами. Эмираты активно занимаются преобразованием солнечной энергии в электрическую. В Дубае для этих целей инвестиционной фирмой Solar Technologies создан специальный технопарк, обеспечивающий финансирование «солнечных» проектов. Развитие данной сферы стало возможным с учётом максимально благоприятных климатических условий на территории ОАЭ, – ведь в этой стране очень низкие показатели облачности и

дождей, достаточно длинный солнечный день и высокий уровень «солнечной постоянной»¹. Эти факторы в перспективе позволят обеспечивать всю страну необходимым количеством электричества.

Солнечная энергия по праву считается наиболее привлекательным и перспективным видом возобновляемой энергии в ОАЭ. Поэтому в стране активно реализуются проекты создания предприятий по обработке солнечной энергии. Одним из них стал Солнечный парк имени Мухаммеда бен Рашида Аль Мактума. Он был запущен в рамках «Энергетической стратегии 2050» и стал одним из самых масштабных проектов по солнечной энергетике, его поэтапное строительство было запланировано в Сейх-эль-Дахале, примерно в 50 км. от г. Дубай ещё в 2012 г. и должно завершиться в 2030 г. Потенциальная мощность всего проекта должна достигнуть 1 ГВт. Первая фаза началась в 2013 г. и объем её мощностей составил 13 МВт. Второй этап стартовал в апреле 2017 г., мощность выработанной им энергии составила 200 МВт. Запуск третьей фазы, нацеленной на получение энергии мощностью 1000 МВт, должен состояться в 2020 г. Заключительный этап, за который будет выработано 5000 МВт, планируется на последний квартал того же года. При этом проект предполагает строительство самой высокой в мире солнечной башни высотой 260 м. Целью запуска этого проекта является увеличение доли альтернативной энергии в общей выработке всей электроэнергии Дубая до 7% к 2020 г., 25% к 2030 г. и 75% к 2050 г. Солнечный парк в потенциале способен сократить выбросы углекислого газа в атмосферу примерно на 15 000 т в год [7]. Это будет свидетельствовать об эффективности принятых мер ради достижения результатов в сфере сохранения окружающей среды.

Другим важным шагом в развитии возобновляемой энергетики стал запуск в марте 2013 г. крупнейшего в мире завода по производству концентрированной солнечной энергии (Concentrated Solar Power, CSP) – Shams 1 – по инициативе президента ОАЭ Халифы ибн Зайеда Аль Нахайана. Стоимость данного проекта оценивается в 600 млн долл., а его территория охватывает 2.5 км². Завод способен производить 100 МВт электричества, что позволяет обеспечивать электроэнергией 20 000 домов и уменьшить выбросы углекислого газа в атмосферу на 175 000 т в год. Он расположен в западной части эмирата Абу-Даби и считается крупнейшей электростанцией с CSP, первым коммерческим проектом по солнечной энергетике на Ближнем Востоке и одним из крупнейших в мире. На заводе реализованы некоторые инновации, повышающие эффективность его работы, – например, специальные дожимные нагреватели, которые используют природный газ для увеличения температуры получаемого пара с 380°C до 540°C, что положительно сказывается на работоспособности паровой турбины и увеличивает производство энергии. Помимо этого, в установке CSP используется система сухого охлаждения для конденсации потока отработанного пара, что значительно уменьшает количество воды, которая требуется в этом процессе, по сравнению с аналогичными устройствами [8]. Таким образом, эмират Абу-Даби показывает на своём примере важность развития солнечной энергетике и становится одним из пионеров в этой сфере на Ближнем Востоке.

Однако в использовании солнечной энергии имеются и определённые трудности. Во-первых, современные технологии в этой сфере (светопоглощающие панели, фотоэлектрические преобразователи, солнечные батареи и т. д.) всё ещё требуют определённой доработки и развития для более эффективного светопоглощающего эффекта, так как в этом процессе теряется большое количество энергии, что очень важно для производителя. Важной проблемой также остаётся

¹ Суммарная мощность солнечного излучения, проходящая через единицу площади.

длительность светового дня, ведь солнце светит только днём, а эффективные часы ограничены периодом, когда высота солнца превышает 30 градусов (а этот промежуток длится лишь с 10 часов утра до 16 часов вечера), что сильно влияет на общую удельную мощность солнечной радиации в течение суток. Получается, что в период дневной работы нужно найти способ, который позволит вырабатывать энергию для потребителей на оставшиеся 18 часов.

Несмотря на то что преобразование солнечной энергии является дорогостоящим и энергоёмким процессом, Эмираты стараются развивать эту сферу повсеместно в стране, так как данный вид энергии является наиболее безопасным, с экологической точки зрения.

Процесс получения электроэнергии требует серьёзной научной базы, так как он основан на реализации комплексных физико-технических процессов. На деле это реализуется путём использования фотоэлектрического преобразователя, что в результате даёт КПД в 15% [1, с. 187]: при таком способе главным топливом для ТЭЦ становится водород, что обеспечивает потребителя электроэнергией по линиям высоковольтных передач. Водород нагнетается под большим давлением в подземных хранилищах природного газа – для этого используются опустошённые нефтяные полости. Весь процесс позволяет максимально эффективно аккумулировать водород. При этом последний относится к элементам, реакция которых с кислородом не вызывает появление углекислого газа, что, с экологической точки зрения, является несомненным преимуществом перед процессом использования нефтепродуктов и природного газа.

Не менее важным направлением энергетической политики ОАЭ является производство сжиженного природного газа (СПГ), который пользуется большим спросом во многих развитых и развивающихся странах, нуждающихся в поставках энергоресурсов. В Эмиратах вопросами, связанными с решением проблем в сфере производства СПГ, занимается компания ADGAS. Специально для хранения сжиженного газа в Абу-Даби построено самое большое в ОАЭ хранилище природного газа. При этом процесс сжижения природного газа является очень сложным и дорогостоящим, так как требует охлаждения до температуры -161°C . В стране имеется прекрасная ресурсная база для развития торговли СПГ, составляющая 5.9 трлн. куб. м (3.2 % от общемировых запасов природного газа). Данный показатель является восьмым в мире по состоянию на конец 2017 г.) [5, с. 26].

Первый завод по сжижению газа был построен в ОАЭ ещё в 1975 г., его мощность составила 2.5 млн куб. м сжиженного природного газа в год. Уже через два года вступила в эксплуатацию вторая очередь завода, увеличившая его мощность почти вдвое [1, с. 120]. Главным потребителем этого продукта из ОАЭ на мировой арене является Япония.

Появление 18 августа 2016 г. первого плавучего СПГ-терминала в Абу-Даби стало грандиозным событием для этой сферы производства, так как его можно использовать в качестве перевалочной базы для импорта сжиженного природного газа. При этом регазификационная мощность терминала составила 14.15 млн куб. м в сутки. Терминал также может хранить сжиженный природный газ, перегружать его с одних танкеров на другие и принимать суда с СПГ-двигателями. Подобный шаг очень важен для расширения возможностей страны в сфере производства и продажи сжиженного природного газа на мировом рынке. Таким образом, Эмираты нашли эффективное применение для ресурса, который ранее не рассматривался в качестве стратегически важного. Именно эффективное использование уже имеющихся ресурсов является первым шагом к диверсификации экономики –

заветной цели руководства ОАЭ, а также способом увеличения дохода в казну страны.

Эмираты интенсивно развивают и сферу атомной энергетики, так как правительство намерено использовать «мирный» атом в качестве главного источника для выработки электроэнергии не на основе углеводородов. С этой целью в ОАЭ учреждена атомная энергетическая программа под непосредственным руководством Международного агентства по атомной энергии. Государственная политика в сфере атомной энергетики максимально прозрачна, что позволяет планомерно осуществлять деятельность в этом направлении. В 2009 г. для развития данной отрасли и решения связанных с ней проблем была основана эмиратская корпорация по ядерной энергии – Emirates Nuclear Energy Corporation (ENEC). Строительство первых атомных электростанций началось в 2013 г., а уже к 2020 г. должны быть введены в эксплуатацию четыре новых ядерных реактора южнокорейского образца, каждый из которых будет иметь мощность 1400 мегаватт. Реакторы смогут обеспечить примерно 25% потребности страны в электроэнергии уже к 2020 г., заменив собой электроэнергию, которая производится на природном газе и составляет в настоящее время основную часть выработанной электроэнергии. В рамках данного направления ОАЭ в 2009 г. подписали соглашение о сотрудничестве с США, а спустя три года было достигнуто соглашение с тремя другими странами (Аргентиной, Россией и Японией). Эти факты говорят о серьёзных намерениях Объединённых Арабских Эмиратов в сфере развития атомной энергетики, которая является прямой альтернативой углеводородным источникам, но требует огромных инвестиционных вливаний и масштабной научной деятельности на начальном этапе [8].

Другое интересное направление энергетической политики ОАЭ – использование «чистого угля». Запасы каменного угля в мире на порядок превосходят запасы нефти и природного газа, поэтому его рациональное использование может стать важным фактором для развития энергетической сферы страны. Однако нерешённой проблемой остаётся вред, наносимый окружающей среде в процессе добычи и сжигания угля. В связи с этим было принято решение о том, что уголь нужно очищать на первичной стадии обработки, отделяя от него вредные примеси, которые впоследствии попадают в атмосферу. Таким образом получается экологически чистое топливо – «чистый уголь». Первая фаза проектов этого направления должна начаться в 2020 г. под эгидой компании Masdar, которая принадлежит правительству эмирата Абу-Даби. Она стремится стать основным разработчиком в сфере «чистых» технологий и помочь государству решать различные проблемы в области энергетики с использованием инновационного подхода. Masdar включает в себя четыре взаимосвязанных бизнес-подразделения, которые, тесно сотрудничая между собой, занимаются реализацией различных энергетических проектов. Основными предприятиями этой компании являются Masdar Clean Tech Fund и DB Masdar Clean Tech Fund, чья главная задача – поиск и финансирование самых перспективных и новаторских компаний в области «чистых технологий» и возобновляемых источников энергии. Masdar Special Projects специализируется на малых и средних проектах, часто расположенных в труднодоступных географических регионах. Плодами деятельности этого предприятия являются 14 завершённых проектов в пяти странах и 13 текущих проектов в девяти странах мира. Кроме того, компания Masdar в сотрудничестве с министерством Абу-Даби по привлечению инвестиций и туризма планирует построить на о. Сир Бани Яс ветряную электростанцию мощностью до 30 МВт в дополнение к уже установленной на этом острове первой в регионе ветряной турбине, высота которой составляет 65 м, а производительность – 850 кВт в час [8]. Анализируя деятельность на данном направлении, можно сделать вывод о том, что

Эмираты не боятся экспериментировать в областях, которые до нынешнего момента не имели стратегической важности для страны, а это определяет и высокую степень успеха в достижении целей, поставленных руководством государства.

Другим важным источником энергии будущего являются отходы, ведь современные технологии позволяют перерабатывать мусор и в конечном итоге также получать энергию. Эмираты заинтересованы во всех перспективных направлениях в сфере «чистой» энергетики, поэтому переработка отходов не стала исключением. Эта цель поставлена в стратегии «Видение 2021», одной из главных задач которой является улучшение экологического состояния страны.

* * *

Объединённые Арабские Эмираты достигли серьёзных результатов в области развития нефтегазовой отрасли с момента создания федерации, что позволило аккумулировать гигантские доходы в бюджет государства. Решающую роль в этом процессе сыграла активность и дальновидность политического руководства страны – представителей правящих семей Аль Нахайян и Аль Мактум, стоявших у истоков создания федерации. Они смогли объединить свои усилия во благо государства ради достижения общих комплексных целей. Их видение определило необходимость интенсивной работы в сфере развития альтернативных источников энергии, использования инновационных технологий, повышения уровня образования, здравоохранения и улучшения экологических условий ради завершения процесса диверсификации экономики и перехода в пост-нефтяную фазу развития государства.

Достижение поставленных целей осуществляется через активную политическую, экономическую и социальную деятельность, основанную на специально разработанных стратегиях. Главной же задачей Объединённых Арабских Эмиратов является подготовка государства к вызовам будущего. Правительство также озабочено состоянием окружающей среды, поэтому одним из важнейших вопросов в современной сфере энергетики является применение экологически чистых видов топлива и более эффективное расходование уже имеющихся ресурсов.

Список литературы:

1. Дербичев А-Г.Б., Адамович Б.А. Объединённые Арабские Эмираты – оазис солнечной энергетики. М.: Изд-во Авиамир. 2010. 231 с.
2. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX – начале XXI века. М.: Институт востоковедения РАН. 2016. 430 с.
3. Озолинг В.В. Иностранный капитал и некоторые проблемы экономического роста нефтедобывающих стран Аравийского полуострова. // Иностранный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М.: Наука. 1977. Сс. 185-198.
4. BP Statistical Review of World Energy 2014. London. 2015.
5. BP Statistical Review of World Energy 2018. London. 2019.
6. OPEC Annual Statistical Bulletin. Vienna. 1993.
7. Emirates News Agency. [Электронный ресурс] URL: <http://wam.ae/en/details/1395302632873> (accessed: 19.02.2019)
8. The Official Portal of the UAE Government. Information and Services. Energy. Nuclear Energy. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.ae/en/information-and-services/environment-and-energy/water-and-energy/energy-> (accessed: 19.02.2019)
9. The Official Portal of the UAE Government. The UAE's post-oil strategy. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.ae/en/about-the-uae/economy> (accessed: 18.02.2019)

10. The Official Portal of the UAE Government. The UAE's response to climate change. Renewable Energy. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.ae/en/information-and-services/environment-and-energy/climate-change/theuaesresponsetoclimatechange> (accessed: 19.02.2019)
11. The Official Portal of the UAE Government. UAE Centennial 2071. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/uae-centennial-2071> (accessed: 19.02.2019)
12. The Official Portal of the UAE Government. UAE Energy Strategy 2050. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/uae-energy-strategy-2050> (accessed: 19.02.2019)
13. United Arab Emirates Ministry of Economy. Annual Economic Report 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economy.gov.ae/EconomicalReportsEn/Annual%20Economic%20Report%202018.pdf> (accessed: 19.02.2019)
14. United Arab Emirates Yearbook 2003. Ministry of Information and Culture. UAE. Abu-Dhabi. 2003.
15. United Nations. 1992 Energy statistics yearbook. N.Y. 1994.

Об авторе:

Самир Сардарович Мамедов – студент Кафедры современного Востока Факультета истории, политологии и права, Историко-архивный институт, РГГУ. Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: slavin-kelevra@mail.ru

Perspectives of the UAE Transition to Post-Oil Phase of Development

S.S. Mamedov
Russian State University for the Humanities

Abstract: *The article analyzes the ways of solving the problem caused by the UAE economic dependence on oil export. The author describes the background of modern energy policy of the state, the achievements reached despite still existing weaknesses. There are considered the most perspective directions of the energy policy and the strategy of political leadership concerning the diversification of the state's economy. The author pays great attention to the long-range plans, which are indicating the main State's goals and tasks in the spheres of economy, energy and ecology.*

Key words: *The UAE, energetic sector, oil, gas, ecology, Abu-Dhabi, solar energy, liquefied natural gas, Vision, alternative sources.*

About the author:

Samir S. Mamedov – Student of Department of Modern East, Division for History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, RSUH. Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6.
E-mail: slavin-kelevra@mail.ru

Продолжающееся издание ИМЭМО РАН «Мировое развитие»

Выпуск 1 (2005). ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы

Выпуск 2 (2007). Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность

Выпуск 3 (2008). Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность

Выпуск 4 (2008). Конфликты экономических и политических интересов на постсоветском пространстве

Выпуск 5 (2009). Россия в мировой экономике и международных отношений

Выпуск 6 (2010). Кризисные явления в мировой экономике и политике

Выпуск 7 (2012). Экология и энергетика: локальные ответы на глобальные вызовы

Выпуск 8 (2012). Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность

Выпуск 9 (2013). Человеческое измерение мировой экономики и политики

Выпуск 10 (2013). Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике

Выпуск 11 (2013). Энергетическая безопасность: национальные, региональные и международные аспекты

Выпуск 12 (2014). Европейский союз в формирующемся миропорядке

Выпуск 13 (2014). Энергетика и инновации на перекрестках мировой политики

Выпуск 14 (2015). Вызовы для России в меняющемся мире

Выпуск 15 (2015). Энергетические рынки в период глобальных перемен

Выпуск 16 (2016). Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике

Выпуск 17 (2017). Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?

Выпуск 18 (2017). Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике

Выпуск 19 (2018). «Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке

Выпуск 20 (2019). Ближний Восток: взгляд молодых исследователей

Научное издание

Ближний Восток: взгляд молодых исследователей
(Мировое развитие. Выпуск 20)

*Под редакцией:
Звягельской Ирины Доновны,
Ровинской Татьяны Леонидовны,
Тимофеева Павла Петровича*

Сборник научных трудов

На обложке использованы фотографии из открытых источников Интернета.

ISBN 978-5-9535-0560-4

9 785953 505604

Подписано в печать 17.10.2019
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 27 п.л., 17 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 26/2019

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23